4
К-57

Т. С. КОГОТКОВА

РУССКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Т. С. КОГОТКОВА

РУССКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ

(СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» • МОСКВА 1979

4
К-57
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКА АН СССР
73619

Работа посвящена вопросам, связанным с изучением лексико-семантической системы в современных говорах. Большое внимание уделяется характеристике смысловой структуры диалектного слова, анализу синонимов, а также многообразным лексико-семантическим явлениям, возникновение которых в современном диалекте определено все расширяющимися контактами между словарным составом литературного языка и говора.

Ответственный редактор
член-корреспондент АН СССР
Ф. П. ФИЛИН

К $\frac{70102-003}{042(02)-79}$ 514—79

© Издательство «Наука», 1979 г.

ОТ АВТОРА

Вплоть до последних десятилетий местная лексика исследовалась преимущественно по тематическим группам, что создавало фрагментарность ее изучения. В настоящее время это положение изменяется в сторону интенсивного расширения проблемно-лексикологического исследования словарного состава русских народных говоров, это предопределено как поступательным развитием самой науки о русском языке, так и объектом ее изучения — современными русскими народными говорами.

Особо важную роль для обособления диалектной лексикологии — молодой отрасли русистики — сыграли заметные успехи современной областной лексикографии. Новейшие областные словари и их картотечные собрания, созданием которых заняты многие научные коллективы и кафедры высших учебных заведений страны, послужили базой для массового написания диссертаций, статей, заметок и т. п., связанных с лексикологической интерпретацией местной лексики.

Научная продукция формирующегося диалектно-лексикологического направления естественно включает в себя и анализ типа современной диалектной речи, которая характеризуется сложными процессами взаимодействия с литературным языком. В ходе изучения этих процессов открываются и получают свое методическое обоснование новые аспекты в исследованиях словарного состава современных русских народных говоров (семасиологический, лингво-социологический, лингво-психологический и др.).

Диалектная лексикология синхронна в своем проблемном содержании не только потому, что ее внимание направлено к явлениям сугубо современным в области диалектной лексики, даже если в ней отбираются элементы, дифференцирующиеся с литературным языком, но и потому, что она обращена к разработке тех же самых лексико-семан-

тических вопросов и проблем разной сложности, которые активно разрабатываются на материале литературного языка. Мы имеем в виду такие стороны лексикологической проблематики, как системность лексики, полисемия и моносемия слова, синонимия и вариантность и др. В круг этих вопросов входит также изучение свойств разговорной (устной) речи, которая в говорах является единственной сферой реализации языка.

В настоящей монографии мы намечаем основную проблематику современной диалектной лексикологии, предлагая исследование фактического материала. В центре внимания находятся многообразные лексико-семантические явления, возникновение которых в диалектах определено все возрастающим влиянием литературного языка, его лексико-семантического и фразеологического фонда.

В работе затрагиваются и решаются такие теоретические вопросы, как особенности современного диалектно-литературного контактирования, специфика лексических освоений в условиях диалектно-литературных связей, лексические и фразеологические неологизмы в говорах, дублетно-синонимические отношения в диалектной лексической системе, диалектная стилистика, диалектно-терминологические взаимодействия (им посвящаются специальные главы книги.)

Основной аспект монографии — культурно-речевой. Это значит, что при анализе материала учитываются факты противоборства и сосуществования лексико-фразеологических средств диалектов в их отношении к кодифицированной норме литературного языка.

Одним из важнейших источников изучения и понимания глубин народной крестьянской речи, нашедшим отражение в этой монографии, была речь моей недавно скончавшейся матери Любови Архиповны Коготковой, щедро одаренной от природы способностями к языку, самобытно и активно владеющей родной речью, ее пословицами, присловиями, непереводимыми оборотами.

Автор выражает благодарность рецензентам книги Л. П. Жуковской и К. П. Смолиной.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Структуру современного диалекта мы определили как полудиалект [1]. Термин этот, как известно, не нов, он имел и имеет широкое применение в немецкой диалектологии, в русской же из-за относительной близости самих говоров между собой к термину «полудиалект» обращались редко. И только в последние годы его все чаще начинают употреблять, хотя, надо признать, и здесь ему не дается четко сформулированное определение [2]. Имея в основе своей организации какой-либо конкретный территориальный диалект, полудиалект оформляется в качественно иную языковую структуру под воздействием литературного языка. Этот процесс поддерживается социальным составом населения современной деревни, где неграмотных можно встретить лишь в возрастных группах старше 60 лет.

Наше признание полудиалекта как структуры говора исходит из отношения к составу языковых средств современного говора. Лексический уровень — основа наших

[1] *Коготкова Т. С.* Литературный язык и диалекты.— В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970.

[2] *Аванесов Р. А.* Русская диалектология. Введение. М., 1964, с. 7; *Баранникова Л. И.* Место разговорной речи в общенародном языке.— ВЯ, 1970, № 3; *Она же:* Просторечие как особый социальный компонент языка.— В кн.: Язык и общество. Межвузовский научный сборник, вып. 3. Саратов, 1974; *Калнынь Л. Э.* О задачах и предмете описательной диалектологии.— Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз., 1970, т. 29, № 5; *Филин Ф. П.* Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии.— В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М., 1973.

наблюдений — делает для нас языковые факты очевидными, ибо слов литературного языка, бытующих в современном говоре, огромное количество; их не надо там ни специально разыскивать, ни тем более доказывать наличие их там. Вместе с тем определить саму языковую структуру полудиалекта системными критериями, как это принято в описательной диалектологии в приложении к диалекту, — сложно.

И этим, по-видимому, следует объяснить отсутствие таких определений у авторов, использующих термин «полудиалект». На динамической оси «архаический диалект» → «полудиалект» → «литературный язык» известной величиной в ее системной реализации является всего лишь одна — «литературный язык», а не две — «литературный язык» и «архаический диалект», как это должно было бы быть для осуществления структурно-языковых (системных) построений полудиалекта. Величина «архаический диалект» в современной описательной диалектологии, как правило, моделируется путем разного рода сопоставительных процедур. Осуществляется это, естественно, лишь для фрагментов языковой системы говора, преимущественно фонетического уровня. Какую же хронологическую точку отсчета в этих условиях считать начальной при моделировании языковой структуры «полудиалект» — неизвестно. А между тем отход чистого архаического диалекта в направлении к нормализованному литературному языку начался давно. Внимательные наблюдатели говора отмечали эти процессы уже в начале века. В. К. Мансика, изучая говоры Шенкурского у-да Архангельской губ. в 1910 г., приводит многочисленные высказывания носителей диалектной речи типа «ныне стали риц переменеть», что вполне определенно говорит о неизменном росте влияния «чистого» и «высокого» языка литературы и образованных людей, «который посредством бурлачества, солдатчины и школы все более и более завоевывает себе распространение» [3]. Полудиалект — это такая языковая структура, которая представляет собой сплав сосуществующих языковых элементов диалекта и литературного языка.

В то же время наблюдения за функционированием лексико-семантических и фразеологических единиц в пределах

---

[3] *Мансика В. К.* О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии.— Изв. ОРЯС, т. 17, кн. 2. СПб., 1912, с. 88.

современных говоров отчетливо показывают, что полудиалектные языковые структуры с культурно-речевых и кодифицированных позиций нормализованного литературного языка также противостоят последнему, как и архаические территориальные диалекты:

полудиалект ← литературный язык → диалект.

Так как полудиалектная структура современного говора — система действующая, успешно выполняющая основные функции языка — коммуникативную и экспрессивную, то вряд ли можно полудиалект охарактеризовать как этап кратковременный, непродолжительный.

Общеизвестно, к примеру, сколь устойчивы субстратные фонетические черты диалекта даже в речи лиц, полностью перешедших на литературный язык. Если взять такой бесспорный факт, как утрата примарных диалектных особенностей (по терминологии В. М. Жирмунского) в полудиалектных структурах (имеются в виду наиболее дифференцирующие с литературным языком первичнодиалектные особенности говора, способные быть помехой в языковом общении) [4], то и здесь непрерывность такой утраты имеет известные ограничения. У лиц преклонного возраста вытеснение примарно-диалектных особенностей значительно сокращается и происходит возврат к материнской основе речи, к тем языковым средствам, которые сформировались у индивидуума в раннем детстве. Таким образом, внутри диалектной системы есть постоянный психолингвистический фактор, сдерживающий наступление литературного языка на говоры. Ф. Л. Скитова, наблюдая возврат к материнской основе речи в диалектной среде, совершенно верно усматривает в нем одну из важнейших причин для становления и утверждения определенного типа речи (т. е. литературного и диалектного). Ее вывод касается всей речевой практики поколения и заслуживает самого серьезного внимания в оценке возможностей перехода лиц, диалектно говорящих, с диалектного типа речи на литературный [5]. В условиях

[4] См.: *Жирмунский В. М.* Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936, с. 80. Подробнее см.: *Коготкова Т. С.* Указ. соч., с. 112, 131 и сл. Фактический материал, иллюстрирующий это явление (до 1970 года наблюдения), приводится нами там же, с. 140 и сл.

[5] *Скитова Ф. Л.* Явления регресса в эволюции речевой практики поколений.— В кн.: Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию, ч. 2. Самарканд, 1966.

обязательного возврата к материнской основе речи, происходящего спонтанно, диалектный тип речи остается, таким образом, действующей коммуникативной системой.

Полудиалектной структуре говора соответствует и речевая деятельность современных носителей диалекта: последнюю возможно охарактеризовать как совмещение диалектно-литературных форм языкового выражения. Сама же концентрация таких сочетающихся вариантов как в говоре в целом, так и в языке отдельного носителя его настолько высока, процессы возникновения инноваций на основе взаимодействия исконной системы диалекта с литературным языком настолько активны, что пока еще преждевременно говорить о «повсеместном утверждении единых норм литературного языка», что иногда встречается в литературе [6]. Надо полагать, что полудиалектные структуры современных говоров — это переходные структуры периода перестройки их, оптимальной перспективой чего должно быть, действительно, повсеместное утверждение норм единого литературного языка. Эта историческая полоса в развитии русского языка по-своему уникальна, и кто знает, какова ее протяженность во времени. Поэтому она достойна обследования и описания на всех языковых уровнях. В лексике — также.

§ 2. Взаимодействие диалекта и литературного языка реализуется в языковом контактировании. Характер этого контактирования мы, вслед за другими исследователями языковой ситуации современного диалекта (Р. И. Аванесовым, Л. И. Баранниковой, Л. М. Орловым, Т. П. Ильяшенко), называем диалектно-литературным двуязычием. Имеется в виду «наличие в языке одного и того же лица в одно и то же время как диалектной, так и общелитературной разновидности того или иного соответствующего явления. При этом в одних словах, при одной ситуации речи употребляется диалектная форма, а в других словах при других условиях — общелитературная» [7].

Приведенное положение Р. И. Аванесова иллюстрируют сами носители диалектной речи, давая ей в экспери-

[6] *Мельниченко Г. Г.* К вопросу о задачах и путях изучения процессов, наблюдаемых в лексике говоров русского языка на современном этапе их развития в советском обществе.— Тезисы докладов на X диалектном совещании. 11—14 мая 1965 г., М., 1965, с. 22.

[7] *Аванесов Р. И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 196—197.

ментально-лингвистических ситуациях соответствующую оценку. Так, Е. М. Тимофеева 1897 г. рождения, неграмотная крестьянка д. Усольцевой Шатровского р-на Курганской обл., индивидуальный запас диалектной лексики которой отражен В. П. Тимофеевым в ДСЛ, спросила в момент обследования: «Как мне при вас говорить — по-городски или по-крестьянски?». Соединение в лексиконе Е. М. Тимофеевой слов общенародных и местных позволило Тимофееву сделать общее заключение об изучаемой им личности как билингвистичной, вследствие чего она «руководит в соответствующих жизненных ситуациях своей речевой системой, переключаясь то на одну, то на другую речевую форму» [8].

Термин «двуязычие» здесь не совсем обычен в приложении к генетически родственным системам, которыми пользуются современные носители диалектов. Двуязычие невольно предполагает равноправность языковых структур, составляющих это двуязычие. Современные же диалекты, по мнению В. В. Виноградова, это «качественно иной уровень того же языка... они кишат пережитками прошлого», а в настоящее время они «приспосабливаются к национальному языку, постепенно оттесняемые или вытесняемые и преобразуемые им» [9]. Тем самым как бы отвергается и термин «двуязычие» в применении к ним. В. В. Виноградов, бесспорно, прав с генетической точки зрения. Однако близость генетическая и по тенденциям развития, которая свойственна обеим разновидностям русского языка, не устраняет в процессах коммуникации того, о чем писал Уриэль Вайнрайх, разрабатывая свою теорию языковых контактов: «С точки зрения социологии двуязычия еще важнее исследовать отношения, которые возникают между двумя говорящими или даже двумя языковыми коллективами, когда каждый говорит (кодирует) на своем собственном языке и свободно декодирует сообщения, посылаемые партнером. Такие отношения особенно характерны для тех случаев, когда речь идет о диалектах одного языка или близкородственных языках типа скандинавских. В подобных случаях эта особая психолингвистическая установка говорящих пе-

[8] *Тимофеев В. П.* Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971, с. 10.

[9] *Виноградов В. В.* Проблемы литературных языков и закономерности их образования и развития. М., 1967, с. 76.

рерастает в ощущение регулярности различий как четких формул перехода — даже людьми, сколь угодно далекими от занятий сравнительным языкознанием. Изучение «диасистем» (синхроническое описание систем диалектов)[10] привлекло в последнее время внимание многих лингвистов, и за ним, конечно, последуют работы по психологической природе диасистем у носителей языка»[11].

Диалектно-литературный параллелизм в лексике отмечается исследователями уже многие десятилетия. Наблюдатели предлагают целые списки эквивалентных слов, относящихся к разным тематическим группам лексики — предметной, непредметной и т. п., распределяя их употребление по разным возрастным группам населения современной деревни. По данным В. И. Чагишевой, в изученных ею новгородских и воронежских говорах представители старшей возрастной группы предпочитают слова старые, а не их новые параллели: *жито*, *мякушка*, *баркан*, а не *ячмень*, *клевер*, *морковь* и под.[12] В настоящей монографии эти отношения будут рассмотрены во 2-й, 3-ей и 4-й главах. Здесь, в разговоре о диалектно-литературном двуязычии, следует отметить такие постоянные формулы перевода; «по-вашему так, а по-нашему, по-деревенски вот так», «по-городскому — по-деревенскому», «по-культурному надо так, а у нас так» и т. д., широко известных в литературе, которые и есть не что иное, как «четкие формулы перехода» и «ощущение регулярности различий», связанные с разными системами, если принять логику У. Вайнрайха, или понимание билингвистического состояния личности у Л. В. Щербы: «... У билингвов слово состоит из трех представлений: представления значения и двух языковых представлений»[13] (у современного носителя диалекта аналогично: одному представлению значения слова

---

[10] Термин «диасистема» для обозначения сложной системы современного территориального диалекта взят как основной теоретический термин в метаязыке Л. М. Орлова (*Орлов Л. М.* Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах. Автореф. докт. дис. М., 1970, с. 8).

[11] *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие.— В кн.: Новое в лингвистике, вып. 6. М., 1972, с. 31—32.

[12] *Чагишева В. И.* Взаимоотношение местных диалектов и литературного языка в советскую эпоху.— Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1958, т. 152, с. 264—265.

[13] *Щерба Л. В.* Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915, с. 193.

соответствуют два языковых представления, т. е. два плана выражения — исконно-диалектный и литературный).

Современный носитель диалекта, стремясь освоить литературный язык (вторичную для себя языковую систему), нередко создает такие речевые произведения, которые не соответствуют ни его исконной языковой системе, ни вторичной — литературной. В свое время Щерба, выдвигая понятие смешанного двуязычия, имел в виду языковую ситуацию, очень близкую к той, которая существует теперь в диалектах. В самом деле, при «смешанном» двуязычии, по Щербе, происходит смешение двух языков, их взаимопроникновение. «В наиболее выраженных случаях этого рода, когда люди в общем свободно говорят на обоих языках, у них создается своеобразная форма языка, при которой каждая идея имеет два способа выражения, так что получается в сущности единый язык, но с двумя формами. Люди при этом не испытывают никаких затруднений при переходе от одного языка к другому: обе системы соотнесены у них друг к другу до последних мелочей» [14].

Идея о двуязычии или даже полиглотизме, возникающих при языковом взаимодействии у разных социальных или территориальных групп русского населения, выдвигалась и ранее в русском языкознании [15]. Но теоретические выступления этого рода, воспринимаемые нередко близкими к парадоксальным, всегда находили себе противников и требовали доказательств [16]. Не менее сложна и пропаганда диалектно-литературного двуязычия, сложна, несмотря на то, что основные определяющие характеристики билингвистической ситуации индивидуума (или социальной группы) так, как они намечены в работах теоретиков двуязычия (Вайнрайха, Щербы), приложимы

[14] *Щерба Л. В.* К вопросу о двуязычии.— В кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 314—315.

[15] *Ларин Б. А.* О лингвистическом изучении города.— Русская речь. Новая серия. 3. Л., 1928.

[16] Одним из примеров этого явилось обсуждение проспекта «Русская разговорная речь» Е. А. Земской (М., 1968). В своем «Проспекте» Земская объявляет разговорную речь (РР) литературного языка и кодифицированный литературный язык (КЛЯ) двумя самостоятельными системами. Функционирующие в одном и том же коллективе носителей литературного языка, они создают особый вид двуязычия. Впоследствии эта ведущая идея Проспекта доказывается материалом, исследующим разные языковые уровни разговорной речи (Русская разговорная речь. М., 1973).

к речевой деятельности в современном говоре. В оценке же языкового контактирования одних русских, говорящих на диалекте, и других, говорящих на литературном языке, господствует традиционная точка зрения, восходящая еще к М. В. Ломоносову [17]. Несомненная объективность этого взгляда вытекает из сравнения момента понимания между русскими, речь которых восходит к разным системам, и понимания между лицами разноязычными. Но если направить сравнение «понимания» как составной части всякого речевого акта и посмотреть, каково понимание в разных формах общения, то и здесь могут быть не одинаковые результаты. Всякое понимание, как об этом писал Л. В. Щерба, достигается благодаря «одинаковым условиям деятельности и момента», естественным или искусственно созданным, например в языковом эксперименте, в который попадают два человека. В этом случае, по мнению Щербы, понимание может быть, например, у европейского исследователя и южноамериканского примитива, т. е. лиц, «лишенных каких бы то ни было средств взаимного непосредственного понимания и перевода» [18]. Если же таких объединяющих условий нет, то понимания может и не быть. Наиболее оптимальной для понимания является диалогическая форма речевой деятельности. Диалог характеризует краткость высказывания и относительная простота синтаксического построения. Диалогическая форма речи способствует и наилучшему взаимопониманию, когда в контактирование вступают носители диалектной речи с литературно говорящими партнерами. Если же в этих языковых контактах применяются другие, более сложные формы речи (монолог, перемежающееся реплицирование и др.), то ожидаемого понимания часто не происходит; осложненные формы устной речи, как правило, опрощаются, «переводятся» на более простой, т. е.

---

[17] «Народ российский, по великому пространству обитающий, не взирая на дальнее расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии, баварский крестьянин мало разумеет макленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того же немецкого народа» (*Ломоносов М. В.* Предисловие о пользе книг церковных. Полн. собр. соч. М.— Л., 1952, т. 7, с. 590; см. также *Филин Ф. П.* Указ. соч., с. 354).

[18] *Щерба Л. В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.— В кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 26.

диалогический, тип общения. В проблеме «понимания» еще много неясного. Щерба не случайно сказал об этом, как о «громадной и мало исследованной проблеме» [19]. Неясно даже, каковым оно будет, если сам процесс наблюдения за диалектным словоупотреблением будет осуществляться не открыто, как это бывает в массе случаев теперь, а скрыто (скрыто, как наблюдаются фонетические явления). Наши собственные опыты проведения сторонних наблюдений за содержанием диалектной речи, не привлекая внимание своих будущих информантов, показали, что для полного понимания необходимо какое-то время, пока не будет освоен минимум смыслоразличительных слов и не будет полностью познана внеязыковая ситуация.

Следует принять во внимание зависимость словарного состава в том или ином аспекте, от характера наблюдения и методики ведения записей. Даже при фиксации фольклорных произведений с достаточно развернутыми текстами цельного содержания, наблюдается варьирование словесного наполнения. Еще Н. Е. Ончуков писал: «Почти все сказочники рассказывают своему брату, крестьянам, просто и безыскусственно, местным говором, а как только начинают рассказывать приехавшему из Петербурга барину, так сейчас же ту же сказку стараются рассказывать так, чтобы она как можно больше походила на книжную. Почти все сказочники думают, что собирателю не нравится их местный „мужицкий“ говор, что рассказывать „по-мужицки“ некрасиво» [20]. Подобные свидетельства говорят о том, что языковое чутье, языковое сознание диалекта уже продолжительное время сориентировано на определенный языковый идеал. С годами, по мере необратимого наступления литературного языка на диалекты, а также по мере всеобщего роста образования и культуры в деревне ощущение регулярности различий между собственной диалектной речью (=деревенской) и речью города (=литературной) становится основным содержанием оценочного чувства. Последнее же из проявления индивидуального, единичного перерастает в массово-групповое и становится существенным фактором в поступательном развитии говоров, приближая их все более и более к нормализованному литературному языку.

---

[19] Там же.

[20] *Ончуков Н. Е.* Северные сказки. СПб., 1908, с. 15.

Глава 1

ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Особенности диалектного слова в связи с устной формой его существования • Некоторые дискуссионные вопросы современной диалектной лексикографии • Решение проблемы дифференциальности в Деулинском словаре • Связь тематического наполнения словников областных словарей с организацией экспедиционной и лексикографической работы • Краткая характеристика источников исследования; экспериментальная картотека • Дополнительное обоснование синхронной диалектной лексикологии как самостоятельного объекта исследования

§ 1. В планомерные исследования разговорной речи, к которым подошло русское языкознание к началу 60-х годов, вовлекаются факты как разговорной речи литературного языка, так и диалектов. И это естественно.

Разговорную речь литературного языка, если ее понимать как противоположную форму нормативно-кодифицированному литературному языку [1], объединяет с диалектной речью ведущая характеристика — их «устность» [2]. В ряде работ изучаются те свойства разговорной речи

[1] См.: *Земская Е. А.* Русская разговорная речь (проспект). М., 1968.

[2] В докладе, прочитанном на IX Всесоюзном диалектологическом совещании, мы подчеркивали именно зависимость основных особенностей диалектной лексики от у с т н о й формы ее существования (*Коготкова Т. С.* О некоторых особенностях современной диалектной лексики в связи с устной формой ее существования.— Тезисы докладов на IX диалектологическом совещании 15—18 мая 1963 г. М., 1963).

(как в литературном языке, так и в диалектах), которые вытекают из условий ее устного функционирования [3].

Разговорная (устная) речь в литературном языке существует рядом с письменной формой языка; обе эти формы постоянно взаимодействуют и взаимно влияют друг на друга. Отточенность семантической структуры слова в письменной форме литературного языка, большая степень дифференцированности значений по сравнению с разговорной формой языка достигаются прежде всего благодаря фиксации слова и обязательного при написании того или иного текста отбора слов. Фиксация слова в письменном тексте и его орфография как бы обеспечивают преемственность его в последующей письменной традиции.

Существующие для литературного языка словари-справочники построены, в основном, на материале письменной литературы и призваны вывести из множества сочетаний лексикографируемого слова повторяемость смыслов, последовательность и связь их между собой. Эти словари узаконивают стабильность и норму того или иного словоупотребления. Разговорный элемент, так же как и просторечный, в словарях литературного языка является стилистическим показателем последнего. Слово в его живом и непосредственном звучании и употреблении, как оно обычно реализуется в устной речи, в словарях литературного языка не привлекается к лексикографированию и, таким образом, исследователь устной речи лишен возможности получить из нормативного словаря литературного языка вполне точные материалы по интересующим его вопросам [4].

Только фронтальное изучение лексики разговорной (устной) речи с широким привлечением современных тех-

---

[3] *Никольский А. А.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Душанбе, 1961 (здесь сопоставляются параллельные конструкции разговорной речи литературного языка и рязанского диалекта); *Лаптева О. А.* Литературная и диалектная разновидности устно-разговорного синтаксиса и перспективы их сопоставительного изучения.— ВЯ, 1968, № 1.

[4] Убедительно выглядит критика Л. С. Ковтун лексикографической интерпретации в 17-ти томном академическом словаре разговорно-просторечных слов *цыганить*, *ханжить*, *чкнуть*, *чохом*, попавшим в картотеку словаря из произведений художественной литературы, а не из непосредственных записей живой разговорной речи (*Ковтун Л. С.* Лексические нормы русского языка и разговорная речь.— В кн.: Современная русская лексикология. М., 1966, с. 15 и сл.).

нических средств помогло бы накоплению массовых материалов и дало бы в руки лексикологов новые данные для дальнейших штудий.

Язык диалектов, будучи ненормированным, существует в единственной форме — в форме разговорной (устной) речи. Норма языка здесь определяется теми отношениями, которые сложились в нем между самими языковыми единицами. Роль внешне нормирующего фактора здесь очень невелика. В языковом сознании носителей говора некоторую роль корректирования «правильности» и «чистоты» их речевой деятельности играет факт сравнения своей речи с речью соседних или близлежащих деревень (ср. широкое распространение различного рода «дразнилок» в адрес «чудно» говорящих соседей). Однако по своей значимости этот момент не может идти ни в какое сравнение с той ролью, которая отведена внешне нормирующим, кодифицирующим, факторам в рамках литературного языка, хотя бы потому, что диалекты не имеют ни нормативных словарей, ни грамматик.

«Правильность» использования того или иного звука, формы слова или словоупотребления — это соответствие этого звука, формы или слова внутренним закономерностям языковой системы рассматриваемого диалекта. Так, если в говоре д. Деулино слова *я́зать*, *я́заться* обозначают ‘обещать’, ‘обещаться’ и по своему понятийному объему связаны с человеком, то, естественно, они и не могут быть применены в отношении животного или неодушевленного предмета.

Разумеется, что норма в таком понимании есть и в литературном языке, но в говоре в отличие от литературного языка она единственная.

Разговорная (устная) форма речи в отличие от речи письменной одного и того же языка в гораздо меньшей степени прибегает к «избираемости форм выражения» [5]. Смысл высказывания в такой речи составляется не только из суммы формально примененных в речи слов, но и из ряда несобственно языковых элементов: интонации, жеста, психологической устремленности и подготовленности к восприятию говорящего и слушающего (по терминологии Л. П. Якубинского, «апперцепцирующая масса» и «быто-

[5] *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, с. 3.

вой шаблон» [6]). Этот внеязыковый контекст, ситуация, а совокупность ситуаций — конситуация, которая в письменной речи передается, как правило, через различные величины описания, в устной речи органически входит в ту психологическую осведомленность, которая обычно объединяет говорящего и слушающего.

Имея исключительное значение для восприятия смысла говоримого (или написанного), конситуация особенно важна при использовании в речи многозначных слов [7].

В разговорной речи этот внеязыковый контекст и определяет реализацию значений слова. В зависимости от степени осведомленности говорящего и слушающего о предмете разговора, в зависимости от того, знает ли слушатель, «в чем дело», в речи употребляется большее или меньшее количество слов.

Те, кто изучают лексический состав устной речи, будь это речь литературного языка или диалектов, должны быть хорошо осведомлены во всех житейских и бытовых обстоятельствах, в связи с которыми произносится то или другое слово. Тематика же разговорной (устной) речи, как правило, группируется вокруг бытовых и практически-деловых вопросов. Только знание этой внешней ситуации гарантирует наблюдателю лексики разговорной речи проникновение в семантическую структуру изучаемого слова. При изучении диалектной лексики это особенно важно, потому что очень часто даже самая точная фиксация слова с учетом всего словесного окружения не может дать четкого представления о значении слова. Необходимо иметь в виду, что в подавляющем большинстве случаев при наблюдениях за диалектным словоупотреблением исключается такой совершенный «аппарат», как владение языком, как родным, обычный у составителя словаря литературного языка.

Приблизительность словоупотребления, отсутствие необходимости употреблять слово в строгой адекватности предмету мысли, столь присущее устной форме речи, столкновение в одном говоре слов разных ареалов, мощное

---

[6] *Якубинский Л. П.* О диалогической речи.— В кн.: Русская речь, 1. Пг., 1923, с. 146, 165.

[7] Ср. пример со словом *приключение*, приведенный Н. Н. Амосовой, где описание внешней ситуации отражает лексическое значение этого слова. (*Амосова Н. Н.* Слово и контекст.— Уч. зап. ЛГУ, 1958, № 243, с. 5—6.)

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН СССР

www.ruslang.ru

влияние литературной лексики — все это при отсутствии кодифицирующих ограничений приводит к сильно выраженному варьированию словообразовательной и лексической синонимии — особому проявлению потенциального словаря, т. е. такого комплекса смысловых и формальных элементов, которые находятся в языковом сознании носителей диалекта. Ср. в говоре д. Деулино [8]: *ботви́н—ботви́нь—ботви́на — ботви́нья* ‘стебель картофеля’; *мыт—муте́жка—му́тка—муче́нье* ‘обязательная возрастная болезнь молодых животных, выражающаяся по-разному у различных животных’; *мутбя́с—мутбвяс—мутбвец* ‘плетеный шерстяной шнур для отделки женской одежды’. Особенно велика словообразовательная вариантность служебных слов: *и́льна́к—и́льно́к—и́льно́—а́льно́* ‘даже’ и др. Устойчиво-номинативные словосочетания находятся в параллельном употреблении с отдельным диалектным словом: *муравли́ное ма́сло* ‘муравьиный спирт’ — *муравли́нка* (*бальну́ю но́гу муравли́нкай ма́жу*) [9].

Словообразовательные возможности устной диалектной речи расширяются на современном этапе существования говоров и под большим активным воздействием литературной лексики, которое выражается, во-первых, в прямом переносе неизвестных слов или словообразовательных формантов в диалектную речь (использование в говоре д. Деулино абстрактных суффиксов *-ость*, *-ние*: *ответность*, *пользительность*, *владание*, *самообладание*); во-вторых, в появлении такого типа лексических или слово-

[8] Лексический состав говора д. Деулино отражен в Словаре современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.

[9] Особенно наглядно наблюдается варьирование в устной речи на примере модификаций пословичных выражений. Цельно оформленные идиоматичные словесные произведения-пословицы, сохраняя афористичный смысл своего содержания и ведущие конструирующие компоненты строения, видоизменяются по форме вплоть до нарушения формулы своего строения. Ср. модификацию пословицы *любишь кататься, люби и саночки возить* в русских деревнях Карелии: *Любо мне кататься, а не любо саночки возить, любишь кататься, люби и саночки возить*; *В своей жизни я все саночки вожу, а про катанье и забыла*; *Любит Вова кататься, пришлось и саночки повозить*; *Любо кататься, да не любо саночки возить*; *Эх, кабы нам кататься, да саночки не возить*; *Каждому хочется покататься, да не каждый горазд саночки возить*; *Твоему зятю хочется только покататься, а не саночки возить* (*Сенкевич-Гудкова В. В.* Пословицы не умирают.— Рус. речь, 1973, № 5, с. 77).

образовательных новообразований, которые неизвестны ни литературному языку, ни исконной системе диалекта (*по ну́жности*, возникшее под влиянием модели ‘по необходимости’). Все это подтверждает известные высказывания Л. В. Щербы о возможности образования слов по имеющимся в языке моделям, особенно активным в пределах разговорной речи [10].

Функциональную сущность слов устной речи определил Е. Д. Поливанов: «Мы говорим только необходимыми намеками; раз они вызывают в слушателе нужную нам мысль, цель достигается, и говорить дальше было бы безрассудной расточительностью» [11].

Внешние обстоятельства, которые вызывают процесс устного общения, предполагаются известными участниками разговора. Именно поэтому для разговорной речи характерна приблизительность словоупотребления. Последнее порождает очень яркое своеобразие диалектного слова — диффузию его семантики, под которой здесь понимается такое свойство ее, когда отдельные, частные смыслы слова, элементы, так взаимно проникают друг в друга, что их трудно расчленить на самостоятельные значения. Явление диффузии семантики, открытое нами в разгар составления словарных статей в Деулинском словаре [12], релевантно не только для смысловой структуры слова в устной диалектной речи, что подтверждается и другими диалектологами-лексикографами [13], но и для многих полисемичных слов литературного языка. Позднее в работах Д. Н. Шмелева это явление получит более развернутое обоснование [14]. Диффузия семантики диалектного слова регулярно сталкивает составителей областных словарей с затруднениями при выделении значений слов. Приведем примеры.

Слово *жале́ть* в деулинском говоре имеет трудно членимые значения ‘любить, испытывать глубокую привязан-

[10] *Щерба Л. В.* Очередные проблемы языковедения.— В кн.: Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. 1. Л., 1958, с. 17.

[11] *Поливанов Е. Д.* По поводу звуковых жестов японского языка.— В кн.: Поэтика, Пг., 1919, с. 28.

[12] *Коготкова Т. С.* Указ. соч., с. 40—41.

[13] *Жельская О. С.* О семантическом своеобразии слова в устной народной речи.— Вопросы теории и истории языка. Л., 1969; *Мокиенко В. М.* Структурно-семантическая диффузия русской и чешской фразеологии (на материале фразеологических рядов «бить», «наказывать»).— Сов. славяноведение, 1976, № 1.

[14] *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 78—80.

ность к кому-либо' (*хто дитéй сваúх ни лю́бить, фсе жалéють*), 'проявлять любовь, ласку к кому-либо' (*он яво́ жалéить, фсяво́ зъцылу́ить; к мине́ прúдить вот жылéить*: «*ба́бушка мая́ харо́шъя*»), а также 'проявлять заботу, внимание, бережно относиться к кому-либо' (*сматрú-ка, стал как муш ийё жалéть: ничиво́ ни дава́йить дéлать*). Иногда же все эти значения как бы совмещаются сразу: *на́шых бап никагда́ ни насы́тишь, фсё им на́да по́лан, мътиря́* [детей] *ни жалéють. Што ани́ на них и́щуть? На́да бы их панéжыть, а то ани́ их туря́ють и туря́ють* [говорится в адрес тех матерей, которые дают своим детям много домашних поручений]; *дитéй, грить, жа́лка и жану́ жа́лка, а ма́тирю нет! Бальша́я часть* [сыновей] *мътирéй ни жалéють.*

Понятие же 'жалеть', 'сожалеть' выражается в лексико-семантической системе говора д. Деулино однокоренным глаголом *жалкова́ть* с аналогичным литературному языку падежно-предложным управлением. Ср.: *вот ы́ по́мяр* [дед] *и ни жалку́ю; тако́й мъладо́й* [сын], *ну как па нём жалкава́ть?; фсяк аб сваёй баля́чки жалку́ить; да я та́х-тъ аб мълаку́ ни жалку́ю.*

Однако наличие у глагола *жалéть* рядом с собственно диалектными значениями близкой литературной семантики 'сочувствовать, испытывать жалость, сострадание к кому-либо' оказывает огромное влияние на смысловую структуру слова в целом, и поэтому отдельные диалектные употребления с глаголами *жалéть* можно воспринять как равные литературному языку: *Я прихо́дю к ба́пки Гру́шы, ана́ миня́ жалéла, я бязро́дная.*

Семантическая диффузия слова (синкретичность его смысловых элементов) в речевой практике одного социально-языкового коллектива не затрудняет общения носителей диалектной речи между собой. Наблюдая диффузность значений многозначного слова в литературном языке и отсутствие при этом двусмысленности высказывания, Шмелев справедливо объясняет это обстоятельство позиционной обусловленностью различных значений многозначного слова и возможностью «совмещения» некоторых из них в определенных контекстах [15].

В пространственной же проекции диалектного слова, где позиционные совмещения контекстов исключаются,

[15] *Шмелев Д. И.* Указ. соч., с. 80.

эти синкретичные семантические элементы многозначного слова четко обособливаются в легко членимые лексические значения. Рассматриваемый глагол *жале́ть* в СРНГ содержит три значения: 1) ‘любить’ (*он меня́ жале́ет, с друго́ю не сменяет*) тамб., курск., орл., ряз., калуж., смол., пск., твер., петерб., новг., сев.-двин., волог., яросл., олон., нижегор., костром., самар., сарат., перм.; 2) ‘проявлять заботу, бережно относиться к кому-либо’ (*смотри-ка, стал как муж ее жалеть; ничего не даваить делать*) калуж., яросл., новг., твер., арханг., ряз.; 3) ‘ласкать, обнимать’ (*ён мене все жале́ет, хвалилась мать, которую часто обнимает и целует ее ребенок*) твер., тул., арханг., ряз., курск., дон., куйбыш., урал.

Синкретизм (диффузия) семантики чаще всего можно наблюдать в словах, обозначающих трудно членимый внеязыковый объект.

В говоре д. Деулина слово *нату́ра* [16] может означать: 1. ‘Совокупность физических качеств человека’: *я здра́вая фсем, у мине́ нату́ра здра́вая; у миня́ нату́ра кре́пкая, я вы́диржу биз уко́ла*; 2. ‘Совокупность нравственных качеств (характер, нрав, темперамент)’: *вот нату́ра чёртова, хоть зимо́й — фсё бу́ду мыть* [пол]; *сапи́ть и сапи́ть и зъ абе́дъм-та сапи́ть. У фся́кава свая́ нату́ра и ня пиряло́миш ее! Фсё малчи́ть.* А так как нравственные качества человека бесчисленны в своем разнообразии, то слово *нату́ра* применяют в самых различных направлениях: и когда речь идет о волевом, сильном, жизнеспособном характере (*в не́й нату́ры ниско́лько нет, а упря́ма она́, што заду́маить, бу́дить далдо́нить*), и когда говорят об упрямстве, злой воле (*на́да нату́ру каку́ю-с сястра́ми ни гута́рить*); (*кака́я нату́ра, ана́ фся пы́шыть, пря́ма змяя́*). С последним словоупотреблением корреспондирует по смыслу наречное образование *нату́рой* ‘с применением физической силы’, ‘силой’: *нату́рай ле́зли, на грудки́, кто пънаха́льней, тот сел* [в автобус], *а кто пасо́висьней — тот аста́лси.*

В этой насыщенности семантического объема слова *нату́ра* содержится одновременно и известная неопределенность его значения. Трудно сказать, например, имеется ли в виду физическая сущность человека или нравственная, когда встречаемся с таким употреблением слова:

[16] Для синхронного анализа иноязычное происхождение слова *нату́ра* не имеет значения; здесь важно то, что оно является активным элементом данной лексико-семантической системы.

нет, ни магу́ я рабо́тать [в яслях], *ни пъзваля́ить у миня́ нату́ра, ани́* [дети] *крича́ть; или нату́ра у фсех ра́зная, мой напьёцца — спить, а дед — галди́ть* [17].

Массовый приток новых понятий в современную диалектную речь из литературного языка, особенно в словах,

[17] Показательно, что обозначение словом *нату́ра* (и его дериватов) психических и нравственных свойств человека проявляется в диалектной речи заметнее, чем в литературном языке. По данным словарей и историко-лексикологических изысканий слово *нату́ра* заимствовано из греческого в XVI в. Превращаясь из иноязычного заимствования (Fremdwörter) в освоенное заимствование (Lehnwörter), слово *нату́ра* остановилось на разных семантических рубежах в двух подсистемах русского языка — литературном и диалектах. Здесь, как всегда в этих процессах, выступает зависимость складывающейся смысловой структуры от конкретных внеязыковых условий. В частности, семантический признак в слове *нату́ра* ‘существенное свойство’, применяемый в литературном языке и языке науки к явлениям природы, вещества, материи и человека, в диалектной речи проявляется прежде всего для характеристики человека. В материалах СРНГ и других собраниях совсем нет примеров на слово *нату́ра*, которые были бы связаны с природой в конкретном или философском смысле, т. е. того, что так устойчиво в литературном языке. Даже производное прилагательное *натура́льный* используется в диалектах (по данным XIX в.) для обозначения разных нравственных качеств человека: *расторо́пный, смышленый* вят. (1847), ‘бывалый, хожалый, пройдоха’ казан., ‘привыкший к трудностям какой-либо местности’ забайкал. (Доп. Опыт), ‘образованный, опытный’ калуж. (1849), ‘образованный, рассудительный’ перм. (1854). Краткая справка показывает известную автономность семантики слов *нату́ра-натура́льный* в говорах, устойчивую принадлежность его к теме «человек», где семантический диапазон их настолько широк, смысловая нюансировка настолько подвижна, но в то же время и устойчива, что легко реализуется, как мы видели, в рамках одной современной лексико-семантической системы.

В материалах КСРНГ есть и другая группа значений у слова *нату́ра*, датируемых преимущественно XIX веком, которые отражают былые экономико-правовые установления в деревне. *Нату́ра* это ‘наряд лошадей, выставляемых по очереди жителями населенного пункта для разъездов должностных лиц’ (Вят. губ. вед., 1847; Опыт; Васнецов); ‘добыча звероловов, отдаваемая в подать вместо денег, ясак’; ‘доставка съестных припасов вместо столовых денег’ сибирск. (С. Черепанов, 1854); ‘отправление известных повинностей не через деньги, а непосредственно через труд’ (Васнецов); *под нату́ру* ‘в долг, с отдачей натурой’ (Богораз); ‘учение, военная служба’ (Опыт). Этого значения исследователи в языке-источнике не отмечают; оно возникает на русской почве в XVIII в., ср. У Ломоносова: *с натуры, возвратить натурой, платить натурой* (в современном русском языке именно на основе данной смысловой группы обосабливается значение ‘товары, продукты как платежное средство’. *Плата натурой; брать натурой; оброк натурой* и т. п.).

однозвучащих с диалектными (семантические диалектизмы), усиливает семантическую диффузию этих лексем. Возможно, что смысловая расплывчатость, неопределенность у слова *бедá* в деулинском говоре (*вон бáбы събрали́сь*, *кърагóт цéлай*, *эта сваё кáжыть*, *сваю́ беду́*) является совмещением двух значений: стабильных для данного говора ‘бытовая неприятность’ (*ой бядá случи́лась*, *фсе калéнки абмарóзила*), особенно наглядно проявляемого в однокоренных *беди́ть*, *набеди́ть*, *забеди́ть*, *бедоку́р*, *бедоку́рка* и т. п. (*кóшка анчу́тка ръгавáя*, *фсё у Клáшки бядúла*, *а типéрь у миня́ бáнку дóхнула*; *свинья́ бидаку́рка*: *де б ты ни атвари́л*, *ана́ срáзу тут*; *ана́* [свинья] *какáя-то бидаку́рная*, *прася́т фсе дáвить*) и ‘несчастье, бедствие, горе’ возможно пришедшего извне или употребляемого в речи реже из-за меньшей встречаемости последнего во внеязыковой действительности. Ср. [о двух неожиданных смертях:] *ой! какáя бядá-то у нáс случи́лась*; [о том же:] *какáя бядá зъ бядóй!*

Описываемое свойство диалектного слова — диффузность его семантики — прямым образом связана с лексикографической практикой. И не случайно, что о семантической диффузии первыми заговорили именно те диалектологи, которые в своей словарно-составительной работе обращаются к описанию диалектной лексики, собранной и зафиксированной в процессе ее непосредственного протекания перед наблюдателем говора — составители Деулинского словаря, ПОС и некоторые другие. Эта же особенность позволяет по-иному взглянуть на оценку, данную нашими лексикографами принципу толкования слов в словаре В. Даля. Определение слова в этом словаре, «первом словарном описании живого разговорного русского языка» [18], как известно, осуществляется преимущественно через подбор синонимов. Этот способ толкования слов вызывает принципиальное несогласие у современных лексикографов. «...он [способ толкования слов.— *Т. К*] не позволял раскрыть сумму значений в слове, четко отчленить одно значение от другого (разрядка моя.— *Т. К*) и показать возможность оттенков значений» [19].

---

[18] *Ковтун Л. С.* Указ. соч., с. 13.

[19] *Бабкин А. М.* Толковый словарь В. И. Даля (предисловие к словарю). М., 1955, с. 9.

Думается, что лексикографическая критика такого рода в адрес словаря В. Даля, устойчивая в среде наших лексиграфов, могла сложиться в условиях работы со словом, извлеченным из письменных источников. Словарь же В. Даля — это словарь живого великорусского языка, и его автор очень хорошо понимал и чувствовал это во всем, в том числе в приемах определения слова, выработанных им вполне сознательно: «Общие определения слов и самых предметов и понятий дело почти не исполнимое и притом бесполезное. Оно тем мудренее, чем предмет проще, обиходнее» [20].

Семантической диффузии подвергаются слова либо многозначные (*натýра*), либо однозначные, но расположенные к развитию полисемии. По-видимому, есть и тематическая предрасположенность у определенных групп слов к развитию смысловой диффузии, но этот момент требует изучения. Характерно, что смысловые элементы лексического значения слова объединяются в нем таким образом, что более конкретная семантика как бы поглощается более отвлеченной, хотя и не исчезает вовсе. *Домáшность* это и ‘дом’, и ‘хозяйство отдельной семьи’, и ‘круг обязанностей по дому лиц, живущих в одном доме, в одной семье’ (*ниудавóльства*, *расстрóйства пъ домáшнасти*; *щас стáли нъ завóди рабóтать*, *кряжы́ стáли катáть*, *а рáньшъ тóкъ одну́ домáшнъсть знáли*; *здарóвья у миня́ нет харóшъва*, *тóлькъ вóзьли домáшнъсти* [может работать]; *дóчька рабóтъить*, *а я пъ домáшнъсти*. *Чистó и чи́сто*. Это и ‘чисто’, и ‘соблюдая чистоту’, и ‘будучи хорошо одетым’ (*щас и вóдють чистó* [детей], *и кóрмють чистó*; *бóдра хóдить — éта чи́сто хóдить*, *а бывáить грязна хóдють*.

Интересны последствия рассматриваемой семантической закономерности в полузнаменательных словах. Функционально-речевые (т. е. контекстные) сближения определяют переход того или иного слова в разряде этой лексики из одной морфологической категории в другую. Наречие *малéнько* ‘немного’ (*малéнька зимляни́ки хатéла набрáть*), ‘чуть-чуть’ (*я хатéла дагнáть*, *агрéсть малúнута*, *малéнька ни дъгналá*) переходит в частицу, выражающую различные виды взаимоотношений как между

[20] *Бабкин А. М.* Указ. соч., с. 9.

отдельными словами, так и предложениями: *маленька нязля́ е́хать чиряс Пу́тную, ло́шадь нипачо́м ни прайде́ть* — частица ‘вот’; *вот Лякси́ньи, маленька, до́ма нет, а то п ана́ ръсказа́ла* — уступ. частица ‘вот только’; *казу́ нъбива́юцца* [продать’, *дъ казу́ бы́лак ня хо́цца, тёлачку бы я купи́ла маленьки* — вводное слово ‘пожалуй’; *я бы и то паéхала* [с ним], *маленька мине́ ни биреть* — в знач. союза, близкого по значению ‘только вот’, ‘да вот только’; в конструкции *маленько, а то бы* с грамматическим значением уступительности — *скажы́ маленька ана́ пе́ньзию пълуча́ла, а то ана́ и во́фси п умярла́* и т. д. Подобное семантическое и грамматическое содержание проявляется и в других словах данного гнездового объединения (*ма́ло-маленько, маленечко*).

Однако в случае коммуникативной необходимости смысловая неопределенность, возникающая в результате диффузии семантики диалектного слова, тотчас же преодолевается различными собственно языковыми средствами, прежде всего средствами словообразований и фразеологической деривации. Производные слова в таких случаях четки по смыслу, почти однозначны, в них видна как бы реакция преодоления семантической недифференцированности производящего слова, например: *бедоку́р, бедоку́рка, бедоку́рный* от *беда́* и *беди́ть* ‘свершать бытовые неприятности’; многозначное *нату́ра* и наречие *нату́рой* с одним значением ‘с применением физической силы’.

Диффузия, смысловая неопределенность у слов с большой семантической значимостью (обычно это очень распространенные в речи слова — *дело, место, живой, легкий* и т. п.) приводят к известной десемантизации их, отчего эти слова легко входят в состав многочисленных словосочетаний различной степени фразеологической устойчивости. Таковы сочетания в деулинском диалекте со словом *дело*, центром смысловой нагрузки в которых является прилагательное: *девичье де́ло* ‘будучи девицей’, *ночно́е де́ло* ‘ночью’, *осе́ннее де́ло* ‘осенью’. Аналогичные словосочетания образуются и со словами *ме́сто, быт*: *ста́рое ме́сто* ‘будучи старым’; *зи́мний быт* ‘зимой’; *ле́тошний быт* ‘в прошлом году’; *ле́тний быт* ‘летом’; *ночно́й быт* ‘ночью’.

Моносемичная лексика диалектов распределяется, по преимуществу, в сфере обозначения реалий предметного

содержания; при этом смысловое наложение аналогичных номинаций в говорах и в литературном языке часто не совпадает. В деулинском говоре нет обобщенного слова *корзина*, а есть слова *набúрна*, *кузов*, *короб*, *кошель*, *кошелка*, *плетенка*, *корзинка* и т. п., обозначающие там разные виды ее. Дробные слова-наименования отмечают исследователи в разных идеографических группах [21]; номинации этого рода нельзя квалифицировать как синонимы, так как они обозначают разные реалии, предметно дифференцирующиеся между собой (по форме, материалу, способу их изготовления, по функциональному назначению и т. п.).

Массовая фиксация лексики для областных словарей открывает новые факты, подтверждающие иное соотношение родовых и видовых наименований в говорах и в литературном языке. Так, распространенное родовое понятие ‘купить что-либо сыпучее, льющееся или отмеряемое в каком-нибудь количестве’ в лексико-семантической системе говора д. Деулино выражается рядом конкретно-видовых слов:

Нарéзать или отрéза́ть ‘купить, то, что обычно при покупке отрезается’ (*я тавó ямý кýпю, я пайдý рубáшку ямý нарéжу*; *фсё-фсё накупúли*, *фсё на свéти нъкупúли* — *и на зáнависи сúтцу нъкупúли*, *чёрти кóльки*, *на двéри нарéзали*). Налúть ‘купить что-нибудь жидкое’ (*дъ хъть взять мáслица налúть дириня́ннава*, *ф цéркви налúть*; *мне двáдцать лúтраф налúли и ащё нъливáли* [керосину]). Насы́пать ‘купить что-нибудь сыпучее’ (*замóкнуть картóшки*, *черт с нúми*, *пшанá насы́пим*; *у кавó ш анá насыпáла картóшки?*; *паéхал нъ базáр*, *насы́пал два вóза агурцóф*).

Следует сказать, что в словах *налúть*, *насы́пать* производное, вторичное значение не так легко отделяется от основного, совпадающего с литературным языком. К тому же слитность (диффузность) основного и производного значения в этом случае поддерживается отсутствием вторичного значения в исходных бесприставочных глаголах: слова *сыпать*, *лить* в том же говоре не употребляются в значении ‘покупать сыпучее’, ‘покупать жидкое’.

---

[21] Таковы наблюдения Л. П. Жуковской о названиях курнаседок в говорах Великолукской области (*Жуковская Л. П.* Типы лексических различий в диалектах русского языка.— ВЯ, 1957, № 3, с. 110).

Напротив, глагол *ре́зать* может иметь вторичное значение, равное тому, в котором выступает приставочный глагол — *наре́зать*.

Образование новых слов или нового значения у старого слова по семантической конкретно-видовой модели распространено довольно широко; эта смысловая модель применяется как для обозначения старых, традиционных, так и новых явлений жизни, ранее не имевших места. Так, понятие ‘занимать какую-либо должность’, как правило, обозначается глаголом *стоя́ть* в соединении с творительным падежом существительного, обозначающего должность (*стоя́ть продавцо́м и стоя́ть председа́телем* и т. п.). Эта семантическая формула находит применение и в глаголе *сиде́ть*. В этом случае всегда имеется в виду род деятельности, связанный с «сидением» (*па лю́дям дъмасе́ткай сидю́*; *жила́ в рабо́тьницах в Аре́хави и в ня́ньках сиде́ла*; *он сиде́л бухга́лтерам*). При обозначении работы, связанной с хождением, может быть использован глагол *ходи́ть* (*ана́ жила́ в Маскве́ на стро́йки, а он милицане́рам хади́л*; *пришо́л э́тат Лёнька, пъчтальёнам он хади́л*; *ана́ уе́хала в Рязань, там в прислу́гах хо́дить*) [22].

Общие свойства менее выраженного семантического членения диалектного слова согласуются и с другим свойством его — более свободными отношениями в морфологии и словообразовании. Такими причинами можно объяснить появление сравнительной степени не только от прилагательных и наречий, но и от качественного значения имени существительного (*вор—воре́е, го́ре—горе́е, беда́—бедне́е*), о чем уже не раз писалось (*фсё арёть и арёть в де́ли и ни в де́ли*: *— Лю́ди во́ры!... — А вы́ не́т? — Варе́й вас не́ту* [о соседке]; *бе́днай, ничяво́ ни хвата́ить, э́тат гаре́й фсех*), или изменение по падежам форм повелительного

---

[22] Четко выраженная противопоставленность рассматриваемых производных значений у глагола *стоя́ть, ходи́ть, сиде́ть*, их яркая диалектность дали повод для определенных суждений об их будущем. И. А. Оссовецкий пишет, что эти значения «обречены на исчезновение в говоре ближайшего поколения» (Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962, с. 114). Далее мы увидим, что лингвистические прогнозы, касающиеся разных явлений в русских диалектах советского времени, не всегда оправдывались. Здесь же, в противовес высказыванию И. А. Оссовецкого, стоит семантическая модель, ее актуальность, смысловая точность и удобство в плане выражения, т. е. все те свойства, которые делают обычно средства языка продуктивными.

наклонения. Фразеологизм *пришéй-пристеба́й* в исходной предикативной позиции: *ды он ня мýш, а та́к... пришéй-пристябáй* и позиции дополнения: *ны́ни нъ дитéй ни надéйси, а éтъ камý-тъ аддала́, пришéй-пристябáю*; *у ни́х-та* [лесников] *ня на́йдутъ* [скошенное сено] ... *у какóвъ-нибýдь ръзвалятьвъ найдýть... у пришéй-пристябáя* [23].

Сюда же примыкают и факты словообразовательной «нестрогости»: образование уменьшительных форм от собственного топонима *Дочь жывéть у Кълингрáдики* [Калининграде] (смол., собств. набл.), относительных прилагательных от предложно субстантивных конструкций (*кобедничный убор* ‘праздничный платок или платье, или фартук, или обувь’, *дополовые балки* ‘2—3 ряда бревен’ (Старцева).

Все эти лексико-грамматические и лексико-словообразовательные факты, дифференцирующиеся с аналогичными явлениями литературного языка целыми группами слов или лексикализованными единицами, начинают изучаться [24].

Таким образом, условия функционирования устной речи, в которых обязательно бытует диалектное слово, определяет и семантико-морфологическую структуру его. Диапазон смысловой организации диалектного слова очень широк. Он колеблется между семантической диффузией в одних словах и точной однозначностью — в других. Такая совокупность смысловых структур диалектного словаря обеспечивает динамизм народной речи, ее

[23] Анализируя процессы обеспредмечивания существительных на пути их движения в категорию состояния, В. В. Виноградов также приводит факты из литературного словоупотребления, когда у имени существительного утрачивается значение предметности, субстанции, и оно начинает выражать внутренние качества или состояния другой вещи, через которые данный предмет может проходить. Но здесь эти формы выражения аналитические, особенно в позиции предиката: *сплошная грусть, одна грусть, тертый калач, не промах* (*Виноградов В. В.* Русский Язык. М.- Л., 1947, с. 418—419).

[24] Такова, к примеру, работа Е. А. Некрасовой о словах с формантом *-а* в деулинском говоре со значением совокупного множества: *пыля́, дождя́, комаря́, клопа́, тарака́на, дыма́, муха́, грыба́, черва́, позора́* и т. д. (*Некрасова Е. А.* Существительные женского рода на *-а*, образованные от существительных женского и мужского рода с безударным или нулевым окончанием в говоре д. Деулино Рязанской области.— В кн.: Диалектологический сборник. (Уч. зап. Латвийского Гос. ун-та им. П. Стучки, т. 92. Рига, 1968).

приспособленность для выражения любого языкового задания.

§ 2. Теоретические предпосылки всякого лингвистического исследования теснейшим образом связаны с той материальной, т. е. языковой базой, на которую оно опирается. Находящиеся в центре внимания настоящей монографии активные и актуальные процессы в диалектной лексике не могли бы быть подвергнуты изучению, если бы для этого в последние годы не создались благоприятные обстоятельства, связанные с подготовкой к изданию новейших областных словарей.

Лингвистическое источниковедение, как известно, позволяет включать в круг языковедческих источников не только памятники письменности или записи народной речи, но и сами лингвистические исследования, связанные с разработкой конкретной научной темы, проблемы. Эти источники определяются специалистами по источниковедению как вторичные с заданными свойствами [25].

Группу подобных источников образуют областные словари, обыкновенно создаваемые в наше время по той или иной программе. Тип их заранее обдуман и задан; отсюда и языковый материал (картотека), на основе которого составляется тот или иной словарь, тоже как бы запрограммированный исследователем, является следствием его лингвистических задач. Со временем эти картотеки становятся предметом исследования и служат выполнению задач, нередко более значительных, чем первоначальные [26].

Составленные в последние десятилетия региональные словари (даже лучшие из них) остаются, в основном, словарями картотек, обыкновенно отражая только то, что уже зафиксировано в картотеке. Роль составителя здесь сводится скорее к роли исследователя, занимающего лишь стороннюю позицию к объекту своего наблюдения.

Новейшие региональные словари характеризует многообразие типов в зависимости от принципов, положенных в основу их создания: отбор слов (полный — дифференциальный — полудифференциальный диалектные словари),

---

[25] *Котков С. И.* О предмете лингвистического источниковедения.— В кн.: Источниковедение и история русского языка. М., 1964, с. 8.

[26] *Котков С. И.* О лингвистических источниках с заданной информацией и некоторых других.— В кн.: Лингвистические источники. Фонды института русского языка. М., 1967, с. 5—6.

лексикографируемая территория (словари обширных ареалов — словари одного говора), методика организации картотек (словари сводные, в основу которых положены собрания изданных ранее диалектных слов, и словари, языковая база которых формировалась как фиксация живой, непосредственно звучащей перед наблюдателями диалектной речи), методика наблюдения (по вопросникам, анкетам и непосредственное включение наблюдателя в языковое существование диалектного коллектива), наконец,— словари идиолектов.

Все эти и некоторые другие собственно лексикографические вопросы, начиная с середины 50-х годов, стали предметом широкого обсуждения.

Оживленные дискуссии по общим теоретическим и частным вопросам областной лексикографии сыграли определенную роль в становлении современной лексикологии. Увидевшие свет словари (и их картотечные базы) оправдывают те полемические издержки, которые сопровождали эту подвижническую работу (имеется в виду весь ее объем — от первой фиксации диалектного словоупотребления в говоре до последней корректуры сложного набора). Большинство из новейших словарей или материалов к ним — словари дифференциального типа. В нашем списке их более двадцати. Недифференциальные в нем: Псковский областной словарь; Словарь брянских говоров; Акчимский словарь (первый выпуск А — В находится в печати), Деулинский словарь (см. о нем с. 35—38).

Из всего комплекса затронутых вопросов наибольшие споры вызвал вопрос о формировании словников и, в частности, такой момент — быть ли современному диалектному словарю полным или дифференциальным, т. е. включать ли в состав словника всю лексику и семантику говора (говоров) или только ту ее часть, которая отличает диалект от нормализованного литературного языка. Теоретическое обоснование идеи полного или дифференциального словаря обусловлено самой лексикографической практикой, присущей тому или иному словарному коллективу, неотделимо от нее [27].

---

[27] См.: *Ларин Б. А.* Принципы укладання областных словників украинської мови.— Діалектологічний бюлетень, VI. Київ, 1956, *Он же.* О работе над новыми словарями.— Вестн. ЛГУ. Серия истории, языка и лит-ры, 1960, вып. 4; № 20; *Он же.* Инструкция Псковского областного словаря. Л., 1961; *Филин Ф. П.* Проект

Выход в свет многих задуманных словарей в истекшем десятилетии, широкое обсуждение их и, главное, опыт проделанной работы позволяют внести коррективы как в понимание проблемы дифференциальности, так и наметить новые аспекты при обсуждении словника областного словаря как источника с заданными свойствами. Наиболее реалистической нам представляется точка зрения Г. Г. Мельниченко. Констатируя неизбежную неполноту диалектных словарей, Мельниченко предлагает иную дихотомию в классификации областных словарей, а именно не «полный» и «дифференциальный» диалектный словарь, как было принято до него, а «недифференциальный» и «дифференциальный» диалектный словарь [28]. Думается, что такое теоретическое разграничение плодотворно в своей практической реализации и устраняет неизбежное противоречие между теоретическими проспектами и практическим исполнением как у сторонников полного словаря, так и сторонников дифференциального. Нельзя создать исчерпывающим не только полный словарь (как однодиалектный, так и региональный), здесь сторонники дифференциального метода абсолютно правы, но ведь нельзя создать исчерпывающим и дифференциальный словарь, если иметь в виду весь возможный набор дифференцирующихся и подлежащих лексикографированию лексико-фразеологических единиц. Гарантии, что зафиксирована

«Словаря русских народных говоров». М.— Л., 1961; *Толстой Н. И.* Какой тип диалектного словаря нам нужен? — XII Республиканьска діалектологічна нарада. Тези доповідей. Київ, 1965; *Сороколетов Ф. П.* О теоретических установках одного областного словаря.— В кн.: Современная русская лексикология. М., 1966; *Ивашко Л. А., Мжельская О. С.* Общерусский лексический фонд в словарном составе диалекта.— Вестн. ЛГУ. Сер. истории, языка и лит-ры, № 20, 1966; *Они же.* Псковский областной словарь и некоторые дискуссионные вопросы региональной лексикографии.— ВЯ, 1968, 2; *Максимов В. И., Сороколетов Ф. П.* [рец. на кн.:] Псковский областной словарь.— Изв. АН СССР Сер. лит-ры и яз., № 2, 1968; *Коготкова Т. С.* [рец. на кн.:] Псковский областной словарь с историческими данными.— ВЯ, 1968, № 5; *Оссовецкий И. А.* Словарь современного русского народного говора. Введение; *Филин Ф. П.* Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии.— В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М., 1973.

[28] *Мельниченко Г. Г.* Новый региональный словарь [рец. на кн.:] *А. Ф. Иванова.* Словарь говоров Подмосковья.— РЯШ, 1971, № 6, с. 109.

вся дифференцирующаяся лексика и фразеология за какой-то определенный срок наблюдения, ни у кого не может быть. Томские диалектологи выпустили в 1964—1967 г. трехтомник «Словаря русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби», а в 1975 г. вышло двухтомное «Дополнение» к нему, объем которого превышает предшествующие тома. Даже оптимистические сведения В. П. Тимофеева о «порциях» фиксации дифференцирующейся лексики и фразеологизмов в лексике отдельной диалектной личности, в последнее время признаны им самим как заблуждение [29]. Запись все новых и новых слов и фразеологизмов продолжается и в настоящее время, сообщает нам Тимофеев.

Дифференциальный словарь, так же, как и недифференциальный, не способен учесть все дифференцирующиеся слова и фразеологизмы, особенно новообразования. Ср. пример такого пропуска у слова *гнать* в СРНГ. В пятом конструктивно связанном значении отмечаются конструкции: ◇ *гнать козу* ‘жать полосу хлеба’, ◇ *гнать подстать* ‘сеять, косить, полоть или вообще обрабатывать свою полосу’, ◇ *гнать прогон* ‘пропускать подо льдом от проруби к проруби прогон (шест) с веревкой, к которой привязана рыболовная сеть’, ◇ *гнать на росу* ‘выгонять лошадей или коров рано утром на пастбище’, ◇ *гнать свет* ‘о работе на электростанции’. В картотеке же Акчимского областного словаря в продолжение такой же «производственной» семантики есть *гнать смолу́*, *де́готь*, *самого́н*, *спирт*, и новейшее *гнать кино́* ‘прокручивая киноленту, демонстрировать фильм’.

С другой стороны, понятие «полный» диалектный словарь и заявка на его создание у коллектива Псковского областного словаря и у Б. А. Ларина понималась лишь как отражение по возможности всего активного запаса слов коренных жителей псковщины.

Фиксация активного словаря в псковских говорах отражает лексику разной исторической отнесенности. Здесь и слова, восходящие к историческим эпохам: *а*, *ад*, *а́ли*, *а́лый*, *амба́р*, *ба́ба*, *ба́бка*, *балахо́н*, *ба́лка*, *ба́ня*, *бара́н*, *барсу́к*, *ба́шня*, *бег*, *бе́гать*, *бе́глый*, *бего́м*, *бе́дный*, *бежа́ть*, *без*, *безбо́жный* и др., и слова новые, пришедшие

[29] «В основном словарь был уже определен в первый год (1949—1950). В 1959 году я добавил 81 слово» (ДСЛ, с. 19.)

в говор из литературного языка в наше время: *абажу́р*, *аблéтка* (искаженное *таблéтка*), *аборти́ровать*, *абсолю́тно*, *ава́рия*, *аверья́нка*, *аверья́новый* (искаженное *валериана*), *авиа́ция*, *авто́бус*, *авто́бусный*, *автола́вка*, *автома́т*, *автомоби́лишко*, *автомоби́ль* и под.

Согласно данным ПОС, словами всеобщего употребления в псковских говорах будут и собственно местные слова: *абазо́риться*, *абазо́рник*, *абазо́рный*, *абази́литься*, *абали́рить*, *абали́рщик*, *азлунéть*, *азлуни́ть*, *азбо́вник*, *ами́шка*, *артёпина* и мн. др.

Таким образом, исчерпывающей полноты в ПОС нет и не должно быть. Есть же в отборе слов «недифференциальность», если употребить подходящий для этого случая термин Г. Г. Мельниченко.

Сейчас, когда со всей очевидностью возникает необходимость обращения к синхронным процессам взаимодействия между лексикой говоров и литературного языка, трудно представить, чтобы, находясь в словарной экспедиции, наблюдатель современного диалектного словоупотребления мог бы пройти мимо фактов, которые являются языковой базой синхронной лексикологии. Ведь современный этап перехода диалектов к литературному языку также по-своему историчен, лингвистически неповторим и уже поэтому заслуживает исследовательского внимания. Б. А. Ларин видел эту научную перспективу своего начинания, когда писал: «Принцип полноты отражения словарного фонда псковских говоров в ПОС дает возможность исследователю, пользующемуся этим словарем, произвести свой подбор и группировку слов по любому принципу, по любой научной или практической надобности...» (разрядка моя.— *Т. К.*)[30]. Научная продукция самих авторов ПОС — наглядный пример. В миллионной картотеке Псковского областного словаря содержится немало сведений, характеризующих процессы современной семантической перестройки диалектной лексики. Поэтому и наше обращение к этой картотеке в разработке разных вопросов диалектной лексикологии было регулярным и часто весьма результативным.

Необходимость создания полных областных словарей, особенно на таком обширном пространстве распростра-

---

[30] *Ларин Б. А.* Инструкция Псковского областного словаря, с. 5.

нения, которое занимает русский язык, понимают и авторы, которые не считают полный словарь единственно возможным и единственно правильным с теоретической точки зрения. В одной из зарубежных рецензий на ПОС читаем: «Конечно, это не значит, что каждый диалектный словарь должен быть «полным», ибо это повлекло бы за собой повторение одних и тех же материалов в различных словарях. Однако надо составлять и полные диалектные словари, несмотря на определенную опасность составления такого словаря». Объясняя причину такого суждения, автор рецензии И. Х. Тот, отмечает: «Полнота ПОС'а, за которой стоят определенные трудности и затраты энергии со стороны составителей, делает возможным изучение сложных процессов взаимодействия общенародной, литературной и диалектной лексики, с одной стороны, и изучение междиалектных процессов — с другой» [31].

Эта объективная точка зрения оттеняет мысль, что от наличия словарей разной направленности (дифференциальных, недифференциальных, полудифференциальных и др.) существенно выигрывает сама наука. При этом ни один из способов отбора слов в региональный словарь научно не компрометируется. Диалектное пространство русского языка огромно. Лексика его объединяет в себе как черты глубокой старины (что соответствует ретроспективным изысканиям), так и, напротив, черты сиюминутной новизны. Последнее кладет начало перспективной диалектологии. Аккумуляция тех и других сведений в словарях, а это могут и должны быть словари разные, расширяет перспективы и аспекты научных исследований вообще, выводят диалектную лексикологию на путь синхронного изучения лексического состава, сближают это изучение как с исследованиями разговорной речи вообще, так и изучением закономерностей в развитии словаря литературного языка. При этом различии и относительной самостоятельности подсистемы диалектной и общенародной (литературной) непроходимой стены между ними нет.

Тезис по созданию областных словарей разного типа для русского языка плодотворно проводится в жизнь коллективом сотрудников межкафедрального словарного кабинета им. Б. А. Ларина при ЛГУ, занятых, как извест-

[31] *Тот И. Х.* Псковский областной словарь с историческими данными.— В кн.: Studia slavica, t. 14, f. 1—2. Budapest, 1970, с. 155.

но, составлением как полного, так и дифференциального словарей [32].

Проблема формирования словника современных региональных словарей подверглась очень широкому обсуждению в лингвистической печати. От коллектива СРНГ идет разграничение понятий «словарь диалекта» и «диалектологический областной словарь». Первый тип фиксирует не только лексику, которая отличает говоры от литературного языка, но и лексику общую, совпадающую (сюда может войти и просторечие); словник таких словарей организуется по системным признакам различного порядка. Второй же тип отражает только диалектную, т. е. территориально ограниченную лексику [33]. Такое разграничение является немаловажным теоретическим результатом в оценке проблемы дифференциальности. Сводные областные словари могут и должны быть только дифференциальными [34].

§ 3. Деулинский словарь — пока что единственный в русистике и доведенный до конца алфавита словарь одного говора. По начальным замыслам это должен был быть областной словарь ограниченной диалектной зоны с углубленной подачей лексики одного опорного пункта [35].

Изучение и сопоставление карт и изоглосс важнейших языковых явлений по «Атласу русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1957), а также исследование историко-этнографических данных позволили определить территорию будущего словаря. Та-

---

[32] *Герд А. С.* Изучение севернорусской речи в Ленинградском университете.— Вестн. ЛГУ, 1976, № 2, вып. 1.

[33] *Филин Ф. П.* О составлении диалектологических словарей славянских языков.— В кн.: Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. София, сентябрь 1963. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 333.

[34] *Филин Ф. П.* Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии, с. 367.

[35] О предпочтительной необходимости создания словаря, близкого по типу к тому, который замышлялся в начале, словаря рязанской Мещеры, писал Н. И. Толстой: «...целесообразно строить областные словари по принципу полного лексикографического описания одного диалекта (или двух-трех) и подачи материала из других диалектов дифференциально по отношению к нему» (*Толстой Н. И.* Указ. соч., с. 38—39). Подобный опыт стационарного пребывания диалектологов-лексикографов в узловом пункте и фиксации дифференцирующейся в нем областной лексики на фоне лексики соседних деревень намереваются осуществить составители словаря русских говоров Карелии, подготавливаемого под руководством А. С. Герда и Н. А. Мещерского в ЛГУ.

кой территорией, отмеченной единством языкового строя, явились деревни, расположенные по течению р. Пры (правый приток Оки): Белозерье, Бельское, Веретье, Городное, Гришино, Деулино, Заднее Пилево, Ольгино, Орехово, Папушево. На данной территории был выделен опорный говор — д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл., обследованию лексики которого и было отведено наибольшее количество экспедиционного времени (лексические материалы, относящиеся к указанным деревням, хранятся в Институте русского языка АН СССР).

Длительное пребывание в говоре д. Деулино позволило составителям Деулинского словаря отразить по возможности с исчерпывающей полнотой семантику лексикографируемого слова, его синтаксические, фразеологические и деривационные связи. Этот замысел, теоретически обоснованный во всех статьях и докторском исследовании руководителя словаря И. А. Оссовецкого, подвел авторский коллектив к созданию смешанного типа словаря.

В дифференциальном по принципу отбора слов Деулинском словаре сделан отход в направлении к «полноте» лишь в раскрытии смысловой структуры лексикографируемого слова. В нем учтены и показаны «различные типы значений слова: прямые, переносные, фразеологически связанные, а также значения, обусловленные контекстом в широком смысле этого слова...» [36], включая исходные номинативные, совпадающие с литературным языком. В Деулинском словаре полнота подачи семантических связей у слов, образующих одно гнездо, также подчинена принципу дифференциальности. Ср. подборку слов на корень *живой — жизнь*. Отмечены в словнике Деулинского словаря: *живо́й, живо́т, жито́й, жить, житьё, зажи́ть, изжи́ть, наживля́ть — нажи́ть, обжи́ться, переживать — пережи́ток — пережи́тое, приживать, жило́*; не отмечены в словаре: *живодёр, животи́на, живо́тный, жи́тель, жизнь, изжи́ть* ‘изжить недостатки’, *вжи́ться — вживаться, дожи́ть — доживать, нажи́ть — нажито́й, обжи́ть — обживать — обжито́й, пережи́ть — пережито́й, пожи́ть — поживать, прижи́ть, прожи́ть — проживать — прожито́й, проживание, разжи́ть — разжи́ться, сжить* (со свету) — *сживаться, жиле́ц, жило́й* и др. В иллюстративном материале

[36] *Оссовецкий И. А.* Указ. соч., с. 7.

многие из неотмеченных слов и другие однокоренные слова с *жизнь—жить* встречаются (*маѧ жызнь пакꙗль спакбйна — и хъраша́; мы са́ми-тъ ня здѣ́шнии, ни къренны́йи жы́тели, ф Къртанбсъви жы́ли.* Только дифференцирующаяся с литературным языком семантика объясняет, почему одна группа однокоренных слов помещена в Деулинский словарь, а другая — нет. Такое распределение дериватов проходит последовательно по всему Деулинскому словарю, для всех семантических диалектизмов.

В связи с вопросом «полный» — «дифференциальный» вокруг Деулинского словаря создалось определенное недоразумение, до сих пор еще полностью не рассеившееся.

Редактор и руководитель Деулинского словаря И. А. Оссовецкий, развивая свои теоретические взгляды, связанные с дифференциальностью и недифференциальностью областных словарей (в данном случае эти мысли носят чисто теоретический характер и не имеют непосредственного отношения к Деулинскому словарю), выступил противником дифференциальных областных словарей: «...принцип дифференциальности не только представляет собой теоретические основы отбора слов для словаря одного говора,— пишет Оссовецкий,— но по своему содержанию и не может быть такой основой; словарь одного говора по самому существу материала должен быть полным» [37]. В то же время, оправдывая дифференциальный отбор слов в редактируемом им словаре, Оссовецкий вынужден был интерпретировать принцип дифференциальности «как сугубо практический прием отведения от словаря всех тех слов, в которых собирателям по разным причинам не удалось подметить и зафиксировать их объективное диалектное качество в значении или грамматике или в стилистической окраске» [38].

Перечисленные слова с корпем *живой* (*жизнь*) говорят о неточности в цитированном здесь высказывании Оссовецкого. Словник Деулинского словаря оказался неполным не только потому, что собиратели по разным причинам не могли полностью подметить и зафиксировать диалектную специфику в словах; составители Деулинского словаря в качестве ведущего критерия отбора слов с самого начала работы имели в виду лексико-фразеологи-

---

[37] *Оссовецкий И. А.* Введение к Деулинскому словарю.
[38] Там же.

ческие единицы, дифференцирующиеся с литературным языком [39].

Абстрактно-теоретическая концепция И. А. Оссовецкого не совпала с практикой ее воплощения; это и дало повод отдельным специалистам оценить всю книгу в целом как противоречивое лексикографическое издание [40]. Было подвергнуто сомнению качество языковой базы словаря — его картотека и даже шире — вся полевая работа коллектива. Принимая многие замечания в адрес Деулинского словаря, мы тем не менее не можем согласиться с оценкой полевой работы в Деулине составительского коллектива, оценкой, согласно которой смешанный принцип организации словника чреват «случайностями» и «произволом» в записях и отборе материала. Если смешанный вид Деулинского словаря стал его т и п о м уже в процессе создания картотеки, то какая здесь связь с фиксацией слов и моментом наблюдения лексики в экспедиционный период? Напротив, изменение типа словаря изменило и характер и методику полевой работы (см. с. 43—47). Разумеется, в Деулинском словаре есть какой-то элемент случайности в записи слов, но он не значительнее, чем в любом ином региональном словаре, какими бы методами фиксации лексики ни организовывалась его картотека.

§ 4. Остановимся, однако, на материале областных словарей как на принципиальной основе для лексикологического исследования.

Состав всякого словаря как особого вида описания лексики образует две стороны его: лексикографируемый материал (объект описания) и аппарат описания. Первый существует объективно, аппарат же описания, напротив, связан с исследователем, с теми принципами и установками, которые он сам принимает для описания имеющегося у него материала.

Лингвистическая информация в диалектном толковом словаре содержится не только в словнике, но и в ил-

[39] См.: Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей. М., 1960, с. 7.

[40] См. хроникальные отчеты о Череповецкой конференции 1970-го года: *Мокиенко В. М.*— ВЯ, 1971, № 1; *Чайкина Ю. И., Михайлова Л. П.*— ИДВШ Филолог. науки, 1971, № 1; *Сороколетов Ф. П.* Словарь современного русского народного говора [Рец.] — ВЯ, 1971, № 2; *Филин Ф. П.* Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии.

люстративном материале, ибо он не просто подтверждает языковое употребление определяемого слова, а наглядно демонстрирует своеобразие языкового бытования слова, как принадлежащего определенной диалектной системе. Совокупность словника и иллюстративного диалектного материала в региональном словаре составляет собственно лингвистический текст, который способен играть подчас самостоятельную (лингвистическую) роль. Своеобразие текста диалектного словаря с заданными свойствами проявляется еще и в том, что он весь конструируется исследователем. От того, какую программу намечает себе исследователь, как организуется работа для выполнения этой программы, каковы квалификационные возможности исполнителей работы, сроки и т. п., другими словами,— какова его заданность, будет зависеть и результат.

Если изучать диалектные словари под определенным углом зрения, то заданность обнаруживается. Особенно хорошо это видно на примере тематически детерминированной лексики — основы словника любого регионального словаря. Прямолинейное отражение реальной жизни в словарном запасе любого естественного языка позволяет рассматривать лексическую систему как совокупность тем, идей, понятий, составляющую все материальное и духовное многообразие объективной действительности. В тематической соотнесенности слов отражается неодинаковое по местностям членение внеязыковой действительности. Каждый словарь является собранием определенных идей, тем, внутренне между собой сопоставленных, идеографическую организованность которых, однако, разрушает алфавитный порядок подачи слов [41]. Чем обширнее словник словаря, тем больше он воспроизведет тем (идей) реальности. В словнике диалектного словаря также систематизируется и группируется тематическое (идеографическое) содержание внеязыковой действительности. В отличие же от словарей литературного языка региональные словари имеют свою существенную специфику.

Во-первых, словники большинства региональных словарей формируются в сопоставлении со словарным запасом

[41] И. А. Гульянов называл алфавитный порядок расположения слов в словаре «произволом азбучного беспорядка», см.: *Гульянов И. А.* Речь об образовании и существе языков. СПб., 1821, с. 19—20 [Цит. по: *Морковкин В. В.* Идеографические словари. М., 1970, с. 11].

общелитературного языка. В результате дифференциального отбора лексики в областной словарь все они, начиная от большинства дореволюционных словарей и словариков, являют собой сборники редких, экзотических слов, отсутствующих в литературном языке. Фрагментарность словника в таких случаях естественно соответствует и фрагментарности отражения действительности. Исключение составляет словарь В. И. Даля, в котором полнота словника соответствует обширности тематики слов.

Во-вторых, организация картотек, т. е. прежде всего сбор языкового материала, для региональных словарей, в отличие от картотек словарей литературного языка осуществляется в большинстве случаев вне контроля такого совершенного аппарата, каким является языковое чутье составителя (включение этого контроля возможно лишь в тех редких и счастливых случаях, когда обследуемый говор является родным для наблюдателя). Поэтому в региональном словаре возможен не только пропуск одного, но и многих слов и даже групп слов в отличие от толковых словарей литературного языка, где такой пропуск может быть лишь случайностью. Между тем созданию картотек можно придать вполне целенаправленный характер. Цели эти могут быть самыми различными, в том числе и в отношении фиксации тематически-детерминированной лексики.

Вниманием к максимально полной фиксации диалектной лексики в тематическом отношении (здесь имеется в виду охват этих тем и вширь и вглубь) был отмечен начальный этап работы по созданию современных диалектных словарей (середина 50-х годов).

Работа по сбору и фиксации лексики диалектов проходила по «Пособию-инструкции...», тематическая (основная) часть которого, по существу, была первым опытом идеографического членения сельской действительности. Тематическая разработка Пособия-инструкции сыграла свою положительную роль при подготовке областных словарей, работа над которыми на разных этапах уже шла в те годы [42].

[42] Прямое методическое влияние «Пособия-инструкции...» на свою лексикографическую работу с признательностью отмечают как авторы-составители отдельных региональных словарей (*Иванова А. Ф.* К вопросу об отборе материала для словаря Московской области.— Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской, т. 38, вып. 8, 1963, с. 238), так и рецензенты их (*Вл сенко М. М.*, *Носова З. И.*, *Се-*

В наши дни в деревне происходит необычайно интенсивно смена предметного фонда; регистрация ранее неизвестных слов, за которыми кроются предметы реальной жизни, теперь уже в каких-то звеньях уходящей, приобретает в некотором роде вид научных открытий. И чем больше будет таких слов-открытий в областном словаре, тем выше истинная ценность его [43]. Сейчас, когда многие словари уже вышли в свет, можно констатировать, что полнота и рациональность тематического обследования диалектной лексики в разных изданиях реализованы неодинаково. Здесь обнаруживается зависимость от некоторых организационных моментов. Наибольший успех в идеографической фиксации областной лексики выпадает на долю тех коллективов, где налицо параллелизм научных интересов каждого из составителей словаря и его авторской нагрузки в разработке словарных статей. Исследовательские познания какой-то определенной сферы сельской действительности неотделимы от овладения лексико-номинационными единицами ее. Опора на исследование соответствующей лингвистической проблемы в целом позволяет собрать уже в экспедициях надежный и полноценный лексический материал. Именно такая организация работы, сознательно проводимая в жизнь, отличает работу коллектива томских, свердловских лексикографов от начального до последнего момента создания словарей (См. предисловие редакторов к «Словарю русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» и «Словарю русских говоров Среднего Урала»). В итоге этой плодотворной методики — энциклопедизм в толкованиях предметно-номинативной лексики, отмечаемый рецензентами этих словарей [44].

Этот момент в практике создания областных словарей

рышева М. А. [Рец.] Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби. Под ред. В. В. Палагиной.— ВЯ, 1968, № 5, с. 134).

[43] Примером такой находки является слово *облава*, зафиксированное в Словаре русских говоров южных районов Красноярского края. Значение его ‘обход, окольная дорога по горе’ не отмечалось до этого в словарях русского языка, хотя оно широко известно другим славянским языкам и диалектам. См.: *Клепикова Г. П.* Из карпатоукраинской терминологии горного ландшафта.— Вопросы географии, т. 81. Местные географические термины. М., 1970, с. 64—66.

[44] *Дерягин В. Я.* [Рец.] Словарь сибирских старожильческих говоров.— Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка, 1969, № 1, с. 82.

приобретает тем большую ценность, что в целом-то (об этом в свое время справедливо писал Ф. П. Сороколетов [45]) подавляющее большинство диалектных лексических материалов поступает от лиц, профессионально подготовленных еще недостаточно. Студенты-филологи — основные «поставщики» карточек-цитат в картотеки областных словарей — проходят в диалектологических экспедициях учебную практику, корреспонденты-любители извлекают из всей массы диалектной лексики экзотические, броские элементы.

В подаче тематически разных групп диалектной лексики в современных областных словарях нет и не может быть единства. Для этого много причин, начиная от внеязыковой специфики говоров, лексика которых отражается в том или ином словаре, кончая исследовательским «пристрастием» авторского коллектива (автора).

Обусловленность состава словника областного словаря определяется не только совершенством программы-пособия, по которому идет сбор диалектных лексико-фразеологических единиц в экспедиционных условиях. Больше всего эта зависимость проявляется от самого типа словаря, т. е. дифференциальный он или полный. Именно дифференциальным способом отбора слов в Деулинский словарь и объясняется то, что в словарь не вошли лексические звенья тематических групп, которые совпали с литературным языком, точно так же, как и при деривационном распределении слов. Из тематической группы слов, называющей, к примеру, рыб, в словнике Деулинского словаря есть такие лексические диалектизмы, как *косы́рка-косы́рочка* ‘молодая щука’ или ‘щурок’ ‘малек щуки’, и нет таких совпадающих с общенародным языком слов, как *карась*, *подъязок*, *язь*, *щука*. Между тем в говоре они имеются и в тексте Словаря также; ср. пример на слово *косы́рочка*: *днем пъ зярям́ хо́дю, къраси́й лавю́... падйа́зачки и язи́ та́ма, и касы́рачки вот в ъзяра́х, а больша́я чясь — кара́сь.*

Как же велась работа по тематическому охвату лексики коллективом составителей Деулинского словаря? К сказанному ранее [46] можно добавить, что из теорети-

[45] *Сороколетов Ф. П.* Диалектная лексика в ее отношении к словарному составу общенародного языка.— В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, с. 229.

[46] *Оссовецкий И. А.* Словарь говора д. Деулино Рязанского

ческих установок Деулинского словаря как словаря одного говора вытекал интерес к полисемии и синонимии, антонимии и лексико-фразеологической сочетаемости слов в диалектной речи, к словообразовательной деривации, т. е. ко всему тому, что в совокупности образует лексико-семантическую систему. Это невольно изменило приемы и методы сбора материала. Во всяком случае метод прямого опроса, продуктивный при сборе предметной лексики, стал не единственным и не главным [47].

Прямой опрос, т. е. выспрашивание тематически детерминированной лексики по заданному списку, не мог обеспечить выявление сложных внутрисистемных взаимоотношений в лексике говора д. Деулино. Примерно с середины экспедиционного периода коллектив собирателей деулинской лексики стремился органически включиться в речевую деятельность диалектного коллектива. Широкие и прочные внеязыковые контакты, сознательное распределение пунктов наблюдения в разных микрорайонах (концах) деревни, углубленный интерес к ведущим, биографическим фабулам в жизни наших информантов — вся эта организация бесед в экспедиционно-полевой работе в Деулине гарантировала взаимную доверительность общения, обусловила высокую психологическую контактность его, приблизила это общение к условиям натурального течения разговорной речи.

Впоследствии выяснилось, что изучение разговорной речи именно такими методами имеет в науке свои терминологические обозначения. В японском языкознании разработана специальная «теория языкового существования», с которой советских лингвистов знакомят работы Н. И. Конрада. Исходным пунктом теоретических основ языкового существования здесь является учение о языковом акте, который определяется как социально-привычное действие человека, состоящее в выражении с по-

района Рязанской области.— В кн.: Вопросы диалектологии восточно-славянских языков. М., 1964; *Коготкова Т. С.* Картотека словаря современного русского народного говора.— В кн.: Лингвистические источники. Фонды Института русского языка. М., 1967.

[47] Опасность увлечения методом прямого опроса, излишняя собственная речь в момент фиксации говора информанта состоит, по остроумному замечанию Н. М. Каринского, еще и в том, что наблюдатель может записать от крестьян элементы своего собственного говора (*Каринский Н. М.* Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Ванилово. М.— Л., 1936, с. 8).

мощью языковых знаков мыслей и чувств и в понимании этого выражения [48]. Включение наблюдателей диалекта в языковое существование той или иной социальной общности (носителей диалекта) и одного индивида — это и есть подлинная, натуральная речевая деятельность. На базе полевых исследований подобная методика и в нашем языкознании получила свои термины, возникшие независимо от разработки этих вопросов за рубежом. И. А. Оссовецкий в связи с полевой работой в Деулине назвал методику изучения и фиксации лексики там «методом сосуществования» [49]. В. П. Тимофеев — «методом соучастия» (ДСЛ, с. 7). Признавая достоинства термина Тимофеева, заключенные прежде всего в прозрачности его внутренней формы, мы тем не менее считаем более удачным термин «включение в языковое существование», ибо в нем выражается идея именно языкового контактирования.

Эффективность этого метода была предопределена активно-действенным отношением ко всей жизни деулинцев, в контакты с которыми вступали составители словаря, проникновением во все сюжеты жизни, протекающей тут же на глазах наблюдателей. В тематике разговоров в Деулине, сосредоточенных вокруг быта, отражены жизненный и трудовой опыт информантов словаря: реальные бытовые и социальные факты, трудовые процессы, конкретные события, лица и под.

Продолжительный срок пребывания в Деулине, небольшой, но лингвистически сработанный коллектив способствовали созданию такого лексического собрания, на котором можно было составить словарь, отражающий сложные внутрисистемные отношения народной лексики. Слово — главный объект наблюдений — оставалось в центре внимания наблюдателей до конца экспедиционного периода. Ср. свидетельства: «*Даскá гла́динькяя... уш скóк рас спра́шывали: какáя даскá — гла́динькая иль касма́тая*» (с. 129) [выясняются условия употребления слов *косма́тый* и *гла́дкий*].

Знание общей внеязыковой ситуации, а также постоянный контроль за течением речи расширяли и углубляли собственно лексикографическое описание слова в Деулин-

[48] *Конрад Н. И.* О языковом существовании.— В кн.: Японский лингвистический сборник. М., 1959, с. 7.

[49] *Оссовецкий И. А.* Словарь говора д. Деулино, с. 194.

ском словаре. Так, смысловая структура у экспрессивно-оценочного слова *жерела́стый* (*жерелястый* от *жерело́* (1) ‘отверстие’, (2) ‘горло’) выявлена не столько из фиксированных языковых контекстов, сколько из осведомленности наблюдателя во внеязыковой ситуации (в литературном языке полный эквивалент этого слова — *горластый* 1) ‘обладающий не в меру сильным, крикливым голосом (о человеке или животном)’ и 2) ‘склонный к ссорам, брани’. Первое значение слова *жарела́стый* демонстрирует такой дословно записанный контекст: [к громко мычащему теленку:] *Аре́ть! Ви́хър тибя́ пъдыми́, жъряла́стый дйа́вал!* Второе — раскрывает не только дословно записанный диалог: — *Ми́ку* [прозвище] *сня́ли* [с работы]. *На́дыть яво́, жъряла́стай!*, а и осведомленность во внеязыковой ситуации (наблюдателю было известно, что упомянутый Мика в грубой форме критиковал свое начальство).

Метод включения в языковое существование, сопровождаемый, как правило, психологической контактностью и доверительностью общения, способствовал открытию некоторых тематических групп (подгрупп) слов. Идеографическая группировка словника Деулинского словаря ждет еще своего исследования. Это особая и сложная задача, теоретическое осмысление которой не уступает трудоемкости практического выполнения. Здесь же мы приведем лишь один пример, естественно сложившейся в словнике Деулинского словаря небольшой подгруппы слов, связанной с обозначением специфических особенностей женского организма. Являясь частью лексического пласта, относящегося к теме «человек», слова этой группы фиксируются в словарях редко, по-видимому, из-за определенной недозволенности тематики и табуирования ее в широком общении. Методика же включения в языковое существование при сборе слов женской половины коллектива составителей Деулинского словаря с женщинами-информантами сделала эту тематику открытой. Список слов данной группы, а также аспекты ее изучения послужили для нас темой специальной статьи [50].

В настоящей монографии мы используем опыт по созданию Деулинского словаря. В этот опыт включается не только владение текстом словаря (словником и ил-

[50] *Коготкова Т. С.* О «внешней» обусловленности словников областных словарей.— В кн.: Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974.

люстративным материалом), но и опыт наблюдения за условиями протекания речевой деятельности современного диалектного коллектива (имеются в виду также лингвопсихологический, оценочный аспекты и др.).

Метод включения исследователя в языковое существование носителей диалектного коллектива, невозможный без долговременного наблюдения за диалектным словоупотреблением, позволяет наиболее адекватно запечатлеть в виде цельно оформленных контекстов разной величины естественную речь носителей говора без неизбежного насилия над ней, существующего в фиксации ее в условиях экспериментальных, например, при прямом опросе. При благоприятных исследовательских обстоятельствах к использованию метода включения в языковое существование исследователи диалектов будут обращаться всегда, так же как, впрочем, и к методам прямого опроса, ответов на специальные программы и пособия, применение которых дает выигрыш во времени.

Описываемая методика включения в языковое существование при накоплении лексико-фразеологических карточек применялась при создании Деулинского словаря, ДСЛ [51].

Деулинский словарь и ДСЛ позволяют уловить сходные черты в языковом материале, хотя первый отражает коллективное словоупотребление, а второй — индивидуальное. Думается, что эта общность определена сходством метода фиксации диалектного материала. Она проявилась в тематическом содержании словников того или иного словаря (ведущая тема «человек», подгруппы слов со значениями ‘болеть’, ‘смотреть’, ‘рабочих действий’, оценочные прилагательные и др.), в обилии лексикализованных форм и др.

В то же время имеющееся несовпадение лингвистической картины в Деулинском словаре и в ДСЛ, созданных по одной методике фиксации лексики, объясняется как характером индивидуальной речи в сравнении с речью коллектива, так и индивидуальным своеобразием речи обследованного информанта в ДСЛ.

Особого внимания заслуживает расхождение в лекси-

[51] Подробно это сравнение нами проведено; см.: *Коготкова Т. С.* Заметки об изучении лексики в индивидуальной речи диалектоносителя (по материалам современных областных словарей).— В кн.: Русские говоры. М., 1975.

ческой, фонетической и морфологической вариативности слов — высокая в словаре коллектива и малая в словаре личности. Если элиминировать индивидуальное своеобразие речи информанта ДСЛ и те психологические причины, из которых вытекает исключительно натуральная контактность в общении матери и сына (В. П. Тимофеева — автора-составителя ДСЛ и его матери Е. М. Тимофеевой, информанта ДСЛ), при котором обычный для диалектного информанта тщательный выбор средств языкового выражения в общении с городским собеседником не обязателен, то различие в интенсивности индивидуальной и коллективной вариантности (словообразовательной и фонетической) связано с тем полудиалектным состоянием народной речи, в каком она находится в настоящее время. Если идиолектное варьирование невелико, а в то же время общеязыковое в данной лексико-семантической системе высоко, как это отмечают все наблюдатели и исследователи живой диалектной речи, то, логически рассуждая, высокая вариантность есть сумма идиолектного варьирования, полученная из большого количества слагаемых. А это значит, что распаду архаического говора и превращению его в полудиалектную структуру сопутствует повышенная индивидуализация диалектной речи, обособление идиолектов. Словообразовательный уровень как наиболее склонный к вариантности («вариабельный») подчеркивает и доказывает эту закономерность.

§ 5. Синхронно-лексикологическая направленность настоящего исследования определила круг источников и материальную базу, на которых оно строилось.

Для разных глав работы изучались разные части текста этих словарей. Так, если для 5 главы преимущественно выбирались слова из словников словарей, то для 4 главы — не только из словников, но и из цитатного, иллюстративного материала.

Изучение текстов региональных словарей дополнялось систематизированным штудированием многочисленных лексикологических статей, связанных с разными ареалами современных говоров. В последние десятилетия подобные публикации появлялись и продолжают появляться в огромном количестве. Наконец, оба этих вида «вторичных источников» значительно расширены нашей работой в картотеках отдельных областных словарей. Выборка нужных нам сведений производилась в картотеке СРНГ,

картотеке ПОС, Акчимского словаря, картотеке словаря просторечий на кафедре русского языка Томского ун-та.

Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность руководителям и сотрудникам указанных словарей за предоставленную возможность обращения к их материалам, а также А. А. Мошевой и С. Г. Солтану, предоставившим в наше распоряжение свои собственные материалы.

Методы и аспекты настоящего исследования, такие, как лингво-психологический и семасиологический, вытекают из практической работы автора — экспедиционной и лексикографической. Наши экспедиции составили 152 в Деулино и другие деревни Рязанской обл., 30 дней, в Архангельскую обл. — деревень Пустошь Каргопольского р-на, Турчасово Онежского р-на, Мякурье Холмогорского р-на и 12 дней в Смоленскую область в д. Буду Рославльского р-на, предпринятых нами в 1971 г. специально для работы над настоящей монографией.

Особое место в создании языкового материала настоящей работы принадлежит деулинскому лексико-фразеологическому фонду. Деулинская речь, ее словарный состав и иные особенности были в центре нашего внимания с момента ее фиксации для словаря. Уже в то время складывались и группировались такие наблюдения за течением деулинской речи в соединении с внеязыковыми ситуациями, которые впоследствии явились особым звеном в методике анализа самих лексико-фразеологических единиц и их функционально-стилевого распределения.

§ 6. По Деулинскому говору мы располагаем — Словарем, картотекой словаря, оставшейся за пределами его, и, наконец, дополнительной картотекой, названной в исследовании — экспериментальной (ЭК), специально составленной для изучения подробностей освоения литературной лексики в говоре (4 гл.). В основу ЭК легло сплошное прочтение иллюстративного материала Деулинского словаря, полнота и многообразие которого признаны были рецензентами [52]. Выборке подверглась та совпадающая по значению с литературным языком лексика, по отношению к которой можно предположить, что она появи-

[52] *Палагина В. В.* Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области).— РЯШ, 1970, № 5; *Сороколетов Ф. П.* Словарь современного русского народного говора.— ВЯ, 1971, № 2.

лась в говоре в новейшее (т. е. советское) время. В нее же включаются и единицы словника Деулинского словаря, которые, являясь литературными освоениями в деулинском говоре, дифференцируются в каком-либо отношении с литературным языком (*банка* ‘сберкасса’ *дать — давать* в таких сочетаниях как *заявление дать, предлог давать, привет давать* и т. п., *докторúца, дóктор, звенéть — звонúть* ‘звонить, говорить по телефону’, *издевáтель — издевáтельница* и т. п. В целом обе группы позволяют выявить более полный состав новейшей лексики в говоре. В итоге получено 1395 слов. ЭК мы не рассматриваем как статистическую выборку, ибо для такой квалификации сплошной текст иллюстративного материала Деулинского словаря явно недостаточен. И тем не менее сведения, которые открываются в ней, проясняют разные стороны процесса освоения литературной лексики в деулинском говоре — в семантике, в лексической и фразеологической сочетаемости и др. Возможность создания ЭК, часть единиц которой скрыта в иллюстративном материале Деулинского словаря,— еще одно доказательство, что этот словарь составлен не по принципу полного, а по принципу дифференциального отбора слов. Так как каждая из карточек-цитат ЭК регистрирует информанта, то это обстоятельство дает возможность в ряде случаев вести наблюдения за идиолектным своеобразием речи. Вместе с тем неравномерность обследования речи деулинцев (не от всех информантов по вполне понятным причинам, получены тексты равной величины; от квартирных хозяев, к примеру, они полнее и разнообразнее) сказалось и на ЭК. Так, современные в говоре слова всеобщего употребления *колхоз, колхозник, клуб, магазин, школа, председатель колхоза* и т. п. не отмечены в речи всех зарегистрированных информантов.

Слова ЭК не были объектом фиксации в экспедиционный период. Это отсутствие специального исследовательского задания — вторичность выборки из иллюстративного материала Деулинского словаря — придают характер полной достоверности приводимым данным, лишают их какой бы то ни было «провокационности» и предвзятости, идущих от методики наблюдения и фиксации лексики в диалекте.

Расположение слов-освоений в картотеке, т. е. концентрация контекстов на каждое слово, получен-

ных методом вторичной выборки, позволяет объективно наблюдать за направлением семантизации при вхождении слов литературного языка в говоры. Массовые контексты, извлеченные из одной лексико-семантической системы, прокорректированные в то же время данными из других источников, дают возможность в ряде случаев обнаружить существенные расхождения в оценке семантико-стилевой реализации слова-освоения в работах других авторов [53].

При формировании ЭК мы неоднократно сталкивались с наглядными примерами «опущения» литературного слова в тексте, его имплицитным выражением. В ЭК, например, не попадает литературное слово *рентген*, хотя перед наблюдателем несколько раз повторялась внеязыковая ситуация, при которой речь шла о рентгеновском просвечивании. (См. словарные статьи на слове *мосо́л*, *ла́па*, *торма́ми*). Если бы наше накопление материала на слова-освоения осуществлялось на полевом этапе наблюдения, то слово «*рентген*» непременно было бы спровоцировано для проговаривания (надо полагать, что пассивно оно существует в речи деулинцев).

Вторичная заданность ЭК хотя и ведет к «лакунам» в констатации слов-освоений, обнаруживая идеографическую фрагментарность, тем не менее ее данные объективны, ибо появление в речи каждой единицы-освоения, представленной в ЭК, свободно от исследовательского «давления» наблюдателя. Думается, что обращение к иллюстративному материалу региональных словарей, извлечение из него фактов на то или иное лингвистическое явление — перспективный метод для создания материальной базы при разработке разных проблем современной диалектной речи.

Прочтение иллюстративной части других современных областных словарей (ПОС, СБГ, Среднеобских, СРДГ и др.) в поисках нужных нам лексико-фразеологических единиц было выборочным. Данные ЭК внутренне согласуются со сведениями непосредственного наблюдения за диалектным словоупотреблением, если последние получены методом включения в языковое существование. Таким образом, оба метода — включение в языковое существо-

[53] Ср., например, наш этюд о словах *культура—культурный* (с. 180—184) с мнением о них В. М. Мокиенко (*Мокиенко В. М.* Трансформация литературной лексики в народно-разговорной речи.—В кн.: Язык и общество, вып. 4. Саратов, 1977, с. 111).

вание и ЭК — основа языкового материала настоящей работы отвечают замыслу автора — изучать современную народно-диалектную речь в живой и естественно складывающейся реализации.

Данные ЭК не могут быть использованы для выводов и заключений статистического порядка, так как квантитативный аспект не был главной целью нашего изучения лексики. Статистические исследования текстов, как известно, предполагают строго продуманную методику отбора текстов для выборки. Это задача самостоятельная и особая. Выполнение ее сложно и на материале письменной формы речи в литературном языке [54], тем более на диалекте, где к таким разработкам только что приступают и где генеральная совокупность (в нашем случае ею должен был бы быть весь лексический запас членов диалектного коллектива деулинского говора) не зафиксирована. В ЭК привлекают внимание лишь отдельные статистические показатели. Самое большое количество слов (723 из списка) зафиксировано в картотеке по одному разу. Самое высокое число словоупотреблений (100) падает на слово — *маши́на*, за ним идут слова *рабо́тать* (68) и *магази́н* (49) (о семантическом проявлении этих лексем см. с. 176, 177). Наиболее заполненными являются цифры первых двух десятков, в последующих десятках заполненность цифр фрагментарна — всего представлено 7 заполнений; 27 раз употреблено слово *больни́ца*, 32 — *колхо́з*, 35 — *рабо́та*, 37 — *пла́тье*, 68 — *рабо́тать*, 49 — *магази́н*, 100 — *маши́на*.

Известный параллелизм к сведениям ЭК Деулинского словаря составляют данные, полученные нами из опубликованных статей, связанных с разными ареалами русских диалектов. В соединении со сведениями выборочного прочтения иллюстративного материала других новейших областных словарей, а также их картотек они составляют корректирующий фон, благодаря чему выявляется локализация отдельных лексико-семантических освоений. Интердиалектное закрепление лексических и семантических инноваций советского времени в диалекте говорит о нивелирующих тенденциях в развитии диалектов, о стирании междиалектных границ.

[54] *Штейнфельд Э. А.* Частотный словарь современного русского литературного языка. Таллин, 1963, с. 7.

Место деулинского лексического фонда в разных главах настоящей монографии неодинаково. В распределении его мы исходили из стремления проанализировать в каждой главе факты как полноценное лингвистическое явление. Так как данные о д н о й системы формируют лексическую синонимию и стилевую стратификацию речи, то и соответствующие этим проблемам главы (2, 3 главы) строятся на фактах деулинской лексико-семантической системы. Также полностью на деулинском материале написаны отдельные параграфы 1 и 4 глав (характеристика особенностей диалектного слова в связи с устной формой его существования, все данные ЭК), но уже здесь деулинский материал расширяется сопоставлением и коррекцией сведений, извлеченных из других диалектов. Такое объединение материала дает возможность нам взглянуть на процессы освоения литературной лексики в современных говорах с более широких позиций, вскрыть моменты нивелировки диалектов, возникающие в результате адаптаций. В главах 5 и 6, в соответствии с проблематикой каждой из них, объем деулинского материала не превалирует над сведениями из других говоров; он расположен здесь как бы «в подборку» с ними.

§ 6. Изучение диалектной лексики и семантики в синхронном плане определило как отбор исследуемых фактов, так методику и приемы классификации и описания этих фактов. Из синхронного аспекта исследования вытекает и внимание к языковым явлениям в лексике говора, таким, как синонимия и дублетность, функционально-стилевое расслоение лексики, характер номинационных процессов и многое другое. Думается, что такое направление в изучении лексико-семантических единиц, функционирующих в говоре, имеет право на самостоятельное существование. В негативных суждениях, появляющихся в связи с этим, главным образом, потому, что работы синхронного плана изобилуют экскурсами исторического и сравнительно-исторического направления [55], недооценивается универсальность ряда языковых закономерностей, глобально охватывающих как диалекты, так и другие подсистемы национального языка, за которыми видятся тенденции

[55] *Ковырев И. С.* Развитие и соотношение областной и литературной лексики со значением ‘внезапно’ в русском и белорусском языках.— В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, с. 114.

общеязыкового развития. Говоры дают факты этого рода в огромном количестве. Разграничение синхронного и диахронного аспекта в языковедческих исследованиях, как полагают многие специалисты, размышляющие над функционально-стилевой дифференциацией языка, еще не означает несовместимости диахронии и синхронии [56]. Сторонники синхронного изучения диалектной лексики видят следы диахронных сдвигов в ней. И несмотря на это, и с этим нельзя не согласиться, отстаивают синхронный подход в изучении языка, ибо «современные соотношения являются частью д е й с т в у ю щ е й (разрядка моя.— *Т. К.*) системы языка и служат основой ее дальнейшего развития...» [57] Синхронный подход изучения разных уровней диалектной речи получает все большее и большее развитие и квалифицируется исследованиями «как самостоятельная методика диалектного исследования» [58]. Синхронная диалектная лексикология теперь имеет надежную языковую базу для своих исследований; факты, на которые она опирается, достоверны. Упущение во времени уже потребует больших усилий в разысканиях.

Синхронная диалектная лексикология современна не только потому, что обращает свое внимание на явления современные в области диалектной лексики, даже если в ней отбираются элементы, дифференцирующиеся с литературным языком, но и потому, что она обращена к разработке лексико-семантических вопросов и проблем разной сложности, которые исследуются на материале современных литературных языков. Мы имеем в виду такие стороны лексикологической проблематики, как системность лексики, полисемия и моносемия слова, синонимия и вариантность, омонимия и антонимия, стилевая стратификация, социально-возрастная дифференциация диалектного словоупотребления с выходом последней в социально-психологический аспект наблюдения.

Нет надобности доказывать необходимость такого параллелизма в исследовании лексико-семантического

---

[56] *Шмелев Д. Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977, с. 98.

[57] *Моисеев А. И.* Мотивированность слов.— В кн.: Исследования по грамматике русского языка. IV (Уч. зап. ЛГУ, № 322, вып. 68, 1963, с. 130).

[58] *Соколов О. М.* Вопросы морфемно-семантической соотносительности. Томск, 1972, с. 68.

уровня современного русского языка в целом. Именно благодаря ему уже теперь выявлен ряд общеязыковых закономерностей, связанных со смысловой структурой слова (например, диффузию семантики слова).

Словарная база современной диалектной лексикологии безгранична. Имеются в виду словники региональных словарей; они не содержат ограничений, запрограммированных задачами исследования, как это было, например, в «Программе для составления Диалектологического атласа русского языка». Лингвогеографическое изучение лексики в Диалектологическом атласе предполагает ограниченный набор слов, преимущественно исторических раритетов, этнографизмов или фрагментов тематических групп (например, сельскохозяйственной). Обычные слова (*нос*, *большой*, *идти*, *живой* и т. д.), которые отмечены многозначностью, фразеологичностью, идиоматичностью, не были и не могли быть опорой картографирования. Таким образом, хотя лексические картотеки Диалектологического атласа обширны, если иметь в виду всю совокупность обследованных говоров, в целях лексикологического анализа эти факты могут привлекаться выборочно под определенным углом зрения. Ср., например, привлечения материалов Атласа Л. И. Баранниковой при изучении перестройки микросистем сельскохозяйственной лексики [59].

Различие методологических подходов в изучении диалектного лексического фонда ярко проявилось в разработке раздела «Лексика» в вузовских учебных пособиях. В 1972 и 1973 гг. вышли в свет две книги с одним названием «Русская диалектология». Авторы главы «Лексика» в одном — Л. А. Ивашко и О. С. Мжельская, автор аналогичного раздела в другом — О. Н. Мораховская [60].

---

[59] *Баранникова Л. И.* Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967, с. 84 и след.

[60] Русская диалектология. Под ред. Н. А. Мещерского. М., «Высшая школа», 1972; Русская диалектология. Под ред. П. С. Кузнецова. М., «Просвещение», 1973. У Ивашко и Мжельской выделяются параграфы, типичные для книг-лексикологий, написанных на материалах литературных языков: «полисемия», «синонимия», «омонимия», «фразеология» и под.; Мораховская в описании лексического материала использует лингво-географическую методику: «отношение между членами лексико-семантических диалектных различий», «взаимосвязь между соотносительными членами различий в плане содержания и в плане выражения» и т. п.

Описание диалектной лексики с разных методологических оснований не затемняет истинного состояния языковых явлений, присущего лексическому уровню диалектного языка. Назовем такие явления, как высокое лексико-словообразовательное, лексико-морфологическое, лексико-семантическое варьирование, дублетно-синонимические ряды и (пары) слов, дающие избыточность плана выражения для единого плана содержания, это диффузия (синкретизм) семантики слова и др. Синхронная русская диалектная лексикология в нашем понимании разрабатывается такими исследователями, как Ф. П. Филин, Л. И. Баранникова, И. А. Оссовецкий, Г. Г. Мельниченко, В. И. Собинникова, В. В. Палагина, О. М. Соколов, О. И. Блинова, Ф. П. Сороколетов, Ф. Л. Скитова, А. И. Федоров, Э. В. Глазырина, Т. С. Коготкова, Л. И. Ивашко, О. С. Мжельская, Н. А. Лукьянова, В. Л. Козлова, Л. Г. Самотик, Л. А. Грузберг, В. Н. Кретова, Р. В. Херольянц, В. А. Сенкевич, Р. Т. Гриб, С. Р. Качинская, Ф. П. Иванова и др.

Реферативное обобщение результатов изучения диалектной лексики в современно-лексикологическом аспекте и иных аспектах уже сделано у О. И. Блиновой (Введение в современную региональную лексикологию, Изд. 1-е. Томск, 1973; Изд. 2-е. Томск, 1975).

По мере накопления фактических материалов по диалектной лексике, а также поступательного развития теоретической лексикологии ширятся задачи современной диалектной лексикологии, отличительной особенностью которой является стремление быстро отозваться на самые современные дискуссионные проблемы науки. В последние годы на материале диалектной лексики и словообразования исследуются вопросы парадигматики — синтагматики в лексико-семантической системе говора, проблемы номинации, тождества и отдельности слова, проблемы «языка», «речи», «текста» и др. [61].

Активные процессы в лексических системах современных говоров также подлежат синхронному изучению. Они протекают в разных направлениях — и в плане освоения лексики литературного языка, и в плане образова-

[61] *Лукьянова Н. А., Черемисина М. И.* Понятия «язык», «речь», «текст» в диалектологических исследованиях.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования, вып. 3. Новосибирск, 1974.

ния новых номинативных единиц, и в плане расширения дублетно-синонимических связей. Всем этим языковым процессам соответствуют главы (или разделы настоящей книги). Генетическая связь говоров с другими подсистемами национального языка (не только общенародным литературным, но и просторечием или языком различных терминосистем) также отражена в содержании монографии, в ее композиционном строении. Намеченная здесь проблематика в характеристике процессов взаимодействия лексики литературного языка и лексики диалектов не претендует на исчерпывающую полноту (за пределами нашего внимания остается, например, множество фонетических и фонологических и иных структурно-морфологических трансформаций слов литературного языка при входе их в диалектные системы, несмотря на то, что отдельные из этих единиц носят лексиколизованный характер). Основу нашего анализа при изучении процессов лексического взаимодействия составит анализ семантический, хотя выявление собственно семантических отношений в живой речи говора (парадигматических, синтагматических) — дело чрезвычайно сложное и трудоемкое. Чаще всего на поверхности наблюдения оказываются лишь фрагменты таких отношений, а не вся их совокупность. Эти объективные обстоятельства обусловливают ограничение материала в количестве привлекаемых к анализу фактов. Зато при отборе берутся примеры наиболее типичные и показательные со стороны их семантических видоизменений.

Монография подготовлена в Секторе культуры речи Института русского языка, поэтому при изучении и интерпретации фактического материала естественно подключение таких аспектов языковедческого анализа, которые непосредственно связаны с вопросами культуры речи. Имеется ли в виду соотношение норм, кодифицированной и собственно языковой при адаптации литературных слов в говоре или групповая и индивидуальная оценка фактов речи — все это обязательно учитывается при конкретном описании языковых явлений, если последние дают повод для таких истолкований.

Глава 2

ЭКСПРЕССИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ДИАЛЕКТА

Стилевая дифференциация диалектной речи в научной литературе • Стилистическая квалификация диалектной лексики • Лексика специально-терминологическая • Средства выражения эмоциональной экспрессии в системе говора • Миграция экспрессивной лексики • Утрата экспрессивности в слове

§ 1. Выявление многих закономерностей и лексико-семантической специфики осуществляется в молодой отрасли русистики — диалектной лексикологии, благодаря сопоставлению языковых фактов диалектной речи с аналогичными явлениями литературного языка. Эта методика описания (сравнение с категориями общенародного литературного языка) находит применение и в освещении вопросов функционально-стилевой дифференциации диалектной речи. Полифункциональная структура литературного языка определила высокую стилевую организацию его, а продолжительная традиция в изучении стилистического строения, предпринимавшаяся для разных языковых уровней, подняла на высокий уровень эти исследования. Именно в применении к хорошо организованному языку возможна, например, такая перспектива стилистического анализа: «Изучать стили языка,— пишет Б. Н. Головин,— это изучать прежде всего то, что их образует, а именно дифференциацию языковых средств по различным областям жизни и деятельности общества. Наши привычные представления о словах, частях речи, членах предложения, предложениях, фонемах складывались на основе убеждения в том, что они одина-

ковы во всех случаях их социального назначения. Однако это не так. Глагол в публицистике отличается от глагола в художественной литературе. Простое предложение в науке не такое, каким мы его знаем по бытовой речи. Даже фонемы „ведут себя" в деловом докладе не так, как в блоковской лирике» [1]. В сравнении с такой широкой и разноплановой картиной, стилевое наполнение диалектов, всегда существующих в устной форме с преобладающим обиходно-бытовым содержанием тематики речи, представляется объектом менее значительным. Суждения о слабой дифференциации диалектов в стилистическом отношении разделялись многими исследователями [2]. Тем не менее, если стиль, как определил его еще Ш. Балли, есть «языковое приспособление человека к общественной обстановке», то речевая деятельность любого диалектного коллектива бесспорно соответствует такой характеристике.

Разные виды речевого общения в говоре были всегда и всегда были заметны для внимательного наблюдателя народно-диалектной речи. А. П. Евгеньева пишет: «Не говоря уже о современном колхознике, владеющем самыми разнообразными жанрами речи, речевая деятельность любого представителя того или иного говора в дореволюционной России также была разнообразна. Это не только различные виды общения, а следовательно — различные формы речи (в городе, в деревне, с начальством, на мирской сходке, в дружеской среде, семье, на работе и т. д.), но и обязательно словесное искусство» [3].

Функционально-стилевая дифференциация диалектов до последнего времени не подвергалась специальному исследованию, общая оценка их стилевого строения выводилась по иным, не собственно стилистическим штудиям в говорах.

Наиболее заметно выделяются в диалекте, по мнению Р. И. Аванесова, обиходно-бытовая речь, т. е. нейтральный стиль, и язык фольклора (например, эпической поэзии,

---

[1] *Головин Б. Н.* Введение в языкознание. М., 1973, с. 273—274.

[2] *Филин Ф. П.* О составлении диалектологических словарей славянских языков.— В кн.: Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. София, сентябрь 1963. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 331.

[3] *Евгеньева А. П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.— Л., 1963, с. 16—17.

песни и т.п.), т. е. более высокий, литературный стиль [4]. В соответствии с этой стилевой структурой говора выделяются и разряды слов: нейтральные, просторечно-вульгарные и фольклорные [5].

Дальнейшее уточнение стилевого строения говоров проводится с учетом современного состояния диалектов, трансформированных под влиянием внеязыковых факторов и литературного языка. Так, Л. И. Баранникова выделяет разговорно-бытовую речь, народно-поэтическую речь и элементы публичной речи. В трехстилевой структуре диалекта основным стилем справедливо признается разговорно-бытовая речь, которая «отнюдь не выполняет функцию, аналогичную с функцией обиходно-разговорной речи в пределах литературного языка, т. е. не представляет собой сниженного типа речи с узкой ситуативной прикрепленностью». Народно-поэтическая речь и элементы публичного стиля знимают подчиненное положение по отношению к основному стилю — разговорно-обиходному. Эти два стиля развиты в говоре слабее, они связаны либо с прошлым диалектов (народно-поэтическая речь) или лишь с отдельными специфическими языковыми ситуациями (элементы публичной речи) [6].

Это признание доминирующей роли обиходно-разговорной речи в диалекте означает расхождение стилевой дифференциации диалектной речи и литературного языка.

Функционально-стилевая концепция диалектной речи у Л. М. Орлова строится на предварительном изучении социальной стратификации говора. Социальные подвиды современной местной речи определены как три частные подсистемы: тип Д — сохраняющий черты местного диалекта-основы, тип Л — совпадающий с речью литературной или близко подходящей к ней, и тип С — обнаруживающий органическое соединение элементов диалекта и литературного языка. Скопление вариантных и дублетных средств выражения сосредоточено в подсистеме С. В этой же средней подсистеме говора совершается смысловая и

[4] *Аванесов Р. И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949, с. 240.

[5] Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962, с. 154.

[6] *Баранникова Л. И.* К вопросу о функционально-стилевых различиях в диалектной речи.— В кн.: Вопросы стилистики, вып. 2. Саратов, 1965; *Она же.* О специфике развития и изменения разных компонентов общенародного языка.— В кн.: Язык и общество, вып. 2. Саратов, 1970, с. 227.

стилистическая дифференциация дублетов. Функционально-стилевая структура говоров способствует перестройке диалектной системы. Орлов выделяет поэтому функциональные стили в исследованных им волгоградских говорах: 1) обиходно-разговорный, 2) профессионально-технический, 3) официально-деловой, 4) общественно-публицистический и 5) народно-поэтический [7]. Стремление выделить «деловую» речь в говоре отражается и в стилевой структуре, предложенной В. Н. Кретовой. Кретова выделяет в речи диалекта разговорный стиль с двумя разновидностями: обиходно-бытовой и обиходно-деловой, не отрицает она и элементы публичной речи [8]. Дробное функционально-стилевое членение диалектной речи, по мнению Орлова, обеспечивается специфически присущим для каждого стиля комплексом языковых средств (слова и формы, фразеологические обороты, конструкции предложений, варианты произношения и ударения), «которые постоянно или преимущественно употребляются в данных ситуациях, при одних заданиях и не используются в других условиях».[9] Выделение функционально-языковых стилей у Орлова «в зависимости от сферы и целей общения» (с. 23) сближает принцип их установления с членением речевой деятельности на актуальные речевые ситуации с соответствующими формами речи, разработанными в социально-психологической лингвистике. Разная направленность и обилие речевых ситуаций в развитом обществе, обслуживаемом литературным языком, была намечена в работах И. А. Бодуэна де Куртене; по желанию и обстоятельствам говорящий настраивает себя на язык торжественный, обыденный, семейный, общественный, общий, специальный, чувства, воображения, ума и др.[10] В известной степени эти лингвопсихологические условия присущи и народно-разговорной речи, что и дает повод для дробного

---

[7] *Орлов Л. М.* Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных территориальных говорах (Опыт социо-лингвистического исследования на материале донских и волжских говоров. Автореф. докт. дис. М., 1970, с. 23).

[8] *Кретова В. Н.* Эмоционально-экспрессивные и стилистические синонимы в русских народных говорах.— Изв. Воронежского гос. пед. ин-та, 1969, т. 68.

[9] *Орлов Л. М.* Указ. соч., с. 23.

[10] *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Некоторые общие замечания о языковедении и языке.— В кн.: Избранные труды по общему языкознанию, т. 1. М., 1963, с. 77.

стилевого членения ее у приведенных авторов. Другое дело — отражение в диалектах социальной дифференциации общества — от «облагороженных» сословий и группировок до деклассированных, а в профессиональном отношении — от профессоров университетских кафедр и актеров — до ремесленника и офеней. И еще многое иное — «язык» мужской и «язык» женский, язык будней и язык торжеств, язык чувств и т. п.[11] Ее, конечно, нет. Известно, что многие речевые ситуации перекрещиваются между собой. Это может быть и в любой социальной и речевой среде. В намеченных Орловым стилях говора, например, в обиходно-разговорном общении (в семье), легко может возникнуть обсуждение вопросов производства, административно-деловых, вопросов профессионального обучения и т. д. Идея функционально-стилевой дифференциации современного говора у Орлова проводится в активной борьбе с устоявшимися представлениями об отсутствии функционально-стилевых различий в системе территориальных диалектов. Острота постановки данного вопроса у Орлова придает стилистическим построениям характер очевидной новизны [12].

Состав лексических единиц в территориальных говорах и распределение их в речевом словоупотреблении, как и в любом естественном языке, обнаруживает связь и взаимозависимость от функциональных стилей, на что указывал В. В. Виноградов: «...все многообразие значений, функций и смысловых нюансов слова сосредоточивается и объединяется в его стилистической характеристике» [13].

§ 2. Необходимость обращения к функционально-стилевой дифференциации словарного состава говоров диктовалась вопросами лексикографической практики. Первое наиболее законченное выражение стилистической интерпретации слов в новейших диалектных словарях принадлежит Б. А. Ларину. Главный инициатор Псковского областного словаря (ПОС) — Ларин в своих стилистиче-

---

[11] *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Указ. соч., с. 74.

[12] Ср. полемику между Л. М. Орловым и М. В. Пановым: *Панов М. В.* О развитии русского языка в советском обществе (К постановке проблемы).— ВЯ, 1962, № 3, с. 4; *Он же.* Русский язык.— В кн.: Языки народов СССР, т. 1. М., 1966, с. 55—56; *Орлов Л. М.* Указ. соч., с. 21 и сл.

[13] *Виноградов В. В.* Русский язык. М.— Л., 1947, с. 22.

ских построениях ориентируется, во-первых, на словарь большой территории (бывшей Псковской земли), во-вторых, на словарь полного, а не дифференциального типа. Концепция Ларина содержит, с одной стороны, аргументированную систему стилистических помет, а с другой — ряд общих методологических соображений, без учета которых исследователь диалектной речи в ее натуральном течении не может обойтись при освоении диалектной стилистики. «Верное понимание диалектной стилистики достигается и длительным, углубленным наблюдением или, лучше сказать, полным освоением диалекта и анализом разнообразных и цельных диалектных текстов (повествовательных, диалогических, фольклорных)» [14]. Предостерегая от возможных ошибок в этой сфере описания словаря, он напоминал, что «стилистические пометы ставятся только при словах и словосочетаниях, выделяемых говорящими по своей экспрессивности: их выделяют посредством выразительной интонации или особого порядка слов, или динамического обособления, или аффектации, мимики» и т. д.[15] Только полная неразработанность диалектной стилистики,— замечает Ларин,— вынуждает исследователя подходить к стилистике говоров с готовыми (по его выражению, «возможно не всегда подходящими схемами») категориями литературного языка. Действительно, до сих пор еще нет специальных терминов для обозначения стилистически неравнозначных пластов диалектной лексики. Общеизвестно, что правомерность терминов «просторечие», «диалектизм» и «семантический диалектизм» основана на исследовательском аспекте по отношению к диалектной речи, в то время как с позиций носителя говора эти термины несостоятельны. Указывая, «что основные стилистические категории народной речи и литературного языка аналогичны и соотносительны» [16], Ларин предложил систему стилистических помет в Псковском областном словаре, которая предусматривает: а) разные виды терминологической лексики (*рыб.*— у рыбаков, *гонч.*— у гончаров, *охот.*— у охотников и т. п.), б) функциональную приуроченность лексики (поэтическая

---

[14] *Ларин Б. А.* Инструкция Псковского областного словаря, Л., 1961, с. 9.

[15] *Ларин Б. А.* Указ. соч., с. 9.

[16] Там же.

из народной поэзии и фольклора, архаическая, новая, книжная — о новых словах и выражениях, заимствованных носителями диалекта из книжного обихода, в) эмоциональную экспрессию (*бран.*, *пориц.*, *глум.*, *шут.*, *фам.*, *ласк.*, *детск.*).

Такая система помет, на наш взгляд, больше подходит для полных диалектных словарей большой территории (каковым и является создаваемый Псковский областной словарь). На обширном пространстве более вероятно средоточие разных видов терминологизированной лексики, ибо в многочисленных населенных пунктах лексикографируемой территории естественно ожидать развития более многообразных видов ремесел, промыслов, производств и т. п. В одном говоре, сколь бы ни было многочисленным его население, такое объединение нескольких специализированных промыслов, ремесел и т. п. возможно реже. Сама же специализация отдельных видов хозяйства в ряде случаев ведет к тому, что к участию в профилирующих отраслях его в разной форме привлекается почти все население данного коллектива. Эти причины внешнего порядка отражаются и в языке: терминология определенной отрасли хозяйства, как это увидим на примере с лексикой лесного дела д. Деулино, становится специализированной лексикой всеобщего употребления. В тех же случаях, когда в словник однодиалектного словаря попадают специализированные единицы, которые не имеют всеобщего употребления, а известны лишь в кругу лиц, владеющих каким-либо ремеслом (например, ткачество или плотничество), то это заставляет составителя словарных статей использовать обобщенную помету *спец.*

В Деулинском словаре помета *спец.* сопровождает такие слова ткачества, как *девя́тина*, *деся́тина*, *двена́шник*, *навой* — ‘вал, в ткацком стане, на который наматывается основа или вытканная ткань’, или плотницкие: *подва́лок*—*подва́л* ‘бревно или полено, которое кидается или ставится снизу в кучу сжигаемых на уголь дров так, чтобы оставались свободными проходы для притока воздуха’ и т. п.

«Словарь русских народных говоров» — сводный. И он отражает систему помет, которые он получает в готовом виде из своих источников. Эти пометы обобщены Ф. П. Филиным в «Проекте словаря русских народных говоров» в виде таких групп: 1. пометы грамматические, 2. пометы семантические, 3. пометы исторические. Стилистические

пометы размещаются в п. 2 рядом с *перен.*, *в сравн.*, *образн. употр.* Сюда же относятся *шутл.*, *ирон.*, *бранн.*, *ласк.*, *уменьш.*, *пренебр.*, *увелич.* (с. 150).

Практическое участие в создании областных словарей, собственные наблюдения за функционированием слов в живом говоре сказались на характере функционально-стилистических классификаций у ряда авторов. В то же время эти стилистические «взгляды», естественно, согласуются и со шкалой стилистических помет лексикографических изданий, в которых данные специалисты принимали участие.

О. И. Блинова делит весь словарный состав говора с точки зрения его экспрессивно-стилистического расслоения на большие группы, включающие более мелкие подразделения [17]. 1) Определяющим пластом лексики, цементирующим любой стиль, являющимся нулевой «точкой отсчета» в шкале слов, является нейтральная лексика. Ее признаки — строгая номинативность, отсутствие стилистической (?) или эмоционально-экспрессивной окраски. По функциональному заданию это лексика «информационного стиля» или стиля «нейтрального монолога». 2) Лексика разговорная, характеризующаяся преимущественностью употребления в рамках разговорного стиля (по Н. Д. Андрееву), соотнесенностью с нейтральным словом или словосочетанием, формантами слов, характерными для разговорного стиля, эмоционально-экспрессивными характеристиками. Сюда входят такие подгруппы эмоционально-окрашенной лексики, как снисходительные слова, шутливо-иронические, одобрительные, неодобрительные, ласкательные и уменьшительно-ласкательные. 3) Сниженная лексика с ярко выраженной эмоциональностью и экспрессивностью — пренебрежительная, уничижительная, презрительная лексика, а также грубая и бранная. 4) Лексика возвышенная, употребляющаяся в приподнято-торжественной речи или речи народно-поэтической («стиль экспрессивного монолога», по Андрееву). Речевыми ситуациями для проявления этой лексики Блинова

---

[17] *Блинова О. И.* Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973, с. 79 и сл. В градации стилевой разговорной речи О. И. Блинова следует за Н. Д. Андреевым, используя в своих характеристиках его термины (см.: *Андреев Н. Д.* Языковые стили и подъязыки в устной речи.— В кн.: Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1968).

считает жанр рассказов и воспоминаний о былом, разговоры о прекрасном (каком?), публичные выступления.

Стремление увидеть стилистически маркированную лексику в ее соотнесенности с нейтральными аналогами, выделение стилистически значимых формантов как языковую примету той или иной группы лексики, а также максимальный учет экспрессивно-стилистических групп диалектного словаря — все это положительно характеризует стилистико-экспрессивные построения Блиновой. В то же время можно высказать и некоторые возражения. В схеме стилевой дифференциации Блиновой не учтены некоторые пласты диалектного словаря — профессионально-терминологическая лексика, устаревшая, малоупотребительная и новая (последняя, правда, категория (временная) не противоречит основному принципу распределения лексики по стилям). Главное возражение вызывает термин «разговорная лексика» в диалекте. В диалекте в с я лексика разговорная и сниженная, и нейтральная, и высокая, и обиходно-бытовая. Он отражает следы устно-разговорного функционирования. Этот термин неточен в приложении к диалектной речи. Он может быть точным лишь в логическом сопоставлении со своими антиподами: разговорный ↔ письменный, разговорный ↔ книжный, т. е. так, как это и есть в литературно-кодифицированной подсистеме русского языка. Еще один момент. Стройная рубрикация стилистических пластов диалектной лексики заполнена единицами, взятыми из р а з н ы х говоров, лексический фонд не соответствует какой-либо единой речевой практике какого-либо единого социально-языкового коллектива. (Материал среднеобских диалектов, близких и хорошо известных Блиновой, в значительной мере «разбавлен» лексическими фактами из других диалектов). В этом отношении стилистические концепции Блиновой проигрывают в сравнении с социально-стилевой дифференциацией диалектной речи, предложенной профессором Орловым. Языковой базой исследования Орлова послужил единый ареал волгоградских говоров.

Любая стилистическая теория должна иметь в виду какую-то о д н у языковую систему, соответствующую определенной социально-языковой общности. Отсутствие такой опоры ведет к эклектизму и абстрактному схематизму. Как нельзя построить абстрактную схему стилистического расслоения словарного состава на продолжи-

тельном отрезке времени, например, на несколько веков в истории русского языка, так и нельзя говорить о едином стилевом каркасе любого языкового уровня, если основа для него р а з н ы е языковые системы. К этой общей мысли приходят специалисты и при изучении стилистических закономерностей на материале литературного языка или языка художественной литературы. «...дифференциация стилей возможна, по-видимому, лишь в пределах одной системы, иначе «стиль» теряет сколько-нибудь уловимые очертания» [18]. Такая стилистическая группировка диалектного словаря в целом так же, как и в случае синонимии, возможна лишь при теоретическом взгляде на диалекты как на единую макросистему, на единый диалектный язык.

Особое место занимает решение стилистической классификации слов в Деулинском словаре. Длительное пребывание в одном говоре (713 человеко-дней), интенсивное наблюдение и изучение системных отношений его лексического состава (а таковой именно была работа по созданию «Словаря современного русского народного говора») фактически означало включение авторского коллектива словаря в языковое существование носителей говора д. Деулино. Экспедиционный этап в работе над Деулинским словарем, с нашей точки зрения, наиболее приближался к тем условиям, в которых возможно было осуществить «опознание» эмоционально-экспрессивной окрашенности слова, уловить те лингвистические и паралингвистические приметы стилистически маркированного слова в его живом и непосредственном функционировании, к чему призывал Б. А. Ларин. Эти условия способствовали развитию у составителей словаря стилистического чутья (в целом оно было единым у всех составителей Деулинского словаря, расхождение в оценке слов было незначительным). И тем не менее объективные трудности в освоении чуждой для авторов словаря стилистики говора заставили их быть более осторожными в стилистической квалификации слов. Это сказалось в ряде моментов. Во-первых, в пометах, связанных с установлением временных характеристик слова — *малоупотр.* и *устар.* Выражая общую

[18] *Ковтунова И. И.* Принципы словорасположения в современном русском языке.— В кн.: Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967, с. 142.

точку зрения авторского коллектива Деулинского словаря, редактор словаря И. А. Оссовецкий пишет о помете *малоупотр.*: «... практически не всегда представляется возможным определить, является ли малая употребительность в говоре того или иного слова в настоящее время результатом его устаревания или же данное слово всегда было в говоре малоупотребительным. Все такие слова сопровождаются в словаре пометой *малоупотр.*» О помете *устар.*: «...применяется только в тех случаях, когда имеются объективные данные полагать, что слово в прошлом действительно было широко распространено в говоре. Известной объективной достоверностью обладают, например, показания самих носителей говора о распространении тех или иных слов в прошлом в сравнении с настоящим временем» [19]. Во-вторых, в Деулинском словаре шкала помет для эмоционально-экспрессивной лексики представлена не просто в более общем виде, но и выделено иное направление эмоциональной экспрессии. Наиболее бесспорной коллективу составителей представлялась помета *экспресс* [20]; она содержит указание на самые различные виды эмоциональной экспрессии, восприятие оттенков которой лежит вне языковой интуиции авторов словаря. Затем идут пометы: *бранное*, *груб.* и, наконец, *пренебр.*, *неодобрит.* Таким образом, большинство слов, помещенных в Деулинский словарь, является стилистически нейтральным.

§ 3. Работа по составлению словаря одного говора, а главное, долговременное пребывание в одном диалекте и наблюдение за живой народной речью позволяет нам более подробно остановиться на специфических условиях стилистического наполнения слов в говоре в сравнении с литературным языком. Действительно, в говоре, так же, как и в литературном языке, стилистическая дифференциация отражает и функционально-тематическую принадлежность слова, и его эмоционально-экспрессивную окраску. Однако, соотносясь с литературным языком лишь в основных звеньях, стилистика народно-диалектного сло-

[19] Деулинский словарь, с. 41.

[20] На возможность применения в словаре обобщенной пометы *экспресс.* для тех случаев, когда эмоциональная окраска диалектного слова не вполне ясна составителю, указывал и Б. А. Ларин (см.: Инструкция Псковского областного словаря.— В кн.: Псковские говоры, 1. Псков, 1962, с. 259).

воупотребления имеет и свою специфику. Устная (бесписьменная) форма бытования диалектной речи, функциональное назначение ее — быть, преимущественно, средством обиходно-бытового общения — и определяет его своеобразие. Проиллюстрируем это положение на примере так называемой терминологической лексики.

Как было замечено, в лексической системе диалекта выделяются пласты лексики, которые можно назвать терминологическими, специальными. Они составляются из слов и словосочетаний, обозначающих многочисленные реалии подсобных ремесел, промыслов, специализированных отраслей сельского хозяйства. Меньшая обособленность указанных сфер человеческой деятельности в самой хозяйственно-экономической жизни деревни, уровень их развития, привлечение к ним более широкого круга лиц данного коллектива определяет и характер употребления терминологических единиц в лексической системе диалекта [21].

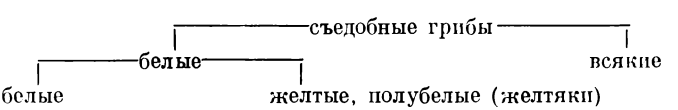
Почти вся терминологическая лексика сельскохозяйственного производства, промыслов и ремесел понятна носителям того или иного конкретного говора; в необходимых случаях она вполне свободно вводится в разговорную речь, благодаря чему приобретает известный характер разговорности. Поэтому терминологические слова в говоре, будучи фактом обиходно-разговорной речи, можно квалифицировать как лексику всеобщего употребления. В говоре д. Деулино ею будет лексика, связанная с лесом. Деревня Деулино расположена в северной, лесной части Рязанской области.

Заготовка леса, его обработка (деревообделочный и лесопильный заводы), гонка смолы, производство древесного угля в доколхозный период, плотничество, сбор грибов и ягод на продажу — все это определяло раньше и определяет теперь экономический профиль деревни. Испокон веков с лесом связана, и эта связь не оборвалась до сего дня, хозяйственная деятельность мужского населения Деулина. Поэтому лексикой лесного хозяйства владеет все население деревни. Слова *потылок* ‘доска-горбыль’, *товáр* ‘пиломатериал’, *щеподрáлка* ‘устройство для щепания дранки’, *духовбе дéрево* ‘бревно в одном из

[21] От явлений этого порядка следует отграничить так называемые тайные и условные языки ремесленников-отходников.

верхних венцов сруба', *перевóдина* 'потолочная балка', *делянка* 'участок леса, предназначенный для вырубки, лесосека', *лизúр* [*визир* — искаж.] 'просека в лесу шириной в полметра или в метр', *подсóчка* 'надсекание ствола дерева с целью добычи смолистого сока, живицы', *подвéшивать* 'поднимать рычагами избу, чтобы сменить нижние венцы (при ремонте)', *выдéлывать* 'производить столярные отделочные работы при постройке дома', *жéлтый гриб* 'старый, но еще съедобный белый гриб', *всякие грибы́* 'все грибы, кроме белых', *конéц* 'отрезок нитки определенной длины с нанизанными на нее белыми сушеными грибами' общеупотребительны в речи. Использование данной лексики в обиходно-бытовой речи всем населением деревни дало основание составителям словаря, помещая эту лексику в словарь, не снабжать специальными пометами.

Диалектные термины (или «местный термин», или «термин диалекта»), т. е. номинативные слова с ремесленно-производственным содержанием, в каждой отдельно взятой местности связаны с хорошо развитым промыслом, ремеслом или производством; с языковой стороны они логически соотнесены в одном лексико-тематическом ряду. Терминологическое членение единиц такого ряда отражает спецификацию реалий, существенную для данной местности; так, терминологическую спецификацию в названиях грибов в деулинском диалекте определил такой признак, как продажность и непродажность их. Именно в связи с данным признаком все грибы делятся на *белые* и *всякие* 'небелые, в продаже качественно отличающиеся от белых'. Товарный вид белых грибов также неодинаков: молодые, крепкие и маленькие — *белые грибы* и немолодые, большие белые грибы, нижняя губчатая часть которых уже пожелтела — *желтые грибы*, *желтяки́*, *полубéлые*. Так, один терминологический спецификатор 'товарный вид' имманентно создает терминологический ряд, члены которого находятся в едином подчинении:

С товарностью грибов в д. Деулино связано и появление особого специализированного значения у слова *конéц*

(см. определение с. 69) (*грыбы́ бе́лыи, харо́шыи, духави́тыи, са́мый пе́рьвый грып — де́сять рубле́й кане́ц; Па два́цъть пять грыбо́в у мине́ каньцы́*).

В основу диалектных терминологических классификаций кладется внутренняя упорядоченность предметов (реалий). В таких группах особенно устойчивы дихотомические (парные) связи слов, иногда не лишенные образности: *ни́жник* ‘нижний, неподвижный жернов в ручной домашней мельнице — жёрнове’, *ве́рхник* ‘верхний, вращающийся жёрнов’; *мужи́к* и *жо́нка* ‘параллельные сошники у сохи’.

Растворяясь в общеупотребительной лексике и не испытывая на себе кодифицированных регламентаций присущих систематизированным терминосистемам общенародного языка, диалектный термин при наличии определенных условий может подвергаться дальнейшему семантическому развитию, так же, как и любое слово диалектной речи. Вторичные, переносные значения диалектного термина обычно экспрессивно окрашены. Так, терминологические слова процесса обработки льна *костри́ка*, *костри́чить*, *костри́читься*, *костри́чный* сохраняют свое исходное значение в *костри́ка*, ‘отходы, получаемые при отделении твердой части стебля в процессе обработки льна и конопли на волокно’, и *костри́чить* ‘трепать лен, отделяя твердую часть стебля от волокна’, хотя уже здесь в глаголе появляется и производное, вторичное значение: ‘сорить, мусорить’, связанное с тем, что процесс трепания льна сопровождается обильным отделением кострики, своеобразной пыли. *Каки́и де́ти! Сидя́ть да костры́чуть. А пяску́* [сахарного] *ско́лька накастры́чуть.* Слова же *костри́читься* и *костри́чный* уже полностью отходят от своего первоначального терминологизированного значения: *костри́читься* ‘ссориться, браниться с кем-либо’. *А уш ана́ костри́чилась с не́й* [с племянницей], *а племя́нница знать сё по́мнить*; аналогично *костри́чный* ‘придирчивый, ворчливый, бранчливый’ (*была́ адна́ ба́ба удала́я, а у не́й муш то́жа костри́шнай был. Вот он за́чил придира́цца, а ана́ хвать да яво́ па спине́*) (Деул.). Аналогичны в этом ряду слов и показания других говоров: *костри́чный* ‘капризный’, *намы́ка* ‘лохматая голова’, *епанча́* ‘свалявшиеся волосы на голове’ (Чумакова, 1966).

Другой подобный пример из деулинского диалекта — малоупотребительное теперь слово *леха́* ‘полоса земли

в длину поля или усадьбы шириной 1,5—2 метра, которую намечают при севе'; (измерение земельного надела в частном, доколхозном землепользовании; таких полос во всем поле или усадьбе (по ширине) было несколько); [22] *лешúть* 'намечать (чаще) ногой границу лехи'. *Нагбй прачяртáш и сéиш... лен, прбса ...нагбй идёш и ляшыш, штоп ни апсéицца...* В настоящее время скорее можно услышать *лешúть* в нейтральном значении 'волочить ногу, прихрамывать', чем исходное, терминологическое. *Храмбй фсо тáх-та идеть, храмáить... Вон Мищщёркин-та нагý-та ни падымáить, ляшыть ей.* Выветривание первоначального, земледельческого значения у слова *лехá* отмечено и в сибирских говорах (Блинова, 1959).

Вторичное переносно-метафорическое значение благодаря своей экспрессивности начинает самостоятельную жизнь, выходя за пределы диалекта и утверждаясь в разговорно-просторечных сферах литературного языка: *веретенб* 'о непоседливом, излишне подвижном существе'; *кряж* 'о здоровом, коренастом, крепкого сложения человеке'. *Ешь, Фомушка, ешь! Вишь ты, какой кряж вырос! Есть куда хлеб-соль класть* (Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина); *кряжистый старик* 'крепкого сложения, плотный и сильный'; или 'о человеке неподатливом, упорном или прижимистом'. *Наконец, кряж расступился, из затасканного, грязного кисета посыпались медяки.* (Неверов, Горе залили). В говоре д. Дулино *кряж* 'толстое бревно определенной длины, предназначенное для распиловки на доски' входит в терминологический ряд — *кругляш, швырбк, потылок, товáр* и др. В литературном языке слово *кряж* также сохраняет свое специализированное значение лесного промысла 'толстый короткий обрубок бревна из близкой к корню части дерева' (Ушак.). Подлинное же свое терминологическое обособление оно получает в терминосфере деревообделочной и деревообрабатывающей промышленности, соотносясь то с названиями определенных видов лесоматериалов (дрова, бревна, столбы, рудничные стойки, балансы, брусья, шпалы, доски, гонты кровельные и т. п.), то наименованиями функциональных видов самого кряжа (кряж фанерный, кряж шпальный, кряж спичечный, кряж клепочный и т. п.). При всем этом основные признаки кряжа — тол-

[22] Др.-рус. *лѣха* 'гряда' (Срезневский, т. 2, стб. 80).

щипа (объем) и пригодность для распиловки (функциональное назначение) являются общими как для терминосферы деревообрабатывающей промышленности, так и для терминологического ряда говора. Именно эти признаки составляют основу лексического значения слова *кряж*.

Устойчивость вторичного производного значения, развившегося из терминологического в народно-диалектной речи, позволяет относить эти образования к стабильным единицам экспрессивно-эмоциональной лексики всего русского национального языка в целом, ср. *горе мыкать* ‘подвергаться невзгодам, терпеть нужду’ (Ушак.) и *мыкать* (*мыкаться*) *по свету* ‘шататься по свету, обмогаясь’ (Даль). Экспрессивная окраска здесь достигается благодаря элементу *мы́кать*, глухо сохраняющему идею первоначального терминологического значения (самое занятие «мыкать» ‘щипать по клочку, по ниточке, например, шерсть, хлопок, корпию’ (Даль) наредкость утомительно благодаря своему однообразию).

Первоначальная исходно-номинативная семантика подобных слов (и компонентов фразеологических сочетаний), а также ареальная отнесенность устанавливается подчас в специально предпринимаемых исследованиях; найденный при этом смысловой первоэлемент помогает осознать основу образа и установить направление происшедшей метафоризации. *Долдо́н* в просторечии: ‘о надоедливо твердящем одно и то же’, в говорах ‘дятел’. Ср. *далдо́н и дя́тил у на́с зави́ть, патаму́ он до́лбить... караёт зайде́ть в де́рива, он яво́ вы́тащщить...*, также переносно-экспрессивное: *далдо́нить и далдо́нить адно́ и то́жа — далдо́н назаве́ш* (Деул.).

Длительное употребление вторичных переносных значений у терминологических слов диалекта, органическое включение в разговорную стихию говора, естественно, ведет к выветриванию первоначальной экспрессии, в целях которой, возможно, это переносно-метафорическое значение и возникло в языке.

Общеупотребительность и понятность терминологической лексики диалекта всем или большинству носителей говора объясняется не только внеязыковыми причинами, но и характером терминотворчества в говоре. Термин диалекта полностью соответствует закономерностям словотворчества, которые известны языковой системе диалек-

та. Базой для его появления служит та же общеупотребительная, бытовая лексика говора; семантическое преобразование с подчинением ему морфологических средств — основной способ продуктивного терминотворчества в говоре. Внешняя аналогия, сходство, функциональный перенос — все это определяет смысловую трансформацию слова при образовании термина. Бытовые общеупотребительные слова говора используются в производственном контексте, и тем самым осуществляется их специализация.

В говоре д. Деулино *круглящ* относится к обозначению любого предмета, имеющего круглую форму (*а у нас картбшки — мятка да круглящом*), в терминологии лесного дела д. Деулино строго дифференцируется с другими соотносимыми словами-терминами (*кряж*, *швырбк*, *потылок*, *товар* и др.) и означает ‘бревна, строительный лес’. *Кряш — бн на распилбфку идёть, а круглящ — ета для стройки*. Термин диалекта прозрачен по своей внутренней форме, семантико-морфологическая структура его, как правило, мотивирована. Соответствие понятийного содержания и материального (звукового и словообразовательного) оформления диалектного термина не только обеспечивает быстрое понимание его, не только гарантирует, но и сообщает ему известную образность и выразительность. И в этом отношении диалектный термин ничем не выделяется из общей массы диалектных слов.

Общеупотребительность специализированных диалектных слов в речевой деятельности носителей говора вполне согласуется с монофункциональной стилистикой, которая присуща разговорной диалектной речи вообще, в отличие от полифункциональной стилистики общелитературного языка [23].

§ 4. Обиходно-разговорная речь говора далеко не однородна в своем эмоционально-экспрессивном наполнении. В народной диалектной речи есть масса средств для передачи самых разнообразных чувств и эмоций, свойственных каждой человеческой личности. Вместе с тем в практической работе, начиная со сбора лексики в экспе-

[23] Это различие стилистических структур литературного и народного языка отмечалось еще в теоретических построениях Пражского кружка. См.: *Едличка Е.* О пражской теории литературного языка.— В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с. 547.

дицонных условиях, составитель диалектного словаря испытывает огромные затруднения в определении эмоционально-экспрессивной окраски диалектного слова, так как это связано с освоением иной для него стилистической системы. Составитель словаря литературного языка опирается не только на имеющуюся под его руками картотеку, но и на свое знание и чутье языка как языка родного. Значимость последнего фактора для любого лексикографа трудно переоценить и особенно при определении стилистического облика слова. Независимо от того, есть под рукой у составителя словаря литературного языка картотечный материал на такие, к примеру, слова, как *объе́горить*, *руба́ть*, *шара́шкина конто́ра* и т. п., стилистическая сниженность их в границах литературного языка совершенно очевидна для любого человека, владеющего русским литературным языком. И напротив, оба этих фактора (картотека и собственное знание языка) неравнозначны у составителя регионального словаря, так как язык говора в подавляющем большинстве случаев не является для него родным. Поэтому, сколько бы ни было в распоряжении составителя областного словаря примеров со словами *мами́ка—мамо́ка—мама́стай* при нейтральном *ма́ма*, будет трудно определить, есть ли между каждым из этих слов стилистическая разница, а если ее нет, то какие слова представленного ряда соотносятся с литературными — *ма́мочка* (ласкательным словом) и *ма́мка* (уничижительным), или, наконец, если они не соответствуют литературной стилистике ни того, ни другого, то применительно к ним правомерно ли говорить о каком-либо особом стилистическом содержании, не равном стилистическому распределению слов в литературном языке.

Ориентация диалектолога-лексикографа при определении стилистической характеристики слов диалекта на тот стилистический показатель лексикографируемого слова, которое оно имеет в границах литературного языка, в ряде случаев может быть обманчивой. И не только для слов типа *ба́ба*, *брю́хо*, *де́вка*, *мужи́к* и под., которые в говорах часто не содержат той стилистической сниженности, которая присуща им в рамках литературного языка, но и для случаев противоположных, типа деулинских *рок*, *обре́чь—обрека́ть*, лишенных в говоре оттенка высокого и торжественного, или многочисленных приставочных образований на *воз-*, книжный характер которого в гово-

рах в значительном количестве случаев нейтрализован [24]. Итак, диалектная речь, являясь чужим языком для исследователя, вызывает огромные затруднения в стремлении осмыслить ее стилистически.

Как мы уже говорили, обиходно-диалектная лексика диалекта неоднородна. Легче всего наблюдающий говор обнаруживает стилистически нейтральную лексику, т. е. лексику, функционирующую в говоре в номинативных целях. В говоре д. Деулино: *жить*, *сидéть*, *стоя́ть*, *дом*, *большóй*, *большáк* ‘старший брат в семье’, *лобáстый* ‘большого размера, крупный’, *мост* 1. ‘сени’, 2. ‘мост через реку’ *жакрá* ‘нарост на березе’, *натýра* ‘совокупность физических и психических качеств человека’, *дрочéна* ‘толстый блин из пшенной муки’, *другожéнец* ‘женатый во второй раз’, *рожáк* ‘уроженец’, *странний* ‘не здешний, не местный’, *окýлица* ‘ворота или калитка в изгороди’, *однова́* 1. ‘однажды’, 2. ‘только (один) раз’ и др.

Этому нейтральному пласту лексики противопоставлена лексика эмоционально и экспрессивно окрашенная. Легче всего из нее выделить особый вид лексики, содержащей наиболее сильную экспрессию: разные виды неодобрительных и бранных оценок человека, бранные выражения, ругательства и т. п.: *дя́брик* ‘бранное слово’, *дурáниха* ‘о глупом нерасторопном человеке’; *ля́рва* ‘о женщине легкого поведения’, *ля́палка* ‘болтунья, сплетница’, *малоýмный*, *мырдéль* ‘лицо’; *оглóлтуш*, *оглóлка* ‘о непутевом, непослушном человеке’, *тю́халь-тюхля́й* ‘о нерасторопном, несообразительном человеке’; *вúхор*, *вúхорный*, *водянóй чорт*, *развáлятый чорт*, *игрéц тебя́ изломáй*, *пралúк расшибú*. В региональных словарях такая лексика обычно сопровождается соответствующими пометами.

Обилие в лексических системах диалектов слов эмоциональной и оценочной экспрессии привлекает внимание исследователей, в связи с чем выдвигаются теоретические задачи; отдельные из них по существу — те же, что и в литературном языке (например, разграничение понятий «эмоционального» и «экспрессивного», роль и условия

[24] *Павленко П. И.* Слова с приставкой *воз-* в русских народных говорах (в сопоставлении с литературным языком). Автореф. канд. дис. Л., 1973 (см. также и другие ее статьи по этому вопросу, содержащие фактический материал).

выделения суффиксов субъективной оценки и др.). Экспрессивная лексика говоров изучается прежде всего со стороны структурно-словообразовательной, выявляется соотношение диалектных словообразовательных типов в сравнении с литературным языком, намечаются тематические группы эмоционально-экспрессивной лексики и др.[25]

Определение состава экспрессивно-эмоциональной лексики в диалекте при непосредственном наблюдении живой народной речи осуществляется обычно различными критериями, во-первых, содержательным, т. е. тематическим, например, лексика, связанная с характеристикой челове-

[25] См.: *Беляева О. П.* Аффиксы субъективной оценки в говорах Пермской области.— Уч. зап. Пермского гос. пед. ин-та, 1965, вып. 25; *Елина В. Н.* Лексика внешнего облика человека в псковских говорах.— В кн.: Псковские говоры, вып. 1, Псков, 1962; *Адливанкин С. Ю.* Некоторые вопросы словообразования существительных со значением лица (по материалам говоров Пермской обл.).— В кн.: Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Пермь, 1964; *Сахарный Л. В.* Словообразование имен существительных в русских говорах Среднего Урала. Канд. дис. Пермь, 1964; *Смирнов В. В.* Словообразование имен существительных со значением лица в кировских говорах.— В кн.: Очерки по русскому языку, т. 2. Киров. 1965; *Херольянц Р. В.* Слова-оценки в воронежских говорах (на материале лексики говоров Новоусманского р-на Воронежской обл.).— Изв. Воронежского пед. ин-та, 1966, т. 55; *Чусова И. Н.* Лексика, связанная с обозначением особенностей, склонностей человека и действий, в которых они проявляются (на материале тульских говоров).— Канд. дис. М., 1969; *Варина С. Н.* Из словообразования имен существительных, обозначающих лиц в современных псковских говорах.— В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка (Уч. зап. Смоленского пед. ин-та, вып. 22). 1970; *Граве Л. В.* Экспрессивная лексика со значением лица в смоленских говорах (Там же); *Андреева Л. К., Горланова Н. Г.* Существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами в народной разговорной речи.— В кн.: Живое слово в русской речи Прикамья, вып. 2, Пермь, 1971; *Кашевская Ю. И.* Оценочные субстантивные и адъективные наименования лиц в говоре села Кабанск (Восточное Прибайкалье). Канд. дис. Томск, 1971; *Жураковская Н. В.* Экспрессивная лексика русских старожильческих говоров Среднеобского бассейна. Автореф. канд. дис. Томск, 1971; *Максимов В. И.* Образования с экспрессивным суффиксом *-ин(а)* в русских народных говорах.— В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972; *Варина С. Н.* Названия лиц с суффиксом *-ик* и его вариантами в псковских говорах (словообразовательный анализ).— В кн.: Псковские говоры, вып. 3. Псков, 1973; *Ивашко Л. А., Мжельская О. С.* Имена существительные с уменьшительно-оценочными и увеличительно-оценочными суффиксами в псковских говорах и их лексикографическое описание (там же).

ка [26]. Для нее в говоре наблюдается та же идеографическая закономерность, что и в литературном языке [27]. Вторым опознавательным критерием определения экспрессивности в лексике является аффиксальное оформление ее и, наконец, третий прием — соотнесение лексики, стилистически маркированной с лексикой нейтральной, номинативной. Обнаружено, что экспрессивно-эмоциональная лексика содержит неравный стилевой эффект в зависимости от условий исследовательского наблюдения. В списках, в словниках региональных словарей стилевая сниженность этой лексики выглядит явственнее, чем если бы ее наблюдать в условиях непосредственного, живого контакта. «Специфика используемого материала требует двоякого подхода к нему, т. е. приходится по-разному работать с «мертвыми» текстами (словарными статьями, картотечными материалами) и текстами, записанными собственноручно» [28]. Живое употребление, сопровождаемое аффективной интонацией, жестами и другими паралингвистическими средствами, позволяет точнее уловить подлинную экспрессию, выявить утрату ее, если таковая происходит, пронаблюдать, как условия расширенного речевого контекста «амортизируют» силу экспрессивного заряда отдельного слова.

Образность и выразительность диалектного слова определяется характером диалектного словотворчества. Для номинационных процессов говора, как это следует из фактических материалов 5-й главы, присуще сохранение первичной образности слова, прозрачность его внутренней формы. Соответствие понятийного содержания и звукового и словообразовательного оформления диалектного слова определяет не только образность и выразительность народного языка, но и его точность.

Сохранение внутренней формы при образовании слов характерно и для литературного языка, но мотивация многих слов литературного языка, обладающего сложной жанрово-стилевой стратификацией, пережившего на про-

[26] См.: *Чусова И. Н.* Указ. соч.; *Кашевская Ю. И.* Указ. соч.

[27] Мы имеем в виду замечание О. С. Ахмановой: «Среди слов «сниженной» лексики прилагательные, обозначающие внешние качества человека, заметно выделяются. Прилагательные «сниженного» стиля, описывающие характер и склонности человека, также довольно многочисленны» (*Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, с. 270).

[28] *Жураковская Н. В.* Указ. соч., с. 7.

тяжении многовековой истории различные этапы иноязычного влияния, часто неясна не только носителю литературного языка, но и специалисту-исследователю. В говоре также немало слов с затемненными корнями; этимологическое строение их также выявляется лишь при специальном изучении. Однако контраст в количественном соотношении между словами с прозрачной внутренней формой и без нее при наблюдении функционирования диалектной лексики представляется более явным в пользу диалектной лексики. Вот небольшой перечень слов из деулинского диалекта: *бездо́мник* ‘не имеющий своего жилища’, *безживо́тный* ‘тощий, худой’, *безмосло́вый* ‘не имеющий костей, без костей’, *безмужо́вая* ‘не вышедшая замуж’, *белокра́йка* ‘платок темный с белой каймой’, *весьде́нькой* ‘в течение всего дня’, *вотказну́ю* в знач. сказ. ‘отказаться от кого-чего-либо’, *вполноги́* ‘по колено’, *вы́гор* ‘углубление, яма, образовавшаяся на месте корней сгоревшего или выкорчеванного дерева и заполненная водой’, *вы́ползки* ‘кожа змеи, сброшенная во время линьки’, *голи́ца* ‘кожаная или брезентовая рукавица’, *доможи́лка* ‘домовитая, хозяйственная женщина’, *домосе́дка* ‘женщина, которая остается дома для присмотра за хозяйством и детьми’, *другоже́нец* ‘женатый во второй раз’, *жева́тка* ‘разжеванная пища — хлеб, печенье, картофель и т. п., которой кормят грудных детей’, *зава́густить* ‘о приметах августа’, *засентябри́ть* ‘о приметах сентября’, *заше́ина* ‘задняя часть шеи’, *ко́пань* ‘отводная канава от реки или озера’, *летова́ть* ‘быть, оставаться где-либо в течение года’, *лови́чки* ‘игра-жмурки’, *ове́ршье* ‘непригодное для корма сено (или солома) с вершины стога (или скирды), испорченное под воздействием осадков’, *ми́мкать* ‘в карточной игре — пропускать ход из-за отсутствия нужных карт, пасовать’, *осто́жье* ‘основание стога’, *кособры́лый* ‘кривогубый’, *косола́пить*, *косоро́тить*, *косоро́титься*, *косоро́тый*, *косору́кий*, *косопле́кий* и др. Иногда такие слова являются и терминами какого-либо промысла или ремесла: *мя́льница*, *мотови́ло*, *нова́й*, *де́рганец* и др.— слова общеславянского терминологического фонда. Прозрачная внутренняя форма диалектного слова, т. е. адекватность содержания слова и его строения,— надежная основа для выполнения словом его номинативной функции; при отсутствии кодифицированной нормы в говоре этот момент весьма существен.

Количественные соотношения слов с прозрачной внутренней формой в литературном языке и диалекте неизвестны; установление их — особая задача. Началом ее выполнения могло бы явиться сопоставление словника какого-либо толкового словаря литературного языка и соотнесенного с ним по объему (или по какому-либо иному критерию) регионального словаря. Симптоматично одно, что как только исследователи приступают к изучению и наблюдениям за диалектной лексикой в ее непосредственном употреблении, сразу же говорят об особой явственности внутренней формы диалектного слова [29]. В восприятии лиц, говорящих на литературном языке, перечисленные слова, благодаря прозрачности их внутренней формы, яркости и образности несут на себе явный отпечаток просторечных образований; в лексической же системе говора д. Деулино они выполняют номинативную функцию. Надо сказать, что определение эмоционального наполнения в словах, совпадающих с единицами просторечия и бытующих в то же самое время в диалекте, особенно сложно. Создавая зыбкость границ между периферией литературного языка и говорами, данный пласт лексики в диалекте не всегда является сниженным стилистически.

Именно здесь, при определении стилистической тональности так называемой просторечной лексики проявляется наибольшим образом различие между стилистическим чутьем исследователя (очень часто против своей воли склонного квалифицировать анализируемый лексический факт говора по стилистическим нормам литературного языка) и языковым чутьем носителя диалекта.

Легко стилистически обособляемые в границах литературного языка, просторечные слова в лексической системе говора отнюдь не образуют столь резкого стилевого контраста с нейтральной лексикой говора. Стилевая самостоятельность и функциональная значимость разговорной речи в говоре, противостоящая жанрово-стилевому многообразию литературного языка, формирует как арсенал (набор) экспрессивных средств, так и их дифференциацию. Средства и формы выражения этой экспрессии очень часто иные, чем в литературном языке.

Повышенная экспрессивная тональность разговорной

---

[29] Ср. относящиеся сюда замечания у А. И. Федорова О. И. Блиновой, В. М. Мокиенко, Т. С. Коготковой и др.

речи вообще в говоре, естественно, порождает не только расширение экспрессивных возможностей, но и определяет постоянный поиск их.

Определение экспрессивности слова легче осуществляется, если слово сохраняет следы метафорического или переносного образования. Ведь сама метафора, как об этом писал А. И. Ефимов, не называет предмет, а главным образом его характеризует, «...в процессе метафоризации усиливаются, преимущественно, признаки качественные. В силу этого метафорические значения экспрессивны; в них заложены оценочно-характеристические признаки» [30]. В системе говора эти слова обладают экспрессивной окраской. Ср. эту лексику в деулинском говоре: *ветроду́йка* ‘болтунья’, *ви́сель—висю́ля* ‘о женщине легкого поведения’, *лом* ‘о сильном, здоровом человеке’, *краснобáйка* ‘говорунья, болтунья’, *кособры́литься* ‘упрямиться’ (ср.: *кособры́лый*, употребленное в номинативном значении), *нищебро́дье* ‘о бедных и темных людях’, *пустограйка* ‘тот, кто любит говорить попусту, болтать вздор’, *стоумóвый* ‘умный, сообразительный, обладающий хорошей памятью’, *дуролóмный* ‘взбалмошный, неуравновешенный’, *завертя́й* ‘непоседа, озорник’, *котéльный* ‘темного цвета, с синим оттенком’, *обдирáла*, *чужеспи́нник*, *межедво́рка* ‘о женщине, которая любит ходить по чужим домам’, *чужеу́мник* ‘живущий чужим умом’ и др. Эти экспрессивные лексические единицы по своему значению связаны с человеком и, как правило, несут в себе отрицательную характеристику его.

Наблюдатели диалектной речи отмечают не только высокий процент экспрессивно-окрашенной лексики в говоре, но и большую ее устойчивость по сравнению с так называемой нейтральной лексикой [31]. В диалектной системе как бы сосредоточивается максимальный набор средств экспрессивного выражения. Яркой иллюстрацией этому могут служить обширнейшие синонимические ряды, которые составляются из лексики этого ряда с возможным при этом нейтральным компонентом. Организация сино-

---

[30] *Ефимов А. И.* Стилистика художественной речи. М., 1957, с. 103.

[31] *Баранникова Л. И.* Некоторые особенности современного состояния диалектной лексики. Вопросы русской диалектологии.— Труды V—VI конференций кафедр русского языка педагогических институтов Среднего и Нижнего Поволжья. Куйбышев, 1965, с. 25.

пимических рядов из однозначных или очень близких по значению экспрессивных элементов согласуется с той вариативностью, которая присуща диалектной речи как одно из свойств языковой памяти коллектива, не имеющего письменной формы речи. Особенно много экспрессивных синонимических образований на всякого рода негативную семантику, а также на глаголы интенсивного действия [32]. Такими синонимическими рядами в говоре д. Деулино будут: *есть — жрать — мóмнить — трéскать — кусáкать*; *наéсться — набулáниться — налупи́ться — нагвозди́ться — намулы́ндаться — нанизáться — натрéскаться*; *глагóлить — дребезжáть — дромози́ть — балáкать — лалáкать — краснобáять — гáмчить — балабóнить* — ‘болтать, излишне много говорить о чем-либо несущественном’; *хвáстать* (нейтр.) — *браздú́ть, пу́тать, брехáть* (перен.), *болтáть* (перен.), *городи́ть* (перен.), *плесть* (перен.), *блáгостить, турýшки перебирáть, речь переводи́ть, навертéть, назудéть, налопотáть* ‘говорить неправду’, ‘разносить сплетни’; *болту́н, болту́нья — лéпник — лéпница — ляпáлка — дормозá — тормозá — дребезгá — краснобáйка — пустограйка*; *бурдéть — брунди́ть — брунчáть — клюжить* ‘сердито бормотать, выражать неудовольствие’; *бить — колоти́ть — бу́здать — валту́зить — поднимáть шум — бузи́ть — бушевáть — бушевáться — бунтовáть — сражáться — стыкáться*; *ссóра — брань — боронá — борьбá — бушевня — бреховня — неразвалóшная*; *ссóриться — брани́ться — костри́читься — колосвéтиться — лáяться — бузовáться — клевотáться — раскурéхататься*; *измáзать, испáчкать — замарáть — завáчкать — заволóжить — заваля́ть*; *забунéть — забуни́ть — загудéть — загремéть* — ‘быстро отправиться куда-либо’; *ругáть — брани́ть — клясть — кости́ть — лáять — шмурыгать — зудéть — нуди́ть — гáять*; *шатáться — шалáться — шебуня́ть — колоты́рничать* ‘бродить без дела, слоняться, бездельничать’ и др. Глаголы интенсивного действия, содержащие в своем лексическом значении субъективную оценку,

[32] Д. К. Зеленин еще в 1903 г. зафиксировал в говорах Вятской губ. у глагола *ударить* 46 стилистических синонимов, а у глагола *говорить* — 15. В этом списке немало слов, устойчиво сохраняющихся в современных диалектных и просторечных сферах: *брякнуть, грабазнуть, дерябнуть, ербалызнуть, кохнуть* и др. (Зеленин, 1903).

объединяются в синонимические ряды, компоненты которых в речи легко взаимозаменяемы. *Забуне́ть — загуде́ть — загреме́ть* (*экспресс.*) ‘Отправиться куда-либо обычно с большим желанием, стремительно’ (В словаре толкуются отсылочными определениями). Ср. примеры на их использование в деулинской речи с идентичным содержанием: *Как чё рабо́тать*: — «*У миня́ но́ги баля́ть*», *а как грыбы́ пайду́ть и но́ги хва́ткии... зъбуни́ть и пашла́*; *я ду́маю, е́сли за́фтря се́на ни каси́ть, зъгрями́м с Ра́йкай за брусни́кай*; *Ну Пяри́ха тожъ зъгуде́ла с каше́лкай* [пошла за трабо́й]; *ни удёржыш, ф кино́ зъгуди́ть, хоть в о́сил бу́дить гляде́ть, фсё адно́ пайдёть.*

Обилие компонентов в отдельных синонимических рядах этого типа может создавать впечатление экспрессивно-оценочной избыточности в говоре. В действительности же, охватывая разные стороны языка, на первый взгляд избыточные конструкции могут компенсировать нечто недостающее в иных уровнях языка. Ф. Л. Скитова, применив методику компонентного анализа, изучила глаголы говорения в народной речи. Ее исследование показало, что четко выраженная образность употребления каждого слова разбираемого синонимического ряда обусловливает отсутствие заметной избыточности в обычных синонимических рядах [33]. Выявление подобных нюансов возможно осуществить не во всех синонимических объединениях. Оно затруднено также условиями функционирования слова в разговорной (устной) речи говора, если иметь в виду, что в разговорной речи реализация слов более экономна, чем в речи письменной, если достаточно намека, чтобы вызвать в слушателе нужную мысль, дифференцирование семантики слов в этих условиях часто не имеет надобности. Важно, что подобные близкие по значению слова экспрессивно окрашены.

Целые каскады равнозначных синонимов (эмфлитация) дают примеры своеобразной компенсации отсутствия в говоре тех средств, которые имеются в литературном языке для передачи одного и того же содержания действительности. Так, если взять категорию усиления, увеличения

---

[33] *Скитова Ф. Л.* Из наблюдений над лексикой говорения в народной речи (опыт определения границ и структуры лексико-семантической группы).— В кн.: Вопросы фонетики, словообразования, лексики русского языка и методики его преподавания. Пермь, 1964.

в литературном языке и в лексической системе деулинского говора, то заметно различие в самом наборе средств языкового выражения. В литературном языке обычны суффиксальные образования (*жари́ща*, *води́ща*, *холоди́ще*, *кровя́ща* и т. п.), или словосочетания существительного с экспрессивными прилагательными: *громадный*, *огромный*, *исполинский*, *колоссальный*, *чудовищный*, *неслыханный* и т. п. В деулинском говоре эта категория выражается сочетанием определяемого существительного с такими усилительными словами, как *ненаме́рный*, *ненаказа́нный*, *несказа́нный*, *непредви́дный*, *несосве́тный*, *несуди́мый*. Несосветный: *клопа́ несосве́тная*, *позора́ несосве́тная*, *глубина́ несосве́тная*, *тяготá несосве́тная*, *воря́ несосве́тная*, *пьянюшка несосве́тная*, *пыля́ несосве́тная*, *ну́да несосве́тная*, *сучки́* (на деревьях) *несосве́тные*, *змéи несосве́тные*, *брань несосве́тная*, *омшара́ несосве́тная*, *ду́ра несосве́тная*, *волоса́ несосве́тные*, *крик* (по покойнику) *несосве́тный*, *хóлод несосве́тный*, *духота́ несосве́тная*, *му́ка несосве́тная*. Ненаказа́нный: *жара́ ненаказа́нная*, *гóлод ненаказа́нный*, *вша ненаказа́нная*, *тоска́ ненаказа́нная*, *бу́сарь ненаказа́нный*, *дура́к ненаказа́нный*, *юга́-погóда ненаказа́нная*, *хóлод ненаказа́нный*, *ве́тер ненаказа́нный*, *мох ненаказа́нный*, *воря́й ненаказа́нный*, *вонь ненаказа́нная*. Неугаси́мый: *тоска́ неугаси́мая*, *дра́ка неугаси́мая*, *трава́ неугаси́мая*, *деньга́ неугаси́мая*, *ка́шель неугаси́мый*, *жара́ неугаси́мая*, *дожжя́ неугаси́мая*. Неприви́дный: *жара́ неприви́дная*, *тоска́ неприви́дная*, *сора́* (на огороде) *неприви́дная*.

Постпозитивная позиция этих прилагательных во фразе усиливает экспрессию их лексического значения ‘очень большой, значительный по величине, размерам, силе’ и т. п.

В говоре д. Деулино продуктивен структурно-словообразовательный тип таких лексем: чаще это отглагольные и реже отыменные суффиксально-префиксальные образования с прист. *не-* (*ненажóрный*, *неприбóрный*, *нероди́мый*, *нерассказа́нный*, *неуде́льный*, *неупокóйный*, *нехолю́зный* ‘неряшливый, неопрятный’ и т. п. с прозрачной внутренней формой, раскрывающей их лексическое значение.

Однако прозрачность внутренней формы актуальна не для всех слов подобного типа. Так, регулярное употребление слов *несосве́тный*, *ненаказа́нный*, *несказа́нный* в каче-

стве усилительных слов ведет к забвению их внутренней формы. Зафиксированы примеры их десементации, утраты номинативной значимости и формализации значения: *браньчи́вый па́ринь, зли́щай, нисказа́ннай, весь в атца́*; *ани жы́ли сро́ду хъраши́, сямы́й не́ было, а он вить зъвисно́й* [трудолюбивый], *нисасве́тнай*. В обоих примерах выделенные лексемы синонимичны слову *очень*.

Лексически к этой группе слов близок синонимический ряд прилагательных *огребно́й, осыпно́й* и реже *обло́мный* с исходным значением ‘представленный большим количеством единичных предметов’; чаще всего это относилось к урожаю чего-либо: грибов, ягод, огурцов и т. п. Выразительные по своей внутренней форме *обро́дный* (связано с *роди́ться*), *осыпно́й* (*осыпа́ться*), *обло́мный* (*обломи́ться*), эти прилагательные в современном говоре д. Деулино имеют открытый ряд сочетающихся с ними существительных [34]. Для этих словосочетаний также типична постпозиция прилагательного. О г р е б н о́ й: *огурцы́ огребны́е, карто́шки огребны́е, че́рти огребны́е, я́блоки огребны́е, кипи́т содо́м* [детвора] *огребны́е, лягу́шки в подпо́лье огребны́е, комары́ огребны́е, грибы́ огребны́е, мошкара́ огребна́я, му́хи огребны́е* и т. п. О с ы п н о́ й: *комаря́ осыпна́я, брусни́ка осыпна́я, ры́ба осыпна́я, черни́ка осыпна́я* и т. п. О б л о́ м н ы й: *трава́ обло́мная, се́но обло́мное*.

Однако сочетания типа *брусника осыпная, ягоды огребные* еще не есть выражение крайней степени усилительной экспрессии. От этих прилагательных образуется и превосходная степень с помощью суффиксов — *огребущий, осыпущий, осыпленный* или, что еще чаще, бо́льшая степень экспрессии достигается соседством в одном отрезке речи обоих синонимов: *я́блоки огребны́е-осыпны́е, лягу́шки огребны́е-осы́пные, ры́ба осыпна́я да огребна́я, помидо́ры огребу́щие-осыпу́щие* (о парности конструкций при выражении экспрессии см. с. 88).

Потребностью разговорной диалектной речи в средствах экспрессивного выражения объясняется и тот факт, что отдельные лексические единицы говора развивают в своей

[34] В говоре д. Белое Спас-Клепиковского р-на Рязанской обл. нами зафиксировано употребление слова *огребно́й* в значении, дающем качественную характеристику абстрактному существительному или лицу ‘очень большой, значительный по количеству, по степени’: *этъ го́лат был агрёбнай; ате́ц-тъ был нйанюшка агрёбный.*

семантической структуре особые значения, основная языковая значимость которых состоит лишь в экспрессии. Лексическое значение подобных образований реализуется ситуативно. Это своеобразные экспрессоиды, т. е. слова, содержащие и порождающие экспрессию. В деулинском говоре такими экспрессоидами можно считать экспрессивные значения глаголов *валя́ть* и *дуть*. Круг действий, которые охватывают эти глаголы, очень широк и многообразен. В а л я́ т ь: *мужики́ пайду́ть абе́дать, а мы биз абе́да валя́им... вон как рабо́тали стара́лися* ‘работать, трудиться’; *ана́ взяла́ у́ Ду́ни квас, паллі́тра, и пусто́й квас* [вместо обеда] *валя́ить и валя́ить* ‘пить’; *из утра́, из утра́ бы уш валя́л* ‘о дожде’; *снаха́-та тво́жа з ду́рью з бальшо́й, как папа́ла ийо́* [свою свекровь] *валя́ить* ‘ругать, поносить’; *фсю вре́мя та́к-та валя́ла — карбву прадала́ за три* [тысячи], *а тёлачку зъ пятьсо́т купю, а три у миня́ ф карма́ни* ‘о последовательности каких-то действий’. Д у т ь: *ана́ прям нъпрямуя цъльнико́м, цъльнико́м* [по целине] *ду́ить биз даро́ги* ‘быстро идти’; *патёмкай ду́ить, глаза́ по́ртить* ‘писать’; *ма́льчику два го́да тре́тяй ... пасо́диш ф ка́чку, он аб нийо́ вот так гъла́во́й ду́ить, весь ф шы́шах, весь в рага́х* ‘ударяться, стукаться’; *батва́ ду́ить в рост чилаве́ка* ‘расти’; *вот и бу́дить и бу́дить до́жжик дуть* ‘идти — о дожде’.

Десемантизацию переживают и другие экспрессивные глаголы деулинского диалекта, например, *бу́здать — набу́здать, ширять*.

В зависимости от ситуации *бу́здать—набу́здать* ‘надавать тумаков, поколотить’ [Обращается к детям:] *Сле́сьте ща́с жа* [с дерева], *а то как набу́здаю бака́ фсем*; ‘чрезмерно много наложить чего-либо’ — *вяза́нку набу́здъйить мне, как сибе́, и ни пирисигниш* [с ней через канаву]; ‘чрезмерно много налить’ — *Но́ни нълило́-та каку́ю страсть! Вады́-ты набу́здала*; ‘производить любое действие с чрезмерной силой, интенсивностью’ — *Ани́ ща́с ско́льки мы́ла пага́дють, а мы нава́рим щёлаку и бу́здаим*; [самолеты] *бу́здють* [стреляют], *стръхати́ша кака́я!* Аналогично *ширя́ть* ‘делать что-либо’ (употребляется для обозначения широкого и неопределенного круга действий: толкать, толкаться, бросать, простреливать — о болевых ощущениях, укорять, попрекать). *Две касы́, шыря́й и шыря́й пътихо́ньку*; [Вдевает нитку в иголку:] *шыря́ю, шыря́ю — пъпаду́*; *Пабо́ли* [поросята] *как шы-*

ря́ють ийо́ [свинью], *на́вирьх падымуть*; *бок бали́ть, начьне́ть шыря́ть, вверх так шырнёть*; и даже ‘укорять’, ‘попрекать’ — *как напи́бцца сын, мне фсё в глаза́ шыря́ить*: *где аста́вила фсе лахмо́тки, там ы жыви́*.

Ситуативное наполнение содержания в глаголах-экспрессоидах проявляется и в совокупности однокоренных образований. С т е б а́ т ь: 1. ‘Шить, делая большие стежки’. 2. *Экспресс.* ‘О каком-либо действии’: — *Вон ба́пка Да́ша как хва́тка стяба́ить* ‘быстро идет’; *а вино́ фсе лю́бють пить, и ба́бы валя́ють, стяба́ють*; с т е б а н у́ т ь—с т я б н у́ т ь ‘сильно ударить’ — *Дъ он сро́ду слъбару́кай*! [— Что у него руки слабые?] — *Кре́пки са́мыи, сла́быми ни стибанёш*; н а с т е б а́ т ь с я ‘напиться или наесться’ — *Ква́су нъстяба́лась*.

Особая синтаксическая позиция глаголов-экспрессоидов *валя́ть* и *дуть* проявляется в приложении их к глаголу-сказуемому высказывания. Из двух глаголов фразы один сообщает действие, другой же лишь подчеркивает усиление этого действия, т. е. выполняет чисто экспрессивную функцию: *У нас дощь был си́льнай, харо́шай, каку́ю лу́жу набу́здал, ребя́та бро́дуть валя́ють*; *Прихо́дю дамо́й, а ана́ спить валя́ить на крава́ти*; *И сасе́т Симён там ко́сить ду́ить*; *И там мост де́ляють ду́ють*; *И па́риньжени́х и де́фка Ра́йкя вон кака́я, расту́ть ду́ють*; *Паси́гають-паси́гають, папры́гають-папры́гають — и фсё* [раньше], *а ны́ни виш как танцу́ють валя́ють*; *Е́тай рука́й я ня тру́, ана́ как каро́чи ста́ла, а е́тай валя́ю, мо́ю*; *Яблъкъф нарва́л и жреть валя́ить*; *Стяпо́к вон бушу́ить, фсе ча́шки валя́ить ко́лить, фсех с избы́ павы́гнал*.

В форме повелительного наклонения глагол *валя́й-валя́йте* употребляется в значении понуждения ко многим и разнообразным действиям: *Как уве́дрилъсь-то, нъкаси́ли ... мал-мале́нька вы́сахла* и *валя́й* [убирай]; *Нас ръсстънави́ли пъ адно́й жать ... и валя́йтя жни́тя*.

Полное смысловое выветривание глаголов-экспрессоидов, речевое применение их лишь как интенсификаторов действия наглядно демонстрируется, когда в границы одного контекста включается несколько таких экспрессивно значимых глаголов: *Иныи рабо́тають с пънарбвачкай, а ф ком хи́трасти нет, он и валя́ить и валя́ить, ду́ить и ду́ить, пака́ уш пот ни пътике́ть*.

Сложно-составной предикат, как показывают исследования, характерен для разговорной речи вообще, хотя

в диалектах он реализуется иными, чем в литературном языке, лексическими средствами [35].

Парность слов, употребленная в рамках одного высказывания, характерна для разговорной диалектной речи вообще (в 3 гл. будет описано явление лексической парности как показатель вхождения иносистемных лексических элементов в диалект и устаревания исконных слов там). Здесь же, в разговоре об экспрессивных средствах лексико-семантической системы говора, следует посмотреть на парные конструкции (ПК) как на показатель именно экспрессивности, ибо разные типы их как бы знаменуют собой движение в направлении нарастания экспрессивности.

ПК разной степени фразеологической спаянности, компоненты которых близки или совпадают в своем смысловом наполнении, несут различную коннотативную нагрузку. Мы выделяем несколько типов таких парных конструкций.

1. Дублетные ПК функционально-коммуникативной направленности. По составу грамматических категорий эти ПК разнообразны; существительное — существительное, прилагательное — прилагательное, глагол — глагол, наречие — наречие и под. По спаянности компонентов ПК функционально-коммуникативного вида наиболее свободны: они не закреплены ни за определенным местом во фразе, последовательность их компонентов друг с другом не обязательна, хотя и преимущественна. *Вы́вились у мина́ касáтачки, ластъчки*; *Ф кантóри сидя́ть галóфки, начáльники нáдъ сказáть, а мы галóфки*; *Дамóй уш приду́, здéлаюсь хварáя, бальнáя*; *Её* [осиротевшую девочку] *адяваю́ть мúрам, саббрам*. Несмотря на грамматическое различие компонентов данной ПК, она объединена номинативным характером в лексическом содержании составляющих ее элементов.

2. Отход в направлении к коннотативному содержанию ПК начинается с изменения лексического содержания ее компонентов. Появление у них семантики интенсивного действия (в глаголе или отглагольном существительном), чистой оценочности (в прилагательном или наречии) накладывает свой неизменный отпечаток на всю ПК. В ПК,

---

[35] См. подборку мнений по этому вопросу: *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, с. 57 и сл.

уже экспрессивно окрашенной, изменяется фразеологическая спаянность; отдельные примеры таких ПК из двух тождественных слов, по мнению некоторых исследователей, сливаются в одно сложное слово [36]. *А Калю́ха е́тат всё въскрисе́ние буне́л-стуче́л, никако́ва спако́ю не́ была; Ребя́та балу́ющца, падни́мут гръмаве́нь-стукаве́нь, вайну́ падни́мут; Привязи́те машы́ну се́на, пусть ана́тось жроть; Ня бчень дабре́ ста́рай.*

Особенно интенсивно нагнетание синонимов (эмфлитация) в оценочных прилагательных типа *я́блоки огребны́е-осыпны́е; ры́ба осыпна́я да огребна́я.*

3. От первых двух групп ПК отличаются те ПК (тавтологические и нетавтологические), в которых налицо выветривание лексического содержания в одном из компонентов конструкции (по существу частичную десемантизацию можно наблюдать уже и в группе 2). Оценочное прилагательное выступает в роли дополнительного элемента экспрессии, лишено номинативной значимости и формализовано: *Бранчи́вый па́ринь, зли́щай, нисказа́нный, весь в ацца́.* Еще заметнее эту функцию катализации экспрессии выполняют описанные глаголы-экспрессоиды — *валя́ть* и *ду́ть.*

4. В ряд ПК естественно выстраиваются многочисленные и самые разнообразные тавтологические сочетания. Самобытные фразеологизмы русского языка, они, естественно, изучаются в самых разных аспектах лингвостилистического анализа [37]. В последнее время под влиянием широко развернувшейся диалектной лексикографической практики собран большой материал на ПК, компоненты которой глагол и однокоренное наречие (в твор. или вин. падеже): *в бежкй бежа́ть, вило́м ви́ться, нагбно́м гнать, сидьмя́ сиде́ть.* Новые данные, значительно превосходящие все предшествующие, по количеству охвата этой ПК лексем, а также распространение ее на терри-

---

[36] Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962, с. 113.

[37] *Селиванов Г.* Тавтологические сочетания как самобытные русские фразеологизмы.— РЯШ, 1955, № 2; *Шведова Н. Ю.* Указ. соч., с. 73—74; *Евгеньева А. П.* Указ. соч.; *Бурмако В. М.* Семантико-синтаксические свойства именных тавтологических фразеологизмов. Автореф. канд. дис. Саратов, 1971; *Селиванов Г. А.* Фразеология русской деловой письменности XVI—XVII вв. Автореф. докт. дис. М., 1973.

тории разных групп говоров позволяют пересмотреть устойчивое суждение об этом фразеологизме как лексически ограниченном. Тавтологические сочетания данного типа зафиксированы без ареального ограничения. В разных исследованиях фиксируются целые списки таких оборотов (когда они попадают под специальное наблюдение) [38] и единично, если они отмечаются попутно, наряду с другими лексико-фразеологическими фактами. Приведем примеры из деулинского диалекта: *в бежкú бежáть*, *вилóм вúться*, *вискмá вищáть*, *бегмá бéгать*, *глóтом глотáть*, *дирмá дрáть*, *едмя́ есть*, *жúтом жить*, *кúпнем кипéть*, *крúчем* (*кричмá*) *кричáть*, *нагóном гнать*, *питкóм пить*, *в проклúн проклинáть*, *в разóр разоря́ть*, *рёвом* (*ревмя́*) *ревéть*, *сúдьмя сидéть*, *становúть стоймá*, *съедмя́ съесть*, *таксмá* (*таскóм*) *тащúть*. В новейших работах по диалектной лексике такого материала очень много. О. И. Блинова считает ПК этого типа специфически характерными для диалектного языка благодаря четко выраженной мотивировочной связи, последняя же — один из важнейших показателей системных отношений в лексике; мотивационная связь в данного типа конструкциях — действительно «связь органическая и постоянная связь, имеющая многовековую традицию» [39]. Тем неожиданнее и, пожалуй, противоречиво выглядят некоторые суждения, комментирующие эти сочетания. Е. Н. Шестакова, признавая древность фразеологизмов типа *стоймá стоя́ть* и значительное место их в лексико-семантическом составе говора, в то же время говорит, что они «составляют его пассивный фонд, не пополняющийся новыми единицами».[40] Неясно, о каких н о в ы х единицах в связи с данными ПК может идти речь, если они фактически создаются в речи от большинства исконно русских переходных и непереходных глаголов конкретного действия? Наречный компонент в них, по происхождению (творительный па-

---

[38] См., например, канд. дис. С. Р. Качинской или статьи В. Б. Силиной, Т. С. Коготковой по рязанским говорам.

[39] *Блинова О. И.* Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии.— В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика 1971 г. Л., 1972, с. 101—102.

[40] *Шестакова Е. Н.* К проблеме взаимодействия фразеологии говора с литературным языком и фразеологией других говоров.— Изв. Воронежского гос. пед. ин-та, 1969, т. 68, с. 161.

деж) не существует в качестве самостоятельного слова; в современных диалектах его роль сводится к функции морфемы усиления, подчеркивающей «высшую степень проявления действия в отношении его продолжительности или интенсивности» [41].

Тавтологические ПК благодаря своей фразеологической спаянности, полной десемантизации наречного элемента и превращения его в морфологический формант усиления формируются в конструктивно законченное образование с подчеркнутой семантикой глагольного действия, что позволяет ей быть неизменным средством выразительности и экспрессии не только в разговорной речи (диалектной и недиалектной), в произведениях устного народного творчества, но и художественной литературе: *По персиянской серости торговец закричал. Что он кричал, Сашка не понял, но понял одно: торговец ругма-ругается.* (Ю. Тынянов, Смерть Вазир-Мухтара); *Я с недоумением пожал плечами. И тогда Евдокия заговорила: — Слыхали, слыхали, Федор Александрович, как меня прописал ... Сказывали ... Пелагея сундуки накопила... Пелагея на ситцах да крапдешинах помешалась ... Две плюшовки завела... А того не слыхал, как Пелагея робила?* Муж больной, *сколько лет трясучись ходил да лежкой лежал, свекор немощен, мать-свекровушка тоже рукой не пошевелит, четыре девки мал мала меньше...* (Ф. Абрамов, Сюжет и жизнь).

ПК устной диалектной речи есть типичное проявление разговорной речи вообще, согласующееся с психолингвистической природой их порождения и протекания (спонтанная необходимость уточнения, спонтанная необходимость подчеркивания и т. п.). В этих первично психолингвистических импульсах уже заложен зародыш языковой экспрессии. Именно поэтому парность всякого рода близкозначащих элементов — одно из самых распространенных языковых средств художественной выразительности во многих языках вообще. Мы сознательно расположили и отобрали из множества народно-разговорных ПК, свойственных одной диалектной системе, такие ПК, в которых можно видеть диалектику языковой экспрессии в направлении усиления ее. Это движение идет, во-первых, по ли-

---

[41] *Янценецкая М. Н.* К вопросу о диалектной фразеологизации.— Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та, т. 20, вып. 2, 1962, с. 47.

нии семантического упрощения одного из компонентов ПК — от объединения в ПК двух семантически близких и полноценных компонентов, через ПК, где один компонент уже десемантизируется, к ПК, где семантически значимым является лишь один компонент, другой же — морфологический формант; во-вторых, по линии нарастания фразеологической спаянности — от объединения в ПК лексически независимых друг от друга компонентов с более или менее свободным размещением их в рамках одного высказывания к ПК фразеологически спаянной, конструктивно единой с жесткой зависимостью одного (грамматического) компонента от другого, семантически значимого.

§ 5. Широкий ряд экспрессивных компонентов в рассматриваемых семантических рядах отражает ту восприимчивость и постоянное обновление экспрессивных средств, которые и соответствуют разговорной речи как таковой. Экспрессивная лексика легко переходит из говора в говор, причем основной причиной такого перехода, по нашему мнению, является постоянный поиск в каждом говоре все новых и новых экспрессивных единиц. Экспрессивные слова легко черпаются говором из литературного языка (в последнее время на наших глазах в говорах «осели» такие экспрессивные фразеологизмы, как *ни грáмма*, *всю дорóгу*). Попав в диалект, такие экспрессивные единицы задерживаются в нем, ибо они обновляют запас экспрессивно-эмоциональных средств говора. В случае, если эти новые для говора экспрессивные единицы расширяют дублетно-синонимические ряды в лексической системе диалекта, то и здесь они вполне согласуются с семантической вариативностью, присущей диалектной речи как речи некодифицированной.

Миграция экспрессивной диалектной лексики и образует одно из основных свойств ее — интердиалектность. Так, приведенное слово *бýздать* и его обширные однокоренные образования (*бýзгать*, *бýзгивать*, *бýзгнуться*, *буздáк* ‘удар’, *буздáкнуть*, *буздáкнуться*, *бузданýть*, *буздóнить*, *буздыкнуть*, *бýздылы*, *буздыльники* ‘бранно, глаза’, *буздырить*, *буздырнуть* и *буздырнýть*, *буздыря* ‘насмешливое, тот, кто много пьет’, *буздырять*, *буздыряться*, *буздых* ‘междом. звук от всплеска воды при падении в нее какого-нибудь предмета; *буздякать* и др.) по данным СРНГ реализуется по говорам русского язы-

ка, в основном, в общих значениях: 1) ‘бить’; 2) ‘есть что-либо жидкое, хлебать (иногда «пить»)’. // ‘Есть что-либо с большим аппетитом’ (все процессы протекают при этом весьма интенсивно). Территориальное распределение указанных значений не обнаруживает строгой локализации: основная прикрепленность 1-го значения к северным говорам нарушается наличием его в Воронежской губ., а приуроченности 2-го значения к областям южнорусского наречия противоречат указания на распространение его в Свердловской, Вологодской, Костромской губерниях.

СРНГ показывает хронологическую устойчивость описанной семантики: *Он так щи буздает, ажно пот с него валит* (Медын., калуж. 1849); приведенные деулинские данные — самые современные.

Аналогичными характеристиками (интердиалектной распространенностью, хронологической устойчивостью, ситуативностью интенсивного или негативного содержания) отмечаются многие деулинские слова или их дериваты из разряда экспрессивно-эмоциональной лексики: *ветроду́йка* ‘*экспресс.* болтунья’, у Даля: *ветроду́й* ‘ветрогник, вертопрах, легостай’; СУГ: *резко неодобр.* ‘легкомысленный человек’; *ви́сель—висю́ля* ‘о женщине легкого поведения’, Опыт: *висля́й* ‘лентяй, повеса, негодяй’; *красноба́йка* ‘говорунья, болтунья’, Опыт: *красноба́й* ‘смешной раскащик’, *красноба́ить* ‘говорить смешное, забавное’; *межедво́рка* ‘неодобрит. О той, кто любит ходить по чужим домам, бездельничать’. Васнецов: *межеу́мок* ‘полоумный, дурноватый’; *пустогра́йка* ‘тот, кто любит говорить попусту, болтать вздор’. Подвысоцкий: *пустогра́й* ‘пустозвон, пустой человек’, Добровольский: *пустобрёх* ‘болтун, пустомеля, пустой человек’, *пустодо́м* ‘ветренник, не старающийся о хозяйстве’, *пустодо́мка* — ‘то же’ и др. (в монографических описаниях экспрессивно-эмоциональной лексики подобные факты приводятся целыми списками).

Повышенный экспрессивно-эмоциональный тонус диалектной речи накладывает отпечаток на развитие экспрессивных значений слов, попавших в диалект из общенародного литературного языка.

В смоленских говорах отмечены однокоренные *банкру́т—банкру́тина*. В середине XIX в. *банкру́т* ‘несостоятельный торговец, лопнувший неплательщик’ (Даль).

Негативное осмысление слова *банкру́т* в диалектах послужило семантическим трамплином для перехода его в разряд собственно экспрессивной лексики. В показаниях более чем столетней давности (1850) *банкру́тина* ‘вор, плут’ (СРНГ). Пейоративная коннотация у слова *банкро́т* в смоленских говорах стабильна и на дальнейших этапах его фиксации вплоть до современного состояния: ‘ругат. слово’ (Добровольский); *Я рабо́тал уме́сти са́ взро́слыми, а пълуча́л ме́ни их, яки́ абма́нъвъли миня́, пато́м прика́шык узна́л и сказал им*: «*Банкру́ты вы, ри́бе́нка абма́нъвъитя*» (Граве, 1970).

Образцы аналогичных семантических трансформаций в направлении усиления экспрессии дают и диалектные фразеологизмы, в составе которых есть лексические единицы литературного языка: *ма́ска* ‘некрасивое лицо’, ‘рожа’ курск., орлов (КСРНГ), ср. фразеологизмы: *бессо́вестную ро́жу наде́ть — бессо́вестную ма́ску наде́ть* — ‘вести себя недостойным образом’, ‘безобразничать’, где *ма́ска* и *ро́жа* выступают как взаимозаменяющие компоненты (Пахотина, 1973) или широко употребительный в говоре д. Деулино, но пока с неясной историей проникновения туда фразеологизм *не взять* (или *не надо*) *аблима́нту* ‘о решительном нежелании сделать что-либо или поступить каким-либо образом’. *Мне аблима́нту не на́до, штобы я сва́стал.* Неясность этимологического строения ведущего компонента *аблима́нт* в рассматриваемом фразеологизме укрепляет его экспрессивную выразительность.

Замечена определенная зависимость экспрессивно окрашенной лексики от облика слова. Наиболее экспрессивны либо слова с прозрачным словообразовательным строением (*пустогра́йка, сопленосы* ‘о детях’, *набы́читься, ле́жень* и т. п.), либо, наоборот, образованные на основе неясных с этимологической точки зрения корневых морфем («*дреп*» и его производные, «*чечул*» и производные, «*хал*»—«*хол*» — *нехолю́зный, холя́ва, нехаля́вый*; «*буздо*»—«*бузг*» и производные и т. п.).

Косвенное подтверждение активной миграции эмоционально-экспрессивной лексики по говорам русского языка можно найти и в работах, посвященных изучению взаимодействия диалектов русского и украинского языков. Так, Ф. П. Сергеев отметил, что наиболее легкими для усвоения русскими украинских слов явились слова

с отрицательной семантикой, отражающие разные стороны человеческой личности и поведения [42].

§ 6. Анализируемые факты отражают лишь одну из сторон общей проблемы — функционирование экспрессивных единиц в диалектной речи, их поиск и обновление. На первый взгляд складывается впечатление, что лексическая система говора изобилует экспрессивно окрашенными элементами, которые к тому же и весьма устойчивы. Однако потребность обновления экспрессивных единиц в говоре не была бы реальной, если бы не существовало другой стороны этого явления — утраты экспрессивности лексическими единицами разной стилистической значимости. В 30-е годы эту утрату отмечал А. М. Селищев для слов высокой эмоционально-экспрессивной тональности, попавших в говор для обозначения новых явлений советской действительности и получивших там широкое распространение. Слова и сочетания с эмоциональной окраской понижают свою особую выразительность или даже совсем ее утрачивают (*возглавить*, *заострить*, *подкован* и др.). Селищев приводит для иллюстрации своего наблюдения пример-фразу, в которой слова несовместимы ни со своим стилевым наполнением, ни логическим: «*Мы имеем кой-какие* (!) *громаднейшие* (!) *успехи*» (Селищев, 1939).

Эмоционально-экспрессивные единицы в диалектной лексической системе, как и во всякой системе естественного языка, нейтрализуются и по причине утраты «моды» на то или иное ходовое экспрессивно наполненное словцо. Выветривание экспрессии в слове — явление общеязыковое [43]. В диалектах же, в случае миграции данного слова в другой говор или в разговорные сферы литературного языка, эта экспрессия может вновь возрождаться. Так, именно потерей экспрессии можно объяснить сосуществование в лексической системе д. Деулино разных по

---

[42] *Сергеев Ф. П.* О характере взаимодействия между диалектами русского и украинского языков в условиях смешанного заселения.— В кн.: Вопросы русской диалектологии (Труды V—VI конференции кафедр русского языка педагогических институтов Среднего и Нижнего Поволжья). Куйбышев, 1965, с. 66.

[43] Подобные процессы, но на материале французского языка, отмечал и Ш. Балли, анализируя социально-психологическую и эмоциональную структуру разговорной речи (*Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961, с. 325 и сл).

значению слов, оформленных уменьшительными суффиксами и исходных *борода́шечка—борода́шка* ‘подбородок’, *борово́к—бо́ров* ‘самец свиньи’, *бу́ски—бу́сы*, *квокту́шка—квокту́ха* ‘наседка’, *кожури́нка—ко́жа*, *коз и́чка—коза́*, *колбе́шечка—колбе́шка* ‘головешка; обуглившееся полено’, *ла́пка-ла́па* ‘ступня человека или животного’, *позвоно́к—позво́н* ‘колокольчик’.

Нейтральными словами с номинативным значением являются: *портни́шка*, *врачи́шка*, *шептуни́шка* (ср. *шептуха*) [44].

Утрата экспрессивности, которая присуща диалектной речи, как наиболее яркому и типичному воплощению разговорной речи вообще, создает весьма существенное расхождение в стилистическом чувстве самих носителей диалекта и лиц, для которых язык диалекта не родной (в данном случае — наблюдателя диалектной лексики). Однако интенсивное включение наблюдателя говора в языковое существование носителей диалекта уменьшает это расхождение. Так, в результате длительного пребывания в говоре д. Деулино, внимательного наблюдения за аффективной стороной непосредственного течения живой диалектной речи, анализа сопоставимых звеньев лексической системы позволили коллективу авторов Деулинского словаря оставить без каких-либо стилистических помет такие, например, слова: *брунди́ть — брунча́ть* ‘ворчать, брюзжать’, *бузи́ть*, *бушева́ть* ‘скандалить, буянить’, *бушева́тый* ‘тот, кто скандалит, ругается’, *вава́хнуть — вава́кнуть* ‘сильно ударить, стукнуть, бросить’, *глаго́лить* ‘болтать, излишне много говорить о чем-либо несущественном’, *го́голь*, ‘рослый, молодцеватый человек’, *гогóлка* ‘женск. к гоголь’, *дерьму́жить* ‘сильно чесать’, *дера́бать* ‘скрести, царапать’, *избурóбить-перебурóбить* ‘перевернуть все верх дном, разбросать, раскидать’, *лежебóкий* ‘нелюбящий работать, ленивый’, *колоты́рник—колоты́рничать* ‘торговаться, перепродавать по многу

[44] Утрата уменьшительности — явление, характерное и для литературной разновидности русского языка; см.: *Дементьева А. А.* Имена существительные с утраченной уменьшительностью.— РЯШ, 1948, № 1,; *Громова Н. М.* Утрата уменьшительного значения в некоторых именах существительных женского рода с суффиксом *-к(а)*.— В кн.: Вопросы русского языкознания, кн. 2. Львов, 1956, с. 113; *Червенкова И. В.* О лексикализации уменьшительных слов в современном русском литературном языке.— Филол. науки. Научные доклады высшей школы, 1961, № 2.

раз', *мотова́тый* 'непостоянный, легкомысленный', *набути́ть* 'наполнить, завалить чем-либо что-либо', *наверну́ться* 'неожиданно появиться, попасться', *наверте́ть* 'наговорить что-либо с целью возбудить злобу к кому-либо, настроить против кого-либо', *наколба́ть* 'небрежно, кое-как зашить что-либо', *накошля́ть* 'сделать растрату', *накостричи́ть* 'намусорить, насорить', *недоро́слик—недоро́стень* 'человек маленького роста', *нехвату́н* 'об умственно неполноценном человеке', *оба́биться* 'стать замужней женщиной', *обры́нуть—обры́нуться* 'похудеть, осунуться' и др.

Система экспрессивных средств диалекта определяется природой разговорно-обиходной речи, являющейся для говора единственной формой существования. С. И. Ожегов, сравнивая две основные формы современного русского языка, писал: «Если литературная форма национального языка организована стилистически (даже в устном виде), то обиходная форма национального (а она тоже устная) организована экспрессивно» [45]. Повышенный эмоциональный тонус устной (разговорной) речи говора определяет процессы постоянного обновления экспрессивных средств в диалекте. В числе их особую важность имеет миграция экспрессивной лексики на огромной территории распространения русского языка. Интердиалектность экспрессивной лексики говора вплотную подводит исследователя к размышлениям о происхождении и функционировании всего просторечия в русском языке, в том числе и в его литературных сферах.

[45] Вопросы культуры речи, вып. 7. М., 1966, с. 8.

Глава 3

ДУБЛЕТНО-СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО ГОВОРА

Изучение диалектной синонимии • Лексическая синонимия и лексическое дублирование в рамках одной лексико-семантической системы • Функционирование лексических дублетов в ситуации речевого (языкового) перевода • Языковое производство слов-дублетов • Выявление гомогенных синонимов в лексической системе говора с помощью методики дистрибутивного анализа

§ 1. Смешанная и полудиалектная структура современного говора как нельзя полнее проявляется в таком существенном языковом феномене, как лексическая и словообразовательная синонимия. Обилие синонимов в диалектной речи было замечено еще на самом раннем этапе развития русской диалектологии [1].

В 30-е годы, когда формировались принципы лингвогеографического изучения говоров и закладывались методологические основы Диалектологического атласа русских диалектов и когда начались фронтальные и планомерные обследования территориальных говоров, а в научный оборот стали поступать массовые материалы, появилась необходимость подойти и к диалектным синонимическим явлениям с определенных теоретических позиций.

[1] См.: *Смирнов И. Т.* Кашинский словарь.— ОРЯС, т. 70, № 5. СПб., 1901; *Волоцкой В.* Сборник материалов для изучения Ростовского (Ярославской губ.) говора.— ОРЯС, т. 72, № 3. СПб., 1902; Д. К. Зеленин, изучая говоры Вятской губ., писал: «... в народном языке мы встречаемся с поражающим богатством и разнообразием синонимов» (*Зеленин Д.* Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. Дополнительные и критические замечания о вятской лексике.— ОРЯС, т. 76, № 2. СПб., 1903, с. 16).

Было обращено внимание на тот факт, что лексические единицы диалекта как пространственной категории соотнесены с тождественными по смыслу словами других говоров (выявлением этих противопоставлений на обширном пространстве по заданному списку лексем, по существу, и занимается лингвистическая география). Классификация таких межсистемных тождественных (или близких по смыслу) слов выглядит у разных ученых по-разному.

Ф. П. Филин предложил строго разграничивать синонимичность и параллелизм обозначения, усматривая разницу между этими явлениями в том, что «синонимия употребляется в одном и том же говоре, параллельные же названия — в разных» [2]. Эту точку зрения Филин не изменил и впоследствии, считая синонимические отношения в лексике проявлением одной системы, связанной единой речевой практикой единого коллектива [3]. Аналогичные связи слов у Р. И. Аванесова получают наименование «разнодиалектной, межсистемной синонимии» (*петýх—кóчет*, *бéлка—вéкша*) в противоположность «внутрисистемной синонимии» (например, *конь—лошадь* в рамках литературного языка) [4]. Такой взгляд на синонимию Аванесова органически вытекает из разработанной им теории диалектного языка как проявления единой макросистемы.

В последующих обращениях к межтерриториальным лексико-семантическим соответствиям исследователи по существу примыкают то к одной, то к другой терминологической квалификации (параллельные наименования слов в говоре называются то «междиалектные синонимы», то «семантически соотносимые слова», то «лексические соответствия», «лексические эквиваленты» и т. п.) [5].

---

[2] *Филин Ф. П.* Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии. М.— Л., 1936, с. 161.

[3] *Филин Ф. П.* О составлении диалектологических словарей славянских языков.— В кн.: Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. София, сентябрь 1963. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 328.

[4] Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962, с. 151.

[5] Даже теперь, когда изучение синонимии русского языка особенно активизировалось, можно встретить противоречивые использования термина «синоним» в приложении к диалектному материалу. Так, одно и то же явление словообразовательной, морфологической и произносительной вариантности слова — явление весьма распространенное в говорах русского языка,— называется у

Влияние этих двух противоположных концепций видно в разработках синонимической проблемы, предпринятых О. И. Блиновой.

В начале 60-х годов, описывая лексико-семантические соответствия на ареале среднеобских говоров, Блинова называет эти соответствия «синонимией» [6]. Позднее Блинова предлагает деление синонимичной лексики в говорах на однодиалектные синонимы и разнодиалектные синонимы-«параллели» [7]. Первые связаны с проявлением синонимичности в одном говоре, вторые — в разных (примеры их ограничиваются извлечениями из среднеобского региона или взяты из опубликованных работ). Некоторые из таких разнодиалектных (по терминологии Блиновой) синонимов, приводимые в книге как образцы широты синонимического ряда, кажутся весьма наглядными. Таковы народные названия лихорадки, заимствованные О. И. Блиновой у В. А. Меркуловой (46 слов). Но именно эта эффектность в демонстрации обширности синонимического ряда и вызывает сомнение в синонимичности компонентов его, если иметь в виду отражение в синонимии не только семантического наложения единиц синонимиче-

---

разных авторов по-разному. «В диалекте,— пишет И. А. Оссовецкий,— наблюдается большое количество вариантов для номинации одного и того же понятия, явления или реалии. Такие варианты образуют *сложную цепь синонимов* (разрядка моя.— *Т. К*), отдельные звенья которой очень близки между собой по звучанию и неразличимы по значению. В употреблении этого типа синонимов наблюдается известное безразличие. Хорошим примером может служить синонимический ряд слов говора со значением ‘если’: *ёзли, ёли, лёжли, лёзли, лёли, лёсли, ӡзли, ӡлива, ӡсли, ӡли*» (*Оссовецкий И. А.* Словарь говора д. Деулино Рязанского района Рязанской области.— В кн.: Вопросы диалектологии восточно-славянских языков. М., 1964, с. 180). Противоположно мнение Л. И. Баранниковой: «В других случаях отмечаются словообразовательные варианты от одного и того же корня, которые отнюдь *не следует считать* синонимами (разрядка моя.— *Т. К.*), например: *ка́дце* и *ка́дочка*, *кадӯшка* и *ка́дка*» (*Баранникова Л. И.* К вопросу о диалектной синонимии.— В кн.: Вопросы стилистики, вып. 1. Саратов, 1962, с. 104).

[6] *Блинова О. И.* О явлениях синонимии в терминологической лексике старожильческих говоров средней части Обского бассейна.— Труды 5-й зональной научно-метод. конференции рус. языка вузов Западной Сибири. Новокузнецк, 1962.

[7] *Блинова О. И.* Введение в современную региональную лексикологию. (Материалы для спецкурса). Томск, 1973, с. 165, 168; *Она же.* Проблемы диалектной лексикологии. Автореф. докт. дис. Саратов, 1975, с. 26.

ского ряда, но и объединение синонимизирующихся элементов общей речевой практикой, скрепление их системно-семантической корреляцией. При встрече с таким обширным рядом народной номенклатуры приходит мысль — намного ли меньше дистанция между крайними членами такого рода (точнее — набора параллельных наименований) дистанции, разделяющей эквивалентные названия в разных языках (рус. *стол.* — нем. *der Tisch*). Это, действительно, межсистемный параллелизм в наименованиях одного и того же референта (народные названия курицы в русском языке, к примеру, по количеству слов намного превосходят достаточно широкой ряд наименований лихорадки [8]).

Именно поэтому в монографических исследованиях диалектной синонимии можно встретить решительное несогласие с выделением «междиалектной синонимии» как существующего языкового явления. В термине «междиалектная синонимия» недопустимо подменяется одно явление (внутрисистемное) другим, «базирующимися на локальных признаках семантически соотнесенных диалектных слов» [9]. Ниже на конкретных примерах одной лексико-семантической системы можно будет видеть, как конкретная речевая деятельность создает ситуацию для нейтрализации членов синонимического ряда. Таким образом, этот материал подтверждает одно из последних определений синонима [10].

О диалектной синонимии в последние годы пишется очень много и в специально ей посвященных работах, и иных лексико-семантических исследованиях [11].

---

[8] *Левина Г. М.* Народные названия курицы. Русская речь, 1974. № 5.

[9] *Качинская С. Р.* Лексическая синонимия в южных говорах Горьковской области (на материале говоров Гагинского района). Канд. дис. М., 1972, с. 4.

[10] *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 130.

[11] *Главырина Э. В.* К вопросу о специфике словарного состава русских народных говоров.— Уч. зап. Уральского гос. ун-та, Свердловск, 1958, вып. 20; *Жбанкова Т. С.* О некоторых семантически соотносимых словах в рязанских говорах.— Уч. зап. Рязанского пед. ин-та, 1959, т. 25; *Палагина В. В.* Непредметная лексика говора западной части Томского района, Томской области.— Уч. зап. Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева, 1959, № 39,: *Соколов О. М.* О морфологической синонимике как пределе морфологического варьирования слова и о некоторых явлениях распада вари-

В своем большинстве диалектная синонимия изучается на материале, полученном из группы говоров (например — района). Понимая, что синонимия — явление системное, авторы этих исследований предваряют свои опи-

---

антности слова (на материале глагольной лексики старожильческих говоров Томской области).— Уч. зап. Томского гос. ун-та, 1959, вып. 39; *Баранникова Л. И.* Указ. соч.; *она же.* О некоторых особенностях взаимодействия разносистемных диалектных лексических единиц в современных народных говорах.— Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1963, т. 248; *Блинова О. И.* (см. указанные работы); *Коготкова Т. С.* О некоторых особенностях диалектной синонимии в лексической системе одного говора на современном этапе его развития.— Тезисы докладов на X диалектологическом совещании 11—14 мая 1965 г. М., 1965; *Херольянц Р. В.* Лексико-семантические группы слов в народном говоре (на материале лексики сел Каширское, Коломенское, Московское Новоусманского р-на Воронежской обл.) (Там же.); *Грузберг Л. А.* К вопросу об абсолютных синонимах и «избыточности» лексических систем.— Уч. зап. Пермского гос. ун-та им. А. М. Горького. Языкознание, 1966, № 162; *Кретова В. Н., Овчинникова Л. К.* Литературный язык как источник лексической синонимии в диалекте.— В кн.: Краткие очерки по русскому языку, т. 2. Курск, 1966; *Херольянц Р. В., Кретова В. Н.* Лексическая синонимия в народном говоре. Работы аспирантов по гуманитарным наукам.— Изв. Воронежского пед. ин-та, 1966, т. 53; *Лукьянова Н. А.* Системные отношения в лексике говоров Сузунского и Ордынского районов Новосибирской области. Канд. дис. и автореф. канд. дис. Новосибирск, 1966; *Маланьин Б. В.* Синонимы-существительные в русском говоре Дуванского района Башкирской АССР.— Филол. сборник. Алма-Ата, 1967, вып. 6—7; *Коготкова Т. С.* К вопросу о дублетно-синонимических отношениях в лексике современного говора.— В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968,: *Солтан С. Г.* Синонимия говоров Кыштовского района Новосибирской области, возникшая в результате интеграции разнодиалектных основ.— Изв. СО АН СССР, 1968; Сер. обществ. наук, вып. 2, № 6; *Андреева Ф. Т.* Лексическая синонимия говора села Таштып Таштыпского района Хакасской автономной области.— В кн.: Материалы и исследования по сибирской диалектологии и русской лексикологии. Красноярск, 1968; *Лутовинова И. С.* Синонимы и лексические параллели в названиях кушаний.— В кн.: Псковские говоры, вып. 2. Псков, 1968; *Козлова В. Л.* К вопросу о связи многозначия и синонимии (на материале говора). Вопросы грамматики.— Уч. зап. Свердловского пед. ин-та. Тобольск, 1969, № 142; *Кошелева Н. С.* Некоторые наблюдения над синонимией говора (На материале говора Чулымского района Новосибирской области); *Майданова Л. М.* К вопросу о междиалектной синонимии.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии (Тезисы докладов лингвистической конференции), вып. 2, ч. 1 Новосибирск, 1969; *Кретова В. Н.* Эмоционально-экспрессивные и стилистические синонимы в русских народных говорах.— В кн.: Развитие русского языка в советскую эпоху. Воронеж, 1969; *Михайлова Л. П.* Синонимические отношения в льно-прядильной и ткацкой

сания синонимики характеристикой изучаемых говоров как одной микросистемы (С. Р. Качинская — Гагинский р-н юга Горьковской обл., Н. А. Лукьянова — Сузунский и Ордынский р-ны Новосибирской обл., О. И. Блинова — среднеобские говоры, С. Г. Солтан — Кыштовский р-н Новосибирской обл., Л. И. Омельченко — ангаро-ленские говоры, В. А. Моисеева — Нижнеилимский р-н Иркутской обл., Л. М. Майданова — среднеуральские говоры, И. С. Лутовинова — псковские говоры, М. А. Тарасова — псковские говоры и др.).

Исследований, связанных с изучением синонимии одного диалекта, меньше в общей массе работ, подводимых под «шапку» диалектной синонимии (Л. И. Баранникова, Т. С. Коготкова, Б. В. Маланьин, Ф. Т. Андреева, Г. А. Раков, Л. К. Лыжова, Л. А. Грузберг и др.), из них монографические описания синонимии одного говора — кандидатские диссертации Ф. Т. Андреевой, Г. А. Ракова, Л. К. Лыжовой.

Чем обширнее берется территория при изучении проблемы синонимии (однородность, вернее односистемность ее всякий раз надо доказывать, предварительно тщательно изучив), тем меньше строгость самого синонимического

терминологии новгородских говоров. (XXII Герценовские чтения, филологические науки). Л., 1969; *Орлов Л. М.* Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах (Опыт социолого-лингвистического исследования на материале донских и волжских говоров). Докт. дис. и автореф. докт. дис. М., 1970; *Тарасова М. А.* К вопросу об особенностях диалектной синонимии.— В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1969; *Она же.* Отражение синонимов в Псковском областном словаре и проблемы диалектной синонимии.— В кн.: Псковские говоры, вып. 3. Псков, 1973,: *Бухарева Н. Т.* Синонимические отношения в лексике русских сибирских говоров.— В кн.: Языки и литература народов Сибири. Новосибирск, 1970; *Моисеева В. А.* Некоторые наблюдения над лексической синонимией Нижнеилимского района (на материале бытовой лексики).—В кн.: Вопросы грамматики и стилистики русского языка, Иркутск, 1971; *Омельченко Л. И.* Лексическая синонимия в ангаро-ленских говорах Иркутской области. Автореф. канд. дис. Иркутск, 1971; *Качинская С. Р.* Указ. соч.; *Костючук Л. Я.* О синонимических и антонимических устойчивых словосочетаниях в псковских говорах.— В кн.: Псковские говоры, 3. Псков, 1973; *Лыжова Л. К.* Лексическая синонимия в диалекте (На материале говора села Хренового Новоусманского района Воронежской области). Автореф. канд. дис. Воронеж, 1973; *Раков Г. А.* Синонимия имен прилагательных в Нарымском говоре (семантико-функциональный анализ). Автореф. канд. дис. Саратов, 1977.

анализа, тем больше отход к проблеме междиалектного лексического варьирования, т. е. к проблеме частично лингвогеографической.

Разумеется, есть общие, универсальные наблюдения и закономерности как в явлении синонимии одного диалекта, так и в фактах междиалектных лексико-семантических соответствий. Далее, по мере изложения результатов собственного исследования, эти общие объединяющие моменты будут отмечаться.

§ 2. Наше изучение диалектной синонимии в рамках настоящей монографии, где в центре внимания находятся актуальные для настоящего момента в говоре процессы литературно-диалектного взаимодействия, направлено на установление различия между собственным синонимом, как проявлением одной системы, «связанной единой речевой практикой единого коллектива» (Филин), и слов-эквивалентов в ней, извлеченных из разных языковых систем в результате соотнесения их. Для этого мы строго ограничились наблюдениями одного говора, деулинского.

Являясь одним из бесспорных средств системной организации словарного состава диалекта, диалектная синонимия выполняет те же функции, что и синонимия литературного языка — идеографическую и стилистико-экспрессивную. Все критерии, которыми определялись в русском языкознании синоним, синонимика и синонимия, вырабатывались на материале литературного языка. Изучение же диалектной синонимии должно протекать с учетом специфики всей диалектной системы, определяемой Р. И. Аванесовым и С. Б. Бернштейном координатами — временной, территориальной и стилистической [12]. Постоянное интенсивное воздействие иных по отношению к языку диалекта языковых элементов и есть одна из причин, которая определяет специфику диалектной системы по сравнению с литературным языком [13]. Эта специфика

[12] *Аванесов Р. И., Бернштейн С. Б.* Лингвистическая география и структура языка. О принципах общеславянского лингвистического атласа. Доклад на IX Международном съезде славистов. М., 1958, с. 5.

[13] Для лексики установить включение одной диалектной системы в другую особенно трудно. До сих пор русская диалектологическая наука не располагает таким накоплением лексического материала и, главное, такой методикой его обработки, которая давала бы возможность сопоставить лексическую систему одного говора с аналогичными системами окружающих его говоров. Картографиро-

тотчас же проявляется и в своеобразии диалектной синонимии. Именно при изучении синонимических отношений с первых же моментов исследования этой проблемы выступает необходимость разграничить синонимы как единицы внутрисистемной организации лексики и внешне сходные с ними лексические параллели (эквиваленты), появляющиеся в говоре из других языковых систем (соседних говоров или литературного языка). Даже весьма обширный лексический материал, собранный для словаря в одном населенном пункте, не дает возможности получить ответ на вопрос, всякое ли слово исконно для данного населенного пункта.

В то же время диалектная система современного говора рассматривается обычно, как и всякая система, в качестве синхронной категории, формируется исторически, и поэтому в ней возможно существование таких эквивалентных языковых рядов, которые являются отражением диахронных сдвигов. Поэтому, если в современном говоре встречается синонимический ряд (или пара), компоненты которого по-своему происхождению восходят к древнему состоянию языка, это также будет проявлением современных синонимических отношений. Ср. *перст — палец* в разных по тематике и стилевой тональности контекстах: *Он и пимокатничат*, и *сапожничат*, и *бондарничат*, *даром что перстов нету*; *и топором палец отхватил себе* (Лукьянова, 1972). Видеть в данных случаях древнерусский язык как источник появления синонимов в современном языке, это значит не разграничивать появления источника синонимии и понятие происхождения слов. При синхронном изучении диалектной синонимии адаптированные единицы лексики, известные древнерусскому языку, не выделяемые ни функционально, ни самими носителями диалекта (например, в их оценках слов) как иносистем-

---

вание и изучение противопоставленных различий, детально разработанных советской лингвистической географией для фонетики и морфологии, для лексики применены выборочно. Набор лексем не только ограничен в количественном отношении, но и по своей семантической значимости содержит слова, редко выходящие за пределы предметно-этнографических номинаций ретроспективной направленности, т. е. лексем, в лексикологическом отношении представляющих наименьший интерес (в «Программе собирания сведений для Диалектологического атласа русского языка» нет таких полисемичных слов с богатой идиоматикой и сочетаемостью, как *большой*, *живой* — *жизнь*, *идти*, *рука*, *нос*, *легкий*, *делать* и т. п.)

ные включения, не дают основания считать древнерусский язык источником современной диалектной синонимии. Говор, как и всякая естественная языковая система, обязательно содержит в своем арсенале языковых средств единицы, восходящие к самому древнему состоянию языка. Консервация старины в языке — это одно из его имманентных свойств. Если же поднимать вопрос об источниках диалектной синонимии, имея в виду, что явление синонимии — это один из видов семантических отношений, то источник ее надо искать в фактах, отражающих те или иные синхронные семантические процессы. Для диалектной речи можно было бы назвать смысловую нейтрализацию родо-видовых обозначений (*басе́йка—вороже́йка—знаха́рка* см. с. 116—117). Но мы специально не выделяем аспекта «источника синонимии» в приложении к лексическим синонимам говора, так как, с нашей точки зрения, слабо различимы понятия «источник» и «происхождение» слов, а следовательно,— и синонимов (не случайно, в литературе по синонимии очень мало работ, посвященных опросу об и с т о ч н и к а х синонимии) [14].

§ 3. Современный этап в развитии говоров характеризуется интенсивностью языковых процессов, что и приводит в отдельных случаях к состоянию неустойчивого равновесия, к избыточности языковых единиц.

Столкновение территориальной и временной координаты в языке современного говора приводит к тому, что при синхронном и изолированном исследовании лексики говора, т. е. без привлечения данных других говоров, нельзя установить, является ли малая употребительность того или иного слова в говоре показателем его «затухания» во времени или в пространстве.

Сосуществование одинаковых по значению, но материально различных языковых единиц особенно активно проявляется в лексике, как наиболее проницаемом и подвижном уровне языка. Выступая в диалектной речи в функционально тождественных условиях, эти слова-дублеты (диалектно-литературные и междиалектные) выражают лишь одну значимую единицу языка.

В одном и том же говоре можно встретить сосуществование: а) различных звуковых комплексов (слов) при пол-

[14] Эту же точку зрения см.: *Гречко В. А.* О некоторых источниках лексической синонимии.— В кн.: Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.— Л., 1966, с. 164.

ном сходстве их значений (*ре́ли—каче́ли*; *вихо́рка—при-ту́га*); б) различных звуковых комплексов (слов) с частичным (неполным) сходством значений (*большо́й—лоба́стый*; см. об этом ниже); в) частично отличающихся друг от друга звуковых комплексов с одинаковым значением — различные виды словообразовательных и морфологических вариантов (*мужжевёльник—мужжеёльник—мужжеёл—мужжеёла—мужжёлка*); г) различных звуковых комплексов с тождественными значениями, но различным эмоционально-экспрессивным наполнением (*бить—валту́зить—бу́здать*). Остановимся в этой главе лишь на языковых фактах, подводимых под пункты «а» и «б» (слова, подводимые под пункт «г», рассмотрены во 2 гл.).

Слова, неодинаково звучащие, но тождественные по смыслу, в синонимической литературе принято считать абсолютными синонимами или дублетами. В нашем материале лексические дублеты — это слова, полностью налагающиеся друг на друга семантически и стилистически, и различающиеся некоторыми лексико-фразеологическими связями.

Порождаемая рядом факторов, характерных лишь для диалектной речи (в их числе прежде всего можно назвать единственную для диалекта устную форму существования, отсутствие кодифицированной нормы, избыточность и др.), лексическая дублетность в современном говоре значительно выше, чем в литературном языке.

Весь комплекс лексических дублетов говора можно разделить на группы: 1) внутридиалектные, гомогенные дублеты, возникновение которых основано на номинативном свойстве языка, когда «два слова называют ту же вещь, но соотносят ее с различными понятиями и тем самым через название вскрывают разные свойства данной вещи [15]; 2) междиалектные дублеты, появившиеся в данном говоре из соседних, близлежащих говоров, и 3) диалектно-литературные дублеты, бытование которых в говоре объясняется огромным влиянием общенародного (литературного) языка. Без привлечения в качестве сравнения данных соседних говоров и литературного языка очень сложно квалифицировать, являются ли синонимизирующиеся слова

[15] *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1955, с. 62. Применительно к диалектной речи аналогичные наблюдения приводятся Ф. П. Филиным в Исследовании о лексике русских говоров, с. 162.

дублетами внутридиалектными или даже диалектно-литературными. Например, являются ли слова *притýга* — *вихóрка* со значением ‘несколько молодых только что срубленных деревьев, связанных вместе вершинами и расположенных радиально по стогу сена для его укрепления’ внутридиалектными или междиалектными дублетами? Является ли это значение результатом номинирования одной реалии соотносительно с разными ее признаками (судя по внутренней форме, в слове *вихóрка* дается указание на внешний вид обозначаемого предмета — связанные вместе макушками молодые деревья как бы вихрятся на стогу, а в слове *притýга* отражено функциональное назначение данной реалии — быть своеобразным гнетом, грузом, для сжимания и придания формы только что сложенному стогу) или одно из этих слов пришло в лексический запас д. Деулина из соседних говоров? На показаниях одного говора ответа получить нельзя. Поэтому применительно к ним и целесообразно употребление термина «диалектные дублеты».

Даже в более простом случае, при определении диалектно-литературной дублетности, легко ошибиться, если не располагать достаточным количеством зафиксированных контекстов на каждое слово.

Так, тождественные в своем номинативном значении деулинские *мосóл*—*кость* можно легко принять за диалектно-литературные дублеты, где *мосóл*, как более употребительное в речи данного говора слово,— исконно диалектное, а *кость* — его литературный эквивалент. Однако накопление фиксированных словоупотреблений со словом *кость* показывает, что слово формирует вокруг себя устойчивые фразеологические словосочетания, которые не отмечены у слова *мосол*: *в кость лезть* ‘быть ласковым, обходительным, уметь найти подход к людям’; *по костя́м* ‘о хорошо сшитой одежде’; *спинна́я кость* ‘позвоночник’. Таким образом, семантико-фразеологические функции этих слов в лексической системе говора д. Деулино строго распределены, а это дает основание считать оба слова стабильными единицами в говоре.

При установлении явления лексической синонимии говора необходимо учитывать соотношение внутридиалектных синонимов (так же, как и внутридиалектных дублетов) и тех лексических эквивалентов, которые привносятся в говор извне. Наличие в говоре разнообразной по своему генезису лексической дублетности и осложняет

исследование проблемы синонимии в целом. Ведь гомогенные (внутридиалектные) лексические дублеты — порождение одной лексической системы, а междиалектные и диалектно-литературные — отражение разносистемных отношений.

Сложность и противоречивость дублетно-синонимических связей в лексике современного говора порождает и противоположные суждения и в исследованиях этой проблемы. Так, Л. И. Баранникова в статье «К вопросу о диалектной синонимии», разграничивая синонимы и дублеты в говоре (последние появились как результат междиалектных и диалектно-литературных связей), вслед за Ф. П. Филиным [16] выдвигает положение о том, что столкнувшиеся в говоре разнодиалектные слова существуют как дублеты лишь на первых порах, а в дальнейшем же «можно говорить о развитии разных типов взаимоотношений между ними» (с. 115). В целом эти типы взаимоотношений сводятся к развитию большей дифференцированности (смысловой или стилистической) между синонимизирующими словами.

В другой же статье на материале говора с. Липовка Духовицкого р-на Саратовской обл., где отмечено сосуществование южнорусского и севернорусского говора, исследуя взаимоотношения разносистемных лексических единиц, Баранникова, с одной стороны, говорит, что дублетные отношения в лексике есть — «начальный этап развития таких единиц»[17], с другой же — отрицает явление синонимии и дублетности в этом говоре на том основании, что лексические эквиваленты, представленные в данном говоре, являются фактами разных систем, т. е. показателем своеобразного двуязычия. Отрицание Л. И. Баранниковой лексической дублетности в смешанном говоре нам представляется недостаточно обоснованным. Если дублетные отношения в лексике любого говора есть проявление прежде всего взаимодействия разных систем, то почему результаты этих взаимодействий в смешанном говоре должны быть качественно иными? Ведь двуязычие, которым характеризуется смешанный говор, есть и в однородном говоре; различие между ними скорее всего в количест-

[16] *Филин Ф. П.* Исследование о лексике русских говоров, с. 161.

[17] *Баранникова Л. И.* О некоторых особенностях взаимодействия разносистемных диалектных лексических единиц в современных народных говорах, с. 393.

ве элементов того и другого говора, составляющих двуязычие. Качественное же своеобразие взаимодействия элементов двуязычия в говоре смешанном и однородном пока еще не установлено.

§ 4. Постоянное воздействие общенародного (литературного) языка на язык говора через школу, прессу, радио, кино, личные контакты и т. п. множит количество лексических заимствований, а среди них и дублетов в речевой деятельности современного населения деревни.

Объект наблюдения диалектолога-лексикографа — диалектная лексика как таковая — нередко приводит к тому, что во время экспедиций местное словоупотребление становится предметом специального разговора, обсуждения. Привлечение внимания к диалектным словам, другими словами — к речи в целом, активизирует языковое сознание носителей говора, а стремление быть понятым своим городским собеседником до конца заставляет его использовать в своей речи наряду с диалектным словом его литературные эквиваленты, вводить в речь истолковывающие слова. В любой картотеке современного областного словаря зафиксировано немалое количество контекстов живой диалектной речи, в которых сочетаются равные или очень близкие семантические единицы для обозначения одной и той же реалии [18].

Приведем некоторый материал этого рода из деулинского диалекта: *Вот йа́ хади́ла за ща́вилим, за кисли́кай*; *А в мя́тку молока́ добавля́ете? — Дъ мълака́-тъ нет, щас ма́сла да лучку́. Хто мя́ткай заве́ть, хто талчёк*; *Пальту́шку шы́ли — вот ы́спат... хош — ы́спат, хош — паткла́тка*; *В гълаве́ плоть, пе́рхать, вот йе́та нъзыва́ицца плоть*; *Та́к-та моль, а ка́жуть корь, бъльшынство́ так*

---

[18] Близко к этому «нагнетение» в рамках одного высказывания разнооформленных однокоренных образований, используемых также с коммуникативными целями. Совокупность таких однокоренных вариантов Л. В. Сахарный предложил называть гиперлексемой: *На сковороду набью с маслом — испечется глазунья. Ну и глазунихой называем*; *Вертушка — ето кто вертица, дак как называем* (*Сахарный Л. В., Орлова О. Л.* Типы употребления в речи нескольких вариантов одной гиперлексемы (опыт психолингвистического анализа текста).— В кн.: Живое слово в русской речи Прикамья. вып. 1. Пермь, 1969). Аналогичное явление в сходной речевой ситуации отмечается и в других говорах, хотя и не получило отмеченного терминологического обозначения: *Пъсиде́лье, бы́лъ, сиде́лки, сиде́ли нъ пасе́дках* (Качинская, 1972).

ка́жуть; *Йе́й два и́мя — исака́ и ряби́ка* [сорт травы]; *Хто заве́ть брусни́ка, а хто заве́ть бъравии́ка*; *Вар — кипя́тók, апшква́ривайуть ва́рам... щяс ма́ла уш так гъваря́ть, щяс фсе кипятók*; *Ча́шку фсю зъваля́ла гря́зью какóй-нить. Па-фся́каму ка́жуть... хто ска́жыть: запа́чкал*; *Дай ухва́т! Какóй ухва́т? — Дъ па-ва́шъму — рага́ч. Я гла́ски вы́трискала — ни слыха́ла е́тъва сло́ва*; *Пашли́ ф Ки́дъсъва с ма́тушкай, свякро́вйу — тады́ так зва́ли*; *Пти́цы рыбаки́ есь, йих да черта́... рыбаки́-та бе́лаи, ани́ пъ ваде́ пла́въйуть... ча́йки в другóм ме́сти гъваря́ть*; *щяс гъваря́ть — сон ви́дила, а тагда́ — збре́дила* и т. п.

Семантические эквиваленты диалектного слова, встречающиеся в речевых отрезках рассматриваемого типа, квалифицируются нами как диалектно-литературные дублеты. Коммуникативная целесообразность объясняет и такие примеры среди них, когда для одного и того же диалектного слова в разных высказываниях выступают разные литературные дублеты. Так, слово *виски́* в одном случае объясняется через литературный эквивалент *волосы*, в другом — через *косы*: *Ра́ньше бы́ли виски́.— Што ръскуде́лила виски́? А щяс! — Пъбири́тя въласа́*; *Де́фки мълады́и нъработайуцца и уснýли, а па́рни, жынихи́: — Дава́й мы и́м кóсы, виски́ вме́сти свя́жым, ани́ спять кряпкó.*

Синонимический ряд, состоящий из диалектных дублетов, нередко расширяется за счет введения в него общенародного, литературного слова: *сули́ть—я́зать—обеща́ть*; *запóн—занаве́ска—подзадóрник—фа́ртук.* Новые компоненты их или полностью заимствованы из литературного языка, или образованы уже в самом говоре на базе значащих морфем литературного слова: *рушни́к—утира́льник—полоте́нец*; *гре́бный* (*гре́бостный*)*—бре́зговый—брезгли́вый*; *лазу́шный — уважливый.* Но, раздвигая синонимические ряды вширь, эти вновь появившиеся под влиянием литературного языка компоненты отнюдь не обогащают смыслового фонда лексической системы говора, так как они, как правило, тождественны в своем значении [19].

---

[19] Эти элементы мы называем «избыточными». Но когда мы говорим об избыточности, то имеем в виду общее количество лексических единиц, соответствующих какому-то одному смыслу, одной семантической модели. Не исключено, что в речевой деятельности каждого конкретного диалектного коллектива функционирование этих избыточных элементов неодинаково. В статьях о диалектной

Наличие слов-дублетов оказывает влияние и на характер течения самой диалектной речи. Носители говора в своем словоупотреблении активно используют взаимозаменяющие дублеты и нередко в пределах одного высказывания.

По нашим наблюдениям, попарное использование слов-дублетов в диалектной фразе чаще всего проявляется при такой жизненной ситуации, когда в общение вступают люди, принадлежащие к разной языковой среде. По своей структуре и содержанию высказывания этого типа выглядят как типичный языковый перевод, в котором одно слово объясняется другим. [— О чем можно сказать «перетоптать»?] — *И я́йцы фсе мо́жно пирямя́ть, пиритапта́ть*; *'Пириснъриди́цца, пириминица, пириубра́цца — е́та ано́ адно́ и то́жа — ину́я пла́тйу наде́ть*; *Баси́цца — е́та ля́чи́цца, хо́дють у на́с мужуки́ или же́нщины: пайду́ пъбасю́сь*.

Обычно эти высказывания и конструируются с помощью таких вводящих слов, как «по-вашему так, а по-нашему так-то» или «надо то так, а он (она) так (говорит)» и т. п.

Наблюдения в деулинском говоре подтверждаются подобными фактами и в других говорах. Попарное использование слов-дублетов в одной фразе — это явление универсальное для лексической системы современного говора [20].

синонимии появляются подобные наблюдения. Ср. синонимический ряд в говоре с. Акчим *ви́дно—ви́димо—вида́ть—наве́рно—зна́ть-то-на́ко* ‘по-видимому, наверное’, компоненты которого тождественны по семантике и эмоциональной окрашенности, допускают возможность взаимозамены. В то же время распределение их в конкретной речевой деятельности, как показывают специально организованные наблюдения, неравномерно по количеству употреблений (частотности) в разных возрастных (и социальных) группах акчимского диалектного коллектива (*Грузберг Л. А.* Указ. соч., с. 102—109).

Несколько по-иному выглядит функционирование синонимов-дублетов в говоре с. Карим Ленского р-на Иркутской обл. Синонимы-дублеты *па́лка—батра́чина—клепи́на* ‘ветвь или тонкий ствол дерева, очищенные от побегов’ широко употребляются в речи всего населения говора, но их семантика дифференцируется в зависимости от возраста говорящих: в старшей возрастной группе это дублеты, в речи представителей других возрастных групп наблюдается дифференциация семантики: *батра́чина* экспрес. ‘большая, толстая палка’, *клепи́на* ‘засохшее молодое дерево, склоненное над рекой’ (*Омельченко Л. И.* Указ. соч., с. 78).

[20] См. данные для томских говоров у В. В. Палагиной, О. И. Блиновой, для воронежских — у В. Н. Кретовой, Л. К. Лы-

Однако тенденция к парному употреблению слов-дублетов не всегда связана с задачами языкового перевода. Нами зафиксированы и такие отрезки непосредственно звучащей речи, где это попарное употребление диалектного слова и его литературного или междиалектного дублета введены в речь самопроизвольно без привлечения указанных выше конструирующих слов. *Вон бире́за ляжы́ть, на не́й вон кака́я на́расть, кулды́шка*; *Святла́нка — е́та жырава́я, крапи́вная*; *Вот уш на ета ухо́ ля́гу, тада́ стучи́, буни́, я ничиво́ ня слы́шу*; *На́стя апя́ть крича́ла* [плакала с причитаниями], *причи́тывала, хърошо́ бо́знать как*; *Ее блюду́ть край сибе́, адява́ють ми́рам, сабо́ром*; *Бо́льнъ, дабре́ там те́мнъ*; *Он бально́й... када́ у на́с жыл фсе пье́ть и пье́ть пы́жечки каки́и-та, пирю́ли* [пилюли]; *Чилаве́к — сирди́тый йе́сли. Ка́к же мне к нему́ пъдайди́ть, пъдпири́ицца*; *Ана́ пригля́дниньк айа, гутарли́вая, как по писму́ пи́шить, разгово́ристая, пъгуту́рка, вот гъваро́к*; *Се́ла, пае́хали, а юга́, пагода ниньказа́нная*; *Ради́ть, ба́пка-пъвива́лка, ба́пка-пъвиту́ха пра́вить жыво́т, зълатни́к штоп на ме́сто фстал*; *Лесни́чего де́вачки утану́ли, я́ма была́, рызмы́ло и аказа́лась глубина́ нивозмо́жная ...Там как фсе равно́ абръзава́лась катли́на, зажо́ра* и т. п.

Наблюдая это языковое явление, можно выделить в словарном запасе говора такие лексические дублеты, которые наиболее часто употребляются попарно: *буне́ть—стуча́ть, огребно́й—осыпной, добре́—о́чень* [21], *пусть—она́тось, добре́—бо́льно, огребу́щий—осыпу́щий, дуть—вали́ть* и др.

Нам представляется, что попарное употребление слов-дублетов в рамках одного высказывания вызвано не одинаковыми причинами. В одном случае (*огребу́щий-осыпу́щий, буне́ть—стуча́ть, дуть-вали́ть*) оно объясняется проявлением экспрессивно-усилительных свойств слова, функционирующего в условиях устной речи (см. подробнее во 2-й гл.). В другом — в особенности тогда, когда в качестве дублетов выступают слова в их номинативной

жовой, Р. В. Херольянц, для иркутских — у В. А. Моисеевой и Л. И. Омельченко, для горьковских — у С. Р. Качинской, для псковских — у М. А. Тарасовой, И. С. Лутовиновой и др.

[21] *Оссовецкий И. А.* В таком парном употреблении двух тождественных слов видит возможность слияния их в одно сложное слово (Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962, с. 113).

функции (*на́рость—кулды́шка, волоса́—виски́, лиза́ть—су́слить* и т. п.), отражается своеобразный «механизм» вхождения общенародного слова в язык говора. В этом случае проявляется тот огромный сдвиг в языковом сознании носителей диалекта, происшедший за последние десятилетия, сдвиг, в результате которого для многих носителей диалекта собственный язык говора встает в постоянное сравнение с общенародным литературным языком. Вводя слово-дублет в высказывание, носитель диалекта как бы истолковывает непонятное, по его мнению, слово, и это вселяет в его сознание уверенность в том, что он понят своим городским собеседником [22].

Специальное наблюдение за этим явлением показало, что применение слов-дублетов выглядит по-разному в зависимости от того, между кем осуществляется языковое общение. Под наблюдение были взяты три типа языкового общения: общение носителей диалекта между собой, общение члена экспедиции и тех из информантов, которые воспринимают члена экспедиции как своего человека, вполне понимающего их речь (практически это языковое общение члена экспедиции и семьи его квартирных хозяев), и языковое общение члена экспедиции с носителем диалекта, до этого ему мало известного или вовсе неизвестного.

В общениях первого и второго типа разбираемое явление представлено для случаев: *огребу́щий—осыпу́щий, дуть—валя́ть, буне́ть—стуча́ть*. Такие случаи, как *ко́сы-виски́, на́рость—кулды́шка, лиза́ть—су́слить* не отмечены. И наоборот, в общении третьего типа широко представлено попарное использование таких слов-дублетов: *ко́сы—виски́, на́рость—кулды́шка* и т. п.

Особого внимания заслуживают такие отрезки диалектной речи, в которых носитель диалекта сам предлагает в качестве эквивалента своего диалектного слова не литературный дублет, а другой, диалектный. *Пъ-интилиге́нтнаму — ръспакры́фшы, а па-на́шему—късмако́м иль ръспакры́ткай* (Ряз. Городное). *Па-на́шему цы́цка, а у дъхатаре́й — крупяни́к* (о ячмене на глазу); *Вот тяпи́ка, ей карто́шку и аку́чивають, хто как зду́маить... хто тяпи́ка,*

---

[22] Истолкование непонятного, книжного слова через синонимический ряд как стилистический прием используется в отдельных случаях и в литературном языке (ср. приведенные примеры. Там же, с. 99).

хто клéфка (Ряз. Гришино); *Мы́-та* [говорим]: *У нáс карóва нóни пъкрывáлась, а какúи пъкульту́рний— у минé карóва ны́не игрáла*; *Тяпи́ка и клéфка аднó и тóжа и маты́ка — се аднó и тóжа* (Ряз. Гришино). [О детях, рожденных вне брака]: *Тады́-та звáли кряпи́вник, а сичáс — жыравы́и, ф кряпи́ви дъбылá*; *фсе равнó же завýть и жырóк... кто кáк... кто кряпи́вник, кто жырóк*; *Éта бчинь пить ат жалýтка хърашó... заварú, чяй крáсный и пи́цца лéхкай, вот éта жáгар... и кълдая́, éта аднó и тóжа*; *У нáс* [есть] *такáя паскáль, хоть павéтринница, хоть паскáль. Балéють жыватóм.* (Это же слово имеет дублет из литературного языка): *Грып вот хóдить — павéтринница.*

Аналогичное словоупотребление уже отмечалось многими исследователями диалектной лексики. Стремясь говорить более культурно, более правильно, носители говора вводят в свою речь слова литературного языка, однако при этом оценку более культурного слова получает отнюдь не литературное, а наоборот, диалектное слово [23]. Лексические эквиваленты, литературно-диалектные или междиалектные, в языковом сознании носителей говора, в особенности той части их, которая более консервативна в своей речевой практике и более верна традиционной форме речи (у представителей старшего поколения), сливаются в один пласт слов, хотя и очень понятных для употребляющих их, но все же в каком-то отношении и чуждых [24]. Пробуждающееся под воздействием литературного языка в языковом сознании носителей диалекта чувство нормы (как правильно и как неправильно говорить) активизирует этот элемент сознательного отношения к своей речи, что приводит в случаях рассмотренного выше типа к своеобразным гиперизмам словоупотребления.

Значение примеров этого последнего вида в оценке

---

[23] *Баранникова Л. И.* О некоторых особенностях взаимодействия разносистемных диалектных лексических единиц в современных народных говорах, с. 395; *Шебалин М. Н.* Орфография регионального словаря.— Уч. зап. Кабардино-Балкарского ун-та, 1965, вып. 25, с. 25.

[24] Ведь основы такого понимания для русских людей заложены как в самом единстве русского языка, которые, по определению Р. И. Аванесова, «сказываются в общности решающих элементов грамматического строя, ряда принципиальных элементов фонетической системы..., так называемого основного словарного фонда...» (Вопросы теории лингвистической географии, с. 7), а также и в причинах экстралингвистических.

процессов взаимодействия в современном диалекте проявляется в разных отношениях: во-первых, они поддерживают сторонников того мнения, кто считает, что в говоре сосуществуют разнодиалектные единицы, так как сосуществование разнодиалектных единиц становится самоочевидным благодаря тому, что оно обнаруживается на уровне лексем (не фонем, не морфем) [25]. Во-вторых, признание инодиалектных слов как «культурных», «правильных», «литературных» еще раз свидетельствует, что литературный язык является авторитетом в речевой деятельности носителей диалекта, тем языковым идеалом, к которому они устремляются, а также подтверждает и стилевую оценку словоупотребления, актуальную в данный момент. В-третьих, слияние инодиалектных элементов и слов литературного языка в языковом сознании определенной части носителей диалекта в один пласт слов также еще раз говорит о миграции слов между отдельными диалектами, активизированной, по-видимому, массовым поступлением новых слов в диалект из общенародного языка.

Таким образом, изучение дублетно-синонимических отношений в современном говоре находит «выход» в иные актуальные проблемы языкознания, в частности, в проблему диалектной нормы.

Лексическая дублетность, появившаяся в современном говоре как следствие диалектно-литературных и междиалектных связей, может возникать и под воздействием экстралингвистических факторов. Среди множества различных нововведений в жизни колхозной деревни немалое место занимает изменение самого бытового уклада современного крестьянства. Частным проявлением этого является массовая замена хозяйственно-бытовых предметов, ранее изготовляемых кустарным или ремесленным способом, на изделия промышленные, фабрично-заводские. Приток предметов быта из города не всегда влечет за собой появление новых слов, их называющих. В ряде случаев номинация новых предметов реализуется в языке говора путем семантических перераспределений среди самих слов диалекта. Этот процесс семантического перераспределения начинается с потери смысловой дифферен-

---

[25] См. полемическую статью по этому вопросу: *Калнынь Л. Э.* О задачах и предмете описательной диалектологии.— Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка, 1970, № 5.

циации среди исконных слов диалекта, называющих функционально аналогичные реалии. Так, для называния детской подвесной колыбели в говоре д. Деулино есть слова: *лю́лька—зы́бка — колыба́й* (*колыбе́й—колыба́рь—колы́бка*). В основе такого разноименства, видимо, были специальные детали, признаки, отличающие один предмет от другого или третьего (форма, величина, материал и т. п.). На современном этапе, когда сама подвесная колыбель в большинстве случаев заменилась детскими колясками, качающимися деревянными или плетеными кроватками (по-деулински — *ка́чка*) и т. д., сами носители говора противоречиво, подчас опровергая друг друга, пытаются объяснить, какой из отмеченных предметов делался из гнутого лука, а какой из ткани. Таким образом, все эти слова сейчас уже превращаются в языковые синонимы-дублеты. *Хто люлька заве́ть, хто — зы́пка заве́ть, а хто — калы́пка*; *Лю́лька, калы́пка, хто зы́пка нъзаве́ть, мать мая́ гъвари́ла зы́пка.*

Одновременно с этим появляется новое значение под непосредственным воздействием литературного языка: словом *зы́бка* называют не только детскую колыбель, но и коляску мотоцикла. *Мяня́ надыс́ь Па́шка пръкати́л в зы́пки.*

Аналогичные причины лежат в отожествлении смысла у слов *мастю́шка—горшо́к* (первоначально *мастю́шка* ‘небольшой глиняный горшок с ручкой в виде колечка, в котором варили детям кашу’; *горшо́к* ‘глиняная крынка для молока’; сейчас, наряду с *горшо́к*, *мастю́шка* также может обозначать сосуд, в котором держат молоко, и даже иногда стеклянную банку из-под консервов, используемую теперь в этих же целях); *жарбвня—сковорода́—сковоро́дка* (*жарбвня* ‘глиняная плошка с высокими краями, в которой жарили картофель, делали пшенный кашник’ и т. п.; *сковорода́*, *сковоро́дка* — обязательно чугунная, на ней пекли лепешки, блины, покрывали чугуны и т. п.; сейчас *жарбвней* могут назвать и жаровню в ее исконном значении, и алюминиевую сковороду).

Аналогичный семантический процесс переживают и слова *умыва́лка—басе́йка—вороже́йка—лека́рка* — различные названия деревенских знахарок, лекарей, гадалок, т. е. таких атрибутов старого социально-бытового уклада деревни, которые теперь уходят из жизни и различия между которыми могут провести далеко не все пред-

ставители даже старшего поколения; *повиту́ха—ба́бка* ‘женщина, которая оказывает помощь при родах’ и др. [26]

Параллельное, семантически соотносимое словопроизводство, всегда подтверждающее синонимию в языке, по особому проявляется в процессах создания новых дублетно-синонимических элементов. Лексическая дублетность современного говора не всегда объясняется лишь фактором внешнего воздействия на диалект общенародного языка или соседних, близлежащих говоров. В ряде случаев причины ее лежат и во внутренних словообразовательных возможностях самого говора. Так, в говоре д. Деулино существует слово *младе́нец* (*молоде́нец*) ‘припадок, эпилепсия’ и с той же семантикой — относительное прилагательное *младе́нечный* (*молоде́нечный*). Существительное *младе́нец* чаще употребляется в связной конструкции с глаголом *нака́тывает—младе́нец нака́тывает* ‘о приступе эпилепсии’. Это же можно выразить безличной формой глагола *нака́тывает*, *накати́ло*; наличие сходного значения в глаголе порождает второе прилагательное *нака́точный*, которое в речи реализуется равным по значению прилагательному *младе́нечный*. *Вот изба́ч идёть-идёть — упадёть. Нака́ташный. На не́м йесь хити́на е́та, е́тат мъладе́нец.*

Однокоренное гнездо в деулинском говоре *ли́хость — лихостно́й — лихостно́ — лихости́ться* семантически соотнесено с литературными словами *не́нависть*, *зло́сть*, *за́висть*. Под влиянием литературного *не́нависть*, а также глагольной модели *лихоститься* ‘питать неприязнь к кому-либо, злобствовать’ возникает адекватный, по смыслу глагол *ненависти́ться* ‘испытывать чувство злобы, ненависти, зависти к кому-либо’ и прилагательное *ненавистно́й*. *Вало́дя мя́хка сте́лить, хру́шка спать. Лихасно́й, нинависно́й. Са́ня* [его родной брат] *хърашо́ жывёть, а он нинависти́ца; я нъпрямую́ ямý гъваря́: — ни на́дъ нинависти́цца, лихасти́цца, я ямý пъ глаза́м.*

---

[26] Процессы десемантизации видовых наименований (или — лексической нейтрализации) и превращение их в лексические дублеты отмечаются повсеместно. Ср. в горьковских говорах: *пряму́шка—пане́ва—поло́хало* — экспрессивные синонимы со значением широкой не по размерам одежды или ряд *проры́ть—промо́ина—про́рва—кана́ва* — наименования разного рода ям, когда-то различившихся по способу их появления, местонахождения и т. п., а теперь перешедших в дублеты (Качинская, 1972); в рязанских *свояк—шу́рин* (Шарапова, 1970).

§ 5. Не всегда диалектное слово и семантически соотносимое с ним общенародное находятся в дублетных отношениях. Они могут входить и в собственно синонимические ряды, семантическое тождество между компонентами которого частично, неполно (пункт «б»). Это так называемые идеографические синонимы. Обычно такие ряды (или пары слов) составляются из исконных слов диалекта. При синхронном и изолированном изучении лексики одного говора (вне сопоставления с данными других говоров) исконность слова говора устанавливается по его языковой активности: учитываются соответствие этого слова грамматическим категориям рассматриваемого говора, данные словопроизводства, образование производных значений, широта и разноплановость контекстных (фразовых) связей слова, его сходные и оппозиционные лексические связи и др.

Метод языковой дистрибуции, широко применяемый в семасиологических исследованиях на материале литературного языка, при обращении к диалектной лексической синонимии дает в руки исследователя наиболее надежные данные для квалификации внутридиалектных (гомогенных) и междиалектных синонимов [27]. Изучение дистрибутивных данных в синонимических исследованиях говора естественно должно опираться на большой материал, полученный в одной диалектной лексико-семантической системе. Как правило, такой материал в диалекте добывается трудно, получение его должно быть специальной задачей исследования. А это требует и продолжительности экспедиционного этапа, и тщательного изучения лексического фонда говора вообще. Обычные картотечные собрания диалектных слов для областного словаря (да еще дифференциального!) могут часто ничего не дать для постановки дистрибутивного анализа семантики. Именно этой трудоемкостью, по-видимому, и можно объяснить не-

---

[27] Ф. П. Филин еще в 1948 г., обращая особое внимание на группу «комплексных» или «структурных» диалектизмов (*дом, изба, хата, халупа, хоромы*), природа которых определяется особенностями структуры лексико-семантических групп, в которые они входят, указывал на необходимость описывать их в отношениях между словами, учитывая их деривационные и функционально-коммуникативные связи (*дом—домо́й, до́ма, по дома́м* — наречия, при счете — *столько-то домов*). *Филин Ф. П.* Несколько замечаний о характере лексических диалектизмов.— Наук. зап. Львівського держ. ун-ту. 1948, т. 7, с. 223.

достаточное применение этого метода в обильных работах по диалектной синонимии и приложение его лишь к выборочным синонимическим рядам (или парам).

Семантико-стилистический объем двух исконно деулинских слов *большо́й—лоба́стый* совпадает в их исходно-номинативных значениях: 1). ‘большой, высокий’, противоп. ‘маленький, низкий’. *Бальшо́ва ро́ста*; *ино́й ма́линький, а то большо́й во како́й гбгаль* [вырастает]; *Лоба́стый, вышёе тябя́*; *Бальшо́й мужы́к, а хто и нъзаве́ть — лоба́стай*; 2). ‘значительный по величине, размером’, противоп. ‘небольшой’ — более употребительным в этом значении выступает в говоре слово *лоба́стый. Бальшы́и но́ги у нявбо́, лоба́стыи*; *Бальша́я льди́на*; *бальша́я уса́дьба*; *пърася́тки бальшы́и*; *лоба́стая па́лка*; *лоба́стъйь акно́*; *лоба́стый дом*; *лоба́стая ло́шадь*; *нос лоба́стай*; *пила́ лоба́стая, я́ма лоба́стая* и др.

Большая активность и жизнеспособность каждого из них порождает присущие только одному из них вторичные, производные значения, специфические морфологические образования и особые фразеологические связи. Значение ‘взрослый, совершеннолетний’, противоп. ‘несовершеннолетний, маленький’, выражается в говоре словом *большо́й* (не *лоба́стый*). *Ты уш бальшо́й, а кричи́ш* [к ребенку]; и производное от этого значения *больша́к* ‘старший в доме’, чаще ‘старший брат’; *В сямье́ брат ста́ршай, явбо́ фсе бая́лись, явбо́ зва́ли, бальша́к.*

Также лишь словом *большо́й* обозначается и другое вторичное, производное значение ‘имеющийся в большом количестве’, противоп. ‘в небольшом количестве, мало’. *У меня́ большо́й муки́ не́ту*; *У щу́ки жы́ру бальшо́ва не́ту*; *Бальша́я вада́* [во время половодья].

Правда, единично встретилось близкое к этому значению, хотя и не совсем тождественное, *лоба́стая семья́* ‘многочисленная семья’. Более абстрактное значение ‘имеющий большую ценность, значение, большой вес’ выражается в говоре словом *большо́й. Сын у меня́ бальшо́й чилаве́к*; *Бальшо́й пра́зник.* Кроме того, слово *большо́й* входит составным компонентом в целый ряд фразеологических единиц, и в них оно уже не может быть заменено никаким иным: *больша́я часть* ‘в большинстве случаев’, *больши́ю до́лю* ‘по большей части’, *на большо́й* (палец) ‘очень хорошо, прекрасно’, *на ше́ю на больши́ю* ‘невыгодно, убыточно’.

Лексико-грамматическое значение усиления передается в говоре только сравнительным наречием *бóлей, бóле. Бóляй тибя́ нарвýт*; *гот аль бóляй*; *грехá бóляй с вáми*; *бóле не брала́ сафсéм* и мн. др.

От слова *большóй* возможно и приставочное образование *небольшой* ‘маленький, небольших размеров’, аналогичного образования от слова *лобáстый* в говоре нет. *Нибольшóй дошъ*; *нибальшáя карóва*; *набрáли круглавúначку нибальшýю я́год* и т. п.

В свою очередь слово *лобáстый*, стилистически нейтральное в значении ‘значительный по величине, размерам’ (см. примеры с. 119), содержит в себе потенциальную экспрессию, так как, видимо, первоначально и было эмоционально-экспрессивным производным от *лоб*. Эта богатая экспрессия отражается в таком однокоренном гнезде, как *лобáч, лобани́на, лобáн, лобáнка, лобáщий* ‘о ком-либо большого роста, крупном’, содержащее известные оттенки неодобрительности, пренебрежения говорящего к лицу, которое названо одним из этих слов. *О, какóй лобáн растéть*; *Нигдé Нюшка ни апридéлить такóва лъбанá рабóтать*; *Гляжý, он* [кот] *пря́ма ка мнé на нóги*: — *Лабáн! Вить ты́ палпýда тя́нишь. Вить у миня́ нóги фсе атсóхли*. Экспрессия порицания, неодобрения рассмотренного словообразовательного гнезда прямо корреспондирует с аналогичным употреблением и слова *лобáстый. Лабáнка*! *Мáтири нéту... ушлá лабáстая, мáльчика астáвили... сичóс прúдить мать... лабáнка* [уговаривает ребенка].

Описанная семантическая дифференциация синонимов *большóй — лобáстый* в лексической системе д. Деулино поддерживается той семантической значимостью слова *большóй*, которая интенсивно поступает в говор из общенародного литературного языка в таких сочетаниях, как *большие задачи, большие планы, большие дела* и т. п. к которым язык говора не может остаться глух. Помимо этого, слово *большóй* используется в говоре и как лексиче, ский дублет некоторых собственно диалектных слов. Так, в отдельных контекстах оно заменяет деулинское слово *рóдный*, слово, примыкающее по смыслу к синонимической паре *большóй—лобáстый*, значение которого можно определить как ‘имеющий большие, крупные размеры или состоящий из элементов и частиц большого размера’ (*рóдный песóк*; *рóдная я́года*; *рóдные картóшки, рóдныи глазá*; *рóдныи бýквы*), и производные *роднéй* (*грат ище*

раднёй), *породнéть* (*анá* [ягода] *мéлинькайя снача́ла, а патóм пъраднéить*). В конкретном речевом акте слово *рóдный* нередко заменяется своими литературными дублетами *крýпный* или *большóй*. *Рóдная, крýпная — как хош нъзави́; Пясóк канънясло́ — крýпнай, рóднай; Рóдныи грибы́ и балышы́и грибы́.*

Все эти данные свидетельствуют, таким образом, что наиболее семантически развитым и продуктивным в синонимической паре *большóй—лобáстый* является слово *большóй*, а принадлежность его и к общенародному, литературному языку увеличивает его смысловую емкость.

Активное взаимодействие литературного языка и диалекта на современном этапе, охватывающее многие стороны диалектной речи, в лексической синонимике говора проявляется прежде всего в расширении синонимического ряда. Новые компоненты ряда — появились ли они в говоре как прямое заимствование из общенародного (литературного) языка или образовались в самом говоре на основе значащих морфем литературного слова — в смысловом отношении соответствуют самому общему значению каждого из диалектных компонентов, не внося новых оттенков смысла. Так, синонимический ряд *огнянóй—заяристый—рьянóй* объединен семантической общностью, понятийно восходящей к обозначению различных модификаций такого свойства человеческого характера, как горячность, вспыльчивость. (*В огнянóй* скорее подчеркивается вспыльчивость, несдержанность, в *заяристый*,— задиристость, в *рьяный* — злобность; в речи они могут заменять друг друга). Появление в нем слова *пы́льный* (*пы́льчатый* и *вспы́льчатый* — как варианты) раздвигает весь ряд: *огнянóй—заяристый—рьянóй—пы́льный* (*пы́льчатый, вспы́льчатый*). Аналогичное наблюдается и в синонимической паре *грéбный* (*грéбостный*)—*брéзговый*. Появившееся слово *брéзговый* совпадает по смыслу со словом (*грéбостный*) лишь в значении ‘брезгливый’, в то время как у слова *грéбный*, так же как и в однокоренных (*грéбно, гребнéй*) отмечено и значение ‘вызывающий брезгливость, неприятный на вид’. *Мамúка, как грéбна на тибя́ глядéть: адúн перх* [перхоть].

Таким образом, вновь появившиеся в говоре слова, расширяя синонимические ряды и дублируя одно из значений диалектного компонента ряда, не пополняют сам понятийно-смысловой запас лексической системы диалек-

та значащими элементами. Лексические дублеты видоизменяют и осложняют синонимические отношения между словами близкими (или тождественными) по значению, превращая их в дублетно-синонимические.

В речевой практике носителей современного говора дублетные лексические единицы составляют существенное номинативное и эмоционально-экспрессивное звено. Разумеется, лексико-семантическая система говора, как всякая естественная языковая система, избавляется от избыточных элементов. Это упорядочение внутри дублетно-синонимических рядов (и пар) протекает разными путями: выпадают архаизирующиеся компоненты, идет дифференцирование смысловое и стилевое среди них и даже происходит распределение в использовании равнозначащих слов по специально-возрастным группам носителей диалектной речи и др. Все это так. Однако устанавливаются эти факты с большим трудом, особенно в сфере неноминативной лексики. Если изучающий диалектную синонимию задается целью показать семантико-стилистическое перераспределение компонентов синонимического ряда, то всякий раз, в каждом отдельном случае, этому должно предшествовать специальное микроисследование *всех языковых связей* анализируемых слов.

Расширение словарного запаса диалекта, развитие лексической дублетности, как и всякой вариантности вообще, есть результат особой восприимчивости к внешним влияниям, идущим из общенародного (литературного) языка и соседних близлежащих говоров.

Дальнейшее развитие дублетно-синонимических рядов в лексической системе говора — пойдет ли оно по пути замены диалектных компонентов ряда их литературными эквивалентами или по пути семантической и стилистической дифференциации синонимизирующихся слов — не может быть не связано со все возрастающим чувством языковой нормы, в среднем и младшем поколении ориентированной на литературную (кодифицированную) норму [28].

---

[28] Связи вариантности с нормализационными процессами в последнее время придается все большее значение; она подтверждается фактическим материалом разных языков; см.: *Семенюк Н. Н.* Некоторые вопросы изучения вариантности.— ВЯ, 1965, № 1; *Веселитский В. В.* Норма и вариант.— РЯШ, 1967, № 5; *Горбачевич К. С.* Вариантность слова и языковая норма (на материале современного русского языка). Автореф. докт. дис. М., 1975.

Глава 4

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ЛЕКСИКИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ГОВОРЕ

Вводные замечания • Специфика освоения слов литературного языка при контактах диалектно-литературных в отличие от контактов разных языков • Роль психолингвистического фактора в процессах адаптации литературной лексики в говоре; возрастной фактор при этом • Разграничение лексемного и семемного уровня в процессах освоения литературных слов • Зависимость полноты освоения литературного слова в говоре от принадлежности его к тематическим разрядам слов • Активное и пассивное словоупотребление осваиваемых в говоре слов • Наблюдение за семантическим расщеплением слова как основной метод изучения процессов освоения литературной лексики говорами • Группировка лексики в зависимости от степени и характера освоения в говоре • Характеристика различных семантических явлений, сопровождающих изучаемые процессы — метонимии, актуализации отдельных значений слова, «оживление» былой семантики и др • Локализация этих явлений • Изменение сочетаемости слов в процессах освоения литературной лексики • Разные виды сочетаемости ее • Соображения о продолжительности во времени процессов освоения литературной лексики в говорах (анализ фрагментов некоторых групп сельскохозяйственной лексики) • Стилистические выравнивания в процессах освоения литературных слов в говорах • Роль просторечия в процессах освоения литературной лексики в говорах.

§ 1. Генетическая неоднородность лексико-фразеологического состава диалектов, так же как и литературного языка, является базой лексикологических исследований разной направленности. Огромное большинство диалектных словарных единиц, восходящее к самым древним пластам общерусского и общеславянского словарного фонда,

дало объективные сведения для обоснования различных этногенезных теорий [1].

Плодотворные историко-этимологические исследования направлены на выявление иноязычных заимствований из славянских и неславянских языков, осевших в говорах и ассимилированных там, часто в значительно трансформированном виде (фономорфологически или семантически).

Продолжительное соседство и сосуществование говоров и литературного языка обеспечивает постоянное взаимодействие их словарного состава. Лексические элементы постоянно проникают из одной подсистемы национального языка в другую, и поэтому являются объектом специального лингвистического изучения. Наиболее исследованными являются процессы проникновения диалектной лексики в литературный язык, начиная от XVIII в. и до наших дней. Внимание к этому моменту обнаруживается как при исследовании общих закономерностей формирования и развития литературного языка в разные эпохи, так и при изучении языка отдельных писателей (См. работы В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, С. И. Ожегова, С. А. Копорского, Ю. С. Сорокина, Ф. Л. Скитовой, Л. И. Балахоновой и др.).

Относительная изученность проникновения диалектных слов в язык художественной литературы, а через его посредство и в общелитературный язык, систематизация и учет такого рода лексем дали повод для утверждений, что процесс пополнения русского литературного языка за счет диалектной лексики уже завершен [2]. Но это все-таки не совсем так... С поверхности наблюдения исчезают факты броские; открывать новые факты становится все труднее и труднее. Современное вхождение диалектной лексики в литературный язык идет не прямо, адаптация слова диалекта в литературном языке протекает не непосредственно, а через посредство разного рода периферийных сфер и подсистем литературного языка (просторечие, региональные варианты литературного языка, терминологию). Обнаружение фактов лексических вхождений в литературный язык требует длительного поиска, при кото-

[1] *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского, белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.

[2] *Будагов Р. А.* Литературные языки и языковые стили. М., 1967, с. 305.

ром внимательно изучаются разные функционально-стилистические ответвления общенародного языка. Такие как — язык художественной литературы, специализированные тексты, газетные и публицистические очерки, данные устной речи и т. п. (ср. подобные разработки для слов *кондбвый*, *проголбсная песня*) [3].

Столь же трудоемко изучение и обратных процессов — перемещение слов из литературного языка в говоры. Оно также должно основываться на применении разных методик изучения (сопоставления данных различных словарей — общих толковых, диалектных, терминологических; анкетирования устной речи, сравнения оценок словоупотребления, высказанными видными авторитетными лицами в литературе, науке, искусстве и т. п.). Успешно применяется эта комплексная методика в указанных статьях Ф. Л. Скитовой.

Так же, как и в других главах настоящей монографии, отбор анализируемого материала (слов или группы слов) осуществляется в строгом соотнесении с внеязыковым референтом. Эта коррекция дает известную гарантию от внесения в текст грубых фактических ошибок, неизбежных при исследованиях лексико-фразеологических миграций. Сюда прежде всего относятся лексические пласты, связанные с изменением социально-экономических условий деревни в советскую эпоху (лексика колхозного строительства, социально-экономическая, культурно-просветительная, абстрактно-книжная и др.).

Проникновение слов литературного языка в говоры, их адаптация лексическими диалектными системами были всегда. Подробнее же, т. е. когда, при каких внеязыковых обстоятельствах, в каком номинационном потоке эти лексико-фразеологические единицы оседали в говорах, что способствовало их утверждению в лексико-семантических системах диалектов, помогают установить кропотливые историко-этимологические исследования [4]. Само же дви-

---

[3] *Скитова Ф. Л.*, *Маргулян А. А.* Пермские областные слова в лексике русского литературного языка. *Кондбвый*.— В кн.: Живое слово в русской речи Прикамья, вып. 3. Пермь, 1972; *Скитова Ф. Л.* Пермские слова в лексике литературного языка. *Проголосная песня* (к вопросу об использовании показаний словарей в историко-лексикологических исследованиях).— В кн.: Живое слово в русской речи Прикамья, вып. 4. Пермь, 1974.

[4] Ср., к примеру, наблюдения Ю. П. Чумаковой о замене местных ткацких терминов *сýкало — скáло — скáлка — скáльно* на термин

жение слов в диалекты стимулируется тесной связью языка и жизни, проницаемость же лексического уровня — это гибкое устройство языкового механизма — призвано осуществлять эту связь. Отсутствие письменной формы существования для слова в диалекте и кодифицированных норм словоупотребления способствуют семантической подвижности у таких элементов, нередко утрируя, подчеркивая и, в конце концов, развивая лишь какие-то отдельные семантические дифференциальные признаки, составляющие значение переходящего в говор слова. «Большое разнообразие и сложность лексико-семантических типов, наблюдающихся в говорах,— писал Н. И. Толстой,— делает диалектный материал более эффективным для изучения лексико-семантических отношений» [5]. Это справедливое замечание вполне приложимо к лексическому материалу разных периодов проникновения литературной лексики в диалекты, в том числе к самому последнему.

В 30-е годы В. М. Жирмунский, исследуя соотношение словарного запаса крестьянства и образованного буржуа в эпоху капитализма, отмечал, что «...основное различие между языком господствующих классов и крестьянскими говорами не в количестве слов, а в самом характере лексики. В крестьянских говорах отсутствуют обширнейшие лексические сферы, связанные с языком науки и техники, искусства и литературы, политической и общественной жизни, в частности — интернациональные «культурные» слова: если слова такого рода проникают в крестьянскую речь через школу, газету и книгу, в связи с перестройкой деревни в условиях развитого капитализма, то они являются в диалекте как бы заимствованиями из национального языка, нередко сохраняя литературную форму, отличную от фонетических закономерностей данного диалекта» [6]. Эта характеристика авторитетного ученого не может быть приложена к русским диалектам

катýшка, происшедшей в XIX в. в рязанских говорах *(Чумакова Ю. П.* Текстильная лексика говоров района «Богословщина» Рязанской области. Семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика). Канд. дис. Горький, 1966, с. 428.

[5] *Толстой Н. И.* Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии.— В кн.: Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Прага, август 1968. Доклады советской делегации. М., 1968, с. 342.

[6] *Жирмунский В. М.* Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936, с. 77—78.

социалистической эпохи. На наших глазах осуществляется идеографическая смена старого словарного запаса деревни на новый. Исследователи этих процессов констатируют огромное количество лексико-фразеологических единиц литературного языка, освоенных в говорах. Отдельным экстралингвистическим сторонам деревенской жизни соответствуют иногда целые тематические группы общенародной лексики, как бы «укомплектовывая» полностью их литературными словами. Шадринская исследовательница А. Н. Соколова называет 8 таких лексико-тематических групп, происхождением которых обследованный ею говор обязан новым условиям деревенской жизни и влиянию литературного языка (от 200 до 997 слов в лексиконе отдельных носителей говора). В числе их обычны: *автономия*, *баллотировка*, *герб*, *парламент*, *республика*, *дипломат*, *конгресс*, *революция*, *фестиваль* и др.[7] Именно тематическая реорганизация диалектных лексических систем, начиная с работ 30—40-х годов А. М. Селищева, Ф. П. Филина, Н. М. Каринского, Н. П. Гринковой, В. М. Никитина и др., является наиболее освещенной в литературе предмета при исследовании актуальных в наши дни процессов сближения говоров с литературным языком.

Потребность выражения новых понятий, общность внеязыковой ситуации современного города и современной деревни, качественно отличающейся от аналогичной общности, бывшей ранее, вызывает естественное обращение со стороны носителей диалектной речи к лексико-фразеологическому фонду города, по существу к словарю общелитературного языка. Если посмотреть на любой диалектологический текст с точки зрения состава его лексико-семантических и фразеологических единиц (чем продолжительнее текст, тем вероятность этого больше), то присутствие слов «культурных», слов из интернационального фонда, что так решительно отвергал В. М. Жирмунский в приложении к немецким говорам капиталистической эпохи, обычное и распространенное явление: *Рóчих — ётъ тóлщи рычяжóк — сънтимéтраф шесь*; *Ты на сы́нинай ижди́вéнии нъхади́лась иль на му́жинай? У няво́ абръза́вания жыва́та два кла́сса* (Деул.); *Сни́мки-то? ну дéлали мнє*

[7] *Соколова А. Н.* Изменение территориального диалекта под влиянием социальных факторов.— В кн.: Очерки по социолингвистике. Шадринск, 1971, с. 37 и сл.

сни́мок в рентге́не, когда́ в го́спитале-то лежа́л; *Авто́бус у нас как отте́плет, так хорошо́ ходи́ть бу́дет* (Самотик, 1974); *Га́рец-то* [сорт пшеницы] *мы сда́ли. А мы их вы́правили, по квита́нциям све́рили? Мы его́ то́лько сейча́с произве́ли в прихо́д. Га́рец он не оприхо́дован* (Обск. доп.). Современный диалектный контекст — это комбинация лексико-фразеологических средств говора и литературного языка, элементы которого нередко трансформированы по форме.

Обилие литературных слов, глубоко вошедших в крестьянскую среду, их тематическая разноплановость явились, по мнению отдельных исследователей, едва ли не важнейшим языковым материалом для обоснования объективного влияния общенародного литературного языка на языковую структуру говоров. В работах 30—40-х годов, особенно в тех, где новая лексика в деревне была объектом специального наблюдения, можно столкнуться с крайними утверждениями, относящимися к этому моменту: «...в современной колхозной деревне только в незначительной степени (разрядка моя.— *Т. К.*) сохранилась лексика диалектная, которая интенсивно вытесняется новыми словами» [8].

Соглашаясь с подобными суждениями в части номинационного состава словарных единиц в современном говоре, мы не можем тем не менее не констатировать догматизма этих мнений, ибо в них не отражены разного рода противоречия в функционировании лексики литературного языка, осевшей в говоре, противоречий, неизбежно возникающих всегда при контактах двух лексико-семантических систем (в нашем случае — системы литературного языка и системы какого-либо отдельно взятого диалекта.)

Надо иметь в виду, что в создании фактов диалектных наблюдений (современная смешанная полудиалектная структура говоров особенно предрасполагает к этому) и затем в получении определенных результатов исследования всегда играет роль внешняя обусловленность исследования — цель, задачи его и применяемая для этого методика. Метод прямого опроса, искусственный и лабораторный, метод — «стимул» [9] провоцирует в момент наблюде-

[8] *Чагишева В. И.* Взаимоотношение местных диалектов и литературного языка в советскую эпоху.— Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1958, т. 152, с. 265.

[9] *Тимофеев В. П.* Личность и языковая среда. Шадринск, 1971, с. 65.

ния произнесение многих слов и выражений, скрытых и подспудных в языковом сознании и памяти у носителей диалектной речи, как бы переводит их из пассивного в активное состояние. Применение его продуктивно сказывается как при сборе и фиксации сугубо местной лексики и семантики (на что указывают словники многочисленных дифференциальных диалектных словарей, появившихся в свет в недавнее время), так и, напротив, лексики литературного языка, адаптированной говорами. Приведенное выше заключение В. И. Чагишевой, особенно о «незначительной сохранности диалектной лексики» в современных говорах — по-видимому, своеобразная «издержка» избранного ею метода наблюдения за лексикой диалектов.

Новых слов в современном говоре действительно очень много, причем их приток все ширится и ширится особенно в связи с естественной сменой социально-возрастных категорий населения деревни. Но не все новые слова смогут заменить старые, они могут утвердиться, но не вытеснить стабильный фонд лексики диалекта. Ведь говоры получают из литературного языка огромное количество безэквивалентной лексики (*председатель*, *секретарь*, *клуб*, *партком*, *красный уголок*, *радиопередача* и т. д. и т. п.). Подробно о соотношении эквивалентных лексических единиц говора и литературного языка говорилось в 3 гл.

§ 2. Качественное своеобразие внешних условий, от которых обычно зависят лексико-семантические заимствования из одной языковой системы в другую, для русских диалектов нашего времени состоит в том, что в них (во внешних условиях) немного больше общего между городом и деревней, чем это было в прошлом. Процессы изменения словарного состава современного говора двусторонни: они выражены, с одной стороны, в исчезновении устаревающей лексики (в соответствии с устареванием реалий), с другой же — в появлении новых слов. Восприятие литературной лексики (как и утрата архаизирующегося словаря) идет в новых условиях современной деревни, внешних и языковых, целыми тематическими группами. Эти словарные единицы осваиваются в диалектах не понаслышке и смутным представлениям, а благодаря собственному активному жизненному опыту каждого носителя диалекта. Воспроизведение таких слов в речи четко связывается с хорошо известным деревенскому жителю денотатом. Жизненный опыт и фиксирует освоение в пер-

вую очередь тех семантических сторон входящего в говор слова, которые приближены к носителю говора экстралингвистически. По этой причине активные процессы освоения общенародной литературной лексики в диалекте протекают неравномерно на огромной территории распространения русского языка, и в то же время именно в них отражено своеобразие и специфика их диалектного лексико-семантического употребления. Общим, универсальным условием лексического заимствования, осуществляется оно при контактах неродственных языков или при языковых связях диалектно-литературных одного и того же языка, будет «необходимость быстро восполнить недостающие звенья лексической системы» [10]. Чем теснее внеязыковые связи (хозяйственно-экономические, культурно-образовательные, социально-политические, семейные, личные и т. п.), тем, естественно, выше необходимость лексического восполнения. Экстралингвистическая связь и взаимодействие современного города и современной деревни и есть основа того «культурно-исторического критерия», обычного и необходимого момента в процессах лексического заимствования [11].

Лексические заимствования при диалектно-литературном контактировании, так же как и и при разноязычных контактах, подвергаются фонетическому и морфологическому переоформлению и различным семантическим смещениям. Вместе с тем подобные контакты отграничиваются от контактов разных языков, в особенности если они осуществляются между независимыми друг от друга литературными языками. В литературном языке с его опорой на кодифицированную норму и «стилевую организованность» (Ф. П. Филин) строже выступает семантико-стилевая дифференцированность заимствуемого слова и его русского аналога, если он наличествует (при диалектно-литературных связях это тоже есть, но в меньшей мере).

При диалектно-литературном контактировании заимствование литературной лексики протекает в условиях неравнозначных языковых систем, когда одна система (система диалекта) зависима от другой (системы

---

[10] *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30—90 годы XIX в. М., 1965, с. 59.

[11] *Откупщиков Ю. В.* Лексические заимствования в условиях двуязычия.— РЯНШ, 1973, № 3, с. 15.

литературного языка) [12]. Многочисленые факты оценок своей и фрагментов литературной речи у носителей диалектов ярко свидетельствуют об этой зависимости (социальной и психологической) в их языковом сознании. Освоение лексики в этом случае должно сохранять все социально-лингвистические преимущества дающей системы. Поэтому освоенным до конца слово литературного языка в говоре будет считаться тогда, когда оно правильно воспроизводится в говоре не только по форме и содержанию, но и сохраняет языковые отношения дающей системы. В лексике эти связи выражены еще в парадигматических и синтагматических отношениях. Если диалектная система навязывает вновь появляющемуся в ней слову свои структурно-языковые признаки (деривационные или фразеологические), то в этом случае еще преждевременно говорить о полном освоении литературного слова говором, хотя, надо признать, что в огромном количестве случаев трансформации входящего в говор слова подчинение закономерностям принимающей (диалектной) системе не создает коммуникативной ущербности, не мешает общению не только носителям диалектной речи между собой, но с литературно говорящим собеседником, если возникает подобная ситуация (Ср. *в рáдиве игрáют* 'поют по радио', *éхать по метрý* 'ехать в метро'). Носители литературного языка воспринимают эти образования как местные варианты литературно-кодифицированного словоупотребления. В соотнесении входящего в говор литературного слова с узуально-нормативными представлениями дающей системы, т. е. литературного языка — залог единообразия слова, одного из основных условий освоенности всякого слова, идущего из одной языковой системы в другую. А так как диалектная речь с отсутствием в ней кодифицированных норм постоянно стимулирует варьирование языковых средств, и это ее свойство распространяется и на вновь появляющиеся слова из литературного языка, то единообразие и должно стать тем критерием, который способен объединить локальные речевые варианты. В столкновении двух систем, в их диалектическом противоречии состоит специфика современного периода жизни диалектов. Можно привести наглядные при-

[12] *Баранникова Л. И.* Русские народные говоры в советский период. Саратов. 1967, с. 47.

меры, как литературное слово, входя в диалектную речь, надолго закрепляется в ней в трансформированном варианте; выход данного варианта в широкие разговорные сферы свидетельствует об отсутствии каких бы то ни было ареальных ограничений (ср. *пéнсия* → *пéнзия*, *пéньзия*) [13]. В этом случае происходит подчинение литературного слова диалектной системе. Если бы столь устойчивое отклонение в форме заимствуемого слова по сравнению с его обликом в дающей системе, достаточно единообразное на продолжительном отрезке времени, имело место при межъязыковых контактах, то его воспринимали бы как освоенное принимающей системой [14]. В истории конкретных иноязычных лексических заимствований из разных языков можно встретить немало примеров, как единообразная форма слова, созданная средствами принимающей системы и отличающаяся от его облика в системе дающего языка, так и закрепляется в заимствующем языке: *авиет-к*[*а*], *танкет-к*[*а*] ← франц. *aviette*, *tankette*; *пик-ирова-ть* ← франц. *piquer*, *пилот-ировать* ← франц. *piloter*; *рентабель-н-ый* ← нем. *rentabl*; *тоталь-н-ый* ← франц. *total* и др.[15] При диалектно-литературном контактировании такой квалификации сделать нельзя. Трансформированные в диалекте по форме, иногда называемые «мнимыми диалектизмами» в первую очередь благодаря их устойчивости и противопоставленности литературно-кодифицированной норме, слова типа *пéньзия—пéнзия* аккумулируются, по преимуществу, в архаическом типе речи и всегда подвергаются коррекции в самой среде носителей диалектной

[13] Фиксируется уже Н. М. Каринским в ваниловском диалекте (1936) — *десять рублей мне пензии платят*. Два диалектных варианта *пéнзия* и *пéнса* отмечены в среднеобских говорах (Иноязычн. слов). Стабильность варианта *пéнзия* в народной речи служит смысловой основой для трансформации и этимологизирования литературного вхождения *стипéндия* → *стипéнзия* (Там же). Слово *пéнзия* — частый стилевой компонент при характеристике народно-разговорной речи в произведениях художественной литературы. Ср., к примеру, внутренний монолог одной из героинь повести Вал. Распутина «Прощание с Матерой»: *Тебе ли, родненький, в город ехать, живню менять? Оставайся, где лежал, дома оставайся. Тебе уж не мы с Егором нужны, тебе чтоб под своим порогом находиться. Это уж так. И находись, никто тут тебе не тронет. Будешь как на пензии.*

[14] См. условия освоенности иноязычного слова при межъязыковых контактах, сформулированные Ю. С. Сорокиным (*Сорокин Ю. С.* Указ. соч., с. 62).

[15] *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968, с. 44.

речи. В речи младшей или средней возрастной группы говора уже возможна литературная форма слова (*пенсия*). Единая диалектная картина словоупотребления нарушена под влиянием социально-возрастной дифференциации диалектного коллектива. Таким образом, налицо языковая динамика, конечная цель которой — норма литературного языка. Господство ложного диалектизма, пусть продолжительное и повсеместное, это э т а п в освоении слова. Этап проходящий, продолжительность которого варьируется и по местностям, и в зависимости от осваиваемой лексики, и от реализованного воздействия литературного языка. (По данным ЭК из 17 зарегистрированных словоупотреблений слова *пенсия* в деулинском говоре — 13 в варианте *пéньзия* — в архаическом типе речи, и 4 — *пéнсия* в речи лиц среднего поколения).

§ 3. Освоение новых слов при диалектно-литературном контактировании неотделимо от психологического механизма речи вообще. Человеческая речь, как об этом пишут специалисты по психологической лингвистике, обеспечена действием трех психологических предпосылок — знания, умения и навыков, которые приобретаются личностью и благодаря обучению становятся устойчивыми [16]. Так как эти три психических механизма речи, выработанные в условиях одной языковой системы (системы литературного языка), переносятся при диалектно-литературных контактах в другую (в систему диалекта), то неизбежны смещения данных критериев, а следовательно, и трансформация языковых средств (на этом психолингвистическом механизме основана интерференция). Недостаточная реализация психолингвистического мезанизма речи современного носителя диалекта при освоении слов литературного языка естественно проявляется в разнообразных и многочисленных нарушениях норм и правил литературного словоупотребления. Внимание наблюдателя диалекта невольно приковывают факты, когда эти три психических фактора (знание, умение и навыки) сбиты, спутаны в конкретном речевом акте. Случаи, когда носитель диалекта знает предмет (= предмет своего высказывания), но не знает, как его назвать, или плохо знает предмет своего высказывания, имеет о нем лишь самые

[16] *Верещагин Е. М.* Психолингвистическая проблематика теории языковых контактов.— ВЯ, 1967, № 6, с. 126.

общие приблизительные представления, поэтому и нет умения и навыков его назвать. В поисках нужного слова обычна субституция лексем из разряда тематически близких слов. Таков пример, демонстрирующий момент лексической подстановки, зафиксированный нами в говоре д. Мякурье Архангельской обл. (1971 г.): [Пожилая колхозница, рассказывая о строительстве дома, пытается назвать новый в их местности вид кровли:] — *Крышу* [когда кроют], *ну́-ко как*? *Желе́зо как называ́ют*? [Подсказка наблюдателя:] — *Шифер*? — *Шыфёр*! Нарушены психологические условия течения речи (нет твердого представления о самом предмете, а также еще не выработаны устойчивые навыки наименования).

Исходным моментом подобных речевых (не языковых) реализаций является знание о предмете, пусть неточное, неполное, но все-таки «осмысление» предмета предшествует, опережает его словесное выражение. Видоизменение же формы литературной лексики и фразеологии при её вхождении в диалект как раз и позволяет наблюдающему эти процессы обнаружить плохое (неточное) знание о предмете высказывания. Таково, к примеру, использование медицинского термина «кровяное давление». В архангельском говоре: — *Пошто́ не пуска́ли в ба́ню*? — *Повыша́еца у нево́* ... слово «*давление*» так и не было произнесено; в Деулине: *У мине́ давле́ния не́ту краве́й, у меня́ норма́льныи кравя́* т. е. нет повышенного кровяного давления.

Ведущая роль знания о предмете (реалии), т. е. примат смысла над формой слова, настолько существенна в психолингвистическом акте освоения литературной лексики в говорах, что она способствует сохранению тождества слова, несмотря на многочисленные и разнообразные трансформации звуковой оболочки его при этом. Чем же иначе объяснить устойчивое (типологическое и нетипологическое) бытование искаженных вариантов литературных слов в диалектах, как не их лексико-семантической общностью, одно из непременных сторон тождества слова? [17]. Наблюдения за семантикой таких вхождений в диалектную речь показывают, что она у них тождественна с номинативным значением у литературного языка. Из 329 слов в «Словаре некоторых иноязычных слов в го-

[17] *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова»).— В кн.: Вопросы теории и истории языка... М., 1952, с. 24.

ворах средней части бассейна р. Оби» В. В. Палагиной мы нашли лишь два слова, расходящиеся по смыслу с литературным языком: *лиф* лит.→ *лифт* диал. и *шампиньбн* лит.→ *шпибн* диал. в основе их, как нетрудно видеть, лежат прозрачные звуковые ассоциации. И когда исследователи констатируют факт освоенности литературной лексики в современном говоре, то они и имеют в виду прежде всего с о д е р ж а т е л ь н о е наполнение её (таковы, к примеру, и ряды многочисленных литературных освоений, приведенные в указанной выше статье А. Н. Соколовой).

Уверенное суждение В. М. Мокиенко, согласно которому «... литературные лексемы, искажаясь формально, адаптируются и искажаются семантически, стихийно подвергаясь воздействию различных ассоциаций, которые обусловливаются этой трансформированной на почве говора формой. Форма, таким образом, является основой семантизации незнакомой лексемы» [18], с нашей точки зрения, приложимо лишь для редких трансформированных случаев, каким и является интересный пример со словом *динфе́кт*, записанный автором в одном из псковских говоров. Трансформированная лексема *динфе́кт*, по мнению В. М. Мокиенко, сложившаяся под влиянием таких литературных слов, как *дефект*, *инфекция*, *дезинфекция* по фоно-морфологическим ассоциациям близка с приведенным выше *шампиньбн* → *шпибн* [19].

Предпосылки для фонетических и морфологических трансформаций литературных слов заложены в достаточной устойчивости диалектной языковой системы, а семантические и фразеологические — в специфике внеязыковых условий, в соприкосновении с которыми новое слово получает иные метафорические и метонимические смещения. В бо-

---

[18] *Мокиенко В. М.* Трансформация литературной лексики в народно-разговорной речи.— В кн.: Язык и общество, вып. 4. Изд-во Саратовского ун-та, 1977, с. 113—114.

[19] Факты формальных трансформаций литературных освоений в диалектах, не обусловленные регулярными фонетическими закономерностями диалектной системы, в последнее время систематизируются и изучаются в разных аспектах; см.: *Блинова О. И.* Лексико-фонетическое варьирование слова в диалектах.— Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1966, вып. 1; *Симина Г. Я.* Литературная лексика в системе диалекта.— Вестн. ЛГУ, 1968, № 20, вып. 4; *Калнынь Л. Э.* Организация фонемного состава иноязычных заимствований.— Сов. славяновед., 1968, № 2.

гатстве и многообразии лингвопсихологических ассоциаций, особенно ярко проявляющихся в оценке носителей диалекта лексико-семантического состава литературного языка, снова выражается отличие диалектно-литературных контактов от контактов межъязыковых. Здесь вновь становится очевидной аксиома, что всякий диалект — это лишь частная реализация общеязыковой системы. Знакомство с экспериментом. В. П. Тимофеева по изучению индивидуального запаса слов носителя диалекта (родной матери исследователя) обнаруживает, что при прямом опросе (выспрашиванию подвергся словник «Словаря русского языка» С. И. Ожегова — 52 872 слова) амплитуда психологической ассоциативности достаточно широка. Это ассоциации, при которых диалектные и литературные словоупотребления — полные аналоги (*бока у коровы втянулись* — ДСЛ, *щеки после болезни втянулись* — Ожегов), морфолого-словообразовательные ассоциации, основанные на единстве языковой структуры говора и общенародного языка — *виночерпий*, *виноторговец* («*один вино черпает*, *другой продает*»), понятийно-идеографические ассоциации (*алюминий* — «железо», *анатомия*, *грамматика* — «ребята в школе учат») и др. (ДСЛ, с. 15) [20].

§ 4. В активных процессах освоения литературных слов в диалектах существенную роль играет оформленность слова. Все слова, которые вбирают лексико-семантические системы говоров из общенародного литературного языка по признаку оформленности, делятся на две большие группы. Группа разнооформленной, дифференцирующейся лексики с исконными лексическими единицами говора — лексемная группа и группа равнооформленной лексики, различающаяся лишь семантически — семемная группа. Первую группу составят слова типа *колхоз радио*, *дуст*, *штапель* и т. п., т. е. слова, которым нет однозвучных соответствий в говоре, а вторую — слова, различающиеся лишь семантикой при одинаковости оформления: *вода* ‘многословие при бедности мысли’ (Мельниченко, 1962).

Современный говор осваивает обе группы слов: лексемную и семемную, но очевидность такого освоения для исследователя неодинакова. Языковое сознание всегда

[20] См. подробнее: *Коготкова Т. С.* Заметки об изучении лексики в индивидуальной речи диалектоносителя (По материалам современных областных словарей).— В кн.: Русские говоры. М., 1975.

более восприимчиво и поэтому способно выделить такие единицы языка, которые по-иному оформлены по сравнению со своими собственными. Момент отграничения чужого (литературного) от своего (диалектного) в говоре по существу тот же, что и в литературном языке, когда оцениваются диалектные фрагменты языка. Неодинаково оформленный языковой факт, по сравнению с собственным, есть основа всяческих оценок. Лексемная группа освоений всегда вступает в говоре в сравнение со своими собственными; именно по отношению к ней применяются излюбленные конструкции «по-вашему — по-нашему», «по-культурному — по-деревенски» и т. д. и т. п. Роль контрастности формы диалектной и литературной лексемы (или диалектной и литературной семемы) весьма существенна в перестройке лексического состава современного говора. И. А. Оссовецкий полагает, что в дублетных парах деулинского говора *паскаль* ‘эпидемия’ и *комáрь* — *комáр*, контрастные единицы типа *паскáль* менее устойчивы в говорах, чем единицы типа *комáрь* [21]. По-видимому, это действительно так.

Обе группы лексических вхождений в говор рассматриваются в диалектологических работах обычно совместно, ибо исходным моментом их адаптации является связь с внеязыковой действительностью. Это также бесспорно. Однако, как осваивается новая семантика, как она взаимодействует с уже имеющимися в слове исконно диалектными значениями — об этом пишется меньше; меньше учитываются разные виды возможных семантических взаимоотношений в слове, хотя общая оценка перестройки смысловой структуры слова диалекта дана Оссовецким достаточно объективно и справедливо: — это «процесс довольно длительный, значительно более медленный, чем замена слова говора целиком каким-либо соответствующим словом литературного языка» [22]. Оссовецкий, характеризуя процессы взаимодействия диалектной и литературной семантики в одном и том же слове, рассматривает это с двух сторон: с одной стороны, как вытесняется диалектная семантика и как взаимодействует, если вытеснения не получается. Чем дифференциальнее ти-

[21] *Оссовецкий И. А.* Народные говоры. Лексика.— В кн.: Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1968, с. 159.

[22] Там же, с. 170—171.

пичные контексты диалектной семемы, тем, по мнению Оссовецкого, вероятнее выпадение их из диалектной речи (*седой сатин*, *седое платье*), и наоборот, чем контексты менее различительны, тем это выпадение менее вероятно (*кушать*). Это с одной стороны, с другой же, если вытеснение контрастно-дифференцирующейся семантики не происходит, то наступает тесное семемное взаимодействие. «Наличие общего семантического фона у многих слов говоров и литературного языка,— пишет Оссовецкий,— в очень большой степени способствует установлению тесных контактов между ними, которые в первую очередь выражаются в наложении семантики.

При такого рода контактах, (утверждает Оссовецкий) все то, что отклоняется от семантики соответствующих слов литературного языка, постепенно вытесняется, забывается, семантическая структура диалектного слова испытывает корректирующее влияние слова литературного языка» [23].

Приложимо ли это правило ко всем многообразным и многочисленным (практически необозримым) вхождениям литературных семем в диалектную речь? Одинаково ли выражается общий семантический фон слова (инвариантное значение) в разных словарных группах и словах? Думается, что это всякий раз требует специального, отдельно взятого исследования.

Инвариантная общность при движении литературных семем в диалект двойственна. С одной стороны, общность исходного смысла слова, общность корневой морфемы облегчает контактирование лиц, речь которых восходит к разным системам — литературного языка и диалекта. Тем более, что при всяком устном общении необязательна точность применения входящих в высказывания слов. Объединяющая говорящих осведомленность в ситуации и конситуации дает возможность обойтись нередко лишь намеком на смысл слова. С другой стороны, достигнутое таким образом взаимопонимание, в основе которого лежит восприятие нередко «приблизительного» смысла, оставляет в тени, незамеченными ряд семантических нюансов, существенных в дающей системе литературного языка. Это в значительной мере присуще осмыслению однокоренных образований, когда последние попадают в говор.

[23] *Оссовецкий И. А.* Указ. соч., с. 170, 171.

Здесь они воспринимаются и воспроизводятся в речи носителя диалекта в привычных для него языковых ассоциациях. Так литературно-книжные словосочетания *согласованные/несогласованные действия*, семантические производные от группы *согласованный—согласованность* противопол. *несогласованный—несогласованность*, в языковом сознании деулинского информанта ассоциируется со словом *согласие* 'взаимная дружба, мирное дружелюбие' [24]. Возможны и явные ошибки при восприятии носителями диалекта однокоренных образований, идущих в говоры из литературного языка. (Ср. контекст: *Прибыли в часть, зачислили на удовольствие.* Обск. доп.) Языковый барьер такого рода при диалектно-литературном контактировании нельзя недооценивать. Именно он является серьезной преградой на пути подлинного освоения литературного словоупотребления в диалектах, в перспективе единственного для всего населения, говорящего по-русски [25].

Семемное несовпадение однозвучных слов говора и литературного языка колоссально и многообразно. Это основной массив расхождений в семантическом фонде говоров и литературного языка, расхождений, исторически закономерных, внелингвистически оправданных (Группа семантических диалектизмов — а речь идет именно о ней — по всеобщему мнению исследователей, доминирует и превалирует над другими группами диалектных слов в говоре).

В ряде случаев традиционно-диалектные значения настолько устойчивы в говорах, что их не могут поколебать весьма актуальные и распространенные семемы литературного словоупотребления. Покажем это на примере семантической эволюции глаголов *воспи́тывать—воспи-*

---

[24] Подробнее о речевой ситуации появления в говоре словосочетания *согласованные действия* см.: *Коготкова Т. С.* Некоторые наблюдения над лексикой современного говора на материале русского языка.— В кн.: Язык и общество. М., 1968, с. 197.

[25] Расхождение в семантике у слов одного и того же гнезда — повод для появления каламбуров в произведениях художественной литературы, и особенно тогда, когда хотят подчеркнуть плохое знание кем-либо русского языка. Ср. у Чехова в «Ионыче»: «*Пришлось опять долго сидеть в столовой и пить чай. Иван Петрович, видя, что гость задумчив и скучает, вынул из жилетного кармана записочки, прочел смешное письмо немца-управляющего о том, как в имении испортились все запирательства и обвалилась застенчивость*».

та́ть (и их однокоренных дериватов). Как показало исследование П. И. Павленко, расщепление смысловой структуры глагола *воспи́тывать—воспита́ть*, в результате чего одна группа смысловой структуры стала функционировать только в говорах, а другая — в общенародном языке, осуществлялась на протяжении XIX в.[26] Словарь В. Даля, хронологически самый удобный для того, чтобы показать ход этой семантической перестройки (середина XIX в.), в своем толковании глагола *воспи́тывать—воспита́ть* как раз и подчеркивает эту динамику: ‘в низком значении вскармливать, кормить и одевать до возраста’; ‘в высшем значении научать, наставлять, обучать всему, что для жизни нужно’. В современном языке четко проходит смысловая грань в зависимости от того, говоры это или общенародное литературное словоупотребление. В говорах до сих пор сохраняются, благодаря исключительной определенности смыслового наполнения, группы «низшего» (по В. Далю) семантического комплекса: т. е. кормить, питать, выкармливать. Ср. деулинское: [старуха о себе:] *дéйка* [ее дочь] *вы́йдить за́муж, хто миня́ васпи́тывать бу́дить*? Или [одна говорит о другой:] *рассказа́ла, как васпи́тывала* [больного мужа] *свавб́, карьми́ла ис читырéх блют*.

Стабильные и продуктивные в литературном языке семемы глагола *воспи́тывать—воспита́ть* связаны, как было замечено, с воспитанием в духовно-нравственном и политическом отношении. Эта обобщенная семантика уточняется, конкретизируется в таких устойчивых глагольных управлениях, как *воспитывать кем-каким* (ленинцем, прилежным, преданным, усердным, патриотом и т. п.), *воспитывать в чем* (в правилах, в почтении, в доверии и т. п.), *воспитанный на чем* (*воспитанный на классической литературе*) и особенно однокоренное *воспитанный* ‘получивший хорошее воспитание’. Однако эта ак-

[26] Образования на *воз-* считаются книжными и в литературном языке сопрягаются с высоким стилем (по происхождению из церковнославянского языка). Но в работе над пятым выпуском СРНГ был открыт сплошной массив лексических образований с приставкой *воз-/-вос* (300 слов). Компактно-алфавитный материал, помимо лексикографического описания, был подвергнут специальному семантико-стилистическому изучению в кандидатской диссертации П. И. Павленко. (*Павленко П. И.* Слова с приставкой *воз-* в русских народных говорах (в сопоставлении с литературным языком). Автореф. канд. дис. 1973.

туальная как для города, так и для деревни семантика прививается в диалектной речи с большим трудом, несмотря на массовые тексты и контексты литературного языка, поступающие туда через школу, радио, телевидение и т. п. Литературный смысловой комплекс глагола *воспитывать—воспитать* пока еще в пассиве диалектного словоупотребления, если иметь в виду средние и старшие возрастные группы [27]. Таковы результаты наших специальных наблюдений за этим словом по деулинскому говору. Вместе с тем, по сведениям пятого выпуска СРНГ, семантика ‘кормить, питать, вскармливать’ у глагола *воспитывать—воспитать* и однокоренных образований охватывает широкий ареал — арханг., олон., костром., перм., ленингр., новгород., волог., свердл., кемер., смол., ряз., тульск. и др. говоры. Фиксация его датируется как в XIX веке, так и в современных материалах. Обилие однокоренных слов, начиная от *воспита́ние* с диалектным осмыслением ‘питание’, подчеркивает и углубляет именно эту семантику: *воспитальник* ‘ребенок, взятый на воспитание’; *воспита́льница* (женск. к *воспита́льник*), *воспита́тельник*, *воспито́мец*, *воспито́мка* и др. Устойчивость и стабильность данной семемы в диалектной речи, по-видимому, связывается с внутренним строением слова (*воспитание*), корневая морфема — *питание* прямо направляет языковое сознание носителя диалекта к рассматриваемому лексическому значению. В семеме литературной эти ассоциации отсутствуют. Сами же психологические основы речи с ее свойством возврата к первичным формам языкового выражения под воздействием возрастного фактора способствуют консервации изначальной семантики.

§ 5. Мало изученное, но в то же время регулярное и действенное лингвопсихологическое явление возврата с возрастом к первичным языковым средствам (Ф. Л. Скитова называет его «регрессом в эволюции речевой практики поколения» [28]) в говорах сдерживает наступление на них литературного языка.

---

[27] Печать известной текстовой «несамостоятельности» лежит, например, на контексте, извлеченном нами из иллюстративного материала ПОС (вып. 1): [Родителям пишут из армии, воинской части:] *дблга жыть ва хорбшая сына воспита́ния.*

[28] *Скитова Ф. Л.* Явление регресса в эволюции речевой практики поколения.— В кн.: Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию. ч. 2. Самарканд, 1966.

Наблюдая за этим явлением в течение 20 лет в речи родной матери Коготковой Л. А., в прошлом сельской учительницы, диалектная основа речи которой восходит к хорошо известным нам рязанским говорам (Л. А. Коготкова родилась в 1883 г. в с. Семенском Пронского у-да Рязанской губ.), мы зафиксировали редкие и нетипичные для нее контексты использования диалектной семемы глагола *воспитывать—воспитываться* [29]. Приведем этот материал полностью. [Рассуждение о воспитании детей в старое время (текст неспровоцированный):] — *А я фсё думаю, как раньше васпитывали детей. Как люди питались. Горсть луку нарвёт Гардевна, квасу вазьмёт, накрошит.* [— И детей квасом воспитывали?] — *Канешно, и дишевли и здыравее. Так питались.* Дальнейшее метонимическое расширение этой семантики в глаголе *воспи́тывать* (запись все той же беседы) не отключает её от «детской» темы, хотя и показывает применение с новой стороны. *Надежда* [когда была младенцем] *в люлечке васпитывалась, а ты нет. В Рязани ръдилась, а ента в Пронски* [речь идет о ее дочерях]. Беседа в другой раз. [Замечание о соседе, молодом мужчине, усердно работающем на постройке сгоревшего дома:] — *Какой здоровый! С утра трудится, вот уже 12 часов подряд! — А что же? Украинец, здоровый, воспитан хорошо* [здесь *воспитан* ‘взращен физически’].

Объективная интерпретация литературной принадлежности значения слова в говоре должна опираться на выявление всей сложности системных взаимоотношений слова— деривационных, синонимических, антонимических, сочетаемостных. В основе же методики описания лексико-семантических групп должен быть целенаправленно собранный материал. Делаются пока первые шаги по изучению полисемии и синонимии слова как единого семантического комплекса, например, работа В. Л. Козловой по исследованию одного многозначного слова *вы́йти* в сибирском говоре и кандидатская диссертация Л. Г. Самотик, изучившей две контрастные лексико-семантические группы — названия засельников района и глагольную группу слов с общим значением ‘работать — делать’. Общие выводы исследований В. Л. Козловой и

[29] Часть материала из этой картотеки см.: *Коготкова Т. С.* Литературный язык и диалекты.— В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970, с. 140 и сл.

Л. Г. Самотик подчеркивают исключительную смысловую подвижность нетерминологической лексики диалектов, сложные и не всегда легко вычленимые переходы в семантике между диалектным и литературным словоупотреблением [30].

Сопоставительные наблюдения с целью выявления вновь появляющейся в говоре семантики показали в то же время, что в целом ряде идеографических сфер затруднительна четкая сегментация самих понятий (и признаков) действительности. Весьма показательной в этом отношении является лексико-семантическая группа, связанная с обозначением психических, духовно-нравственных и интеллектуальных свойств человека. Не основано ли, к примеру, смысловое расхождение прилагательного *спеси́вый* в деулинском говоре ‘стеснительный, боящийся подойти к людям’ (*хто вот баи́ццъ так вот разгава́ривать с кем ни с кем, с людьми́, ска́жуть: — Ана́ кака́я-та спяси́вая, к людя́м ни патхо́дить; спяси́вая кака́я, ни сади́цца* [за стол], *стясни́тельная*) и литературного *спеси́вый* ‘с большой спесью, чванливый, высокомерный’ на зыбкости внеязыковой грани, на отнесенности к такой экстралингвистической ситуации, когда причина и следствие в проявлении душевных движений и побуждений личности сложны для определения вообще и могут не разграничиваться.

Опора на системные связи слова в говоре при выявлении его смыслового наполнения позволяет получить объективно-достоверные сведения, устранить всякие сомнения, если семема выглядит необычно в сравнении с литературным языком. Деулинское *отва́жный* ‘относящийся с уважением к кому-чему-либо, обходительный’ выведено не только из соответствующих этой семантике контекстов, но и из содержания однокоренных и фразеологических сочетаний *отва́гу* (*отва́жку*) *дать*, *отва́жить* ‘оказать кому-либо уважение, проявить внимание к кому-либо’, *отважи́тельный* то же, что *отва́жный*. При этом надо иметь в виду, что данный пласт лексики несоизмеримо бо-

[30] *Козлова В. Л.* Анализ лексико-семантической группы в говоре (К вопросу о многозначности и синонимии). Автореф. канд. дис. М., 1971. *Самотик Л. Г.* Лексико-семантическая система русского старожильческого говора Тасеевского района Красноярского края (на материале двух лексико-семантических групп). Автореф. канд. дис. Красноярск, 1974.

гаче, семантически точнее и гибче, а фразеологически разнообразнее именно в литературном языке, чем в говорах. Это преимущество, по-видимому, связано с большим влиянием языка художественной литературы, где сфера эмоций личности, интеллектуально-психических состояний, их нюансов и оттенков является едва ли не главным объектом изображения. Здесь эта лексика шлифуется, семантически уточняется, функционально-стилистически дифференцируется [31]. В разговорной речи диалекта подобных лингвистических условий нет, поэтому данный лексический слой группируется вокруг обозначения более определенных и «броских» свойств человеческого характера, ума и психики [32]. Амплитуда семантических расхождений в употреблении слова из рассматриваемой лексической группы между смысловым наполнением его в рамках литературного языка и в рамках диалекта очень широка. Она колеблется от сохранения инвариантной общности до полного смыслового «отлета». Приведем для примера два контекста, характеризующие разные полюса этих смысловых несовпадений: *ба́пка з де́дъм о́чинь э́та... Таки́ји харо́шыји ани́ бы́ли лю́ди, ну дъбрасо́висныи во́пшим стърички́. Ани́ спа́ли на ку́хни на пе́чки, а мълады́ји спа́ли в го́рницы* (тульск. пример С. С. Высотского). Слово *добросо́вестный* здесь — ‘добрый, лишенный эгоистичности, способный поделиться последним и лучшим с кем-либо’, сохраняет от литературного языка лишь самое общее — положительную характеристику человека; *у них* [деревенских жителей] *нена́висть к ним* [приехавшим в эту деревню дачникам], *апа́тия, ни хатя́т ничиво́ пръдава́ть, ни мълака́, ни јайц, апа́тия кака́я-та* (подмоск., собств. набл.). Слово *апа́тия* здесь далеко отошло от своей семантики в литературном языке. Единичные регистрации подобных семантических отклонений хотя и регулярные в разных говорах и у разных в социально-возрастном отношении лиц, не позволяют установить, что данное значение стабильно в говоре или оно семантическое нововведение там. Вместе с тем эти индивидуальные проявления семантики слова в диалектной речи заслуживают самого пристального внимания; в изучении про-

[31] Поэтическая фразеология Пушкина. М., «Наука», 1969.

[32] *Чусова И. Н.* Лексика, связанная с обозначением особенностей, склонностей человека и действий, в которых они проявляются. Автореф. канд. дис. М., 1969.

цессов освоения литературной лексики не должны элиминироваться. Они являются «показателями семантического развития, регрессивного или прогрессивного», и справедливо рассматриваются исследователями как потенциальные значения [33]. Отдельные из таких семем помещаются в областные словари в качестве заглавного слова в словнике. *Почётный* ‘почтительный, вежливый’ *Он почётный парень, здоровъищъ фсигда, хароший парень. У них фсе дети пачётныи, мать с аццом слушаютъ, никаму другому ни грубять* (СГП).

Характер семантических процессов при освоении говором литературных значений в равнооформленных словах разнообразен, сложен и противоречив. В этих процессах не исключается наложение семантики, о чем пишет И. А. Оссовецкий, но оно, это добавление смысла, не всегда идет автоматически, и не все группы диалектной лексики, как это видно из фактического материала, в равной мере воспринимают и адаптируют литературные семемы.

Генезис семемных различий для одной лексемы, различий, распределяемых по обеим разновидностям русского языка, требует специально проводимых микроисследований, в основе которых должны быть не только языковые сведения, но и внеязыковые данные культурно-исторического характера. Подавляющее большинство таких семантических различий описано в лексикографических источниках, и это пока единственно возможное массовое описание. Синхронно-лексикологическое изучение словарного состава говоров с учетом системных связей, как мы уже ранее говорили, в рамках индивидуального исследования неизбежно сопровождается ограничением привлекаемого к исследованию материала.

Квалификация семантических расхождений с точки зрения времени их появления в говоре, если за появляющимися значениями нет четко выраженной предметно-понятийной связи (*машина* ‘автомашина’, *работа— работать* ‘работать где-либо, получая за это зарплату; состоя на службе’), сложна. Всегда есть опасность принять за семантическое новообразование смысловой реликт прошлого, тем более что условия устной речи, в которых диалектное слово бытует, порождает широкое семанти-

[33] *Козлова В. Л.* Указ. соч., с. 5.

ческое варьирование. Нельзя исключать и той возможности, что новое семантическое образование в говоре совпадает по своему результату с былым, ушедшим из языка осмыслением слова. Как, например, квалифицировать значение ‘желание, сильное стремление к чему-либо’ у слова *аппети́т* в таких контекстах: *апяти́т у мяня́ был вяза́ть, а вышыва́ть ня люблю́; у е́й-та нет апетиту за́муш итти́* (ПОС, 1), или *Уж больно он с апетитом пел, все басом* (Каринский, 1936) как семантическое новшество или как консервацию старого осмысления? [34] Каждый отдельный факт такого рода требует специального исследования, но надо признать, не всегда поиск обеспечивается фактическими сведениями.

Семантические адаптации литературной лексики в современных говорах лишь часть общих процессов преобразования лексико-семантических систем диалектов; они длительны по времени и внутренне противоречивы по содержанию. Таково естественное следствие столкновения двух автономных систем — литературного языка и диалекта.

§ 6. Недостаточная реализация психолингвистического механизма речи при освоении литературной лексики и семантики в говоре теснейшим образом связана с понятием активного и пассивного запаса слов.

Распределение общего запаса слов на активную и пассивную часть как в языке отдельной личности, так и коллективной общности — явление универсальное. «Семантическая всеобщность» — одно из обязательных свойств литературного языка [35], всегда относительна даже для лиц, владеющих литературным языком. Ж. Вандриес справедливо замечал: «... есть большое количество слов, которых у меня в данный момент нет в сознании, которых я никогда не употреблял и, может быть, не употреблю никогда, но которые все же принадлежат к моему словарю, так как в случае нужды они естественно возникнут в моем сознании, и я их немедленно пойму, услышав

[34] В. В. Виноградов приводит выдержки из словарика М. Чулкова «И то и сйо» (1769), где слово *аппетит* определено как ‘побуждение, желание, хотение’ (*Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, с. 159).

[35] *Филин Ф. П.* О структуре современного русского литературного языка.— ВЯ, 1973, № 2, с. 3.

от другого» [36]. В говоре эта относительность выше, в особенности для слов, вновь осваиваемых из другой системы (системы литературного языка).

Для распределения активного и пассивного словаря при литературно-диалектном лексическом взаимодействии заметную роль играет соотношение и связь активного и пассивного запаса слов личности с активным и пассивным словарем нашей советской эпохи (этот релевантный критерий выдвигается и в социолингвистике при изучении активного и пассивного словоупотребления [37]).

В индивидуальном запасе слов любого носителя говора также активны слова *советский*, *совет*, *колхоз*, *партия*, *работать — работа* ‘находиться на службе, иметь постоянное занятие как источник заработка’, *машина* ‘автомашина’, как и в речи носителя литературного языка. Напротив, в пассив диалектного словоупотребления уходит та лексика, которая не поддерживается временем, не актуальная экстралингвистически.

Сама двуязычная ситуация (диалектно-литературная) речи современного носителя говора способствует идиолектному варьированию, а это значит, что в пассивном запасе слов объединяются не только неотстоявшиеся факты речи (типа *шифер*, *кровяное давление*), но и лексические единицы другого порядка, хотя и освоенные в своем ведущем семантическом признаке, но малопопулярные и малоупотребительные в диалектной среде. Таково использование в псковских говорах слова *зарядка* ‘физическое упражнение с оздоровительной целью’ (Мокиенко, 1977). Сюда же отойдут лексемы и семемы, слабо «приживающиеся» в диалектной среде из-за оказываемого им противодействия со стороны популярных и жизнестойких собственно диалектных лексико-семантических единиц. Ср. описанное выше соотношение литературных и диалектных значений в гнезде слов *воспи́тывать — воспита́ть*. Пассивное употребление многих литературных слов — неизбежный этап глобального процесса освоения новой лексики в деревне. Оно проявляется как в понимании литературного слова, так и в воспроизведении его.

§ 7. Ведущая семантическая единица слова — его значение (семема) — складывается из более дробных эле-

---

[36] *Вандриес Ж.* Язык. М., 1937, с. 178.
[37] *Тимофеев В. П.* Указ. соч., с. 59.

ментов, семантических компонентов — сем [38]. При переходе слова из одной лексико-семантической системы в другую, будь то контакты межъязыковые [39], или литературно-диалектные, весь набор семантических элементов слова полностью осваивается редко. Полная освоенность семем и сем, характеризующих слово в одной системе (в нашем случае — системе литературного языка), при переходе его в другую (систему диалекта) наблюдается лишь в отдельных разрядах слов (см. с. 153—162). Поэтому задачи семантического анализа заставляют нас держать в центре внимания отдельные смысловые элементы слова и динамику их в разных, но сообщающихся между собой лексико-семантических системах диалекта и литературного языка, взятых на одном синхронном срезе.

Если посмотреть на реализацию одного и того же смыслового элемента в одном и том же слове в литературном языке и диалектах, то нетрудно увидеть его модификацию. Смысловой элемент у слова *бал* ‘увеселительное сборище кого-либо’ реализуется: в литературном языке ‘вечер с танцами под музыку’ (Ушак.), в говорах ‘званая вечеринка по поводу именин’, новг.; ‘безделье’, ‘пустые разговоры’, ‘веселое времяпрепровождение’, волог., кадн., с возникшим на этой основе фразеологизмом *балы распускать*, *строить* ‘бездельничать, вести пустые разговоры’, кадн., волог., мещов., калуж.; ‘званая вечеринка по поводу именин’, боров., новг. (СРНГ); ‘любое сборище гостей’, арханг. собств. набл.; ‘встреча, собрание друзей, родных с угощением’ (ПОС). В результате подобных семантических модификаций многие лексико-фразеологические единицы из числа заимствованных из литературного языка в говоры, получают особое, специфическое семантико-стилистическое наполнение. Эти смысловые трансформации являются результатом основных языковых закономерностей, характерных для смыслового видоизменения слова вообще: метафорической и метонимической изменчивости, конкретизации в приложении к новому денотату, народному этимологизированию.

---

[38] *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 219.

[39] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.

О полноценной и продолжительной жизни слов общелитературного происхождения, попавших некогда в говоры, ассимилированных там, особенно убедительно говорят диалектные деривационные образования с корневым иноязычным элементом и в то же время со специфическим местным семантическим наполнением (ср. в рязанских говорах: *ни́шка*, *подни́шка* из лит. *ни́ша* из фр. *niche* в знач. ‘противня, подклет’ (Руделев, 1958); *банке́т* ‘пирушка, попойка, увеселение’, оренб., перм., сарат., смол., дон; ∞*го́лый банке́т* ‘о бедняке, любящем веселье, пирушки’ ворон.; *банкетова́ть—банке́товать* ‘пировать, застольничать’ (Даль без указ. места), печор. (СРНГ); *ба́нта* ‘светлая блестящая (металлическая или стеклянная) пуговица на платье’ арханг.; *ба́нтик* ‘медный или свинцовый набор на крышке хомута, круглый, но совсем плоский, напоминающий лепешку, который закрепляется на гайку’ костр., ‘кольца, прикрепляющие косу к рукоятке’ волхов., ленингр.; *ба́нтить* ‘украшать что-либо бантами из лент’ яросл., костром.; *ба́нточка* ‘уменьш.-ласкат. к банта’ пинеж., арх., (СРНГ).

Новейшие областные словари фиксируют эти же семантические сдвиги для литературной лексики, поступающей в говоры, лексики, широко употребительной в наши дни. Приведем подборку таких сведений: *мини́стр* ‘командующий’, *партиза́нить* ‘шалить’, *постановле́ние* ‘приказ’, *сели́тра* ‘удобрение’, *сове́т* ‘советская власть’ (Латв.); *гума́га* ‘официальное сообщение, документ’, *кубату́ра* ‘лесозаготовка’, *некульту́рно* ‘примитивно’, *приме́рно* ‘например’, *план* 1. ‘поля и усадьбы в соответствии с землемерным планом’, 2. ‘границы полей и усадеб’, *по́чва* ‘нижняя часть ступни’, *си́ла во́ли* ‘физическая сила, способность производить какую-либо работу’, *фамилия* 1. ‘название’ (СРГ Куз., Обск. доп.), *хара́ктерный* ‘своевольный’ (СРГ Куз.); *депо́* ‘сарай для сельскохозяйственного инвентаря, *колидо́р* ‘открытая веранда’, *павильо́н* ‘занавес вокруг кровати’, *балко́н* ‘коридор в доме’ (СРДГ); *автобиогра́фия* ‘биография’, *аре́нда* ‘постройка’, *афи́ша* ‘записка’, *большинство* ‘более всего’, *мото́р* ‘моторная лодка’, *ме́трики* ‘документы’, *молоде́жь* ‘молодняк’, *отравле́ние* ‘ядохимикат’, *папирбска* ‘комнатное растение’, *переписа́ться* ‘зарегистрировать брак с другим человеком’, *шахте́ры* ‘нов. резиновые калоши’, *штрахбвка* ‘квитанция на страхо-

вой взнос' (Обск. доп.); *фбрменно* 'окончательно, совсем' (Солик.); *агита́цию разводи́ть* 'убеждать, уговаривать', *автоно́мия* 'особый уклад, порядок' (ПОС 1.); *биле́т — биле́т на я́годы и грибы́ на́да* [чтобы собирать их в лесу], [*эмульсия*] — *зде́лал я таку́ю ому́льсию, балту́шку — гли́на и навбс*; *би́ржа* 'очень большое количество, множество' *колхо́зе-то така́я би́ржа коро́ф, пойди́ запаси́* [сено] (ПОС, 2.); *абсолю́тный* 'совершенный по своим достоинствам' *в госпитали была девушка апсалютная такая, харошая девушка*; *акти́в* 'группа людей' *сабируцца фси, гамонють, полный актиф събрался* (СБГ).

Семантические сдвиги в приведенных словах возникли на основе метонимии или метафоры, они не разрывают основной смысловой связи между лексическим значением каждого из этих слов в литературном языке и его вновь образованным семантическим вариантом в говоре; их инвариантная общность сохраняется. Эти семантические новообразования легко отграничиваются от тех смысловых трансформаций входящего в говоры слова, опорой для которых выступают неожиданные психологические ассоциации, не объяснимые для наблюдателя. Подобные смысловые видоизменения отмечает Л. Л. Кутина при характеристике разных видов семантических процессов, которые переживала иноязычная лексика при заимствовании в русский язык в XVIII в., давая им терминологическое определение — «семантические отлеты» [40]. По-видимому, явление «семантического отлета» универсально для лексических взаимодействий при межъязыковых и литературно-диалектных контактах. Слова, в которых можно усмотреть «семантический отлет», отмечаются региональными словарями нечасто, ибо их нетрудно принять за речевые окказионализмы, фиксация которых в момент сбора областной лексики, как известно, не считается обязательной. Приведем примеры: *ассигнова́ть* 'послать, направить с поручением', *ассигнова́ться* 'устроиться, расположиться', *безгре́шная акте́рия* 'о тихом, смирном человеке' (ПОС, 1); *бунтова́ться* 'болеть, кружиться' (Латв.); *кани́кулы* 'первый лов рыбы после ледохода', *магази́нка* 'сахарный сироп' (Обск. доп.) *атрофи́роваться*; *Сичас уш мыла брать атрафиръвълись, фсё*

[40] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Указ. соч., с. 243.

пърашок бяруть (*СБГ*). В ряде случаев смысловые «отлеты» связаны с неточным пониманием входящего в говор слова, с неверным восприятием его эмоционального тона. А. М. Селищев в своем исследовании языка современной деревни приводит примеры 20—30-х годов: *протестовать* ‘критиковать’ (*они меня протестовали*), ошибки в связи с близостью звучания «*дистанция*» вместо «*инстанция*», «*элементы*» вместо «*алименты*» и под. Интересны в наблюдениях Селищева такие семантические явления, которые переносят лингво-психологические условия широкого речевого контекста на восприятие и осмысление поступающего в диалект слова. *Конкретный — конкретно* в значении ‘сердитый, сердито’ могло возникнуть, по мнению Селищева, под влиянием обстановки собрания (или конференции), где сердитым тоном вносили «конкретные предложения» (Селищев, 1939).

Смысловые «отлеты» входящего в говор слова согласуются с широкой амплитудой семантического варьирования диалектного слова вообще, которая определяется И. А. Оссовецким от точки окказионального употребления до словарно закрепленного [41].

Выделение мобильных смысловых элементов слова лежит в основе нашего семантического анализа. Оно направлено на выяснение детального функционирования литературного освоения в диалектной речи. Мы отобрали такие явления и факты, которые, с нашей точки зрения, выделяются как наиболее показательные для направления семантических трансформаций (метонимизация, метафоризация, семантические переходы в пространственно-временных отношениях, интенсификация признака в качественных словах, подключение новых слов к парадигме исконных слов в говоре и некоторые другие явления). Обнаруженные в разных говорах, пусть даже в единичных фрагментах, близкие результаты семантических изменений характеризуют ведущие тенденции смысловых сдвигов, входящих в диалектные системы литературных лексем и семем, хотя есть среди них и факты узкого ареального прикрепления (см. далее адаптацию слова *райбн*). При этом показательными являются и факты индивидуального употребления, ибо индивидуализация их осуществляется в одних

---

[41] *Оссовецкий И. А.* Исследования в области лексикологии русских народных говоров. Докт. дис. М., 1971, с. 65.

говорах, в других же нет. В отборе семантических изменений мы отталкиваемся от собственных наблюдений, в дальнейшем же проверяя и сопоставляя их по всем доступным нам диалектным лексикологическим источникам, включая сходные рефлексы в разных сферах литературного языка. Из контекстов, в которых раскрываются смысловые видоизменения входящих в говоры слов, предпочтение отдается такому, какой появляется в непосредственной речевой деятельности носителя диалекта, без «давления» наблюдателя-лексиколога.

§ 8. Существенным моментом в характеристике всего процесса пополнения лексического состава говоров словами литературного языка является то, что оно идет рядом с радикальной сменой предметно-понятийного фонда. Из литературного языка в диалекты идут слова, составляющие не только лексико-семантические группы, но и тематические объединения. А такое разграничение лексического состава языка важно для исторического движения языка и для современных процессов лексического взаимодействия литературного языка и говоров. Отсутствие у тематической лексики связей семантического производства, на что указывает Ф. П. Филин в своей теоретической статье [42], существенно сказывается при переходе этой лексики из литературного языка в диалекты. Прочная внеязыковая основа благоприятствует беспрепятственному вхождению новых тематически детерминированных групп лексики из литературного языка в диалект. Лексические системы диалектов в этом случае вырабатывают свои собственные номинативные единицы в несоизмеримо малом объеме, по сравнению с готовыми единицами литературного языка. Контрастность по оформлению — повод для ярко осознанного разграничения в языковом сознании носителя диалекта — также поддерживает освоение литературной лексики этого типа.

Лексический материал, который мы предлагаем ниже как пример лексических освоений в говорах, распределяется по двум основным группам: группа слов, не трансформированная семантически, и группа семантических видоизменений. Списочная полнота обеих групп лексики относи-

---

[42] *Филин Ф. П.* О лексико-семантических группах слов.— В кн.: Езиковедни изследования в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957.

тельна; она обусловлена теми источниками, которыми мы пользовались, извлекая эти сведения. Во второй группе мы сознательно приводим ряд семантических этюдов, углубленно раскрывающих ход смысловых трансформаций для лексических освоений литературного языка в говорах.

Рассмотрим лексику, полностью освоенную в говоре. Сюда относятся обозначения всякого рода измерений. Полное освоение этой группы слов предопределено семантической связью между означаемым отрезком действительности и означающим его словесным знаком. Характер связи не содержит асимметрии языкового знака. Языковая основа находит опору и в экстралингвистических обстоятельствах для данной группы освоения. Ср. данные ЭК по деулинскому диалекту: гектар (*ны́ньчи гякта́раф шесть пъсади́ли карто́шак*); свидетельство информанта на современный характер появления слова в говоре (*щас гякта́ры, а тада́ пълдуша́ нъзыва́лась*); градус (*три́цать гра́дусаф сяво́дни ильна́к; он зъбале́л, у няво́ со́рок гра́дусъф бы́ла жары́*), соответственно производное *гра́дусник*; грамм (*бульён пъхляба́иш пусто́й, а хлеп чяты́риста грам, то́лька па ре́зничку* [в войну]; *грам две́сти вы́пили с уста́чки — миня́ на со́н и пътяну́ла*); килограмм (*дъ фсе́х-тъ абде́лиш* [конфетами]? *Ра́зи хва́тить? Еть на́да це́лый килагра́м*), усеченное деривационное образование *кило (нъбяру́ть набы́ръчки по два кила́* [земляники] *и пае́дуть в Рязань*; *А ско́къ стака́нъф ф киле́? Де́сить ли де́вить?*); килишко (*пайду́ я сабе́ харо́шънькиъ* [яблок] *вазьму́, хъть кили́шшка прибяру́ да пра́зника, иль де зъбале́ю*); полкило (*мясца́ принясла́ пълкила́ ... мя́ккинькия, кра́сниньки́я — сабе́, а пато́нак ды хря́щик ды масо́лик — е́тъ адде́льна кладе́ть*); кубометр (*ф Сало́ччях пъваля́ла на бальни́цу, гъваря́ть, на ты́щу нъваля́ла ле́су* [во время урагана]; литр (*мне два́ццъть ли́траф нали́ли и ащё нълива́ли. У миня́ па фсе́й ночи ла́нпа гаре́ла; Есь куобы́шка, тады́ вот бы́ли ка́минныи, слива́ли... дли кираси́ну, для ма́сла...* [А сколько в неё входит?] — *Дъ ли́траф семь — во́семь*); поллитра; из-за внеязыковой актуализации чаще — ‘бутылка водки емкостью в поллитра’ (*с пръстино́й он, зъ палли́тра хате́л де́сить пудо́ф со́ли падня́ть* [разгружал машину]; деривационное образование — *литровка (хати́ти, я па литро́фки* [молока] *вам ка́жный день бу́ду нълива́ть. Я за та́к, де́них брать ни бу́ду)*; метр (*е́тът дом и е́нтът дом —*

гнязд́о, *а там праýлок*, *пятнáццъть мéтраф*, *а там апя́ть гнязд́о*; *по два мéтра давáйти сúццу*, *бýдим крайть*, *бýдим шыть* [сказали в школе]); процент (*калхóзники*, *ис пръцантóф анú кóсють*, *три прóцанта аддадýть ф калхóс*, *а двá — сибé*); пятерка ‘школьная отметка’ (*и тут он учúлси — фсе питёрки бы́ли пачéсть*); сантиметр (*кряш éсь на трúццать сънтимéтраф*, *есь на двáццать*; *рóчих — éта тóлщи*, *ръчяжóк—сантимéтраф шесть тълщиныí*); сотка (*мая́ усáдьба двáцать пять сóтак*); сто — двести грамм ‘мера спиртного’ (*давáйтя*, *рибя́та*, *събúрёмся на сто грáм*; *сто грам ли двéсти — двáццъть адна́ капéйкя*, *ни хачю́ успаря́ть*); тонна (*фчя́ра пишся́т капéн нъгряблú — кладú пълтарыí тóны*).

Знаковая точность лексической группы измерения, однозначное отражение в ней категорий действительности и, главное, обязательный переход на новую метрическую систему как в городе, так и в деревне обеспечивают достаточно быструю смену в говорах традиционных слов этой группы на новые. Уже по наблюдениям 30-х годов делаются заключения исследователей о превалирующей роли современных слов-измерений над подобной же лексикой досоветского и доколхозного периода [43].

Применение традиционной измерительной лексики (*аршин*, *сажень*, *пуд*, *фунт*, *мера*, *верста* и под.) в условиях глобального распространения новых измерительных наименований прикрепляется к определенным речевым и внеязыковым ситуациям. В архаическом типе диалектной речи — это многочисленные контексты-воспоминания или контексты-характеристики разных сторон старого быта. Использование этих же слов в наши дни обычно относится к тем традиционно-устойчивым сторонам жизни, которые не получили изменение, например, ткачество: *Рáньше брáли на ю́пку на кóфту пять аршы́н*; *рáньше называ́ли товáрный лес*, *длинóй был трёх с полови́ной аршы́н*; — *скóлько стенá аршы́н*? *стена* ‘единица измерения пряжи на основу’; *мотови́ло вóсемь аршы́н* (КАКС).

Устойчивее и контекстно многообразнее, чем слово *аршин*, реализация слов *пуд*, *фунт*. Они не только — метрический компонент в контекстах-зарисовках старого бытового уклада (*трúтцэть копéек бы́ло фунт мáсла*; *ма-*

---

[43] *Аванесов Р. И.* Очерки русекой диалектологии. М., 1949, с. 194; *Никитин В. М.* Указ. соч., с. 105.

нафактýру мéрили на аршúн, вéшали на фунты́ (КАКС), но и применимы в измерительной характеристике отдельных сторон теперешней жизни (на пуды измеряется сено — в копнах, в стогах, на волокуше и т. п., выращенное домашнее животное, на пуды, фунты — только что выловленная рыба, мука, зерно и т. п.).

Определенную роль для продолжительности языковой жизни старых измерительных слов в диалектах (*пуд*, *мера*, *фунт*, *верста* и под.) играют деривационные производные, фразеологизмы и другие образные выражения, бытующие в народной речи. Ср. *пудови́к* ‘мешок для муки, емкостью в пуд’ (КАКС); *мéрить на одúн аршúн, за верстý* ‘очень далеко’, *стоя́ть верстóй* ‘о человеке высокого роста’ (ПОС, 3).

В своем же номинативном содержании эти слова, фиксированные определенными контекстами отражающими традиционные формы сельской жизни, вписываются в более обширные и стабильные группы слов-измерений, разные на разных ареалах диалектной речи. Ср. арханг. собств. набл. *сáжень* — ‘единица измерения сложенных в поленицу дров’; *костёр* [поленица дров] — *четы́ре, пять саженéй*; *закáжем веснóй и нарýбят там в лесý*, *Я по шесь сáжень брала́*; *на зúму нáдо сáжень дéсять-двенáдцать, а в сáжени два с половúной кубомéтра*. До сих пор существуют для измерения дров *сажéнные пáлки*. Аналогично в кировских говорах слова-меры льна: *пасмо*, *кербъ* (*кирбь*), *повесмо* (Горева, 1962); *полустéнок* ‘мера холста в пять аршин’, *пас* ‘количество пряжи в 30 чисменок или в 90 нитей’ (СРГКуз.).

В экспедиционных условиях при выявлении специфики диалектного словоупотребления, как правило, изъяснительные контексты соотносят слова старой и новой метрической системы, обнаруживая тем самым момент появления новой измерительной лексики в деревне: *кила — эта хлеб вешают этим килом*; *теперь все знают отношение кило к фунтам* (Селищев, 1939); *сичас вот метры, а тогда аршины* (Каринский, 1936); *пятьдеся́т капéек фунт, кúл-та па прéжнасти нé была* (КПОС).

Способность рассматриваемой группы литературных вхождений в диалекты — становиться компонентом фразеологических сочетаний — наглядное свидетельство полной освоенности таких лексем диалектными лексико-семантическими системами. В современных говорах есть ре-

гистрации таких фразеологических новообразований, содержание которых ярко экспрессивное. В псковских говорах прилагательное *бесо́вый* формирует фразеологизмы *бе́сова тьма* (*предикативно*) ‘Очень темно’, *бе́сова хватовщи́на* ‘пьянство’. В последующие годы (фиксация 1971 г.) отмечен фразеологизм *бе́сова кило* ‘много очень’ (*я и так мно́га нагавари́ла*, *бе́сова кило́*), (ПОС, 3).

К разряду экспрессивных образований последнего времени с измерительным компонентом литературного языка относится и фразеологизм *ни грамма* ‘ничуть, нисколько’, получивший широкую экспансию в разговорной речи вообще и в диалектной также. Вновь возникший фразеологизм *ни грамма* с глагольным отрицанием относится к весьма распространенной смысловой модели языка — выражения очень малой меры и очень малой степени. Сама модель задает экспрессию, и поэтому в русском языке много синонимических фразеологизмов: *ни капли* (*капельки*), *ни грана*, *ни йоты*, *ни крошки* (*ни крошечки*) и т. п. В говоры *ни грамма* попадает также, по-видимому, для обновления экспрессивных единиц [44]. В деулинском говоре синонимом ему выступает *ни крохти́нки* (*ни крохтёнки*) (*я ны́ни фсю ночь ни спала́*, *ни крохти́нки*, *да́жы глаза́ ни зъвади́ла*; *с утра́ ня е́л ни крахти́нки*). Малый размер веса, который содержится в грамме, определяет понятийную общность его со словами *капля*, *гран*, *йота* [45] в литературном языке и *крохти́нка* в деулинском говоре. Эта понятийная и семантическая близость не противоречит употреблению сочетания *ни* (*одного*) *грамма* в его прямом смысле (грамматически — родительный при отрицании) — *ни грамма не было во рту*. Сочетание же *ни грамма* в таких фразах как *ни грамма не гулял ребенок*, *ни грамма не спала сегодня* (записи разговорной речи литературного языка), по существу, являются дальнейшим семантическим развитием того же значения у слова *грамм*, что и в *ни грамма*

---

[44] Роль смысловых моделей в формировании фразеологической синонимики показана на большом материале из разных языков: *Толстой Н. И.* О реконструкции праславянской терминологии.— В кн.: Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М., 1973; *Мокиенко В. М.* Историческая фразеология: этнография или лингвистика.— ВЯ, 1973, № 2.

[45] Гран — единица аптекарского веса, равная 0,062 грамма; йота — самая малая буква греческого алфавита.

не было во рту. В диалектной речи, где кодифицирующие регламентации отсутствуют, созданы особенно благоприятные условия для утверждения семантически неразложимого и грамматически оформленного как наречие меры и степени фразеологизма *ни грамма* ‘ничуть, нисколько’. Ср.: *Свинья́ . . . пря́ма нико́лечки ня хо́дить, ни гра́ма ня хо́дить, акаянная*!; *Вот у миня́ ляжа́ть* [деньги], *он у миня́ гра́ма ни возьме́ть, ничаво́ ни возьме́ть*; *ни гра́ма шта́пиля не́ту* [в магазине] (Деул.); *я была́ бобы́лка, ни гра́ма зяме́льки* (ПОС, 2). Семантически признак (сема) отрицания настолько силен во фразеологизме *ни грамма*, что в диалектной речи идет дальнейшее смысловое смещение в направлении абстрактно-грамматическом вплоть до выполнения им функции грамматического отрицания: *купи́ть бы штаны́ да талсто́фку для зимы́, а ана́ ни гра́ма ни купи́ла* [46].

С позиций нормализованного литературного языка *ни грамма* ‘ничуть, нисколько’ — речевой сорняк. Его появление и широкая распространенность в разговорных сферах объяснимы как влиянием сильной семантической модели «малого» (к приведенным синонимическим средствам для выражения ее в языке можно прибавить еще и *ничуть — ничуточки*, *нисколько — нисколечко*), так и звуковой близостью к семантически адекватному фразеологизму *ни грана*.

В некодифицированном просторечии и полудиалектах искажение иностранных слов — явление обычное.

В деривационных образованиях рассматриваемой группы слов сохраняется номинативное содержание производящего слова. *Кили́шко* — это всегда ‘килограмм’, хотя в слово привнесено субъективно-оценочное значение определенной незначительности, последняя в речевом употреблении связана с разным ситуационным наполнением; *литро́вка* — ‘литр’, хотя последняя лексема получает смежно-метонимические смещения: *литр*, *литровка*, *полулитровка* ‘посуда — бутылка или стеклянная банка соответствующей емкости’: *вазьми́ ли́тру-тъ и збе́гай за*

---

[46] И. А. Оссовецкий появление фразеологизма *ни грамма* объясняет разрывом этимологических связей, хотя,с нашей точки зрения, в данном фразеологизме нет полного смыслового выветривания в компонентах (*Оссовецкий И. А.* Исследования в области лексикологии ..., с. 66).

малачкóм (КПОС). Аналогичны показания и словарей литературного языка.

К этой сравнительно небольшой группе слов-измерений примыкает и другая, но уже весьма обширная группа слов полного семантического освоения. Это та современная лексика, которую В. П. Тимофеев емко охарактеризовал как «популярную лексику века» (ДСЛ с. 17). Это по существу новая лексика — лексика советской эпохи, вошедшая в активное словоупотребление как в городе, так и в деревне (*колхоз*, *совхоз*, *совет*, *советский*, *радио*, *выборы*, *партия*, *бригада*, *доска почета*, *клуб*, *изба-читальня*, *севооборот* и др.). То обстоятельство, что она одновременно становится активной частью словаря как литературного языка, так и диалектов, утверждается в обеих разновидностях русского национального языка одновременно, как в городе, так и в деревне, соотносясь с одним и тем же референтом (*колхоз*, *район*, *по-ударному*), снимает расхождение, идущее от лексико-семантической системы литературного языка, и определяет семантическую освоенность ее в говоре. Отличительной особенностью ее является четкая соотнесенность с новыми сторонами жизни, связанными с социально-экономическими, культурно-образовательными и бытовыми преобразованиями в деревне. С семасиологической точки зрения лексика эта манифестирует линейную связь между означаемым и означающим, так как денотативно сопряжена с легко вычленимым объектом действительности, она осваивается вместе с новыми реалиями, понятиями и представлениями. Это также способствует ее относительно полной смысловой адаптации в диалектных лексических системах [47]. В своем большинстве эта группа освоений — лексика предметная (*трактор*, *автобус*, *план*), хотя и не всегда (*авторитет*, *специально*, *обязательно*). Еще в 30-е годы А. М. Селищев, наблюдая изменения литературной лексики в новой для нее диалектной среде, справедливо заметил, что «в словах, относящихся к конкретным предметам и явлениям социального содержания, такое изменение переживается ред-

[47] Имеется в виду ее смысловая освоенность, отнюдь не по форме. Лексико-фонетическое варьирование при этом многообразно и в разных говорах неодинаково. Ср. в псковских говорах варианты слова *автóбус* — *автобýс*, *автóбуз*, *антóбус*, *актóбус*, *ахтóбус*, *атóбус*, *втóбысь*, *овтóбус*, *тóбас*, *автомóбус*, *томóбус* (ПОС, 1), в то время как в деулинском диалекте только *автобус*.

ко»[48]. Единицы этой группы освоения разнообразны по своему тематическому содержанию и входят в разные идеографические разряды слов. Нет возможности единым списком показать эту группу в силу ее необычайной широты и тематического разнообразия. Надо полагать, что по говорам и в разных типах речевой деятельности современного носителя говора она проступает по-разному. Как мы отмечали, в социально-лингвистических работах по изучению диалектной речи есть примеры такой лексемной регистрации, распределяемой по тематическим группам.

Лексика рассматриваемой группы освоений имеет тенденцию к интенсивному расширению в диалектной речи. Достаточно сравнить списки новых слов в работах 30-х годов Н. М. Каринского и А. М. Селищева с теми тематическими группировками, которые даны в работе А. Н. Соколовой 1971 г., чтобы в этом убедиться. Характерно, что эта группа слов все больше и больше начинает наполняться элементами собственно литературной речи, содержащими качественную оценку действий, признаков и т. п. (*решительно*, *интересно*, *специально*, *никакого сравнения*), грамматические модальные обороты (*так сказать*), новые группы оценочных прилагательных (*солидный*, *приличный*, *серьезный*, *громадный*), устойчивых оборотов речи (*никакого сравнения*, *иметь понятие*, *дать возможность*), т. е. такие лексико-фразеологические единицы речи, которые передают строй и специфику литературно-нормализованной речи.

Рассматриваемую группу освоений мы иллюстрируем алфавитным списком слов по деулинской ЭК, характеристика которой дана в 1 гл.

В плане выражения рассматриваемая группа освоений может быть трансформирована; в этом случае в нашем списке приводится слово в восстановленной литературной орфографии, но помещается в квадратные скобки. Особый интерес составляют такие образцы лексико-фонетического варьирования, в которых благодаря народной этимологизации создается прозрачная внутренняя форма литературного слова. Эти образцы мы также приводим рядом с восстановленным орфографическим вариантом. Иллюстрирующих контекстов, в виду их обилия, в этой группе осво-

---

[48] *Селищев А. М.* О языке современной деревни.— Труды МИФЛИ, 1939, т. 5, с. 76.

ения не приводится, как было в группе измерений. В круглых скобках даны цифры, обозначающие количество употреблений этих слов в ЭК.

Список слов: *аборт* (6); [*аванс*]; *авария*; *автобус* (5); *автомат*; *агент*; [*агитировать*]; [*акушерка*]; [*алименты*] (7); *алкоголик*; [*алюминиевый*]; [*ангина*]; *аннулировать*; *аппетит* (2); *аппарат*; *аптека* (4); *армия* (17); *атака*; [*аэроплан*]; *база* (2); *баллон*; *бандит* (3); *банка* (стеклянная) (8); *банки медицинские*; *батон* (хлеба) (3); *батончик* (2); *баян* (5); *беконный*; [бензин] (2); *бесплатно*; *билет*; *битон*; *бланк*; *больничный лист*; *большинство* (4); *борт* (автомашины) (2); *босоножки* (2); [*брезентовый*]; *бригада* (2); *бригадир*; *бригадирка*; *бронь* (2); *брюки* (3); *будильник*; *будка* (2); *буксовать*; *бумажка* (документ) (2); *буханка* (2); *бухгалтер* (3); *вазелин* (2); *ванная* (комната); *варенье* (6); *вафля*; *вездеход*; [*велосипед*] (15); [*велосипедик*]; *веранда*; [*ветеринар*] (3); *вещь* (серьезная); *винтик* (2); *винтовка* (2); *витамин*; *вливание* (крови); *вместо того, чтобы*; *водка* (3); *военный* в знач. сущ.; *волноваться*; *во-первых*; *вопрос* (проблема) (2); *восемь классов* (образования); *воспаление легких* (4); *врач* (11); *вставлять* (о зубах); *вторая группа* (инвалидности); *выдержка* (о характере); *выписать — выписывать* (документ) (3); *выходной* (день); *газета* (7); [*гауптвахта*]; *гвоздика* (приправа) (3); *глюкоза*; *год* (судебный срок); *горючее*; *государственный*; *государство* (5); *градус* (2); *градусник*; [*грипп*] (6); *громадный* (2); *грузовик грузовая* (машина); *давление* (крови) (2); *девчата* (2); *дежурить*; *действительно*; *детский* (об одежде); *джемпер*; *диван* (3); *дизентерия*; [*директор*]; *дисциплина*; *дозвониться* (по телефону); *документ*; *доработать* (до пенсии); *доярка* (2); *дружить* (о молодежи); *дуст* (4); *духи* (2); [*единоличник*]; *железная дорога* (2); *желудок* (7); *женщина* (16); *забирать* (на фронт, на стройку); *заведующий*; *завод* (17); *завтрак*; *заготавливать* (какое-либо сырье); *заготовка* (скота); *заготскот*; *заметка* (*на заметке*); *занятие*; *заняться*; *зарабатывать* (иметь заработок); *заработок*; *зарплата* (4); *заявление* (4); *заявлять* (подавать заявление); *звено*; *звонить* (по телефону) ср. *звенеть*; *иждивение* (2); *иметь понятие*; *инкубаторский* (2); *интеллигент*; [*интересно*] (6); [*интересный*]; *интересоваться*; *йод*; *йокширский* (2); *кабина* (2); *кабинка* (2); *какой следует*; *калоши* (4); *кальсоны* (2); *капитал*; *капризничать* (2); *карандаш* (2); *карточка* (фотографическая) (2); *карточная*

система; *кастрюля* (9); *квартира* (12); *квартирант*; *кепка*; *керосинка* (3); *кино* (21); *киномеханик*; *кипяток*; *кирзовый*; *класс* (4); *клуб* (2); *клубника*; *книжечка*; *книжка* (записная) (7); *книжка* (сберегательная) (3); *колбаса* (5); *колхоз* (см. с. 163—165) (32); *колхозник* (4); *колхозный*; *команда*; *командировка*; *командировочный*, *комбикорм*; *комбинация*, *комната* (8); *комнатка*; *компания* (*за компанию*), *компот* (4); *коппресс* (2); *конечно* (3); *консервы* (2); *кооперация* (сельский магазин); *коридор* (3); *кофе*; *кран* (подъемный) (2); *красноармеец*; *крепдешиновый*; *кузов* (машины) (2); *культура* (2); *культурно*; *культурный*; *купальник* (2); *куплет*; *кухня* (2); *лавровый лист* (4); *лак*; *лейтенант* (3); *лекарство* (3); *лесничество* (10); *лесничий* (7); *леспромхоз*; *лететь* (на самолете); *летун* (меняющий места работы); *лётчик*; *линия* (электропередачи); *литр* (9); *литровка*; *магазин* (49), *маечка*; *мазь* (2); *майка* (5); *макароны* (2); *малокровие*; *марля* (3); *материал* (ткань) (3); *материя* (3); *матрац* (11); *машина* (автомашина) (100); *машинка* (швейная) (4); *машинный*; *метр* (8); *метрические*; *метро* (2); *механик*; *милиционер* (3), *милиция* (3), *мина* (снаряд); *миндаль*, *мнение* (2); *мода* (3); *молодежь* (5); *молодой человек* (2); *молодые люди*, *момент* (2); *москвичка* (2); *моторка*; *моторчик*; *мотоцикл* (2); *мотоциклет* (2); *мстительность*; *МТФ*; *мужчина* (7); *мышцы*; *мясорубка*; *набор*; *наверно*; *назначить* (на прием) (2); *наряд* (распоряжение, задание); *настоящий*; *настроение*; *насчёт*; *начальник* (10); *начальница*; *начальничек*; *начальство* (3); *негр*; *немедленно*; *нервничать* (7); *нервный* (5); *нервы* (11); *несдержанный*; *никель*; *номер* (2); *носок* (2), *носочки*, *обезьяна*, *обезьянка*; *облигация*; *обои* (2); *образование*; *образованный*; *общежитие*; *обыкновенный* (2); *обязательно* (9); [*одеколон*], *одеяло* (8); *одноличник*; *окрошка*; *Октябрьская* (3); *операция* (3); *особенно*; *в особенности*; *отпуск* (3); *офицер*; *пальто* (II); *папироса* (2); *паразит* (2); *парализовать*; [паралич] — *парáлич* (3); *партизанить*; *паспорт* (4); *пенициллин*; [пенсия] — *пенсия* (17); *Первое мая*; *песок* (сахарный) (4); *печенье* (6); *пиво*; *пиломатериал*; *пилорама*; *план* (задание), *план* (застройки) (3); *платье* (37); *плащ*; *плита* (4); *площадь* (1. пространство, 2. жилплощадь) (3); *побелка*; *поезд* (4); *пожарка*; *покультурней*; *полкило*; *поллитра*; *положение* (дел); *получка* (7); *помада*; *помещение*; *помидор* (6); *помидорчик*; *понос* (3); *порок сердца*; *портмонет*; *последнее время* (2); *по-ударному*;

почтальон; *правление колхоза*; *председатель* (14); *председательница*; *премировать*; *привет*; *приличный*; *припадок* (4); *прицеп* (2); *продавец* (4); *продмаг*; *продукты* (2); *производство*; *прокурор*; *прописывать*; *проститутка*; *психбольница*; *публика* (2); *публиковать*; *пулемет*; *пурга*; *пустышка*; *путевка*; *работа* (35); *работать* (68); *работник* (2); *работница*; *рабочее время*; *рабочий* (сущ.) (3); *радиатор*; *радио* (14); *разведеный*; *развестись*, (о супругах); *район*; *райсобес* (2); *рамочка*; *распиловка*; *расписаться — расписываться* (3); *растительное масло*; *растратить* (деньги); *расходиться* (о супругах); *ребята*; *ревизия* (2); *ревматизм*; *редиска*; *резина*; *резинка* (3); *резиновые сапоги* (2); *рейка* (9); *ремонт*; *ремонтировать*; *решительно*; *русский* (предмет изучения в школе); *самолет* (6); *самосвал*; *самостоятельный* (3); *сберкнижка*; *свидетель*; *свинарка*; *свиноматка* (2); *сезон* (3); *сельпо* (3); *сельповский* (2); *сельсовет* (2); *серьезный* (6); *ситро*; *скандал* (2); *скандалить — скандалист*; *сковородка*; *скорая помощь* (2); *скорый поезд*; *скотный двор*; *скрипка*; *слабохарактерный*; *снимать* (2); *сниматься — снять* (фотографировать); *собес*; *собрание* (4); *совхоз* (3); *солидный* (2), *солидол*; *солярка*; *сотка* (земли); *спекулянтка* (2); *специально* (5); *спирт*; *справка* (2); (никакого) *сравнения*; *столовая* (общественная); *сумасшедший дом* (2); *счастливый путь*; *в счет*; *счетовод*; *такси*; *так сказать*; *танк*; *тапочки* (2); *телевизор*; *телеграмма* (6); *телефон* (2); *телогрейка*; *телятница*; *терраска* (4); *тетрадка* (3); *тетрадь*; *тигр*; *товарищ* (9); *токсатор*; *трактор* (19), *тралевать*; *транспорт*; *трап* (2); *трос*; *трудовой фронт*; *трудодень* (2); *трусики* (2); *трусы* (2); *туберкулез — туберкулезный*; *турист* (13); *туристка*; *уборная* (помещение) (2); *уборщица* (2); *ударник*; *с удовольствием*; *укол* (11); *ураган* (5): *урок* (2), *учебная скамейка*; *учреждение*; *фамилия*; *фанера*; *фартук* (3); *фасон* (обряда), *ферма*; *физкультура* (2); *флот*; *форма* (ученическая) (2); *фотокарточка*; *фронт* (2); *фундамент*; *фуфайка* (4); *характер* (у человека) (7); *холодильник*; *хулиганить*; *цирк*; *частушка*; *чемодан*; *черешня*; *чехол*; *шахта* (2); *шиповник* (2), *шлак* (6), *шоколад*; *шофер* (11); *шпана* (2); *штакетина*; *штапель* (3); *штапельный*; *штиблеты* (2); *шторка*; *штраф*; *штукатурить*; *экспедиция*; *экскаватор*; *электропила*; *этаж* (2).

§ 9. Среди семантических сдвигов в слове едва ли не самое заметное место занимают метонимические переносы.

Метонимические смещения охватывают почти каждое слово, хотя при этом не обязательно закрепление их в самостоятельные лексические значения [49]. Основанная на психологической ассоциации по смежности, т. е. на вещной связи в самом широком ее понимании, метонимия особенно характерна для народно-диалектной речи. Здесь, в благоприятных условиях устного, некодифицированного функционирования метонимические смещения в слове могут давать особенно колоритные примеры словарных обособлений [50].

Д. Н. Шмелев, предложивший всестороннюю классификацию метонимических переносов в лексике русского литературного языка на современном синхронном срезе, относит метонимию к типу «регулярных семантических соотношений» в слове в противоположность «нерегулярным», потому метонимия представляет собой явление не словарное, а семантико-синтаксическое [51]. Наглядно демонстрирует эту регулярность метонимических смещений и лексика литературного языка, осваиваемая диалектными лексическими системами в наше время.

Как показал семантический анализ актуальных и незаменимых в номинативном отношении слов *колхоз—совхоз* (и их необходимых номинативных дериватов *колхозник*, *совхозник*, *колхозный*, *совхозный* и под.), базой для которого послужил большой фактический материал (помимо данных ЭК-32 словоупотребления, привлекаются сведения и из других говоров) за почти полувековое свое существование в диалектах они получают по преимуществу метонимические смещения.

Метонимические смещения в слове *колхоз* в диалектной речи многообразны. На характер метонимизации здесь, как и в других случаях, оказывают влияние такие постоянные свойства диалектной речи, как обиходно-бытовая природа ее тематики (в плане содержания), конкретность и образность словесного обозначения (в плане выражения).

---

[49] *Булаховский Л. А.* Введение в языкознание, ч. 2. М., 1953, с. 65.

[50] См. пример метонимического переноса у слова *вода*, когда оно у архангельских поморов означает ‘промежуток времени между двумя полными приливами и отливами, около 12 часов’; сутки, таким образом, состоят из двух вод (*Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика. М., 1959, с. 292).

[51] *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 220, 222 и сл.

Хотя исходно-номинативное значение у слова *колхоз* как в говорах, так и в литературном языке идентично ‘коллективное хозяйство (социалистическая форма производственного объединения трудящегося крестьянства для коллективного ведения сельского хозяйства, основанная на обобществлении основных средств производства’ (МАС, т. 2), развернутых контекстов, обычных для письменной формы литературного языка в текстах социального, политэкономического, статистического и т. п. содержания типа «*Наши совхозы и колхозы, обеспеченные современной передовой техникой, имеют возможность быстрыми темпами повышать урожайность всех сельскохозяйственных культур и продуктивность общественного животноводства*». 50 лет КПСС), как правило, не наблюдается в устной диалектной речи.

Колхоз в лексической системе говора — это прежде всего данное конкретное коллективное хозяйство, в котором сам носитель говора живет и трудится. Обычная конкретизация в условиях обиходно-бытового контекста предопределяет и подчеркивает пространственную, временную, результативную, процессуальную и др. смежность обозначения. *Колхоз* — это ‘колхозное поле’ ([Огурцы] *ф калхо́зи цвятӯ́ть, а у миня́ каки́и-та нидаро́слики* (Деул.); ‘колхозный скотный двор’, ‘скотный двор данного колхоза’ ([Баба] *ф калхо́зи ильна́к быка́ брала́, сор вывази́ть* (Деул.); ‘колхозные работы’ (*ф калхо́с ни сходи́ть, сро́ду весь век до́ма*); ‘правление колхоза’ ([Сын матери:] — *Мам, вы́правi ляскӯ́ ф калхо́зи* (Деул.).

В определенной синтаксической позиции существительное *колхо́з* в говорах, подобно многим существительным, легко приобретает временную функцию (*До колхо́зоф ходи́ли на охо́ту арте́лями челове́к по пять* ‘до создания колхозов’ (КАКС). Временная метонимизация слова *колхоз* оформляется предложной конструкцией локального выражения: *до колхоза* (*колхозов*), *при колхозе* (*колхозах*) (*при колхо́зи большынство́ рош се́ю*) (ПОС, 2).

Словарное обособление метонимических смещений у слова *колхо́з* в диалектном речевом потоке наступает в тех же семантических пределах, что и в разговорных сферах литературного языка: *колхо́з* ‘члены колхоза’, ‘колхозники’. В говорах: *Ак чё, мо́жет всем колхо́зом уговори́мся, да поко́сим тебе́... дни за́ два вы́косим*; *ря́дом с ре́чкой колхо́з там се́но коси́л* (КАКС). В литературном языке:

Возле избы Никаноровой стоит эмка Степана Васильевича. Вокруг машины чуть ли не весь колхоз. Здесь и доярки, и пастух Анисим, и Леша, и Карпов (С. Антонов, Посланец моря). В этих случаях проявляется действие метонимической модели в результате пространственной смежности — совокупность людей по месту их жительства, работы [52] и т. п. Сама реалема (термин Н. Д. Андреева) ‘член какого-либо коллектива’ или ‘житель какого-либо места’ (в приложении к *колхозу* — это *колхозник* (*колхозники*) — экстралингвистически весьма актуальна, имеет всеобщее распространение, что и служит поддержкой для словарного обособления этой семантики и у слова *колхоз*. Оба последних толковых словаря литературного языка выделяют ее в качестве оттенка к основному значению.

Семантико-функциональное своеобразие процессов освоения литературного слова диалектной лексической системой, даже при условии полного совпадения денотатов (наш рассматриваемый случай), когда «сами предметы и явления утверждают определенное значение нового термина» (Селищев, 1939), тем не менее всегда состоит в приближении этого нового для говора слова к предмету в его использовании в данных, проходящих на глазах носителя говора, конкретных условиях, ибо так оно наиболее доступно для восприятия и воспроизведения в речи [53]. В ЭК слово *колхоз* употреблено 32 раза, из них в 20 случаях речь идет о деулинском колхозе, 11 контекстов не исключают своего колхоза и лишь один, где слово *колхоз* не содержит этой отнесенности.

В употреблении слов как старых для диалектов, так и не старых, денотативная ориентация на актуальный в жизни каждого носителя диалекта момент, связанный с конкретным жизненным опытом, проявляется как основная, ведущая тенденция. В ЭК слово *война* представлено в 13 карточках-цитатах, из них в 9-ти случаях речь идет о последней, Великой Отечественной войне; слово *класс* — 3 раза, во всех случаях — это класс школы; слово *кино* — 21 раз, из них 16 случаев о посещении киносеансов в Деу-

---

[52] *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 220.

[53] См. объяснение содержания некоторых новых слов, сделанное жителями деревни еще в 20-е годы: «*Пионеры (пяонеры) — это ходют с барабаном и поют*», «*легистрация — это записываться жениху и невесте*», «*категория — это деньги нам так дают, кому больше, кому меньше*» (Селищев, 1939).

линском клубе; *клуб* — 20 раз, из них 16 — Деулинский клуб, *магазин* — 49 раз, из них 28 — магазин в Деулине, *завод* — 17 раз, из них все употребления связаны с деревообделочным предприятием Деулина. Повседневная практика, реальный жизненный опыт способствуют и активизации слов, ранее известных говорам. Подсчет словоупотреблений в ЭК заметно выделяет такие активизированные в диалектах лексемы; слова эти, благодаря широкому применению, органически включаются в пласт лексики, освоенной говорами в наше время и активной там.

§ 10. Приведенные метонимические смещения в слове *колхоз* не изменяют самого значения слова. Они лишь «представляют замену («сгущение») полнóго наименования сосуществующих в предмете признаков отдельными, в том или ином отношении представляющимися существенными или показательными» [54]. Но процессы освоения литературной лексики в говорах дают примеры словарного закрепления метонимических сдвигов в лексеме или семеме. Остановимся на фактах этого рода. Превращение метонимических смещений в самостоятельное значение слова, подчеркивая особую жизнеспособность автономных лексико-семантических систем говора, зависит от значимости внеязыкового отрезка действительности — основы этих сдвигов, от благоприятного воздействия распространенной семантической модели, направляющей смысловые модификации слова.

Пример словарного закрепления метонимического смещения мы наблюдали у слова *район* в д. Буда Рославльского р-на Смоленской обл. [55]

Утверждение слова *район* для обозначения единицы административного деления протекало в обозримых хронологических рамках. Ранее принятые административно-территориальные единицы (губерния, уезд, волость) изменялись на новые (область, округ, край, район) в нашей стране в период с 1923 по 1929 год [56].

---

[54] *Булаховский Л. А.* Указ. соч., с. 65.

[55] Лексикологические наблюдения об этом говоре см.: *Граве Л. В.* Словообразующие и формообразующие глагольные приставки в диалектной лексике говора деревни Буды Рославльского района Смоленской области.— В кн.: Вопросы грамматики русского языка и методики его преподавания (Уч. зап. Смоленского пед. ин-та им. Карла Маркса), 1964, часть первая, вып. 8.

[56] Краткая географическая энциклопедия, т. 3. М., 1962, с. 333.

Реакция диалектной речи на эти внеязыковые перемены так же быстра, как и в нормализованном литературном языке. Уже в 1925 году фиксируются адаптированные в народной речи формы этого слова в говорах на основе народного этимологизирования. Они еще расплывчаты по форме и нечетки в содержательном наполнении: *ларивонный*, *радивонный*, *радивон* — ‘это кто налог собирает и собрания устраивает’; *ларивонный председатель* — ‘это вроде старосты над большим обществом’; *лариольное*, *ранённое собрание* — ‘это когда собираются несколько деревень» [57].

Со временем значение существительного *район* административно-территориальная единица в составе области, края и т. п. стабилизируется в диалектах. Ср. *мой лён был са усево рыйону* (КПОС) или *Клипикóфский райóн весь атминёнай ат нáшыва* (Деул.).

Сужение рассматриваемого значения у слова *район* характерно для лексической системы современного русского языка в целом, независимо от функционально-стилевых и территориальных дифференциаций его. *Район* — это административный центр, главные учреждения его (БАС квалифицирует это устойчивое словоупотребление как оттенок к основному значению). Ср. в литературном языке: *район закрыли*, *район перевели*, *главная площадь района* и т. п.; в говорах: *а в рáйовóн нáда сéздить*; *жылá в бальнúцы*, *в райвóни* (КПОС); *У нас райвон был в Кожевниковой* (Обск. доп.); *Притсидатиль куда-тъ на пръизных санкъх паехъл*, *в раён*, *навернъ* (СГП).

Рассматриваемое смысловое наполнение слова *район* не останавливается на этом семантическом рубеже. При этом литературный язык (особенно его разговорные сферы — о чем ниже) и диалекты не совпадают в семантическом результате.

Остановимся более подробно на смысловом рефлексе рассматриваемой лексемы в говоре д. Буда.

В речевой деятельности всего населения Буды (и прилегающих к ней деревень, и самого поселка Екимовичи) словом *райóн* называют поселок Екимовичи, хотя последний райцентром уже не является. [— А где их убило молнией?] — *Адныjó в рыийóни*, *а другóва здесь*; [В день

---

[57] *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи. М., 1928, с. 161, 215.

выборов:] ... *дошть, а гулусува́нийъ...* [— А где избирательный участок?] — *Дъ в рыйбни; А у нас мылыда́я в рыйвбни памёрла.*

Вторичный метонимический сдвиг, при котором *районом* называют конкретный населенный пункт — поселок Екимовичи (*Я прихажу́ у свой рыйбн и ни магу́ нъра́дывъцца,*— говорит информант, уходившая из Екимовичей на короткое время в соседнюю деревню и вернувшаяся домой, в Екимовичи) [58] переводит лексему *район* в парадигму нарицательных наименований населенных пунктов (*город—деревня—село—улица* и т. п.). В народно-разговорной речи семантическая модель, которую можно было бы определить как ‘ближайший к данному селу, деревне город, куда они обычно ходят (или ездят) за покупками, на базар или какими-либо иными хозяйственными надобностями’, представлена достаточно широко. Эта модель, как известно, заполняется словами *город* [59], *губерния — уезд* в дореволюционное время, *область, район* — в наше. Ее модификация — *центр города* — обычно его старая часть в сравнении с новыми улицами и микрорайонами.

Быть (*находиться*) *в городе* в этом смысле означает ‘быть (находиться) в центре города’, *купить в городе* ‘купить в магазинах, расположенных в центральной части города’ (примеры подобного словоупотребления повсеместны) [60].

В изучаемом будянском говоре в отдельных контекстах слово *район* совпадает с рассматриваемым значением у слова *город*. Ср. такое естественно-неспровоцированное

---

[58] Последовательные ступени метонимизации у слов народно-разговорной речи не являются объектом специальных научных наблюдений, хотя примеры ее можно встретить в статьях иной проблемной направленности. Ср., у Мокиенко В. М. пример семантического превращения слова *гра́дус* в ‘газ’, возникший в псковских говорах в одном фразеологическом ряду с *под градусом, под мухой* (*Шафер вязет, гърящица, больше градусъф пъдбавляет.* Мокиенко, 1975).

[59] Ареал распространения данного значения у слова *город*, как показывает СРНГ, очень широк. Просто городом, без собственного имени, называют крестьяне не только города северновеликорусского наречия — Архангельск, Онегу, Вологду, Шенкурск и др., но и южновеликорусские — Курск, Рязань (по Деулинским наблюдениям), северозападные — Бежецк, сибирские — Барнаул и др.

[60] Это значение восходит к древнерусскому «городу» — ‘укрепленная, центральная часть поселения, крепость’. *Заложи Ярославъ город великый* (*Кыев*), *бу него же града златая* врата (Срезневский).

повествование: [Рассказывает местная жительница, живущая с пожилой матерью, о себе и о своей сестре:] *я иду́ с рыйбну* [навстречу ей сестра, набросившаяся на нее с такими бранными словами:] — *иди́* [домой], *ни шляйся па ри́ку, там стару́ха адна́*.

В приведенном контексте интерес представляет не только *райо́н* ('центр райцентра' теперь уже 'бывшего райцентра'), но *рик* — его синоним, где рассматриваемая семантика возникла благодаря метонимическому переносу с части на целое.

В рамках одного высказывания синонимичные слова *райо́н* и *рик* направлены на один предмет реальной действительности, что подчеркивает объективное существование описанной семантической модели в будянском говоре: *ты ш абзика́иш весь рик* (*абзика́ть* — экспрес. 'обежать').

Денотативная общность приводит, таким образом, к синонимии лексем; то и другое слово обозначают одно — компактный центр поселка Екимовичи, бывший райцентр. Все смысловые превращения являются следствием метонимизации.

Описанные семантические отношения возникают в будянском диалекте благодаря слиянию внеязыковых и языковых факторов. В числе последних важнейшую роль играет общеязыковая метонимия, результаты которой направлены на обозначение актуальной экстралингвистической реалии.

Синонимичность слов *райо́н*, *рик* подчеркивает устойчивость самой семантической модели: несмотря на то, что зависимость от внеязыковых обстоятельств уже иная, чем в момент появления семемы: В поселке уже много лет нет ни *РИКа*, ни каких-либо иных районных учреждений. Нарицательные лексемы *райо́н — рик*, раздвинув здесь парадигму наименований поселений, стали тем самым бесспорными фактами лексико-семантической системы.

Если посмотреть на новейшие семантические преобразования в слове *райо́н* в литературном языке, то они заметно отличаются от диалектных. При общности языковых тенденций каждая из лексико-семантических систем (литературного языка и диалектов) по-своему реализует присущие ей возможности при формировании лексико-семантических единиц.

В последние годы в разговорных слоях литературного языка получила широкое распространение конструкция

в райсне чего во временном значении: *встретимся в районе трех часов.*

Сочетание *в районе чего* (во временном значении) встает в один парадигматический ряд с другими экспрессивными новообразованиями литературного языка (*порядка десяти тысяч*), истоки которых находятся либо в книжно-письменных сферах, подобно составным предлогам типа *по линии* (*по линии профсоюзов*), *в целях* (*в целях усиления вагонооборота*) и под. [61], либо в профессиональной речи [62].

Словосочетание *в районе чего* (во временном значении), *порядка* и появившееся недавно *где-то*, обновляя средства экспрессии разговорно-обиходного языка, являются, по единодушному мнению специалистов по русскому языку, ненужными и неудачными новшествами, засоряющими литературный язык [63]. И тем не менее все эти осуждения не останавливают все расширяющегося сочетания *в районе чего*: втягиваются в качестве присоединяемых тематически новые существительные, углубляются изменения в грамматической семантике всего сочетания в целом. Ср. такое употребление: *Населению будем продавать в районе двухсот тысяч машин в год* (Всес. радио, репортаж из г. Тольятти).

§ 11. Рассмотренные здесь слова литературного языка, воспринимаемые диалектами, проходят там естественный семантический путь. Как единицы языка, в которых заложено указание на определенные признаки (signification), они поддаются воздействию диалектной речи со всеми присущими ей особенностями. Соотнесение сигнификативного значения слова с их обиходно-бытовым референтом (денотатом) в диалектах определяет основную смысловую тенденцию при воспроизведении его в говоре. По мнению исследователей,— это конкретность его семантики [64]. Но сам факт регулярного воспроизведения слова в речевой деятельности носителей говора — это и есть верный пока-

---

[61] *Виноградов В. В.* Русский язык. М.— Л., 1947, с. 682.

[62] *Гвоздев А. Н.* Порядка десяти тысяч.— В кн.: Вопросы культуры речи, вып. 3. М., 1961, с. 204—207.

[63] *Гвоздев А. Н.* Указ. соч.; *Крысин Л. П.*, *Скворцов Л. И.* Правильность русской речи. Словарь-справочник. 2-е изд. М., 1965, с. 177; *Филиппов В. С.* Где-то, в районе.— Русская речь, 1972, № 6, с. 61—63.

[64] *Симина Г. Я.* Заимствованная лексика в семантической системе диалекта.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972, с. 418.

затель освоенности слова диалектными лексическими системами, ибо общепризнан и аксиоматичен тезис, идущий еще от В. Гумбольта, о том, что сущность всякого языка заключена в его воспроизведении.

Отличительной особенностью лексико-семантических адаптаций литературных слов, входящих в говор в наши дни, является их типологическое сходство на разных ареалах, несмотря на многочисленность и несходство диалектных микросистем. Типичный для лексико-семантического уровня распад на идиолектное словоупотребление не оказывает существенного влияния на типологические закономерности.

Многозначное слово общенародного литературного языка при переходе в диалекты редко осваивается равномерно во всей совокупности его словоупотреблений. Это естественно. Воспринимающая система диалекта осваивает в слове те семемы и семы, которые актуальны для нее прежде всего со стороны внелингвистической. Расхождение синтагматическое, наблюдаемое при этом обычно, обнаруживает всю языковую сложность приспособления вновь поступающего в говор слова к исконной системе говора. Характерным примером в этом отношении может служить процесс вхождения в диалектные лексические системы гнезда слов *нерв* (*нервы*)—*нервный* и их словообразовательных дериватов (самая ранняя фиксация по данным КСРНГ *нервенная* ‘нервное расстройство’ калуж. 1916 г.; *нервенная клиника* и *нервотрепка*, урал., Миртов, 1930; возможно и фонетическое варьирование корневой морфемы: *невр—невры—невренный*).

Смысловая структура слов *нерв—нервы* [65] в литературном языке складывается из двух комплексов значений, удельный вес и употребительность которых в речевой практике значительно расходятся. Первое значение связано с обозначением нервного волокна у человека или животного (*зрительные нервы*; *окончания нервов*, *двигательные нервы* и под.). Его оттенки 1) ‘жилки на пластинах листьев растений и на крыльях насекомых’, 2) ‘перен. центр, основа, главная движущая сила какой-либо деятельности, организации’ (БАС) связаны со специализированной и литературно-книжной сферами употребления.

[65] Слово «нерв» заимствовано из латинского через немецкий в XVIII в. (*Биржакова Е. Э.*, *Войнова Л. А.*, *Кутина Л. Л.* Указ. соч., с. 381).

Второе значение существительного *нерв*, употребляющееся лишь в форме мн. числа, словарно закрепилось из метонимического сдвига [66] и обозначает систему нервных волокон, определяющую деятельность организма, состояние и поведение человека (БАС). Экстралингвистическая актуальность этого значения подтверждается разветвленной по разным частям речи деривацией (*нервирование*, *нервировать*, *нервироваться*, *нервить устар.*, *нервический устар.*, *нервически*, *нервишки*, *нервничанье*, *нервничать*, *нервнобольной*, *нервность*, *нервный* (6 значений); *нервно*, *нервозность*, *нервозный*) и устойчивых словосочетаний разной степени фразеологизации (*слабые*, *сильные*, *больные*, *крепкие* и т. п. *нервы*; *нервы расстроились*, *разыгрались*, *расходились*; *успокоить*, *испортить*, *расшатать*, *трепать* и т.п. *нервы*; *действовать на нервы*; *железные*, *стальные нервы*) [67].

Первое значение слова *нервы* в диалектной речи отмечено единичными фиксациями: *Че́реп е́то покрыва́ет го́лову*, *пот ко́жей — тве́рдое покрыва́ет мозги́*, *не́рвы*; *Бе́лые пя́тна*, *не́рвы*, *говоря́т*, *выхо́дят* (КАКС). Оттенки первого литературного значения, специализированный и книжный, естественно, в говорах не отмечены.

Повсеместное распространение в современных говорах получает второе значение слова *нервы* ‘нервная система человека или животного’ [68]. Переходные же глаголы, которые при этом употребляются, конкретизируют, «опредмечивают» лексическое значение существительного *нервы*, употребляемого в синтаксической функции прямого дополнения в литературном языке: *расшатывать нервы*, *трепать нервы* (страд. прич. *расшатанные*, *истрепанные нервы*); в говорах возможны иные глагольные лексемы в этой конструкции *рвать нервы* (Смол.), *гадить нервы* (Деул.), *портить—попортить—перепортить нервы*, *порченные нервы* (арханг.).

Утверждение рассматриваемой семантики в диалекте у слова *нервы* и синонимичного ему «предметного» словосочетания *нервная система* сопровождается включением этих

---

[66] *Шмелев Д. Н.* Указ. соч., с. 223.

[67] Ср. замечание в журнальной статье: «Наш век получил множество наименований — «атомный», «космический», «электронный». Его называют и «нервным веком»» (Сергеев, журн. Медицина 1975).

[68] В определении БАС *нервы* во 2-м значении связываются лишь с человеком.

семем в один парадигматический ряд существительных, обозначающих органы (или части) человеческого организма (или животного). Ср. показательную для данной группы слов сочетаемость с глаголом *работать*. В литературном языке: *почки*, *сердце*, *желудок* и т. п. *работают*; в говорах: *се́рце не бу́дет рабо́тать; у јево́ језы́к не стал пра́вильно робо́тать, паралезова́ло јево́; Не рабо́тает не́рвная систе́ма. Уко́лы дају́т щас ка́ждый день, да сейча́с не испра́виш* (КАКС), или формирование собственно диалектной валентности у номинативного словосочетания *нервная система*: *воспаление нервной системы*, *нервная система попортилась* (КАКС).

В результате метонимических сдвигов слово *нервы* в разных говорах начинает обозначать ‘нервное расстройство’, возбужденно-нервное состояние’. *Ана́ хва́ткая, пря́ма агóнь, зде́лаить фсё в адну́ мину́ту, ну ма́ють ийо́ не́рвы, ат не́рваф ана́ и прпада́ить* — (Деул.); *я голода́ла, а не́рваф не́ было тогда́* (КПОС); *Я давно́ не́рвам страда́ю, виш ру́ки цвяти́сты каки́* (КПОС); *е́ти бу́сы ле́чат ат не́рваф* (КПОС); *Вот я иззабы́ла, как е́ти конфе́ты ат не́рваф нъзыва́ютца... Ани́ и сладя́ть и кисля́ть и духа́ми ра́зными шыба́ють* (Деул.); [о применении хвойной муки:] *на ко́м биркулёс — е́ть мо́жнъ пить, на ко́м си́льные не́рвы — етъ мо́жнъ мы́ццъ* (Деул.); *Свои́ не́рвы завыка́зывает, така́ слезли́ва, а то́лько отхо́тчива, спыли́т и отхо́дит* (арханг.). Этот диалектный семантический вариант закрепляется в говорах и в типичных диалектных конструкциях: *по не́рвам у мя сё пошлó* арханг. (‘из-за нервов’); *Ну е́та каму́ како́й сат ...Спако́йна жыть иль в не́рвах* (Деул.). Ср. распространение этой конструкции предл. «в» + предлож. пад. сущ. для разной семантики в деулинском говоре: *чиво́ ш ей, ана́ всё вре́мя ф харця́х*;— при указании на изобилие чего-либо; *два го́да ф чяхо́тки ляжа́ла*; *сама́ шесь ниде́ль вы́лижала ф тифу́; дифчёнка ф карю́ пъмярла́ адна́; быва́ла в си́ли была́, за я́гъдай хади́ла, а щас ни нужна́ ана́* — при указании на состояние, в котором кто-либо находится.

Прочно утвердившееся в говорах, не имеющее локальных обособлений рассматриваемое значение ‘нервное расстройство’, ‘возбужденно-нервное состояние’ поддерживается глагольными дериватами *не́рвничать*, *не́рвиться* (*я бу́ду не́рвитца с ји́ма* — КАКС; *паме́ни на́да не́рвничать бу́дишь гла́ткая* — Деул.); в то же время оно под-

чиняется парадигматическим и синтагматическим связям каждой из диалектной лексико-семантических систем. И эта адаптация его языковой норме говора вступает в противоречие с литературно-кодифицированным словоупотреблением, не имеющим ни такой семантики, ни таких семантических и фразеологических связей.

Внеязыковая смежность по признаку внешнего проявления «нервности» стимулирует дальнейшую метонимизацию в словах рассматриваемого гнезда. *Не́рвы—не́рвный — не́рвность—не́рвик—не́рвничать—не́рвиться* связываются с обозначением разных, хотя и близких между собой состояний человека, таких, как злость, капризность, повышенную вспыльчивость, раздражение, сердитость и т. п.: *Тебе́ бы не́рвы те вы́колотил обухо́м из башки́-то* (КАКС) (‘капризность’, ‘дурь’); *свои́ не́рвы завыка́зывает, така́ слезли́ва, а то́лько отхо́тчива, спыли́т и отхо́дит* (‘обида’) (арханг. собств. набл.); *вы́ругалась она́, не стерпе́ла — не́рвы вы́рвались* (‘злость’, ‘раздражение’) арханг. (Симина, 1972); *ло́шать кака́ не́рвнъйа, в дупки́ фстава́ить, нильзя́ на не́й е́хать* (Деул.) (‘горячая, необузданная’); *он веть серди́той, не́рвенной; на фсе́х лихасти́шша, никово́ ненави́диш, не́рвишша* (‘злиться’); *не́рвик — ну серди́тый; злоj, шы́пко не́рвенноj* (КАКС).

Пересадка шаблонных структур литературного языка, обычно сопутствующая процессам литературно-диалектного взаимодействия, наблюдается и в этой группе слов, благодаря чему бытовой контекст приобретает псевдовозвышенную стилевую окраску: *Ф клу́бе ва вре́мя кина́ ку́рят, а я не могу́, слёзы побежа́т, и я разреву́сь, как же́нчина, они́* [врачи] *не́рвной ча́сти не ле́чат* (КАКС).

Богатая в литературном словоупотреблении смысловая палитра прилагательного *нервный* (в БАС указывается 6 значений), в диалектных материалах представлена скромнее. Прилагательное *нервный* в доминирующем количестве контекстов в говорах связано с характеристикой нервно-патологического состояния человека (*не́рвная, а кака́я гла́ткая... Я ду́маю не́рвный челове́к гла́ткай ня бу́дить* (Деул.); *он таки́й не́рвяный, ад бригади́ра отказа́уся* (ПОС, 2). В тех случаях когда позволяет форма слова, эта семантика показывается и в современных областных словарях — *не́рвенный* ‘нервный’ (Обск. доп.). Устойчивые сочетания, относящиеся к другим значениям прилагательного *нервный* (*нервная жизнь, нервная работа* и такие обычные для

литературного языка *нервное состояние, нервное беспокойство*, означающие нервно-раздраженное состояние, в наших материалах не представлены. Для лексической манифестации этого смысла применяется, как правило, слово *не́рвы, не́рвенность* (вар. *не́вренность*): *пиряжы́тки бы́ли, не́рвы*; *каки́и не́рвы есть — сма́лкывайиш, вы́йдиш нъ гарбо́т — скричи́ш* (Деул.).

Синтаксическая функция предиката, в котором прилагательное *нервный* нередко выступает, подчеркивает и оттеняет семантику, связанную с повышенной возбудимостью нервной системы: *ана́ добре́ не́рвная, нисасве́тна как*! (Деул.).

§ 12. В ЭК слово *машина* зафиксировано в 100 словоупотреблениях, из них в 96 контекстах речь идет об автомашине, и лишь в 4-х случаях — о других механизмах (допускаем некоторую долю случайности этих показаний ЭК, обусловленную внешними условиями работы составителей Деулинского словаря).

Известно, что слово *машина* в народно-разговорной речи применяется давно, обозначая разного рода механизмы, связанные прежде всего с сельскохозяйственными и домашними работами (жатка, молотилка, сеялка, веялка, ткацкий станок, швейная машина и т. п.). См. обозначение им в псковских говорах разных механизмов, как традиционных в сельской местности, так и современных: молотилка (*уби́ла ево́ машы́най, справля́л там што-та и папа́л в малати́лку*); автомобиль (*тра́ктар ф три́ццать тре́тьем году́ пъяви́лся, а машы́ны до́лга не́ была*); мотор (*тра́хтар машы́ну кру́тит*); комбайн (или жнейка — неясно) (*тапе́рь машы́нам жнут, грабля́м ограбля́т, тапе́рь серпа́м ня жнут*); ткацкий станок (*машы́на стаф называ́ица, ана раздвига́ицца*); машины, сеющие и убирающие лен (*лён рука́м се́яли, тапе́рь машы́нам се́ют, лён машы́нам тяга́ют*); зажигательные бомбардировщики (*прилята́ли зажыга́тельные машы́ны*); поезд (*ду́шынька спака́ися, кагда́ са мной расста́нися, машына хви́сне, я пае́ду, ты адна́ аста́нися*); самогонный аппарат (*машы́ну разруби́ли милиане́ры*); электробритва (*бри́лся, пратри́ машы́ну-та, барада́ наби́лась*).

Аналогичны сведения о денотативной отнесенности слова *машина* в картотеке словаря говора д. Акчим Пермской обл., исчерпывающего собрания слов одного говора в современном состоянии. *Машина* — это не только авто-

мобиль (грузовой или легковой), но и другие, самые различные современные механизмы — трактор, движок, швейная машина, сепаратор, заводская машина, геолого-разведочная машина, пожарная машина, аппарат для газированной воды, стиральная машина, телевизор, экскаватор, горнодобывающая машина, жатка, машина для уборки клевера, сварочная машина и даже детская игрушка (лексическое значение слова *машина* в большинстве указанных случаев определяется как ‘механизм, совершающий какую-нибудь полезную работу, с преобразованием одного вида энергии в другой’ (Ожегов, 9-ое изд.).

Технизация и механизация сельскохозяйственного производства, близость и смежность к нему многих других технически оснащенных работ, проводимых в сельских условиях в наши дни (добыча и обработка леса, мелиорация, разведка недр, разного рода строительные площадки, прокладка железных дорог и т. п.), поставили жителей современной деревни перед необходимостью в короткий срок освоить массу новых слов, связанных с последними нововведениями этого рода.

В литературном языке для обозначения этих механизмов есть или однослоевные номинативные единицы (*движок*, *экскаватор*, *трактор*), или устойчивые словосочетания (*швейная машина*, *стиральная машина*). Обилие современных механизмов, которые в сранительно короткий срок осваиваются в говоре, предполагает вхождение значительного количества слов-освоений. Так как «порция» таких номинативных вхождений велика, то психолингвистический механизм восприятия (знание, умение, навык) не справляется с освоением новых слов в их нормативно-кодифицированном облике. Для реализации коммуникативных потребностей языковой механизм носителя диалекта приспосабливается в этом случае, используя близкие по значению слова. Так появляются в говоре приведенные контексты, не сходные с нормативно-кодифицированным употреблением литературного языка. Для наименования самолета-бомбардировщика, электробритвы, самогонного аппарата объединяющим стержнем в них будет инвариантный семантический признак ‘механизм’, который есть и в самом слове *машина* и в наименованиях других механизмов, в которых содержится указанная инвариантность.

Актуализация каких-то сторон действительности, различная в различные исторические периоды, закрепляет

на продолжительное время в качестве самостоятельных некоторые семемы — *машина* ‘поезд’; это же значение было и в литературном языке (*машинист*) [69]. Теперь же повсеместно *машина* ‘автомобиль’ и особенно, ‘грузовой автомобиль’ (в словарях литературного языка эта семантика показывается как обособленное значение).

Широкие синтагматические связи семемы *машина* в говорах ‘грузовой автомобиль’, обусловленные особой внеязыковой актуальностью ее (грузовой автомобиль, едва ли не самый популярный вид транспорта в сельских условиях), объединяют глаголы разных семантических классов (движения, перемещения, приобщения объекта, состояния, экзистенциальные и т. п.), причем как общенародные, так и местные: *ехать на машине*, *машину дать*, *машины разъезжают*, *машина гудит*, *машину нанять*, *машины идут*, *машина попадет к вечеру* (в город), *машины едут*, *машина будет*, *с машины слезть*, *приехала машина*, *в машины садятся*, *сесть на машину*, *наваливать на машины*, *упасть с машины*, *машину отнять*, *втащить в машину*, *машины проедут* и т. п., *машина ухадилась* ‘утонула’, *машина летит* ‘быстро идет’, *машину не захватила* ‘не застала’, *машина постряла* ‘засела’, *машины туряли* ‘экспр. ездить’, *машина изгадилась* ‘испортилась’, *машина за машиной летела* ‘быстро ехала’, *занизался на машине в грязь* ‘попал’, *машина управлена* ‘отремонтирована’, *машина была простовольная* ‘пустая’, *машина посела* (Деул.).

Благодаря метонимизации «автомобильной» семантики в слове *машина* это значение отмечается и в однокоренных образованиях *дарóга бóйная* [т. е. торная], *харóшая*, *машынная* [такая, по которой могут идти автомобили] (Деул.).

Жизненно важный глагол *работать*, восходящий в своей истории к самым отдаленным временам, семантика которого исторически модифицировалась в разных подсистемах национального языка, сохраняет сложность своей смысловой структуры и по сей день. С начала XIX в. в нем выдвигается и прочно утверждается значение, связанное с выполнением каких-либо обязанностей или реализаций своего труда ради заработка по найму (*работать на фабрике*, *заводе*, *промыслах* и т. п., *работать в школе*, *колхозе*, *конторе* и т. п. или *работать поваром*, *помощни-*

[69] См. указание на это в «Словаре синонимов русского языка» З. Е. Александровой, поместившей оба слова *поезд — машина* в одном синонимическом ряду.

ком режиссера, *учителем*; ср. эту же семантику в деривативах: *работа*, *рабочий*, *рабочая*).

Прочная внеязыковая опора создает благоприятные условия для активного освоения этой семемы диалектными лексическими системами [70]. Контекст — *в гóради рабóтать, ни ф калхóзи: там што дéнь, надá к часáм хадúть и бúрку снимáть* (ПОС, 2) — обнаруживает не только полное смысловое освоение ее, но и типичность его для речи в деревне. В ЭК Деулинского словаря из 68 зафиксированных словоупотреблений глагола *работать*, словоупотреблений, совпадающих с разными осмыслениями этого глагола в общенародном, литературном языке, 32 связано с рассматриваемой семантикой; аналогично и в слове *работа*: всего 35 словоупотреблений. *Работа* — ‘дело, занятие как источник заработка’ — 22 словоупотребления (*пъступúл на рабóту*; *бригадúрка нас пъвящáить нъ рабóту*; *какóй гóгаль хóдить, нъ рабóту ни пъступáить*; *мáма ушлá за ягадай*, *пáпа ушóл нъ рабóту* и т. п.). Аналогично и в приставочных образованиях: *дорабóтать*, *зарабóтать* и др. (*дорабóтать до пéнзии*, *зарабáтываить крух тыщи*). Вместе с тем в диалектной речи можно столкнуться с такими контекстами, которые показывают языковые приметы адаптации рассматриваемой семантики. Во фразе: *Анú зъгружóны се нъ казённай рабóти: жанá нъ смалé, сам — ръзяжжáить, а дéти ф шкóли* (Деул.) сочетание *казенная работа* синонимично слову *работа* ‘служба, занятие, дело как источник заработка’, оно противопоставляется другому имплицитному значению, когда *работа—работать* обозначает ежедневную занятость в домашнем хозяйстве.

Это — один вид адаптационных явлений. В других случаях глагол *рабóтать* вступает в дифференцирующиеся взаимоотношения с синонимичными лексемами. По наблюдениям сибирских диалектологов *рабóтать* обозначает новые виды трудовой деятельности (*рабóтала учúтельшей*, *на завóде рабóтал*); местный аналог его *рóбить* — традиционные занятия, главным образом, связанные с физическим трудом (*рóбит на пóле*; *что же вы*

---

[70] *Самотик Л. Г.* Некоторые наблюдения над системными семантическими связями в одной лексико-семантической группе (на материале русского старожильческого говора Тасеевского райсна Красноярского края).— В кн.: Материалы и исследования по сибирской диалектологии, 1973. Красноярск, с. 56 и сл.

ро́бите на за́имке; *мно́го лет ро́бил на спла́ве*) (Палагина, 1959; Лукьянова, 1970).

Рассматриваемая семема, утверждаясь повсеместно в говорах, раздвигает вширь смысловую структуру глагола *работать*, сочетаясь как со значениями общенародного распространения, так и диалектно-просторечного, например, *работать* ‘изготавливать что-либо’ — *работать смолу*, *работать сани*, что нередко можно встретить и в произведениях художественной литературы: *Стрельцовы работали из корневища березы шкатулки и укладки, с мудреными секретами* (М. Горький). Словарь Ушакова сопровождает это значение пометами *простореч. спец.*

Выделяя экстралингвистическую актуализацию как одну из причин для семантического преобразования лексического вхождения в диалектную речь в процессах освоения литературных слов, следует остановиться на случаях, когда развитие нового значения находится в определенной зависимости от синтаксической позиции слова. В. В. Виноградов, определяя эту связь, писал: «Специфические особенности конструктивно обусловленного значения особенно ярко обнаруживаются в тех словах, в которых самая возможность реализации и раскрытия их лексического содержания зависит от строго определенных форм и их синтаксических сочетаний» [71].

С определенной предложно-падежной позиции начинает оформляться лексическое значение, и этому способствует содержательное наполнение диалектной речи в ее естественных условиях, у слова *армия*. Общенародные значения этого слова, такие, как ‘вооруженные силы государства’, ‘большое воинское соединение’, ‘действующая армия’, ‘Красная армия’, ‘Советская армия’ и под. в зафиксированных текстах (и контекстах) современной диалектной речи значительно уступают вновь складывающейся семеме ‘действительная воинская служба’. В областных словарях полного типа необходимые контексты можно встретить в иллюстративном материале, не всегда связанном со словом *армия*: *а́рмия была́ разбе́кшы в Микала́ефску вайну́* (ПОС, 2, с. 238); *армия туда движылася, г Буде* (СБГ).

Конструктивно обусловливает развитие нового значе-

---

[71] *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова.— ВЯ, 1963, № 5, с. 26.

ния ‘действительная воинская служба’ у слова *армия* разные предложно-падежные конструкции. Из 17 зафиксированных случаев употребления в ЭК нет ни одного примера с им. пад.: *из а́рмии пришо́л; в а́рмии ищё не́ был; в а́рмию пръважа́ють; не взя́ли в а́рмию; три го́да в а́рмии быть; вот мале́нька в а́рмию иди́ть; у ней сын в а́рмии; из а́рмии вярну́ли, нигадя́й: пей, гуля́й да а́рмии* и под.

Ареальное распространение этого значения очень широко, по существу, оно на современном этапе находит выход в широкие разговорные сферы вообще.

Отдельные региональные словари, особенно недифференциального типа, трактуют его как особое семантическое целое; ПОС выделяет его как оттенок к основному значению, а СБГ, видимо, имея в виду высокую употребительность рассматриваемой семемы в современных брянских говорах, дает ее как первое номинативное значение. Здесь же приводится иллюстративный пример в беспредложной конструкции: *Бальшук армию акончил, сичас на падгатавитильных курсах.*

Несмотря на иные, чем в предшествующих примерах, условия языковой реализации, новое осмысление в слове *армия* сходно с ними в основном — оно стимулировано повседневной практикой носителей диалектной речи, их жизненным опытом.

§ 13. Наше рассмотрение процессов освоения литературной лексики касалось либо слов собственно предметных, либо тех, которые обозначают понятия и реалии материального и социально-экономического содержания (*колхоз — район* и т. п.). Интересно проследить, как идет освоение абстрактной, отвлеченной лексики, потребность в которой в современной деревне все возрастает благодаря росту культуры, образования и общей просвещенности ее населения. Каковы же семантические закономерности переживаются при этом? С одной стороны, здесь так же, как и в рассмотренных ранее случаях, диалектные лексические системы отбирают семемы из круга абстрактно-отвлеченных слов, которые приближены к ним внелингвистически. С другой — и эта лексика литературного языка входит в диалекты не поодиночке, а группами, объединенными деривационно или фарзеологически.

Типичным примером может служить гнездо однокоренных образований от слова *культура*. Емкое, соотнесен-

ное с самыми разными сторонами действительности, слово *культура* входит в диалектную речь прежде всего для обозначения образцового эталона, который ассоциируется и связывается в деревне с городом. *Культура* в понимании носителя диалектной речи — прежде всего городская культура, это все то, что в лучшем смысле отличает город от деревни [72]. Свидетельства этому исходят от самих носителей диалектной речи: *щас ма́ла культу́ры в дире́вни, так ы извяку́им здесь калбяка́ми; щас чю́дачку абарка́лись, ста́ли на культу́рных пъхади́ть* (Деул.). К *культуре* в таком осмыслении сельскому жителю надо расти; поэтому в речи обычны такие контексты: *Конечно, у меня культура стала подниматься*; *В Москве уж я больше культуры набрался* (Каринский, 1936). Утверждаясь на наших глазах в говорах, группа однокоренных слов *культура—культурный—культурность* (а также устойчивых номинативных словосочетаний с этими лексическими компонентами) как бы заново расщепляет свою емкую понятийно-содержательную структуру. Отбираются и выделяются такие конкретные стороны городской жизни (денотата), противопоставленные деревенской, которые способны собой олицетворить то, что деревенский житель называет «культурой» (чаще всего это домашний быт, одежда, речь и, конечно, образование и образованность). Выражается это или диффузно: *ху́до мы жыли, культура была худа всему, бедно жили* (Симина, 1972); *кабы культу́ра была́ кака́я. Культу́ру-ту не завели́, тепе́рь уш ста́рые, как есь в ызбе́, так и ла́дно. Не до культу́ры уш* (КАКС) или, наоборот, вполне конкретно: *молоды́м-то на́до культу́ру: свет, ра́дио*; *тепе́рь-то веть культу́ра дак ками́н да чё. А ра́ньше-то пе́чи да и фсё* [*ками́н* — ‘печь с плитой’] (КАКС). Называются конкретные, материализованные стороны действительности, которые соответствуют требованиям и запросам культурного, просвещенного человека.

---

[72] Подобное же осмысление у слова *культурно* можно видеть и в художественном произведении при характеристике самосознания деревенской женщины: «*У Сони к тому же две сестры в Иркутске: одна, выйдя замуж за человека расторопного и удачливого, работающего по снабженческой части, жила как барыня, в квартире своей чего только не имела, и Соня немало ей завидовала. Приезжая из города, когда удавалось, недобро смотрела на ухваты да чугунки, а однажды попробовала сманить туда и Павла. Ей там нагородили с три короба, как хорошо де ладно, культурно да уважительно*» (Вал. Распутин, Прощание с Матерой).

Во вновь возникающих на диалектной почве фразеологизированных сочетаниях сказывается обычный семантический синкретизм, неизбежный для заимствуемых слов в момент взаимодействия двух самостоятельных систем (ср. *раньшы варнакали слава, што их нипаймеш, типерь фсё стала на-культуру*) (СРДГ, 1).

Широкую амплитуду контекстных реализаций дают прилагательное *культу́рный* и наречие *культурно*. *Культурный* это такой, который соответствует городскому в разных отношениях: в бытовом поведении: *А у на́с наро́т культу́рный, скота́ в избе́ не де́ржат* (арханг. собств. набл.); в одежде: *А ра́ньше и все портяны́е пла́тья носи́ли, тепе́рь гора́ст культу́рны ста́ли* (КПОС); во внешнем облике вообще: *иш кака́ обряжу́ха, вся в ше́рсти хо́дит, с ви́ду культу́рненька, а сама́ пога́на кака́* (Кашевская, 1971); в образованности [к ребенку:] *де́вачки тя́бя́ прасмяю́т, аны́ культу́рные, с Ленингра́да, а ты но́ги ня мо́еш* (КПОС); в речи: *И как тапе́рь фсё харашо́ гаваря́т культу́рна, фсё так аккура́тна называ́ют; крыльцо́ называ́ют фсё бо́льше вера́нда — наро́т-то культу́рней стал; мы някультурна гавари́м, пра́вила ня у́чим* (КПОС); Все эти контексты объединяются в лексическое значение ‘соответствующий требованиям культурного человека, условиям культурности’. Противоположные семантические рефлексы в *некультурный, некультурно* ‘примитивно’— *Здесь некульту́рно держа́ли скота* (СРГКуз.)

Относительная свобода диалектного словоупотребления, широкая ассоциативность приводят к тому, что слово *культу́рный* в приложении к человеку переходит в сферу морально-нравственной характеристики: *зять культу́рный тако́й, харо́шай, прасто́й, не ломли́вый* (КПОС).

Отвлеченное же содержание слова *культу́ра* передается в говорах синонимичным ему *культу́рность*; семантика абстрактно-маркированного суф. *-ость* играет здесь роль отвлеченности: *Тепе́рь Раси́я идёть к культу́рности; кака́ у нас культу́рнась была́* — (КПОС). Возможно и иное осмысление слова *культурность* ‘в соответствии с требованиями современной культуры’: *тепе́рь фсе нарабо́ны, фси по мо́ди, фси по культу́рности* (КПОС).

Смысловые модификации слова *культу́ра* при освоении его говорами предопределены той емкостью семантики, которая заключена в его первом значении. Само аб-

стрáктно-книжное содержáние первого значения слова *культýра* настолько идеографически отстоит от бытовой направленности диалектной речи в плане ее общего содержания, а следовательно, и ее словесно-фразеологического выражения, что не может и не должно иметь там контекстное воплощение. Устойчивые словосочетания, деривационные образования, соотносимые с данной семантикой в литературном языке (*материáльная культýра*, *духóвная культýра*, *культýра производствá*, *культýра поведéния* и т. п.), чужды бытовой и производственно-деловой тематике, в которых, по преимуществу, заключается содержание диалектной речи. В самых разных диалектных источниках, просмотренных нами в поисках ее, она не фиксируется.

Другое же значение слова *культýра* ‘Спец. Разведение, выращивание какого-либо растения, культивирование’ (БАС, т. 5) приближено непосредственно к сельской жизни. Четко выраженное терминологическое значение слова *культýра* ‘разводимые, культивируемые растения’ утверждается вместе с другой агрономической терминологией в говорах. Терминологическая однозначность позволяет ему осваиваться без метонимических смещений, характерных для первого, литературного значения слова *культýра*: *Культýры сáмы абыкнавéнны*: *рош*, *картóшка*, *лён*, *асóбенных культýраф нет*, *сáмы абыкнавéнны*, *пскопскúе*; *лён сéют вяснóй*, *рáньше*, *атрáду éту культýру сéяли пазынée* (КПОС); то же в акчимском говоре: *бурундýк*, *коноплю́*, *рош*, *фся культýра по отдéльности*. Близкая семантика и в прилагательном *культýрный*: *баббвник... как культýрный боп*, *тóлькъ нúский* (ПОС, 2); *культýрнъjь пáстбище*, *где спецыáльнъ высевáют клéвер*; аналогично о живых существах, животных: *культýрныje пчёлы*, *онú дóма жы́ли* (КПОС); *нáдо взять шишэнóчка*, *онá у ними культýрненька сýчка* (КАКС) [73].

Социально-стилевая дифференциация диалектной речи предусматривает разные речевые ситуации в деревне. Обсуждение хозяйственных вопросов на собраниях, в производственных бригадах, включение в эту речевую деятельность лиц, которых нельзя отнести к категории носителей диалектной речи, расширяет возможности вос-

[73] В литературном языке это значение формулируется как ‘только в полной форме. Обработанный, освоенный человеком, не дикий’ (БАС, т. 5).

произведения литературных оборотов речи и со стороны исконных жителей деревни: *наш дилéктор фчерá на сабрáнии гаварúл, что нáда падня́ть культу́ру земледéлия* (КПОС). И хотя в этом случае трудно сказать, насколько здесь сознательно воспроизведен книжный оборот *культура земледелия*, более того, понят ли он до конца, а не повторен ли механически, тем не менее нельзя недооценивать данный вид речевых ситуаций как своеобразный канал для пересадки литературного словаря в диалект.

В псковских говорах, где рассматриваемое гнездо слов, как видно из приводимого в данном этюде материала, представлено широко, зафиксирована еще одна смысловая трансформация. Исходным моментом для нее послужило номинативное сочетание литературного языка — *дом культуры*. Данное сочетание освоено говорами вместе с самой реалией — домом культуры: *придём кагдá в дом культу́ры паглядéть, так фсё аднó и тóжа, пя́тятца да кру́жятца*. В дальнейшем это словосочетание в речевом употреблении говоров подвергается эллиптическому свертыванию (*культу́рка*), обычному для разговорной речи (ср. *читальный зал* → *читалка, читальня*); *Ленинградское шоссе* → *ленинградка*.) *Пайдёш в Избóрск в культу́рку* [ремарка собирателя: ‘дом культуры’].

Собственно диалектные семантические варианты у отдельных слов рассматриваемого гнезда нетрудно трактовать как омонимы по отношению к аналогичным словам литературного языка.

В акчимском говоре *культу́рник* означает не ‘культработник’, как в литературном языке, а ‘артист’ или ‘участник художественной самодеятельности’, т. е. тех, кто реализует городскую культуру в деревне. (*Пойу́т, ка́жут фся́ку игру́, ле́том и зимо́й другóй рас приежжа́ют, их арти́стами зову́т, а я не называ́ю. Культу́рниками их зовём, наéхали, мол, опя́ть каза́ть*).

Сложные и внутренне противоречивые процессы вхождения литературной лексики в говоры сопровождаются нередко, особенно в кругу абстрактных слов, такими семантическими результатами, которые формируются под воздействием комплекса однокоренных слов или словосочетаний. Устный характер их воспроизведения в говоре без коррекции кодифицированных книжно-письменных контекстов литературного языка способствует словарному закреплению этих семантических сдвигов. Обычно это

касается тех слов литературного языка, которые заимствуются из специализированных, научных сфер. Уже в самом литературном языке привычные связи этих слов, свойственные ему как термину, разрушаются. Броским примером этого служит судьба слова *атом*. В литературном языке на базе научного появилось бытовое осмысление слова *атом*, которому свойственна только форма единственного числа [74]. В говорах слово *атом* употребляется то в значении ‘атомная бомба’: *как пу́сьтют а́том, и фсё прапа́ла* (ПОС, 1); *нърушыли фсё, чяо́-нибу́ть пусьти́ли... а́там, льёть и льёть* [дождь] (Деул.); [реплика в шумной очереди:] *во куды́ а́там на́да* (смол. собств. набл.); то ‘огромная разрушающая сила’: *а я ни стира́ю пърашка́ми, там же хи́мия, а́там, а ана́-та вре́дная* (смол. собств. набл.). На стабилизацию данной семантики в слове *а́том* влияние оказали такие словосочетания, как *атомная бомба, атомный взрыв*, причем не в отдельности, а как негативный комплекс (областные словари фиксируют эти сочетания в диалектной речи: *ирву́ща а́томны бо́мбы*; *на́да прикрати́ть авто́мнае ару́жые* (ПОС, 1).

Отсутствие позитивных знаний для разграничения понятий *атом, атомная бомба, атомная энергия, атомный взрыв* и под. в диалектной среде обусловливают смысловой синкретизм слова *а́том*. Постоянное свойство метонимизации и эллиптического свертывания, в которых диалектное слово существует всегда, также поддерживают сложившуюся семантику у слова *атом*. В целом же она, так же, как и в других освоениях, конкретизирована: *атом* как элементарная частица вещества, конечно, отвлеченнее, чем понятия, выраженные сочетаниями *атомная бомба, атомный взрыв*. На осмыслении и активном восприятии «бытового» содержания его в диалекте отразился опыт последней войны.

В примере, взятом из смоленского говора (см. выше), таким же синкретизмом семантики отмечено и слово *химия*. Вместе со словом *атом* они образуют парадигматическую пару на основе единой пейоративной коннотации [75].

---

[74] *Толикина Е. Н.* Термин в литературном языке.— В кн.: Нормы современного русского литературного употребления. М.—Л., 1966, с. 45—46.

[75] Диффузную семантику с оттенком неодобрения можно встретить и у слова *химия* в газетном тексте: «*В Тобольске любят охоту, не отказывали себе в свежей речной и озерной рыбе. Можно понять их*

§ 14. К семантической актуализации в говорах отдельных значений литературного освоения примыкают явления, которые можно назвать «оживлением» былой (или окказиональной) семантики в слове. Это оживление возможно благодаря актуализации какого-либо слова (или его однокоренных дериватов) в общенародном, литературном языке, благодаря чему и создается впечатление, что в говорах осуществляется семантическое смещение в момент его освоения. Условия города или условия новой жизни в деревне подчеркивают современность традиционного (былого) значения в слове; его легко можно принять за семантическую инновацию. Примеры эти не единичны, но их открытие происходит эмпирически и часто обязано случаю.

Об «оживлении» былой семантики слова, о воскрешении исчезнувших значений его в лексико-семантических системах пишется мало. В приложении к лексике литературного языка это семантическое явление в последние годы изучено на примере слов общественно-политического содержания (ср. такие слова, как *министр*, *адвокат*, *мастер*, *полковник*, *династия*, *вельможа* и т. д.) [76].

Остановимся на случае, относящемся к разряду слов социально-юридической направленности, где оживление былой семантики сочетается с частичным переосмыслением, подобно тому, как это можно наблюдать в литературном языке. Как полагают исследователи, слов локально-ограниченных из сферы общественно-политической лексики в современных говорах мало: основной пласт их — общий в говоре и в общенародном, литературном языке (Аванесов, 1949) [77].

Гнездо слов *приписать — приписывать — приписка*. В Словаре В. Даля интересующее нас значение глагола *припи́сывать — приписа́ть* формулируется, как ‘кого, куда,

---

страх, что громовой железный лязг распугает зверя и птицу, а химия, хоть и упрятанная за очистные сооружения,— плохой сосед рыбе» (А. Проханов, Тобольск: Новые ритмы).

[76] Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968, с. 100 и сл.; *Протченко И. Ф.* Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. М., 1975, с. 113 и сл.

[77] Ср. примеры в амурских говорах: *Староста постучал, а сзади японцы стояли. Ранчи называли не председатель, а староста*; *мир не сходка, туда и баб пускают. Это сичас собрание для всех* (Кирпикова, 1972).

к чему, причислять, числить где по спискам, назначать в общину, в ведомство и укреплять при нем, прtвпл. отчислять'. *Все крестьяне должны быть приписаны к сельским обществам*; *Для правки дорог, к ним приписывают, по участкам, поселян*; *Приписаться в мещане, в купцы* 'причисляться, вступить в число членов этой общины'. *Купцы и мещане обязаны приписываться по городам.* Эта же семантика сохраняется и в отглагольных существительных (*припи́сывание*, *приписа́нье*, *при́пись*, *припи́ска*). Отсюда в официально-юридическом языке дореволюционной России терминологические наименования: *приписные крестьяне* 'государственные крестьяне, владевшие казенными землями и приписанные целыми селениями к казенным и частным промышленным предприятиям для выполнения вспомогательных работ'. *Приписные возили лес, выжигали уголь, добывали руду* (Паустовский, Судьба Ш. Лонсевиля.) *Приписная деревня* 'в дореволюционной России — деревня, не имеющая собственного священника, но приписанная к другой, большой деревне, в которой он есть'. *Село Переброд в церковном отношении считалось приписным, то есть в нем хотя и была своя церковь, но отдельного священника при ней не полагалось...* (Куприн, Олеся) (БАС).

Официально-юридический смысл в прилагательном *приписной* сохраняется и в советское время. Словарь Ушакова, отразивший словоупотребление первых десятилетий советской эпохи, толкует его как (офиц.). 'Причисленный к учреждению, предприятию'. *Приписная сберкасса. Приписные крестьяне* (истор.).

Продолжение рассмотренной семантики отмечено в словах *припи́ска* (*приписа́ть — припи́сывать — приписа́ться — припи́сываться*) — 'паспортная прописка', в глаголах — 'оформлять паспортную прописку', повсеместно распространенных в современном диалектном и литературно-разговорном словоупотреблении: *Я бис припи́ски ни паéду. Кадá ты миня́ припи́шыш, тадá паéду*; *типéрь вот приписа́лся и рабóту нашóл*; *уш ана вы́писалась из Масквы́, тут и́х ни припи́шут* (Деул.).

Данное переосмысление слова *припи́ска* — это синтез ряда факторов: звукового, т. е. формальной близости слов *припи́ска* и *пропи́ска*, а также реального сходства явлений, обозначаемых этими словами. В официальной регистрации постоянного проживания (*прописка*) есть инвариант-

ная близость к тем постоянным «причислениям» к какому-либо ведомству, предприятию, внесением в регистрационные списки и т. п., что содержится в лексическом значении слова *приписка*. Эти собственно языковые условия в соединении с особой значимостью самого правового акта — закрепления постоянного местожительства для каждого члена нашего общества (приписки) — способствуют прочному утверждению в некодифицированной среде старого, но близкого в звуковом и смысловом отношении слова *приписка*. Характерно, что и применению слова *приписка* в значении ‘паспортной прописки’ в говорах прибавляется обозначение причисления мужчин призывного возраста к определенному военному участку (это значение есть и в литературном языке). Подведем итог сказанному о разграничении слов *припи́ска — пропи́ска*. Если у носителя литературного языка для двух разных (хотя и близких) понятий паспортной прописки и военной приписки существует два слова, то у носителя диалекта — одно (*припи́ска*). Ср. два контекста, записанных нами в речи одного лица в одной и той же беседе: *Пое́дут на при́зоф Е́мечко* [в Емецк] — *на припи́ску*; [О молодых девушках, окончивших только что восьмилетнюю школу:] *их на робо́ту никуда́ не возьму́т, ни припи́шут* (арханг. собств. набл.).

Аналогичное оживление былой семантики наблюдается и в других словах, относящихся к актуальным для нашего времени внеязыковым сферам, например, слово *обору́довать*, связанное с технизацией в широком ее понимании. Его дериват *обору́дование* фиксируется впервые в словаре Ушакова. В этом же словаре *оборудовать* определяется как ‘снабжать необходимым инвентарем, механизмами, приборами, приспосабливать для каких-то специальных целей’. Встретив в диалектной речи слово *оборудовать* в контексте: *ади́нацать халсто́ф абби́ф вилёл купля́ть. Хо́чим абару́дъвать сваю́ ко́мнату* (Деул.), его легко можно воспринять как вхождение из литературного языка, получившее, как это нередко бывает, некоторое семантическое смещение. Между тем слово *обору́довать* отмечается именно областными словарями XIX в. «В «Опыте» *обору́довать* ‘сделать’ тул., а в словаре В. Даля *оборудовать землю, дело* ‘обработать, обделать’. *Новый цеп обору́дуется, так сподручнее будет* ‘обдержится, оботрется, обойдется’.

Подобное же происходит и с переносно-метафорическими образованиями. Для устойчивого положения диалектной семемы в этом случае в говоре имеется прочная семантическая опора, связанная с исходной лексемой. Так, для характеристики человека в говорах нередко применяется слово *мотóрный: анá мáленька былá, дъ матóрнъ дъ байкá*; *матóрнъ? Уж бóльнъ бы́стръ, зъвáднáя такáя, байкá* (Качинская, 1972). Актуальность слова *мотор* в современном русском языке, во всех его разновидностях, не подлежит сомнению. Поэтому и переносное значение можно воспринять как результат современного семантического производства. Однако слово *мотóрный* в значении ‘подвижный, проворный — о человеке’ отмечено в БАС. *Ее замуж никто больше не возьмет, хотя она девчонка моторная, да мала ростом и сирота* (Н. Успенский, Колдунья). Помета *обл.* при этом значении как раз и свидетельствует о том, что областные, некодифицированные сферы и являются источником его появления в литературном языке.

§ 15. Изменение лексической валентности в процессах заимствования лексики — отличительная и универсальная языковая особенность во встрече двух автономных языковых систем. Элементы синтагматических отношений одной системы проникают в другую и, взаимодействуя, создают такие речевые произведения, которые в плане выражения заметно дифференцируются как со своим обликом в дающей системе, так и с возможным обликом по правилам системы принимающей. Сочетаемостные расхождения характеризуют и литературно-диалектное лексическое взаимодействие. Наложение системных и узуальных связей слов, присущих одной и другой системе (литературного языка и диалекта) ведет к образованию такого рода сочетаемостных новообразований, которые вступают в противоречие с литературно-кодифицированной нормой. Мы их рассматриваем как необходимый этап в общем процессе освоения литературно-нормализованного словоупотребления в диалектной речи. Языковая устойчивость таких новообразований неодинакова. Многие из них, если для этого есть семантическая опора, лексикализуются и находят отражение в современных диалектных дифференциальных словарях (см. пример со словом *нервы*). В данной группе освоений, так же, как в иных, наблюдается параллелизм формул сочетаемости: варьируются

диалектные и литературные модели сочетаний слов (*в газе́те публико́вать — в газе́те пропусти́ть*), отражая нередко индивидуальные особенности речи носителей говора.

Влияние синтагматических моделей принимающей диалектной системы в процессах освоения лексических и семантических единиц литературного языка проявляется не только в распространении формул диалектной сочетаемости на вновь поступающие в говор слова, но и в многочисленных субституциях лексических компонентов той или иной формулы сочетания, принятой в литературном языке. Можно наметить несколько видов сочетаемостных явлений, которые проявляются в момент литературно-диалектного лексического взаимодействия.

1. Подчинение литературного освоения (лексемы, семемы) диалектной синтаксической модели. В ряду глагольных сочетаний с предлогами и без предлогов по данным ЭК [78]:

Ехать, лететь: *по авто́бусу* (*да Салы́чи дайе́хали, а там пъ авто́бусу, бы́стра дае́хали*); *по ка́теру* (*надо́сь па ка́тиру йе́здили* [через Оку], *паро́му не́ была*); *по метру́* (*пъ мятру́ прайе́хал анте́ль дъ Билару́скава вакза́ла*); *по бе́зду* (*из Да́льнива Васто́ка па бо́йизду йе́хал, а с се́вира лите́л*), *по маши́не* (*на́да за ней* [за свиньей] *хади́ть, с пърася́тами на́да пъ машы́ни йе́хать на база́р*; *по плашко́ту* (*— а Хи́лька пъ плашко́ту прие́хал? — По плашко́ту*). Ср. заполнение данной синтаксической модели традиционно-диалектной лексикой: *по саня́м вози́ть* [сено]; *е́хать па ло́ткам*; *пирийажа́ть* [Оку] *пъ паро́му* и т. п. Сочетаемость литературных лексем по диалектному типу варьируется с синтаксическими моделями литературного языка: *ны́ни нътраха́исси нъ машы́ни-тъ!... А на фто́буси ху́жай*; *как атучи́лси* [внук], *как пълау́мнай лята́ить нъ вилсапе́ди*).

Играть *во что-либо*: *в бая́н* (*вчяра́ у ни́х в бая́н игра́л Вася́нин зять*); *в скри́пку* (*а бн игра́ить в каку́ю-та скри́пку*); *в балала́йку* (*в балала́йкю-та и мой Лёшка уме́л игра́ть*).

(Быть) *на ком* (о болезнях): *грипп* (*на йо́м грып был*); *испа́нка* (*была́ на мне́ испа́нкъ, е́ть вро́ди ти́фъ*); *туберкуле́з, нервы* (*на ко́м биркулёс — е́та мо́жнъ пить, на*

[78] Семантика соответствующих предлогов описана в Деулинском словаре.

ком си́льныи не́рвы — е́тъ мо́жнъ мы́ццъ [о хвойной муке]; *припа́док* (*на не́й припа́тки уш ста́ли, прям упа́дить... А мо́жът и по́рча на не́й*).

Пойти *по* (*е́сли он пъ карандашу́ кашо́л, яво́ ни приу́чишь... Вы во́т пъ бума́ги пашли́, вас нъ пако́с ни вы́ганиш*).

Убраться *во что* (*убрали́сь ф фо́рму* [ученики], *а их заста́вили кирпичи́ таска́ть*).

Ходить *кем* или *в ком*: *милицио́не́р* (*ана́ жыла́ во́симь гадо́ф в Маскве́ на стро́йки, а о́н мильцане́ръм хади́л...*); *почтальён* (*пришо́л е́тат Лёнькя, пъталёнам он тада́ хади́л*); *теля́тница* (*сва́ха хади́ла вме́ста мяня́ ф тяля́тницах, а я афчя́ркай хади́ла пятна́цать га́доф*).

Сидеть *кем*: *бухга́лтер* (*он сиде́л бухга́лиръм, а ана́ с ним свяжы́сь*).

Стоять *кем*, *где*: *председа́тель* (*Шу́ра ко́льки гадо́ф стаи́ть на адно́м ме́сти притсида́тилим*), *убо́рщица* (*семь ле́т я ста́яла ф шко́ли убо́рщицай*; *он так хърашо́ стаял — ни пъкарни*; *И на Му́рмини был, там ни жа́лъвались, и ф сваём сяльпе́ стаял хърашо́*).

Предложные сочетания. Из чего ‘из-за’: *алиме́нты* (*ана́ тада́, ста́ръйа жена́ тада́ прияжа́ла из ылиме́нтаф*); *проце́нты* (*щас гбнюцца ис пръцанто́ф* [продавцы в сельпо:] *Ана́ прада́сть бо́льшы — бо́льшы зарпла́ты палу́чить*); *проду́кция* (*из адно́й ис прадукции мо́жно ганя́ть, ко́рмють-тъ как* [о пастухах]).

Аналогично в других говорах: жить *кем* (*в колхозе председателем жил, в больнице живет медсестрой* (СУГ); *катать кино*, *катать фильм* (арханг. собств. набл.); *рвать нервы* (смол. собств. набл.).

В этот же круг явлений входят и устойчивые сочетания, фразеологизированные по диалектному типу: *телегра́мму бить* (*отбива́ть*), *ба́нки броса́ть*, *интере́с берёт* и под. (ПОС, 2).

2. Лексическая дублетность, взаимозаменяемость литературного и диалектного эквивалентов, характерная для процессов перестройки лексических систем в современном территориальном диалекте, охватывает сочетаемостные ряды, иногда даже в речи одного и того же лица. Ср. в деулинском говоре: *ба́нки наки́нуть/ба́нки поста́вить*, *ду́стом посы́пать/ду́стом напятна́ть*, *угомони́ть уко́лом/успоко́ить уко́лом*, *парали́ч расшиба́л/парали́ч разбива́л*, *от уко́ла серби́т/от уко́ла че́шется*.

Как правило, субституции подвергаются глагольные компоненты, отчего сама синтаксическая формула сочетаемости дающей системы (литературного языка) не меняется (*по ра́дио говоря́т — по ра́дио гута́рют*, *бульбу́ хлеба́ть* и под.) И тем не менее при субстантивном компоненте, если он к тому же активен в лексике нашего времени, эти сочетания также отстоят от кодифицированной нормы литературного языка, как и сочетаемостные явления, подводимые под п. 1. данной классификации [79]. Ср. *войти в колхоз*, *вступить в колхоз* и диалектные варианты этого же сочетания — *взойти в колхоз*, *зайти в колхоз*, *записаться в колхоз*, *в колхоз ходить* (*ани́ зашли́ ф калхо́с*, *а мы́-ть ни хади́ли* (Деул.); *записа́ться в колхо́з* (Каринский, 1936); *ра́дио говори́т—ра́дива бруи́ть*, [*радио*] *брунди́ть* (ПОС, 2); *заостри́ть вопро́с—завостри́ть вопро́с* (Симина, 1972); *звони́ть по телефо́ну—бря́кать по телефо́ну* (ПОС, 2) и т. п.

Субституционный компонент в этих случаях формирует конструкцию перевода, характерную для двуязычной речевой ситуации современного говора. В то же время он достаточно адекватно отражает денотативную сторону обозначаемого явления. Компонент *играть* в словосочетании *играть физкультуру* ‘делать физкультуру’ (деул. и др. говоры) появляется в данном новообразовании не только из-за незнания носителями говора литературного элемента *делать*, но и из-за смыслового содержания глагола *играть* в лексической системе говора. *Играть* перен. ‘Быстро двигаться, резвиться’ (*ры́ба игра́ет*; *поросёнок игра́л-игра́л*, *а к ве́черу сдох*; *ло́шади. . . на кало́дис вы́пустиш*, *ани́ па дире́вни — бе́гать*, *игра́ть*), а также в сочетаниях спортивно-игрового содержания: *А игра́ли как? Щас ф клуп хо́дють*, *а тада́ ф клуп ни хади́ли. . . Тада́*, *зна́иш. . . бальша́я часть игра́ли*: *вот катя́х он сме́рзницца*, *ну вот та́х-та вот нагой. . . и́ля я ф кавэ́ пъпаду́*, *тады́ ямý ганя́ть. . . Вот та́х-та вот игра́ли* (Деул.), что отражено в закре-

---

[79] Исследователи диалектной фразеологии наблюдают субституциональные замены и в иных типах фразеологических сочетаний, поступающих из литературного языка в говоры. И в них также не менее ярко демонстрируется отход от нормативно-кодифицированного облика. Ср. *скорая помощь* → *легкая помощь*; *многолетние травы* → *долговечные травы*; *светлая жизнь* → *белая жизнь* и др. (Мокиенко, 1975).

пленных конструкциях *игра́ть в битóк*, *игра́ть в хорони́чки* и современном лексемном наполнении *игра́ть в футбóл*, *игра́ть в мяч*. Рассматриваемая языковая логика подтверждается сведениями и из других говоров: *на стре́льбы я пе́рвый, а на бру́сьях не мог игра́ть*, где семантика *играть* близка к реализации ее в деулинском говоре (ПОС, 2).

3. Создание аналогичных моделей, под влиянием сходных конструкций литературного языка: *читать по книге—читать по газете* (Деул.); *за летний период—за период лета* (СУГ); *быть на отдыхе—быть на отпуске* (Мохова, 1973); *в газете, в книге—в радиве* (ПОС, 2), *быть на заметке—на заметках стоять* (Деул.); *ходить на спектакль, на концерт—ходить на кино* (повсем.); *зедет поря́док*—[директор] *ведёт дисципли́ну* (Деул.); *зарплата идёт—аванс идёт* (Деул.) и под. *попасть под машину, под поезд—попасть под аварию, бить в ладоши—бить аплодисменты* (СБУ).

4. Появление гибридных сочетаний — аналогических сколков валентных связей, возможных между словами того же тематического ряда. При этом аналогическое воздействие может оказывать либо система общенародного языка, либо диалектная: *ревмати́зм ног, бронхи́т лёгких, воспале́ние ма́тки* (ПОС, 2); *учи́лась лабара́нкой* (Симина, 1968); *боло́тнъе се́нъ състайт из асо́ки и баббвникъ*; *ребя́та пло́хо нау́ку смо́трють*; *ат гре́лки боль унистажа́ицца* (ПОС, 2); *культу́ра была́ худа́ всему.* (Симина, 1972); *дошть сбил весь афтарите́т* (ПОС, 1); *бро́сить на бронь* (ПОС, 2); *быть в авторите́те* и *иметь авторите́т* (смол. собств. набл.) и т. п.

Сочетаемостных новообразований в современной диалектной речи очень много. Их появление в значительной мере индивидуализировано, не всегда они типизируются и поддаются даже гипотетическим объяснениям. В подавляющем большинстве возникновение сочетаемостных новообразований в диалектах обязано синтезу двух факторов — конструктивному и смысловому. Как бы ни выглядело алогично с точки зрения литературной нормы сочетание *служи́л фло́том* (*он служы́л фло́том, приде́ть, фсё на нём бо́драя, фло́цкая* (Деул.), т. е. он служил во флоте, придет, вся одежда на нем красивая, флотская), замена нормализованного компонента *во флоте* (из сочетания *служил во флоте*) на *флотом* могла произой-

ти под влиянием модели *служить солдатом*, *служить офицером*, реализованной в диалекте с новой для говора лексемой *флот*.

Гибридных словосочетаний в ненормированной современной диалектной речи великое множество. Перестройка диалектных лексико-семантических систем все множит и множит их количество и все расширяет их виды и комбинации. Однако нельзя сказать, что эти факты легко доступны для научных систематизаций и исследований. Современные областные словари, как правило, скрывают дифференцирующиеся с нормализованным литературным языком вновь возникающие в говоре сочетания в иллюстративном материале. Лишь некоторые из подобных сочетаемостных новообразований отмечаются в словниках региональных словарей.

§ 16. Процессам перестройки лексико-семантических систем говоров на сочетаемостном уровне, как и на других уровнях языковой структуры и в иных порождениях языкового механизма, отвечает общий динамизм диалектной речи, способный создавать такие языковые средства, которые могут незамедлительно удовлетворять коммуникативные потребности диалектной социально-языковой общности. При этом проявляется устойчивость диалектных синтаксических структур и, наоборот, мобильность единиц лексемно-семемного уровня. Уровень сочетаемости слов обнаруживает в то же время одинаковые тенденции в семантико-синтаксическом развитии одних и тех же семем, распределяемых в обеих разновидностях русского языка — общенародном литературном и диалектах. Особенно явно данная общность видна на функционировании полузнаменательных глаголов. Наплыв литературных слов в диалекты стимулирует и активизирует фразеологическую активность этой лексики там.

Остановимся на показательной в этом отношении сочетаемости глагола *дава́ть—дать*. Синтаксическая функция этого глагола как компонента фразеологизма (большей или меньшей спаянности) присуща обеим разновидностям русского языка [80]. Значимый компонент

---

[80] Во Фразеологическом словаре русского языка. Под ред. А. И. Молоткова, материальной базой которого, как известно, является литературный язык, зарегистрировано более 40 фразеоло-

в сочетаниях с глаголом *дать—давать* + вин. падеж существительного, как правило, состоит в присоединяемом существительном. Диалектологические словари применяют разную лексикографическую технику в трактовке значения конструкции с глаголом *дать—давать*. СРНГ и СФС относят данную конструкцию к фразеологическим или устойчивым сочетаниям, Деулинский словарь — к номерному значению. В то же время СРНГ рассматривает каждый оборот, конструируемый глаголами *дать—давать*, отдельно, давая каждому из них толкования. Такая лексикографическая интерпретация понятна и обоснованна. Она продиктована обширным и, главное, не всегда совпадающим по фразеологическим свойствам материалом. Сочетания с глаголом *дать—давать* показывают неодинаковую спаянность между входящими в них компонентами, а по сему и различное значение всей конструкции в целом: *дать повéстку* калуж. ‘прислать повестку, известить’, *дать предупреждéние* иркут. ‘предупредить’, но *дать бабýшку* яросл. ‘ударить’, *дать губу* якут. ‘поцеловать’, *дать себе ума* воронеж. ‘сообразить’. И наоборот, Деулинский словарь, располагающий иными лексическими компонентами в этой конструкции, чем СРНГ (здесь собраны лексически полнозначные слова) обобщает значение сочетаний с глаголами *дать—давáть* в одном определении: ‘обозначает действие по значению существительного’.

Разбираемая конструкция *дать—давать* устойчива и продуктивна в диалектной речи. Хронология этих оборотов по данным СРНГ распределяется от 1852 г. до наших дней, пространственное распространение — также без ограничения ареала [81].

гизмов с компонентом *давать—дать*. Ср. сведения о сочетаемости *дать—давать* в литературном языке: *Ожегов С. И.* О структуре фразеологии.— В кн.: Лексикографический сборник, вып. 2. М., 1957, с. 44. Это же показывают и региональные словари: СРНГ, 1; СФС, с. 59.

[81] Ср. сведения по псковским говорам: *Ивашко Л. А.* Заметки по фразеологии (по материалам картотеки Псковского областного словаря).— В кн.: Псковские говоры 1, Псков, 1962; по уральским: *Малеча Н. М.* Сборник словарных статей словаря территориального диалекта уральских казаков. Уральск, 1960; по рязанским говорам: *Силина В. Б.* О некоторых типах диалектной фразеологии.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия, вып. 2. М., 1961; по воронежским говорам: *Шестакова Е. Н.* Устойчивые сочетания в говорах Воронежской области.

В современных говорах, этот процесс активного лексического наполнения устойчивой синтаксической модели продолжается. В деулинском диалекте это не только *дать отва́гу* (*отва́жку*), *дать лупака́*, *дать перегу́л* ‘о стельной корове’, где присоединяемые к глаголу существительные — гомогенные диалектизмы, но и *дать уко́л*, *дать заявле́ние*, *дать изве́стие*, *дать штраф*, *дать прика́з*; здесь субстантивный компонент — литературное освоение в говоре. Продуктивность модели создает благоприятные условия для появления диалектных гибридных новообразований: *дать угрожёние*, *дать доса́ду*, *дать слух*, *дать предло́г*. Эта же неоднородность присоединяемого компонента, с точки зрения его новизны и гомогенности в диалектной речи, отражается и в других источниках: *давать*, *дать дох*, арханг. ‘давать вздохнуть, отдохнуть (оленям)’; *давать ремонт* ‘ремонтировать’, том.; *дать объя́вку*, пск. (СРНГ); *дать по́мочь*, *дать ремо́нт*, *дать изме́ну*, *дать ход*, *дать уко́л*, *дать спаси́бо* (Шестакова, 1967). В разных территориально разобщенных говорах фиксируются одни и те же сочетания: *дать приве́т* (*приве́ты*) арханг., тверск., иркут. (СРНГ).

Интенсивность свойства глагола *дать—давать* — быть связкой в рассматриваемой конструкции — находит выражение в диалектной речи еще и в том, что в качестве присоединяемого смыслообразуемого компонента выступают разные грамматические формы и категории: преимущественная форма вин. падежа существительного, застывшие формы этого же падежа (*дать песняка́*, *дать жи́гу*, *дать жо́гу*, *нагны́ша* ‘сделать выговор, пробрать за что-либо’) и другие грамматические категории: *дать здра́вствуй* ‘поздороваться’ (*я круго́м оббегу́ да приду́*, *здра́вствуй дам*, гдвск.); *дава́ть—дать спаси́ба* пск., *дава́ть ла́дно*, арханг. ‘хорошо, ладно’ (СРНГ). Это с одной стороны, с другой же — видоизменяется сама сочетаемостная формула. В ряде случаев нарушается свойство трансформируемости всего оборота — *дать заявление* →

Автореф. канд. дис. Воронеж, 1967; по смоленским: *дава́ть приме́р*, *дать зако́н* ‘прочесть нотацию’ (*ух мать ийо́ абрабо́тала*, *дала́ ей зако́н*), *дать нота́цию*, *дать тырчка́*, *дать предложе́ние*, *дать наме́к*, *дать ско́рость* (*шо́фир дал ско́рость* — ‘быстро и воровски уехал’); в архангельском говоре: *наря́д дава́ть* (*я из избы́ выхожу́*, *наря́ду дава́ю* [детям], *а они́-то бе́гают*, *не слу́шают*), *уко́л дать* (собств. набл.).

→ *заявить*, *дать угрожение* → *пригрозить*, но *дать вывод* не трансформируется в семантически равный транзитивный глагол (*Вам каки́ вы́воды да́ли, или не ответили?*)[82], *дать тепло* (*Это сего́дня помочи́ло, а пото́м как тепло́ даст. Про́шлый год помидо́ры все поги́бли. Одна́ гря́дка совсем пропала. А щас изругала, изругала себя. Как посадила в цвету, так они и стоят. Тепло даст и будут расти*). (Обск.), где также нет распространенной глагольной транзитивности.

Аналогична реализация лексических наполнений и в синтаксических объединениях с глаголом *делать*. Широкий по своему семантическому объему, глагол *делать* также выступает в функции полузнаменательной связки в конструкции с вин. падежом существительного. СРНГ, суммируя большой материал на данное сочетание, дает обобщенное толкование ему: ‘Употребляется в сочетании с существительным в вин. пад. и обозначает совершение того, что выражено этим существительным’. В диалектах эта продуктивная конструкция имеет традиционно закрепленные номинативные функции: для обозначения обрядных и энтографических процессов: *делать запой* ‘устраивать гулянку’, *делать заплачку* а) ‘плакать и причитать при совершении предсвадебного обряда (о невесте)’, б) ‘справлять большое смотренье’ (СРНГ). Сюда же примыкают сочетания, извлеченные из разных жанров фольклора: *делать повеление* ‘повелевать’. (*Он делал повеление в каменной Москвы... чтоб народ-люди постился*), *делать поклон* ‘кланяться’ (*Честно-мужней вдовы Афимьи Александровны он-то делает поклон да ведь в особину*) (СРНГ).

Номинативные единицы глагола *делать* + вин. падеж, где глагол выступает в общем значении ‘производить что-либо, работая’ охватывают целые серии терминологических сочетаний. Хронологические сведения для таких сочетаний широки; в подборке СРНГ содержатся данные, объединяющие факты на отрезке более ста лет. *Делать орехи* а) ‘собирать кедровые шишки для последующей

[82] В СРНГ сочетание *дать вывод* толкуется как ‘ответить’, в СФС его содержание раскрывается через существительное *вывод*; входящему в подборку других существительных, присоединяемых к *дать*. Но так как существительное *вывод* не может быть трансформировано в глагол, то таким образом, все выражение при таком толковании СФС остается неясным.

обработки' алт., 1858 г. б) 'шелушить кедровые шишки для извлечения орехов' том., 1964.

В наше время сочетаемость глагола *делать* + вин. падеж также активна. Присоединяемый субстантивный компонент связывается либо с традиционными диалектными словами (*делать бабушки*, *делать стол*, *делать масло*, *делать молотьбу*, *делать греблю*, *делать вязку*, *делать торг*), либо с новыми освоениями в говоре: *делать укол*, *делать условие*, *делать концерт*, *делать митинг*, *делать переговоры*, *делать собрание*, *делать переписку* (Костючук, 1965). Описывая лексическое наполнение, степень фразеологизации, а также условия идиоматизации глагольного сочетания с *делать*, исследователи в то же время обращают внимание на синтаксическое «поведение» тех из глагольных сочетаний, в которых лексические компоненты по времени появления в говоре связаны с современным периодом. Так, в говорах Тасеевского р-на Красноярского края, по специальным наблюдениям за данной конструкцией Л. Г. Самотик, в сочетаниях *дéлать мúтинг* (*как захороненных-то с могилы доставали, так митинг делали. Красиво все было так, слёзно*), *делать переговоры* (*да, и поимели они связь с тем отрядом и делали переговоры* [о том, как вошел в партизанскую армию еще один отряд]), *делать собрание* (*зашли в колхоз и стали работать. Делали собранье, предлагали входить*) не зарегистрировано ни одного случая употребления глаголов *митинговать*, *переговаривать* (*переговариваться*) и *собирать* (*собираться*) в соотносительном значении, поэтому нет оснований говорить о трансформации по указанной модели (*делать митинг → митинговать*, *делать переговоры → переговаривать*, *переговариваться*, *делать собрание → собираться*). И это в том случае, когда в других сочетаниях такая трансформация регулярна: *делать молотьбу → молотить*, *делать греблю → грести*, *делать пахоту → пахать*. *делать торг → торговать*, *делать вязку → вязать* (Самотик, 1974).

Если способность сочетания *делать* + вин. падеж превращаться в соотносительный глагол избегает тех сочетаний, субстантивным компонентом которых является вновь появившаяся лексема в говоре, и, таким образом, регулярная словообразовательная модель действует не до конца, то это является существенным показателем хода освоения литературных слов в говоре. Пока что

выявление зависимости перехода глагольных сочетаний *дать—давать* + вин. падеж и *делать* + вин. падеж в соотносительный по семантике глагол от присоединяемого элемента, и в частности от того, насколько стабилен данный элемент в отдельно взятой лексико-семантической системе диалекта, идет скорее случайно, чем планомерно и фронтально. Таких сведений на сегодняшний день нет. В статьях указанных авторов (Л. Я. Костючук, Л. А. Ивашко, В. Б. Силиной, Е. Н. Шестаковой, в докторской диссертации И. А. Оссовецкого и др.), где собран большой материал, основное внимание направлено на выявление семантической дифференциации в сочетаниях *делать* + вин. падеж с аналогичными образованиями литературного языка. В статье Л. Я. Костючук, например, материалы современных говоров систематизированы так, чтобы показать преемственность этой конструкции с прошлыми, древними данными (*деяти насилие*, *деяти неправду*, *деяти рубежъ*). Характер переменного компонента с точки зрения новизны его в говоре не освещается. Тем не менее в подборке фактов ретроспективной направленности у Костючук представлены субстантивные компоненты,— сочетающиеся с глаголом *делать*, новизна которых в говоре очевидна. Переменные компоненты, сочетающиеся с глаголом *делать*, продолжают заполняться новыми единицами: *делать условие*, *делать концерт*, *делать репетицию*, *делать развpат* ‘жить в браке, не оформленном юридически’.

В примерах Самотик, где подвергающиеся анализу диалектные слова тщательно сопоставлены с показаниями многочисленных, к разному времени относящихся лексикографических источников, приводится фразеологизм *делать на барахло* (*эта печка сделана-то на барахло. Вот вот — и дымоход весь. Он и не обогревает ее. Вот железку-то и подтоплям*; *ну вот, и там на барахло их делают. Раз одела — и пуговица отлетела уж* [у кофточки]). Л. Г. Самотик квалифицирует фразеологизм *делать на барахло* как новообразование, возникновение которого в изученном ею говоре она связывает с двумя причинами: во-первых, с семантической оппозицией к сочетаниям *делать* на *ять* и *делать на большой*, во-вторых, с активностью модели *делать на* наречного, оценочного содержания (в говоре зафиксировано 25 таких сочетаний). Аргументы Самотик, объясняющие

появление фразеологизма *де́лать на барахло́* в сибирском говоре, выглядят убедительно. Но как объяснить появление сочетаний той же синтаксической модели *сделать на блеск*, зафиксированное нами в говоре д. Буда Смоленской обл., если оно не поддержано серией словосочетаний, подобных сибирским, в этом диалекте? Ср. контекст: [— Я возьму тяпочку и окучу вам картошку!] — *Ни сме́й! Сваё де́ла де́лай, я сама́ сде́лаю на бле́ск, ты не уме́ешь, адну́ аку́чиш, другу́ю зары́иш, а иё равня́ть* [надо]. Думается, что стимулом для возникновения в диалектной речи наречных словосочетаний типа *сделать на барахло* или *сделать на блеск*, содержащих в себе помимо оценочного значения и определенный заряд экспрессии, является потребность в обновлении средств экспрессии вообще. В разговорных сферах широкого ареала имеются активные и устойчивые экспрессемы *сделать на большой*, *сделать на ять*, по модели которых и появляются другие сочетания, соотносительные по семантике, составляющие с ними один парадигматический ряд[83]. И если это так, то наличие соответствующей модели в языковой системе того или иного говора необязательно. В тасеевском диалекте появляется сочетание *делать на барахло* при наличии в системе говора соответствующей модели; в будянском говоре возникновение фразеологизма *сделать на блеск* не связано с формулой сочетаемости диалекта, фразеологизм подчиняется интердиалектной модели с экспрессивной семантикой (*сделать на большой*).

Сочетаемость глаголов *дать—давать* и *делать* с вновь появляющимися лексемами в диалектах подчеркивает продуктивность семантико-синтаксического свойства этих глаголов, проявляющегося в их функционировании в русском языке в целом.

Синтаксическая схема *дать—давать*, *делать* + вин. падеж заполняется, однако, по-разному в литературном языке и территориальных говорах. Как показал на большом материале литературного языка С. И. Ожегов, оба эти глагола в ряду других конструктивно близких (*иметь*, *подать*, *наводить* и др.), «утрачивая вещественное значение» и «приближаясь к функции вспомогательных глаголов» сочетаются лишь с о п р е д е л е н н ы м и

---

[83] Ср. *делать на мушку* ‘брать кого-либо на мушку’ ирк., 1965 (СРНГ).

разрядами существительных (разрядка моя.— *Т. К.*): *дать* (отпуск, расчет, выговор, отпор, отвод, отправление, залог, гудок, знак, отбой, совет, отчет, ответ, присягу, обещание, разъяснение и т. д.), *делать* (предложение, одолжение, вид и т. д.) [84] и не столь упорядоченными разрядами — в диалектах. Желание увидеть в активизации этих конструкций в говорах «продолжение литературного ряда», где на них больше обращают внимание лингвисты, представляется нам односторонним [85]. Эта модель присуща всему русскому языку. Истоки изучаемых конструкций, как мы видели, находятся в диалектной речи (ср. *дать повестку*, 1916 (СРНГ) легко трактовать как пример современного словопроизводства). Получив продолжение в литературном языке, они группируются в определенный фразеологический тип, который в наши дни в силу его содержательной и синтаксической ясности может оказывать уже вторичное воздействие на диалектную речь. Здесь, так же, как и в других случаях, налицо в з а и м о в л и я н и е двух подсистем национального языка. В распространении этих сочетаний в русском языке, будь то говоры или литературный язык, проявляется общая и единая структурно-языковая тенденция при формировании фразеологии, которую С. И. Ожегов охарактеризовал как «взаимодействие двух сил: конструктивной и смысловой» [86]. Это взаимодействие связано с теми тенденциями к аналитизму, которые, как полагают исследователи, пронизывают развитие русского языка последнего периода [87] (об аналитичности рассматриваемых конструкций писала Л. А. Ивашко, изучая их в псковских диалектах).

§ 17. Если диалектно-литературное двуязычие является особым и необходимым этапом в развитии диалектов на пути их сближения с литературным нормализованным языком [88], то правомерен и такой вопрос: какова же продолжительность этого этапа во времени. Может ли языковед заниматься каким бы то ни было прогнозирова-

---

[84] *Ожегов С. И.* Указ. соч., с. 44.
[85] *Силина В. Б.* Указ. соч., с. 167.
[86] *Ожегов С. И.* Указ. соч., с. 45.
[87] Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962, с. 52.
[88] *Баранникова Л. И.* Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967, с. 74.

нием в этом направлении, не рискуя впасть в грубые ошибки? Ответа нет, и, по-видимому, при недостаточной исследованности фактов для этой цели, пока не может и быть. Небольшие и разрозненные замечания, сделанные в этом направлении,— всего лишь «частные» прогнозы. В исследованиях по диалектной лексике нам неизвестны работы, в которых были бы изучены как минимум два синхронных среза лексико-семантической системы, совпадающих в инвентаре (наборе) лексем и семем. Подавляющее большинство работ оперируют одним временным срезом лексики: по изучению же одного состояния лексики, без сравнения во времени с другим, возможно вывести лишь косвенные и, чаще всего, гипотетические закономерности. При этом исследователь лексической системы диалекта, если он ведет свои наблюдения сам, не может не сделать чисто методологического заключения: синхронное и изолированное (вне плана сравнения с другими говорами) изучение диалектных лексических систем не позволяет установить, что малая употребительность диалектного слова есть затухание его жизни во времени или в пространстве. Этот парадокс тесно связан с языковым сознанием носителя современного говора: реакция последнего на новое слово на начальном этапе освоения и реакция на старое слово, выходящее из употребления,— одна и та же. В том и в другом случае семантический объем этих слов расплывчат, неясен, что служит основой для многообразных семантических трансформаций [89].

Возвратимся, однако, к вопросу о продолжительности во времени переходного периода в развитии современных диалектов. В последние годы, годы активной работы по сбору и систематизации местных слов для областных словарей русского языка, в некоторых лексикографических собраниях (картотеках) создались условия для сравнения различных синхронных срезов. Наиболее благоприятные сведения для этих сопоставлений можно найти в Словаре русских народных говоров. Как известно, языковые материалы этого лексикографического издания ведут свой отсчет от середины прошлого века и до наших дней. Динамика слов диалектов Ярославского региона

---

[89] *Мокиенко В. М.* Трансформация литературной лексики..., с. 112.

с 1820 по 1956 г. представлена в Кратком Ярославском областном словаре Г. Г. Мельниченко (Ярославль, 1961). Особым значком отмечены в нем местные слова, которые, имея чисто местную окраску в источниках КЯОСа, теперь уже перешли в состав общенародного языка.

В 1972 г. вышел Словарь народных говоров Западной Брянщины П. А. Расторгуева. Этот словарь решает хронологическую задачу как одну из целей книги. В подзаголовке к названию словаря читаем: «...материалы для истории словарного состава говоров». Во Введении в связи с этим пишется: «... в «Словаре народных говоров Западной Брянщины» по возможности показаны прошлое и настоящее словарного состава говоров Западной Брянщины и происходящие в нем изменения». Методика сбора и фиксации также подчинена этой задаче: «В тех случаях, когда участвующему в работе было известно приблизительно время (столетие, десятилетие) изменения значения слова, исчезновения его или появления вместо него нового слова, он должен был указать это при том слове, значение которого приводил» (с. 12). Специфическим моментом хронологических сведений в СЗБГ, по сравнению с СРНГ и КЯОС, является указание конечной точки в динамике диалектного слова, т. е. когда лексема или семема перестали употребляться в речи (ср., к примеру, слова *булка*, *вечарницы—вечорки* и под.). Хронологический рубеж в большинстве отмеченных случаев связан с концом XIX или первым десятилетием XX в. Лексика, которая подвергалась таким временным оценкам по преимуществу этнографическая: *брэкзо́тка*, *валачо́бники*, *вассиле́*, *грэна́я неде́ля* и др.

Сведения словарей уже начали поступать в научно-лексикологический оборот. Так, на базе картотеки Ярославского областного словаря, выполнена работа, задачей которой и было проследить, какие изменения произошли в некоторых группах местной лексики, зафиксированной в «Сборнике материалов для изучения Ростовского (Ярославской губ.) говора» В. Волоцкого (1902 г.) и спустя шестьдесят семь лет. Результаты этого обследования изложены Е. М. Секретовой [90]. Ее статьи

---

[90] *Секретова Е. М.* Из наблюдений над диалектной лексикой Ростовского района Ярославской области (Бытовая лексика).— Вопросы русского языка. Ярославль, 1969, вып. 5; *Она же.* Из

связаны с различными по устойчивости пластами диалектного словаря: бытовой лексикой (всегда наиболее устойчивой в говорах) и сельскохозяйственной, более подвижной и легко изменяющей свой номенклатурно-терминологический инвентарь. Выводы автора совпадают с известными в литературе вопроса наблюдениями: чем актуальнее и развитее внеязыковая сфера действительности, тем стабильнее и устойчивее местные лексико-семантические единицы (например, в ростовских говорах лексика огородничества: *володка*, *головка*, *литвина*, *товар*; *лунить*, *пересекать гряды*; *бороздник*, *каракуля*, *лунило*). Коллективное землепользование, применение сельскохозяйственной техники при организации сельскохозяйственного производства сделали ненужными в этих говорах слова, связанные, к примеру, с разделом земли в старой деревне — *дёб*, *дёбовая полоса*, *сугонье* — или некоторые единицы измерения — *лапоть*.

Устойчивость и подвижность диалектной лексики в зависимости от тематических разрядов слов изучена фрагментарно. На первый взгляд, к примеру, коренной перестройке подверглась группа слов, называющая одежду, головные уборы, обувь. Полностью исчезли, по данным Секретовой, слова *дура*, *полумерок*, *полушугай*, *свиятка*, *кичка*, *наколка*, *шлык*; и, напротив, обычны и повсеместны *байка*, *босоножки*, *жакет*, *калоши*, *кальсоны*, *кепка*, *кирзовые сапоги*, *комбинация*, *костюм*, *кофта*, *кофточка*, *крепдешин*, *купальник*, *майка*, *форма* (школьная), *штапель*, *пальто*, *платье* (примеры ЭК). Конечно, и в этой группе имеются лексические параллели литературные и диалектные, отражающие этап переноминаций: *ма́йка/голоше́йка*, или лексемы, денотативное содержание которых ра́знится с литературным языком: *костю́м* ‘пиджак’. В то же время в говорах сохраняются названия одежды, когда-то заимствованные из литературного языка, но теперь существующие в нем лишь как архаизм: *балахо́н*, *беке́ша*, *ге́йша*, *рото́нда* (Иванова, 1963). Не исключено, что сохранность их здесь объясняется тем, что на этих словах лежит печать более культурного языка.

истории сельскохозяйственной лексики говоров Ростовского района Ярославской области.— Вопросы русского языка. Диалектология и историческая грамматика. Ярославль, вып. 1, 1970.

Бесспорно основное — устойчивость местной предметно-тематической лексики предопределена устойчивостью самих реалий. Это и теперь можно подтвердить на примере сельскохозяйственной лексики, хотя, как уже было замечено, именно сельскохозяйственная лексика диалектов подверглась наиболее радикальным изменениям в советский период.

Общеизвестно, что генеральное направление в развитии сельскохозяйственной лексики диалектов в наше время — замена ее локальных единиц на единую для всего языка новую, производственную терминологию. Этот вывод, отчетливо прозвучавший уже в самом первом исследовании местной сельскохозяйственной терминологии — монографии Ф. П. Филина, неоднократно повторялся и подтверждался все новыми и свежими материалами последующих работ [91]. Итак, выпадение слов диалектов, связанных с устаревшими реалиями (*соха*, *копач*, *копоруля* и под.), активное словотворчество для обозначения реалий, входящих в диалект, т. е. формирование в ряде случаев терминов проходных (*жатвенница*, *жатка*, *самокоска*, *сенокосилка*), наконец, массовое пополнение сельскохозяйственного словаря стандартными терминами сельскохозяйственного производства (*трактор*, *комбайн*, *лущильник*, *культиватор* и др.) — все это дает повод для решительных выводов при характеристике этих процессов: «Можно считать, что в настоящее время этот процесс по существу завершен, т. е. теперь в основе сельскохозяйственной терминологии лежит специальная производственная терминология общего распространения, не знающая территориальных границ. Старая диалектная терминология сохранилась частично, в отдельных звеньях, а в основном перешла в пассивный языковой запас или исчезла полностью» [92]. И хотя трудно что-нибудь возразить относительно общих нивелирую-

[91] *Филин Ф. П.* Исследование, о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии. М.— Л., 1936, с. 74, 91, 179; *Дубровина Е. П.*, *Объедкова Л. К.* К вопросу о взаимодействии литературного языка и диалектов в советскую эпоху.— Изв. Воронежского гос. пед. ин-та, 1969, т. 68, с. 155; *Брызгалова Е. Я.* Сельскохозяйственная лексика говора русского старожильческого населения Нижнеилимского района.— Уч. зап. Иркутского гос. пед. ин-та. Иркутск, вып. 44, 1971. *Соколова А. Н.* Указ. соч., с. 33.

[92] *Баранникова Л. И.* Указ. соч., с. 84.

щих тенденций при формировании современной сельскохозяйственной терминологии в диалектах, тем не менее отдельные звенья ее все еще стабильно сохраняют архаические элементы, так что невольно возникает сомнение в полной обоснованности цитированного выше высказывания Л. И. Баранниковой. Разумеется, каждый исследователь строит свои обобщения на базе собственных наблюдений; нет говора, который в отношении отдельно взятой группы слов (по тематическому или какому-либо иному признаку) давал бы идентичные с другими результаты. Диалектные лексико-семантические системы индивидуальны; обобщающие суждения верны лишь в той мере, в какой они отражают общее направление языкового развития. Вместе с тем в отдельных говорах сельскохозяйственной же терминологии есть весьма устойчивые группы слов. Они связаны с обозначением субстанциональных признаков отдельно взятых производственных процессов. В самом деле, могла ли механизация сенокошения и сеноуборки, во много раз убыстряющая общий процесс сенозаготовки, меняющая тем самым в каких-то отношениях реальную (материальную) основу его, устранить такие этапы, как высушивание сена и связанное с этим моментом разного рода укладывание его (валы, копны, стога и т. п.)? И не случайно, именно в лексике сенокошения наблюдатели отмечают особую устойчивость архаических элементов [93]. Изменения в диалектной лексике в этом случае могут касаться разного рода семантических смещений — метонимических и особенно функциональных переносов, но отнюдь не полного исчезновения лексем. Общеизвестна роль функционального переноса в семантических сдвигах слов [94]. В качестве примера таких изменений можно привести названия укладок сена. Берутся факты собственного наблюдения из деревень Турчасово и Мякурье Архангельской обл. В говоре д. Турчасово различают три вида укладок сена: 1) первичная, на 3—4 пуда — коп-

---

[93] *Моисеев Б. А.* Сельскохозяйственная терминология в оренбургских говорах (терминология сенокошения).— В кн.: Материалы и тезисы докладов XIV итоговой научной конференции Оренбургского пед. ин-та, 1965.

[94] *Покровский М. М.* Соображение по поводу изменения значений слов.— В кн.: Избранные работы по языкознанию. М., 1959, с. 45 и сл.

на; 2) сложенный до зимы конусовидный стог на 3—4 воза; 3) стог продолговатой формы на подпорках («промежках») по количеству сена, равный 3—4 стогам второго типа.

Для обозначения этих трех видов укладок говор активно располагает словами: *ку́ча*, *ба́бка* (изредка *зарбд*) — традиционными и *копна́*, *стог* (и редко — *скирд*) — терминами общенародной сельскохозяйственной терминологии. Первые два слова отмечены в областных словарях с локальной отнесенностью к северновеликорусскому наречию; у других принадлежность их к севернорусскому региону не фиксируется. По данным словарей (здесь особенно ценны обширные показания СРНГ), слово *ба́бка* связывается с многочисленными видами укладок снопов у различных с. х. культур (рожь, ячмень, горох, лен и под.); *ба́бка* как укладка для сена отмечена всего лишь в Кадниковском у. Вологодской губ. (данные 1895—1896 гг.) (СРНГ). (Не исключено, что слово *бабка* и в говоре д. Турчасово в доколхозном хозяйстве обозначало укладку снопов [каких — ?], но с сокращением удельного веса зерновых посевов слово на основе функционального переноса перемещается в сферу сеноуборки).

Таким образом, на три вида укладок сена (т. е. три означаемых) в лексической системе говора пять означающих [95]. Слово *ку́ча* закрепляется за первым видом укладки сена, слово *ба́бка* может обозначать два других вида укладок. С какого-то момента в говоре появляются слова общенародной сельскохозяйственной лексики: *копна́*, *стог* (и редко *скирд*).

Каковы же функции этих означающих в речи? Чтобы установить это распределение, было осуществлено два вида наблюдений — непосредственное, без привлечения внимания информантов к этим словам, и с привлечением внимания. При первом типе общения в речи носителей диалекта фискируется только три слова: *ку́ча* (*ку́чить*, *скучить*) *ба́бка*, *копна́*. И лишь когда начинается уяснение различия в употреблении всех слов, т. е. прямой опрос, то появляется *копна*, *стог*, *скирд*. Само же номинирование распределяется так: I — *ку́ча*, II — *копна́*, *ба́бка* [1]; III — *ба́бка* [2], *стог* иногда (*скирд*). Итак, употре-

[95] Наблюдение производились летом в период сенокоса.

бление всех слов обнаруживает лексическую синонимию: *ба́бка*[1]—*копна* и *ба́бка*[2]—*стог*—*скирд* при назывании второго вида укладок и омонимию *ба́бка*[1] — *ба́бка*[2]. Предложенная дистрибуция означаемых и означающих в данной лексической микрогруппе, в основе которой лежит совмещение фрагментов нескольких лексико-семантических систем (неясно — скольких) обнаруживает сложность и противоречивость собственно-языковых процессов, сопровождающих диалектно-литературное лексическое взаимодействие. Сопутствующий модально-оценочный момент показывает принадлежность рассматриваемых слов к разным лексико-семантическим системам, из которых одна явно социально превосходящая: произнесение слова *ба́бка* у одной из информантов сопровождалось смущением, и тотчас же последовало исправление его на слово *копна́*.

Аналогично и в говоре д. Мякурье Архангельской области. Набор лексем здесь иной: I *ку́ча* (*ку́чить*), *копна́*, II — *ко́пна*, *стог*, *скирд* ‘небольшой стог’, III— *зарóд*, *зарóдик* ‘продолговатый стог сена на подпорках-стожарах’ (слово *ба́бка* здесь связано с укладками жита, овса, гороха). Рапределение этих слов (и соответствующих им реалий) засвидетельствовано показаниями нашего основного информанта: *Стог — скирда́ — это уже социалистическо*, *колхóзно*, *а зарóдик*, *ку́чка — это вековéчно*, *индивидуа́льно хозяйство*. В этих словах носителя диалекта заключено суждение не только о названиях укладок сена в говоре, но и о самих предметах-реалиях, с ними соотнесенными. Малая укладка сена (*ку́ча*) необходима в процессе сеноуборки; большая (на зиму), обязательно на подпорках-стожарах (*зарóд*, *ба́бка*). Итак, за актуальными по сей день, но и в то же время традиционными реалиями закреплены местные слова: *ба́бка*, *ку́ча*, *зарóд*, централизующее воздействие единой общенародной сельскохозяйственной терминологии пока места этих слов в системе диалекта не колеблет. Слово *зарóд*, так же как и *ба́бка*,— лексемы обширного ареала; СРНГ зафиксировал у *зарóда* пять значений.

Устойчивы и собственно языковые показатели у слов рассматриваемой микрогруппы: словообразовательные дериваты *зарóд—зарóдик*, *ку́ча—ку́чить*, синтаксическая сочетаемость — *зарóд мета́ть* (не *скла́дывать*, *не скирдо-*

ва́ть) [96], а глагол *копи́ть*, обычный компонент в сельскохозяйственной терминологии, вовсе не свидетельствуется носителями диалекта. Широта ареала у слова *зарóд*, соотнесенность с жизненно важной реалией благоприятствует применению его в произведениях художественной литературы, прессе, связанных с сельской тематикой, чему в немалой степени способствует авторитет таких писателей-деревенщиков, как Ф. Абрамов, В. Белов и др., изображающих в своих произведениях современную северную деревню: «*Когда два-три часа назад ей сказали, что Митрий лежит у зарода на Марьиных лугах — отощал, идти не может,— Марфа готова была волосы рвать на себе*» (Ф. Абрамов, Две зимы и три лета). Здесь *зарóд* — нейтрально-номинативная единица. Можно полагать, что широкое использование этого слова в художественной литературе и прессе является как бы заслоном против выпадения его из народной речи, оно оказывает вторичное влияние для устойчивости его там, несмотря на приход в говоры литературно-терминологических эквивалентов *стог*, *скирд*.

При определении слов *зарод* и *скирд* — в БАСе вводится указание на различие в реалиях: *зарод* ‘укладка сена; *скирд* не только сена, но и соломы, снопов’; слово *зарод* дано с пометой *обл.*

Устойчивость диалектных слов не отвергает влияния всеобщей терминологии колхозного и совхозного производства полностью. Таких говоров уже нет, как нет и мест, до которых не доходила бы пресса, радио, ежедневно и регулярно обсуждающие хозяйственно-экономические вопросы. В процессах освоения общенародной сельскохозяйственной лексики, особенно отдельных звеньев ее, сильны пассивные формы речевой деятельности. Прослушивание, чтение в структуре речевого акта соответствуют лишь одной стороне его — пониманию, в то время как другая сторона этого акта — выражение — не загружена. В этом заключена основа пассивного диалектно-литературного двуязычия.

Аналогичное можно наблюдать и в названиях построек и жилищ: *изба*, *дом*, *хата*; *середа*, *чулан*, *кухня*; *сени/сенцы*, *мост*, *коридор* (Руделев, 1958); *изба*, *хата*, *дом* (Гольдин,

---

[96] Один раз отмечено *стоговать*.

1969); *горенка*, *изба*, *квартира*, *комната*, *передняя* (арханг. собств. набл.).

Следует иметь в виду, что связь «устойчивость — вытесняемость» слов при диалектно-литературных контактах в русском языке еще требует дальнейшего изучения. Здесь не все ясно. Нуждаются в проверке некоторые, казалось бы, бесспорные истины. Например, только ли фактор «устойчивость реалии» определяет стабильность слова в диалектной речи? Насколько универсальны отдельные закономерности при лексических заимствованиях в контактах межъязыковых и литературно-диалектных, если иметь в виду, что в целом они относятся к явлениям «лексической динамики» [97].

В отдельных тематических группах наличие реалии еще не исключает подвижности и локальной «вытесняемости» у одних слов при устойчивости других. Так, в древней группе лексики «человек» общерусскими словами будут (многие из которых общеславянские) — *человек*, *голова*, *нога*, *спина*, *тело*, *сердце*, *ухо*, *мозг* и под., а варьирующимися по местностям — названия более мелких частей человеческого тела: *ша́шки*, *щи́колотки*, *лоды́жки*, *пятире́шка* ‘кисть руки’, *мосля́к* — *мосо́л* ‘большая бедренная кость’ (Чусова, 1969); *мосо́л* ‘кость’, *мосля́к* ‘кость’, ‘скула’ (Деул.); *лала́ки* ‘десны’, *подпа́зуха* ‘подмышки’, *пёрст* ‘палец’, *мизи́нок* ‘мизинец’, *ко́стки* ‘суставы пальцев’, *моклок* ‘бедренная кость’, *ля́два* ‘бедро, верхняя часть ноги’, *жи́ла* ‘вена’, ‘грыжа’, *зе́нки* ‘глаза’ (Ивашко, Мжельская, 1975); *бородавка* ‘сосок на груди’, *бру́ди*, *ву́стины*, *ву́сты*, *голёнка*, *горбу́ша*, *зя́бки*, *зя́бры* ‘челюсть’ и др. (Суетенко, 1969).

Как бы ни была интересна и показательна в своих подробностях эмпирия фактов, она уводит нас от поставленного ранее вопроса о продолжительности этапа перестройки диалектных лексико-семантических систем в условиях диалектно-литературного двуязычия. Последнее манифестируется в многообразных полудиалектных язы-

---

[97] Ср. интересные замечания и наблюдения Л. П. Якубинского, занимавшегося лексическими заимствованиями из финского языка в северные русские говоры, о влиянии таких факторов как номинативная нейтральность лексики и стилистическая маркированность ее или отнесенность слов к мужскому/женскому лексикону и др. (*Якубинский Л. П.* Несколько замечаний о словарном заимствовании.— В кн.: Язык и литература, т. 1. Л., 1926).

ковых структурах. Неизменную поддержку себе они находят в социально-возрастном, образовательном и профессиональном расслоении любого диалектного коллектива. Этот же момент важен для выявления языкового процесса говора. Ф. П. Филин так конкретизировал это общее положение: «Вытеснение лексических диалектизмов происходит везде одинаково: местное слово сначала выходит из употребления у культурно-передовых колхозников, потом и вовсе переходит в разряд «пассивного лексического запаса»» [98]. Такая ступенчатая социальная зависимость для исчезновения старых слов в говоре, по существу, имеет место и теперь, с той разницей, что она охватывает в неизмеримо большей пропорции все новые и новые группы слов. В наше время идея о связи языковых изменений в говоре и социально-возрастной дифференциации стала всеобщей. А. Н. Соколова приводит мнение немецких диалектологов, которые признают социальный аспект в современных диалектологических исследованиях как важнейший; он наряду с факторами времени и пространства является «третьим измерением» говора [99]. Социально-возрастная дифференциация носителей диалектной речи лежит в основе функционального распределения синонимических и стилистических средств в лексической системе говора, их стилевой и смысловой иерархии.

В 30-е годы, когда много говорилось о темпах языковых изменений в русском языке, интенсивности смены языковых средств отводилась особенно важная роль. Л. В Щерба писал: «...опыт нашей революции показал, что резкое изменение языкового материала неминуемо влечет изменение речевых форм даже у пожилых людей; масса слов и оборотов, несколько лет тому назад казавшихся дикими и неприемлемыми, теперь вошла в повседневное употребление» [100]. Об этом же читаем и у Н. М. Каринского: «...в эпоху после революции влияние современного литературного языка [на крестьянские говоры.— *Т. К.*]проходит с чрезвычайной быстротой и интенсивностью в сравнении с тем, как шло влияние городского языка в дореволюционную

---

[98] *Филин Ф. П.* Новое в языке колхозной деревни.— Литературный критик, 1936, вып. 3, с. 147.

[99] *Соколова А. Н.* Указ. соч., с. 30.

[100] *Щерба Л. В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.— В кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с. 29.

эпоху. Оно охватывает гораздо более широкие общественные круги деревни, нередко значительно изменяя даже говоры старшего поколения» [101]. Сопоставляя языковые изменения и новообразования в деревне в первые десятилетия Советской власти, А. М. Селищев считает возможным проводить уже сравнительные характеристики одного хронологического среза с другим: «Степень проникновения этих элементов [новых.— *Т. К*] в речь разных слоев деревни стала глубже и шире, чем в начале 20-х годов...» [102]

В дальнейшем же изучение массовых языковых фактов, накопленных в процессе работы над Диалектологическим атласом, многими региональными словарями и индивидуальными монографиями, прогнозирующие высказывания выглядят по-иному. Имея в виду, что говоры получают воздействие на себя со стороны литературного языка еще задолго до революции; ср. показательное в этом отношении замечание О. Брока: «Все лингвистическое развитие этих говоров [к западу от Масальска. — *Т. К.*] определяется влиянием литературного языка» [103], исследователи констатируют исключительную сложность смены слов диалектов на литературную лексику, ее долговременность и противоречивость. «Во-первых, процесс утраты диалектов характеризуется длительностью и постепенностью, как и все процессы в языке. Во-вторых, происходит не просто утрата, забвение диалектных различий, а существенная перестройка диалектных систем, в процессе которой возможно не только длительное сохранение некоторых особенностей, но и появление новых черт, возникших в результате взаимодействия диалектных систем с системами литературного языка (переходные явления, гиперизмы и т. п.). В-третьих, интенсивность и характер протекания процесса утраты диалектных различий в разных говорах весьма различны. Подобно тому, как не существует идеальных носителей языка и идеально организованных языковых коллективов, не существует и идеальных, однородных путей утраты диалектных различий. Слишком много факторов влияет на этот процесс» [104]. Характеризуя

[101] *Каринский Н. М.* Очерки языка русских крестьян. Говор д. Ванилово. М., 1936, с. 95.

[102] *Селищев А. М.* О языке современной деревни, с. 71.

[103] *Брок О.* Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916, с. 128.

[104] *Баранникова Л. И.* Просторечие как особый социальный компонент языка.— В кн.: Язык и общество, вып. 3. Изд-во Саратовского ун-та, 1974, с. 19—20.

языковые видоизменения современных говоров, М. В. Панов признает «растворение диалектов в литературном языке», но «до окончания этого процесса еще далеко» [105]. Эти справедливые суждения разделяют и наблюдатели диалектной лексики самого последнего момента [106].

Подведем итог сказанному об устойчивости традиционной диалектной лексики и о влиянии ее на освоение новых слов в говоре, другими словами — о продолжительности во времени этих процессов.

Во-первых, функционально-стилевое расслоение диалектной речи во многом оправдывает сосуществование эквивалентных вариантов, кажущихся на первый взгляд избыточными; в этом расслоении намечается отход к избирательному употреблению эквивалентных слов в зависимости от коммуникативных целей и функциональных ситуаций речи. Другими словами, принцип распределения функциональных единиц в диалекте становится похожим на нормализованный язык, что пока недооценивается исследователями. Следует, правда, иметь в виду, что факты, заполняющие это правило, открываются в итоге тщательных разысканий и изучения соотносимых языковых элементов в говоре; они скрыты глубоко, не обнаруживаются с первого взгляда, а это в свою очередь и говорит о сложности и длительности процесса.

Во-вторых, речевой акт, в котором и реализуется диалектно-литературное двуязычие, всегда протекает в форме устной речи. Устная форма речи, как известно, в значительной мере насыщена не только языковыми средствами выражения. Так как природа диалектно-литературного двуязычия всегда контактна, то все средства выражения, языковые и неязыковые, в речевом акте направлены на осуществление этой контактности. Из этого следует, что в речевой оборот втягиваются не все ресурсы диалектной языковой системы, какая-то часть ее остается за пределами употребления, несмотря на то, что в целом-то эти условия благоприятствуют взаимной замене эквивалентных слов и выражений. Анализ конкретного материала (с. 109—111) показывает, как в отдельных группах диалектной лексики переход от слова диалекта к слову литературного языка (и обратно) синтаксически конструируется в рамках од-

[105] *Панов М. В.* Русский язык.— В кн.: Языки народов СССР, т. I. М., 1966, с. 55.

[106] *Мокиенко В. М.* Трансформация, с. 112.

ного высказывания, приобретая признаки фразеологической модели.

Надо заметить, что речевые субституциональные замены в лексике, роль которых в говоре еще изучена недостаточно,— весьма существенный психологический фактор. В переходе с одной лексико-семантической системы на другую они являются тормозом.

В-третьих, ряды предметно-тематических групп слов в диалекте все еще очень устойчивы в силу своей экстралингвистической актуальности. Для них хронологическая регламентация определяется жизнью, «веком», в говоре самой предметной опоры (*зарóд*). Но в ряде случаев даже замена реалии не исключает диалектного слова из употребления. Это особенно часто происходит с названиями предметов домашнего обихода, диалектные номинации переходят здесь по функции на современные предметы, что способствует сохранению их в языковой памяти носителей диалектной речи (ср. *жарóвня* — ‘алюминиевая сковорода’); аналогично и при развитии пейоративной коннотации слова: *костри́ка — костри́чный* ‘отход при обработке льна’ → ‘капризный — о человеке’.

Обилие в диалектной речи слов с легко этимологизируемым внутренним строением также способствует продолжительности его жизни [107].

В-четвертых, лексические элементы как показывает наш анализ в современном диалекте (-полудиалекте), восходящие к нормализованному литературному языку, г. е. иной лексико-семантической системе, осваиваются говором не всегда до конца. Многочисленны примеры того, как говор осваивает лишь часть смыслового объема литературного слова; или слово живет в диалекте с иной

[107] Ср., к примеру, высказанное рядом авторов мнение об особой жизнеустойчивости в диалектной речи синонимов и дублетов с мотивированной внутренней формой, в сравнении с немотивированной (*Блинова О. И.* Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикографии.— В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика 1971. Л., 1972, с. 102; *Баранникова Л. И.* Русские народные говоры в советский период, с. 98. Аналогичны суждения и для общеязыковых изменений: «Наиболее жизненными оказываются или слова с предельно (в соответствии с возможностями языка) мотивированной формой, или же, наоборот, вообще исключающие анализ «внутренней формы» (*Шмелев Д. Н.* О некоторых тенденциях развития современной русской лексики.— В кн.: Развитие лексики современного русского языка., М., 1965, с. 15).

синтаксической валентностью. В этом случае для освоения всей совокупности смысловых признаков слова и их нюансов в том виде, как они представлены в литературном языке, должны быть продлены сроки. Поэтому в условиях современного полудиалекта особенно остро встают проблемы культуры речи.

Полудиалект в культурно-речевом отношении также противопоставлен норме литературного языка, как и диалект.

Немалое значение для интенсивности замены слов в говорах имеет смена поколений [108]. Бесспорно, она может быть заметным рубежом в процессах перестройки диалектных лексических систем. Известно также, что в самом социо-стилевом расслоении современного говора, обеспечивающем процесс лингвистической перестройки, заметная роль принадлежит возрастным группам населения деревни. Оценивая бросающиеся в глаза видоизменения диалектной речи, сами носители ее «вводят» их в обозримые хронологические границы: *Щас уш мъладёш ня так ста́ла гавари́ть, а че́рис гадо́ф два́дцать-три́дцать фсе гъвари́ли на цы́* (Деул.) (насколько объективны эти хронологические свидетельства показали бы сопоставительные исследования, но совсем не прислушиваться к ним нельзя). Однако, говоря о важности смены поколений для перестройки лексико-семантических систем говора, надо иметь в виду, что поколения не приходят на смену друг другу разом, одновременно. Смена эта постепенная, перманентная. Последовательная преемственность самого языкового процесса неизбежно сопряжена и с передачей какой-то части традиционного (в том числе и архаизирующегося) фонда лексики от уходящего поколения к новому, его сменяющему. Языковые традиции поддерживаются и определенными социально-психологическими моментами в речевой деятельности диалектного коллектива. Так, устойчив семейный язык, где диалектные лексемы и семемы находят почти исключительное применение;

---

[108] Ф. П. Сороколетов, размышляя о динамике словарного состава в современных говорах, замечает: «Об одной системе диалекта можно говорить только в том случае, если рассматриваются языковые факты, не выходящие за пределы жизни одного поколения» (*Сороколетов Ф. П.* О теоретических установках одного областного словаря.— В кн.: Современная русская лексикология. М., 1966, с. 70).

так, постоянно действен лингвопсихологический фактор (с. 141—142) возврата к исходным средствам речевого выражения, удерживающий диалектную основу речи каждого индивида в преклонном возрасте. Все это создает благоприятные условия для равновесия исконно-диалектных языковых структур. О непрерывности языковых изменений говорит и Л. В. Щерба, подчеркивая, что в русском языке советской эпохи «критерий поколения» нередко элиминируется из-за интенсивности социально-экономических и культурно-исторических перемен [109].

§ 18. Явление стилистического выравнивания касается тех равнооформленных слов говора и литературного языка, которые в этом плане неодинаково маркируются в диалекте и в литературном языке так называемых стилистических диалектизмов (*баба*, *мужик*, *девка*, *брюхо*,— стилистически снижены в литературном языке и нейтральны в диалектах) [110]. Для ряда слов этой группы в говорах наблюдается стремление преодолеть отрицательную стилевую окраску, закрепленную за ними в рамках литературного языка. Другими словами, говор начинает воспринимать литературную стилистику. Пока это касается случаев бесспорных таких единиц в лексике, как *ба́ба*, *мужи́к*, *нбне*, *надыс́ь* и под.

Накопление свежих фактов дает возможность продолжить разговор, начатый ранее, по поводу отдельных стилистических диалектизмов: *баба—мужик* и соотнесенных с ними *женщина—мужчина* [111].

Стилистическая маркированность слова *баба* в диалектах сложилась исторически, она обусловлена градацией общества в дореволюционной России. Во всяком случае, одно из значений этого слова, а именно ‘замужняя женщина’ в XIX в., как показал это Ф. П. Сороколетов, ссылаясь на Даля и другие источники, было нейтральным словом, и оно обозначало замужнюю женщину «низших

---

[109] *Щерба Л. В.* Указ. соч., с. 29.

[110] *Филин Ф. П.* Некоторые проблемы диалектной лексикографии.— Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и языка, 1966, вып. 1, с. 4.

[111] Именно слово *баба* Ф. П. Филин приводит как пример стилистического диалектизма (*Филин Ф. П.* Некоторые проблемы...); большой материал о роли этих слов в произведениях художественной литературы см.: *Оссовецкий И. А.* Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50—60-х годов.— В кн.: — Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971, с. 342—346.

сословий», т. е. жену крестьянина, рабочего или ремесленника [112].

Устойчивое употребление слова *баба* в диалектах на современном этапе значительно поколеблено применением там его литературного эквивалента *женщина*. И в этой замене сказывается не просто смена стилистически сниженного (грубого) слова *баба* на более культурное, городское *женщина*, но эти изменения наглядно свидетельствуют о полном социально-правовом равенстве женщины с мужчиной. Возможность противопоставления *бабы—женщины* говорит о том, что устоявшиеся понятия, обозначаемые этими словами, не идентичны. Вот подтверждения этому, зафиксированные в говорах: [критическая реплика:] *У нас на женщин глядят как на бабу, на бабу рязанскую* (Каринский, 1936); [в воронежских говорах, когда один колхозник на собрании употребил слово *баба*, председатель его поправил:] «*женщины, прошу не выражаться*» (Н. П. Гринкова) [113]. Привативная оппозиция слов *женщина—баба* в приведенных контекстах вытекает из сопоставления этих слов по наличию или отсутствию маркированного социально-юридического признака, характерного для того и другого слова [114].

---

[112] *Сороколетов Ф. П.* Диалектная лексика в ее отношении к словарному составу общенародного языка.— В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, с. 233—234.

[113] Цит. по кн.: *Р. И. Аванесов.* Указ. соч., с. 194.

[114] Любопытные характеристики социального процесса превращения *бабы* в *женщину* можно встретить в художественной литературе. При этом в качестве едва ли не главных аргументов выступают сами эти слова *баба* и *женщина* в их номинативном значении ‘женщина’. Читаем у Вл. Тендрякова: «Бабы, давно переставшие быть бабами, настрадавшиеся над некормленными детьми, выплакавшие слезы над похоронками... Переставшие быть бабами, но не матерями, сестрами, любящими женами» (Три мешка сорной пшеницы). А вот как «издержки» этой «эмансипации» обрисованы с грубоватым юмором у Вал. Распутина, писателя, поэтизирующего лучшие стороны деревенской жизни, уходящей стремительно и без возврата под натиском всеобщей урбанизации и технического прогресса. Трое подвыпивших деревенских мужиков, братья Илья и Михаил и их друг Степан, заговорив о теще последнего, неожиданно добрались до *бабы* и *женщины* в их общем понимании. По их представлениям, теперешняя «*баба* она, кроме того что она *баба*, она *женщина*», «ее и *бабой*-то звать нельзя, для нее это неуважительно», в масштабе государственном она — *женщина*. Вместе с тем лучшее, что есть в женщине — способность и умение трудиться, верность и терпеливость, внешнее и внутреннее достоинство — это, по их мнению, присуще *бабе*. Для жизни больше подходит *баба*, а в кино ходить,

Собирая диалектный лексический материал для региональных словарей, наблюдатели-лексикографы фиксируют многие примеры того, как информант перед своим литературно говорящим собеседником сознательно избегает слова *ба́ба*. Ср. иллюстрацию при сочетании *приведенные дети*, данное в СРДГ: *када женицца мущина на женщины, а у ниё али у няво бувають дети — вот ета приведенныи дети*. Лингвистический интерес представляют те из подобных замен, которые происходят в пределах фразеологически устойчивых словосочетаний. Так, для обозначения людской совокупности в ряде говоров употребляется словосочетание — *и мужик, и баба* ‘все поголовно’: *и наро́ду-тъ-страсть гляде́ть! И — мужи́к и ба́ба — страсть гляде́ть!*; *Ани́ събяру́ццъ вакру́х ръдничка́— и мужы́к, и ба́ба* (в Деулинском словаре оно отмечается как фразеологизм). Замена одного или обоих компонентов на литературный эквивалент, нарушение морфологической структуры фразеологизма — свидетельство глубокого проникновения литературной лексемы в говор и адаптации ее системным связям диалекта: *баси́ца-е́та лячи́ца, хо́дють у на́с мужыки́ или женщи́ны*; *Чупа́хъ — ниря́шливый. Этъ и мушшы́на и же́ншына, ни но́сит хорбшъй аде́жды, гря́знъй* (Качинская, 1972). В ЭК употребление слова *женщина* отмечено 16 раз, *мужчина* — 7. В словнике Деулинского словаря помещено новое прилагательное *мущи́нский*. Таким образом, данные деулинского диалекта не расходятся с мнением исследователей о распространении литературного слова *женщина* в говорах вообще.

Положение в говорах параллельной пары слов *мужи́к— мужчи́на* несколько иное. Слово *мужик* в границах литературного языка в значениях ‘муж’, ‘супруг’, ‘мужчина’, ‘необразованный, невоспитанный грубый человек’ содержит явную отрицательную экспрессию. В говорах в определенных речевых ситуациях, к которым прежде всего можно отнести лабораторные условия сбора диалектной

по мнению подвыпивших «социологов», конечно, лучше с *женщиной*. В городе — «кругом одни «*женщины*», похожие одна на другую, как куклы, как будто бы их на фабрике по ГОСТу делали. Они и нервны, и изнежены, ничего не умеют, к работе не приспособлены, скоро уж рожать и то разучатся... А если война,— заключает озабоченный Степан,— что тогда с этих женщин? Слезы лить да помирать? В той войне нам наполовину *бабы* помогли победить. А теперь уж и *баб*-то не остается....» (Последний срок).

лексики, обычна замена *мужика* на *мужчину*: *бык у нас был блажэ́нный, жэ́ншшин ничевб, а мужчи́на — ни пат-хади́* (ПОС, 2). Однако контексты, которые содержали бы указание на социально-правовую ущербность мужчины, то что было в паре *баба—женщина*, ни в использовании слова *мужик*, ни *мужчина* нам не встретились.

В то же время современные записи диалектной речи дают примеры того, как стилевая перестройка идет не всегда прямолинейно, т. е. один маркированный стилевой компонент заменяется на дургой, но в нее, в эту перестройку, подключаются тематически близкие лексемы, что и создает иерархическую стилевую зависимость в ряду слов единой денотативной отнесенности. Рядом со словом *баба* может быть не только обычное *женщина*, но и *дама*; при этом соотношение слов *женщина—дама* примерно то же, что и в литературном языке, т. е. говоры отражают те же социальные градации. *Да́ма тбжэ прбзвишши: Тут придёт:— Где моя да́ма? А типерь и гаварят — ни Зинайда, а да́ма.* Пояснение собирателя: ‘женщина, по внешнему виду принадлежащая к интеллигентному или состоятельному кругу’; ироническое: *дамский кашель, а туда три пуда вайдет* (КПОС). Картотека ПОС дает примеры и на использование слова *женщина*: *ра́ньше дахтароф пачти не была, вот жэ́нщины в родах памира́ли.*

В иных говорах аналогичное стилевое взаимодействие возможно и с другими словами литературного языка (*жена, супруга*), но это касается значения у слова *ба́ба* ‘жена’, которое содержит меньшую эмоциональную экспрессию, чем значение ‘женщина’ [115].

Особенно наглядны стилистические оппозиции освоения литературной лексики, когда общенародное слово находится в дублетно-синонимических отношениях с исконными словами диалекта. Некоторые исследователи, наблюдая такие пары (или ряды), автоматически переводят их в план функционально-стилевой интерпретации диалектной речи, особенно, если эти синонимизирующиеся единицы, заключенные в границы одного высказывания, получают оценки со стороны носителей говора. «Стилистически сниженными оказываются, как правило, слова просторечные и диалектно-просторечные, а стилистически возвышенными — новые заимствования из литературного

[115] *Сороколетов Ф. П.* Диалектная лексика..., с. 234.

языка. Об этом довольно убедительно говорят такие характеристики: *типерь чирдаком завуть, а раньше пъталок*; *пъталок пъ научному нъзывають чердак*; *пъ дириванцки балясник, а пъ гърацкому стакетник, присадник*; *па-нашъму сенцы, а как ученые нъзывают кълидор*» [116]. Разумеется, многие из литературных слов, эквивалентных диалектным наименованиям, действительно воспринимаются как слова более культурные (по почему «возвышенные»?). Слово *коридор*, попутно заметим, осваивается в диалектах без ареальных ограничений, и записи сопоставительного характера *по-городскому — по-нашему* в диалектных публикациях и собраниях встречаются нередко: *щас мы зовём кълидóрам, а тадá звáли мост* (Руделев, 1958); *хто крыльцó называ́е, хто — калидóрец* (КПОС).

Сознательное отношение к своей речи — отличительное и специфическое состояние речевой деятельности современного носителя диалекта. Оно органично, если иметь в виду перестройку диалектных структур, вытекающую из условий синхронного диалектно-литературного контактирования. Следствием такого сознательного отношения к своей речи и являются массовые оценочные высказывания, которые затрагивают различные языковые уровни, преимущественно фонетический и лексический, реже — морфологический [117]. Оцениваются, т. е. сопоставляются факты родного говора не только с соотносительными явлениями литературного языка, но и с другими говорами. И, наконец, направленность оценок с позиции функционального задания речи также неодинакова (это и коммуникативная заданность, и модально-оценочная).

Оценочное чувство — явление комплексное, сложное. Как показатель стилевой дифференциации диалекта, его, по-видимому, следует воспринимать лишь в совокупности с другими данными. Если бы оценочное чувство всегда касалось «правильного»/«неправильного», то его можно было бы интерпретировать как функционально сти-

---

[116] *Кретова В. Н.* Эмоционально-экспрессивные и стилистические синонимы в русских народных говорах.— Изв. Воронежского гос. пед. ин-та, 1969, т. 68.

[117] *Ухмылина Е. В.* О языковой сознательности носителей говора (на материале их высказываний о языке).— Уч. зап. Горьковского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 1967, вып. 76; *Коготкова Т. С.* Литературный язык и диалекты.— В кн.: Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970, с. 143 и сл.

листическое (мы имеем в виду высказывание Л. В. Щербы: «... у н о р м а л ь н о г о члена общества [оценочное чувство правильности или неправильности.— *Т. К.*] социально обосновано») [118]. Лишь в этом отношении единицы сопоставления, входящие в оценочные высказывания носителей диалектов, можно воспринять как стилистически противопоставленные элементы. В то же время Щерба, касаясь соотношения сознательного и автоматического, указывает, что «сознательность обыденной разговорной (диалогической) речи в общем стремится к нулю» [119]. Последнее замечание весьма существенно в приложении к диалектной речи, ибо диалогическая форма с бытовым содержанием является превалирующим видом диалектной речи вообще.

Оценочные формулы «по-вашему» — «по-нашему», «по-деревенскому» — «по-городскому» и т. п. могли бы быть действительно восприняты за социально-стилевые ориентиры речи, если бы была гарантия, что они появляются в речи а в т о м а т и ч е с к и, без «давления» наблюдателя говора. На самом деле это не так. Огромное большинство оценочных замечаний в говоре л а б о р а т о р н о. Они возникают как результат исследовательского интереса к диалектно-литературному словоупотреблению. Поэтому и языковые единицы, которые подвергаются сопоставлению в этих случаях, воспроизведены в речи искусственно. Об этом говорит набор лексем, за которым видна связь со списком слов в лексической части «Программы собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка» (*чердак/потолок*; *квашня/дежа*; *мост*, *сени/крыльцо*, *коридор*; *изба*, *хата/дом* и т. п.). Даже работа Е. В. Ухмылиной, специально посвященная «языковой сознательности» в говоре, несвободна от «Программного» отбора лексем; ср. «квашня»—«дежня», «сковородник»—«шапельник», «ухват»—«рогач», «шесток»—«загнетка», «городьба, плетень»—«прясло» и т. п. (с. 165). Налицо, таким образом, наблюдения не за спонтанным течением диалектной речи и фиксация таковой, т. е. применяется не метод «включения в языковое существование», как наиболее пригодный для этих

---

[118] *Щерба Л. В.* Указ. соч., с. 33.
[119] Там же, с. 25.

целей, а какой-то иной (или иные) приемы наблюдения за лексическими единицами говора (по-видимому,— метод прямого опроса, выспрашивания). А ведь Б. А. Ларин, обосновывая наблюдения за стилевым расслоением диалектной речи, предупреждал об опасности подхода к стилистике диалектов с готовыми схемами литературного языка, возможно, не всегда подходящими.

Если наблюдение и выявление стилистически маркированных лексем (или семем) должно быть столь осторожным в лексикографических целях, то не менее осмотрительным следует быть, квалифицируя факты смены в говоре одной стилистики (диалектной) на другую (литературную). Таково наше дополнительное замечание в ответ на отнесение литературных элементов (аналогов) в оценочных, сопоставительных высказываниях к категории высокого стиля.

Тем не менее процессы адаптации литературных слов в говоре дают примеры именно стилевого контроля. Они выявляются в определенных тематических группах, где заметна смена членения внеязыковой действительности. Изучая лексику жилища и хозяйственных построек в рязанских говорах, В. Г. Руделев показывает, как к традиционной номенклатуре названий отдельных частей крестьянского дома (*чу́лан*, *су́дния*, *сиряда́—среда́*, *запе́чь—запе́чка* и т. п.) прибавляются слова городского обихода: *прихожая*, *кухня*, *комната*, *спальня*, *зал*, *передняя* и т. п. Не все вновь появившиеся литературные названия четко разграничиваются между собой денотативно. Так, слово *зал*, неся на себе отпечаток приподнято-торжественного стиля, определяется авторами как *лит.* ‘чистая половина избы в отличие от прихожей и кухни’ или ‘комната чистая (главная) половина избы, где стоит стол в отличие от кухни’ (Руделев, 1958). СРНГ, помещая слово *зал* в свой словник, показывает такую внеязыковую отнесенность его, которая резко отличается от распространенной в городе, а следовательно, и в общенародном, литературном языке. *Зал* 1. ‘Прихожая’. На Дону в доме зажиточного казака различали прихожку или зал, стряпуху, горницу. (Бломквист). 2. Спальня. Ср. Амур. 1968. *Зала* то же, что *зал* во втором значении. Ср. Амур. 1968.

Под влиянием городского быта иногда этому соответствует и новая планировка деревенского жилища, *зал* в диалектах и городском просторечии начинает обозначать

лучшую жилую комнату [120]. Желание назвать по-новому, не по-деревенски связано с особой парадностью этой части дома. Налицо, таким образом, лексическая единица, стилистически маркированная: *Сын спит у миня́ в за́ли, а мы з до́чкой ф спа́льни* —[речь идет о двухкомнатной квартире] (смол. собств. набл.).

§ 19. Сложные и противоречивые процессы лексических взаимодействий говоров и литературного языка, перемещение слов из одной подсистемы языка в другую (и обратно) затрагивают просторечные сферы (здесь мы разделяем ту точку зрения при взгляде на просторечие, согласно которой оно является функционально-стилевой разновидностью национального языка)[121]. Социальная база просторечия расплывчата и неопределенна. В наши дни ее опору создают не только некоторые слои города, но и жители деревень, речь которых в значительной степени отошла от архаического типа диалекта. Но в том и в другом случае это — «речь лиц, недостаточно овладевших литературным языком» [122]. Негативное отношение к литературной норме лиц, пользующихся просторечием, и есть то общее, что сближает его с диалектной речью, или точнее — с полудиалектной. Лексический уровень особенно наглядно обнаруживает эту близость.

В диалектно-литературном контактировании для просторечия нередко отводится специфическая роль буфера, переходной и передаточной среды («Путь диалектного слова в литературное употребление лежит через просторечие» [123]). Заслуживает внимания и точка зрения исследователей, которые, признавая за просторечием роль «переходной ступени», в то же время видят, как оно не только объединяет литературный язык и диалекты, но и р а з д е л я е т их (разрядка моя.— *Т. К.*) [124]. Отграничение просторечной лексики от диалектной сложно, а иногда и совсем не-

---

[120] Ср. словарное определение: *зала* 'просторная, самая большая в доме комната, особенно убранная и обыкновенно смежная с передней' (Шахмат. слов.).

[121] *Филин Ф. П.* О структуре.., с. 4; *Баранникова Л. И.* Просторечие как особый социальный компонент языка, с. 5.

[122] Там же.

[123] Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка, с. 61.

[124] *Балахонова Л. И.* Диалектные по происхождению слова в современном литературном языке.— В кн.: Слово в русских народных говорах. Л., 1968, с. 19.

возможно. Говоры в огромном количестве аккумулируют в своих лексико-семантических системах просторечные лексические единицы — «элементы устной речи для грубоватого, сниженного изображения предмета мысли» [125]. Это, как мы видели, задано, определено стилевой организацией диалектной речи.

Связь просторечного и диалектного словоупотребления изучена еще недостаточно. В минувшем десятилетии просторечие оказалось в центре оживленных дискуссий, когда решались вопросы о составе словников создающихся региональных словарей.

Минуя собственно лексикографические моменты, мы в настоящем разделе останавливаемся на роли просторечия как переходной сферы между литературным языком и диалектами [126]. Как правило, внимание исследователей привлекало место просторечной лексики при лексических перемещениях на пути от диалектов к литературному языку [127]. Трехступенчатая схема, отражающая переходное место просторечия, может быть построена двояко: а) диалекты → просторечие → литературный язык и б) литературный язык → просторечие → диалекты. Сейчас нас интересует вторая схема.

Тот факт, что просторечие — это особая функционально-стилистическая сфера национального языка, с очевидностью подчеркивается нейтрализацией литературных слов, когда они в нее попадают. Достоверные сведения этого рода, не встречавшиеся нам в литературе, получены Л. А. Грузберг благодаря хорошо продуманной методике в специально поставленном ею эксперименте [128]. Семан-

---

[125] *Филин Ф. П.* О структуре..., с. 8.

[126] См.: *Коготкова Т. С.* Роль просторечия в процессах освоения говорами лексики литературного языка.— В кн.: Литературная норма и просторечие. М., 1977.

[127] Рассматривая генезис русского просторечия на материале XVIII века, Г. П. Князькова канал диалекты → просторечие выделяет специально, насыщая его многочисленными словами (*Князькова Г. П.* Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., 1974, с. 76 и сл.); это же отмечается и на материале современных говоров (*Гецова О. Г.* К проблемам диалектной лексикографии.— ВЯ, 1969, № 3).

[128] *Грузберг Л. А.* О закономерностях изменения слов современного литературного письменного языка, утверждающихся в городском просторечии.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции 17—20 июня 1970. Минск, 1970.

тическая нейтрализация в пермском городском просторечии прослеживается Грузберг на таких тематически близких рядах слов, как *диван—тахта—софа—оттоманка* и *фуфайка—свитер—джемпер—пуловер*. В результате смысловой нейтрализации тематически близкие слова становятся речевыми дублетами, закрепляя за собой один смысл, чаще близкий к родовому слову. В первом ряду — *диван*, во втором — *фуфайка*. Вместе с тем, сравнивая освоение одних и тех же слов в говоре и в городском просторечии, Грузберг подчеркивает перевес смысловой нейтрализации именно в городском просторечии, так как в территориальных диалектах освоение новых слов идет, по ее мнению, на «относительно общем культурно-бытовом фоне его носителей» (с. 61—62). С нашей точки зрения, в освоении литературной лексики в современных говорах, структура которых полудиалектна, и в городском просторечии гораздо больше общего, чем это полагает Грузберг.

Смысловая нейтрализация при освоении литературных слов есть и в диалектах (ср. *пилюля—таблетка*; *веранда—терраса*; *кювет—канава*; *банка—коробка*; *макароны—вермишель*; *передняя—комната—зала* и др.). Слова семантически нейтрализуются там и тогда, когда понятийно-содержательное наполнение их или уже стерто (это в случае устаревания слов), или еще не совсем понято и освоено (это в момент притока новых слов в диалекты из литературного языка). И здесь городское просторечие может отличаться от диалектов лишь количественно, но не в сущности самого явления. Условия некодифицированного словоупотребления, а также весьма существенные внеязыковые моменты (например, массовое перемещение сельского населения в города) сближают эти разновидности национального языка. В явлениях же освоения литературного словаря это особенно заметно.

Вернемся, однако, к схеме литературный язык → просторечие → диалекты. Каковы же сами лексические факты, заполняющие движение лексики по этой схеме? Всегда ли это лишь слова с экспрессивным зарядом типа *бу́здать*, *ширя́ть*, *ветроду́йка*, *пустогра́йка*, *кособры́лый* и под.? И возможно ли для эмоционально-экспрессивной лексики, как правило, мигрирующей в разных направлениях — и в плоскости территориального членения языка, и функционально-стилевого и диахронного — уловить изначальную прикрепленность ее к той или иной разновидно-

сти национального языка, не проделав специальных историко-этимологических разысканий? Вряд ли!

Просторечная лексика весьма устойчива во времени. В списках классификаций лексического просторечия второй половины XVIII в., предложенной Г. П. Князьковой под разным углом зрения, содержатся десятки слов, которые не изменили своей просторечно-стилевой прикрепленности до настоящего времени: *балаболка*, *балагур*, *баламут*, *бахвал*, *бестолочь*, *бишь*, *болтать*, *болтовня*, *вдругорядь*, *вдрызг*, *верзило*, *взбучка*, *волынить*, *дубина* (о человеке) и т. п. [129]

Процессы смысловой нейтрализации литературных слов западноевропейского происхождения, начатые в городском просторечии, находят продолжение в территориальных говорах. Ср. приведенный в 1-й гл. пример со словом *натýра*, или *артéль — артúль* (СРНГ), *капитáл—капитáльный* (КСРНГ) и др.

Наше внимание привлекла судьба двух гнезд слов иноязычных заимствований, бытующих в говорах, которые сами, или их словообразовательные и фразеологические дериваты, отмечаются словарями как просторечные единицы. Живое, современное употребление этих слов лицами, проживающими в городе и являющимися носителями литературного языка, служит для нас подтверждением отнесенности этих слов к просторечию: 1) *мóда*, *мóдный*, *мóдник*, *мóдница*, *мóдничать*, *мóдиться*, *мóдеть*; *мóдная пéнка* и *мóдная пéнка с кúслых щей*; 2) *нация* (фактический материал в разнообразных контекстах, а также ареальные сведения приведены нами (см. сн. 126).

Наши наблюдения за этими словами показали, что функционирование их в просторечных сферах способствует устойчивости определенных смысловых рефлексов во времени и интердиалектной локализации в пространстве.

Заимствованное на Западе в Петровскую эпоху слово *мóда* в сравнительно короткий срок семантически модифицируется. В народно-разговорном языке его ведущее значение ‘временная, изменчивая прихоть в быту, в обществе, в покрое одежде и в нарядах’ (Даль) расщепляется на два основных смысловых комплекса, что с особой наглядностью подчеркивают и оттеняют его словообразовательные и фразеологические дериваты. Один из

[129] *Князькова Г. П.* Указ. соч., с. 75.

них — метонимическое опредмечивание, называние какого-либо предмета женской одежды первоначально связанного с городской, т. е. особо авторитетной для деревни модой. Начиная со словарей XIX в. (Опыта, Даля) и кончая данными современных говоров, у слова *мóда* фиксируются значения то ‘головной девичий платок, повязанный по-городскому, концами вперед’, то просто ‘головной убор’, ‘кокошник’, ‘головной убор замужней женщины косынка’. Отголоски семантики, связанной с головным убором, встретились нам во фразеологизме *мóдная пéнка*. По свидетельству А. А. Мошевой, в предуральском регионе это сочетание связано с особым способом ношения женского головного платка. *Мóда* в нем — опорный компонент фразеологизма, означающий ‘головной платок’, *пéнка* ‘отворотик на сгибе шали или платка, шириной в два пальца’.

Предметное значение у слова *мóда* в говорах связано не только с женским головным убором, оно может обозначать и другие предметы женской одежды: ‘модное платье’, ‘сарафан’. и это осмысление сближает говоры с периферийными сферами литературного языка. Ср.: «*А брату вашему на что деньги? Жене на моды. А мне решительно все равно, есть ли у вашей belle soeur платья, или нет*». (Чехов, Тина). В БАС в комплексе второго значения оно определено как *устар.* ‘Сама модная одежда; наряды’.

Хотя описываемое слово *мóда* и не относится к лексике исконно русской, и его история в рамках национального языка непродолжительна [130], тем показательнее именно на модификации данной семемы проявляется распространенное свойство слов диалектов — соответствовать и называть близкие, но по каким-то признакам не тождественные предметы вследствие неравного членения внеязыковой действительности [131].

Продолжительную устойчивость в говорах составляют смысловые комплексы слова *мóда*, которые смыкаются с просторечными. Один из них определяется синонимичными, нелегко отделяемыми по смыслу словами: *привычка, обычай, порядок, обыкновение* и под.: *У меня нет моды*

---

[130] *Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Указ. соч., с. 380.

[131] Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962, с. 157 и сл.

деньгами платить. Всем плачу чаем да сахаром (Чехов, Писатель) [132].

Материалы КСРНГ отмечают рассматриваемое значение в диалектах с конца XIX в. и до наших дней. Отличительной особенностью этой семемы является диффузная спаянность, вследствие чего *мода* может означать и ‘индивидуальную привычку какого-либо конкретного лица’, и ‘обычай’, и ‘заведенный и устоявшийся на данное время порядок в данном коллективе и данной местности’.

На базе этого значения конструируются устойчивые словосочетания, по своему синтаксическому строению и составляющим их компонентам аналогичные литературному: *быть* (*не быть*) *в мóде*: *мóды нé было* ‘не было совсем, не знали чего-то, не употребляли’, *это что за мода*, *войти в моду*, *моду иметь*, *держать моду*. Лексический компонент *мода* легко заменим в них тождественными словами *привычка*, *обычай*, *манера*, отчего и возможны устойчивые параллельные словосочетания (*быть* (*не быть*) *в привычке*, *привычки нет* (*не было*), *что за привычка* и под.).

Смыкающееся с просторечным рассматриваемое значение в диалектах, как это верно подметил В. М. Мокиенко, описывая смысловое видоизменение слова *мода* в псковских говорах, не содержит неодобрительной (пейоративной) окраски. Оно стилистически нейтрализовано (Мокиенко, 1977).

На основе семантических компонентов значения, связанного с одеждой, одеванием, возникают деривационные образования *мóдничать*, *мóдник*, *мóдница* и под. ‘модно одеваться, франтить’. В диалектах, кроме этих слов, отмечены и иные дериваты: *модéть*/*помодéть* — сов. ‘наряжаться, щеголять’ (*Люба-то модеть любит у нас больше фсех*; *дай-ко я ф твоей-то шали помодею*) (СУГ); *мóдиться*—*модúться* ‘наряжаться, щеголять’ (СУГ); ‘модно одеваться’ (Обск.); ‘модничать, франтить’ (СГП). Эта же семантика в *мóдник*—*мóдница*—*модёна*, *модю́щий*—*модéнный* ‘очень модный’ ирон. (Кашевская, 1971).

Разнообразие ассоциаций, живых и подвижных, в живой речи стимулирует следующее семантическое производство в глагольном ряду *модéть*—*мóдиться*—*мóдничать*. *Модéть-помодéть*, ‘важничать, зазнаваться’: *А на свадьбе сидела ф строне от фсех, модела* (СУГ); *модéть* ‘ломаться,

[132] Этот смысл у слова *мода* содержался и в XVIII в. (*Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л.* Указ. соч., с. 380).

жеманничать, модничать' (СГП); *мо́диться* 'церемониться, жеманиться, деликатничать' (КЯОС), *мо́дничать* 'капризничать': *Сидит туд жо, модничает, пузыри-то надувает сидит* (о ребенке) (СУГ). Аналогично в просторечии: *мо́дничать* 'Церемониться, жеманиться' *простореч.* (Ушак).

В категории имен эта семантика также направлена на характеристику капризного и слишком разборчивого в еде человека (или животного). *Модёна* 'капризный, привередливый' (*Он у нас веть модена, нечо не ес*) (СУГ); *мо́дник* 'привередник' (*Молоко-то своё, а оне чужо-то не хочут есть-то, модники екие дак, привереднича ещё у бабаушки-то*) (Солик.). Оттенок неодобрительной экспрессии в прилагательном *модный* 'привередливый в еде' отчетливее выступает в соседстве с диалектным синонимом, если они входят в одну конкретную речевую реализацию. *Еш, Сирёжа, ры́пку* [Положила ему рыбу на кусок хлеба, внук возражает: «Я так не хочу!»] — *Не хо́чеш ишо́. Кака́-то бо́льно мо́дныё, но́тныё* (перм. Мошева).

Сильная и распространенная в действительности смысловая модель 'капризность, чрезмерная привередливость в еде — у человека и животных' ведет к появлению соответствующих собственных имен. Ср. кличку коровы *Мода* (перм.); [реплика к тёлочке:] — *Иш ты, дваря́начкая мая́, мо́нница, атчиво́ ни пьёш*? (ПОС, 2).

Рассматриваемая семантика также наблюдается и в просторечии. Ср. фразы, записанные от учителя средней школы в Подмосковье: — *Не надо, не клади, я — модный в еде* [обращение к хозяйке, положившей ему в тарелку мясо, недостаточно вкусное]; [он же о кошке:] — *Смотри́, какой модник: чёрный хлеб ест, а бу́лку с молоком — нет.*

Свойство стабильных единиц лексико-семантических систем вступать в собственно семантические процессы, подвижность синтаксических структур разговорной речи диалекта является внутренней причиной для появления новых фразеологических единиц, компонент которых *мо́дный* содержит все ту же экспрессивно-окрашенную семантику. Таков оборот *модная пенка с кислых щей* ('капризный. привередливый человек') [133], отмеченный в предуральских говорах, контаминированное образование из двух синонимичных фразеологизмов: *не́жная пе́нка с ки́слых щей* и *мо́дная пе́нка.*

[133] Фактический материал см.: *Коготкова Т. С.* Указ. соч.

Прочные и функционально целесообразные связи рассматриваемого гнезда слов со словами локально ограниченными (синонимы: *мóдный—нóтный—испотáченный—мóдная пенка—мóдная пéнка с кислых щей* ‘о капризном, привередливом человеке’) и не имеющими ареалов (*мóдный—капризный—капризничать*) могли сформироваться в результате продолжительного взаимодействия разных подсистем русского национального языка и городского просторечия в том числе.

Устойчивая смысловая модель, также относящаяся к «теме» человек, манифестируется в диалектах еще одной заимствованной лексемой — *нáция*. Так же, как в просторечии слово *нáция* в говорах ‘привычка’, ‘склонность’, ‘характер человека’. Это значение фиксируется и на разных ареалах, и в разное время. Ср. в современных пермских: [реплика к сыну] *ты брóсь э́ту нáцию дотемнá бéгать*.

Так же, как и ее смысловые аналоги (*привычка* — общенародное или *мода* — диалектно-просторечное), *нáция* в этом случае легко фразеологизируется в конструкциях типа: *что за нация* (= *что за привычка*! *что за мода*!), *шол да éхал бы куда-то*! *Што за нáцыя у тебя́*!, *кáкая нáция*!, при выражении осуждения, порицания: *ну какá у тебя́ нáцыя — фсё кудá-то бежáть. Да посидú ты дóма*.

Интердиалектное закрепление семантики и в этом случае подчеркивает связь с просторечием, о чем говорят показания БАС: *перен. простореч.* ‘нрав, наклонность, характер человека (в шутливом или ироническом употреблении’: *Собирает сплетни со всего светá. Да уж такая у него нация, что ни скажет — соврет* (Достоевский).

Смысловой отрыв *нáции* ‘привычка, склонность человека’ от ведущей социальной семантики, по-видимому, объясняется той полярностью функционально-стилистических сфер, где та и другая семантика реализуются. Мы здесь наблюдаем явление, близкое к межфункциональностилевой омонимии. Функциональной сферой *нации* ‘привычка, склонность человека’ являются диалекты и просторечие, где релевантна экспрессия. Здесь данная семема вступает в синонимические связи с другими лексемами (*мóда*). Благодаря этой синонимизации, она удерживается в речевой практике и даже получает расширительное употребление, отрываясь от обозначения характера отдельного человека, а связывается с обычаями и порядками

(в каком-то отношении) целого коллектива. В псковских говорах, в пределах одного ареала, зафиксированы такие контексты: когда *на́ция* и *мо́да* отмечены очень большой смысловой близостью. Ср.: *У нас такая нация* [перед свадьбой] — *де́вушка должна́ кро́вать купи́ть, шкаф. У на́с тако́й обы́чай*; *тепе́р похвата́ли мо́ду, за сто́л не сади́ца бе́с вина́* (Мокиенко, 1977).

Обозначение словом *на́ция* народа как этнической и языковой общности в некодифицированном диалектно-просторечном употреблении нередко смыкается с диффузным наименованием любой общности народа — территориальной, государственной и под. (*там на́ция — пермяки́ или старове́ры*). Именно это смысловое содержание закрепляется и в просторечии; см. БАС: *перен., простореч.* ‘О какой-либо группе людей (в шутливом или ироническом употреблении’.— *Детскому сословию здесь не место, потому самая крикливая нация,— откликнулся купец* (Лейкин, Шуты гороховые).

Просторечная семантика не только прочно держится в диалектной речи, некодифицированные свойства которой создают для этого благоприятные условия, но и легко воспринимается ею. На примере фразеологизма *ни грамма* мы видели недавнее продвижение в диалекты просторечно-экспрессивной лексики литературного языка. Такова же стремительная экспансия, особенно в речи младшей возрастной группы, распространенного в последнее время в разговорных сферах фразеологизма *всю дорогу* ‘все время, не переставая’, истоки которого надо искать в воровском арго [134].

Момент миграции экспрессивно-окрашенных единиц, видимо, имманентное свойство просторечия, независимо от того, городское оно или территориального говора. Л. М. Орлов, признавая за просторечием широкую форму обиходной речи и усматривая в просторечии территориального говора коренные отличия от просторечия городского, тем не менее отмечает факты передвижения просторечных элементов: в исследованный им говор из волгоградского просторечия перекочевала форма *ла́вим*, ранее там неизвестная [135].

[134] *Скворцов Л. И.* Взаимодействие литературного языка и социальных диалектов (на материале русской лексики послеоктябрьского периода). Канд. дис. М., 1966, с. 66, 98, 289.

[135] *Орлов Л. М.* Нерегулярные ударяемые гласные.— В кн.: Исследования и статьи по русскому языку. Волгоград, 1967, с. 280.

Глава 5

ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

Внеязыковая обусловленность номинационных процессов в диалектной речи • Определение объекта изучения • Влияние языковых моделей диалекта на лексические новообразования в говоре • Отграничение стационарного номинативного неологизма от экспрессивных и речевых окказионализмов • Номинации и переноминации и их временные характеристики • Распределение слов-новообразований по тематическим группам • Различие денотативной связи при номинационных процессах между диалектом и литературным языком • Мотивационный признак в диалектном словотворчестве • Атрибутивные и глагольные номинативные сочетания

§ 1. Обновление лексико-фразеологического фонда — одно из непременных условий в развитии любого языка. Сопоставление лексического фонда говоров и литературного языка, взятого на одном отрезке их исторического существования, наглядно демонстрирует многочисленные факты диалектных неологизмов, соотносимых с одним и тем же внеязыковым референтом, ибо ономасиологическая функция — постоянный признак любого естественного языка.

Изменения условий сельской жизни в советский период, особенно интенсивные и, главное, контрастные на первых порах его, годы коллективизации, всеобщее образование и другие социальные преобразования дали стимул для массового (в том числе и индивидуального) словотворчества в диалектах. Не случайно эти языковые изменения вскоре оказались в поле зрения лингвистов. Уже с конца 20-х годов к ним обращались в своих работах Н. М. Ка-

ринский, Б. А. Ларин, А. М. Селищев, Ф. П. Филин и другие исследователи русского языка. Отмечая непосредственную зависимость процессов словотворчества в диалектах от экстралингвистических изменений там, Селищев писал: «Самые предметы и явления утверждают определенное значение нового термина» [1].

Лексические новообразования в говорах связываются в первую очередь с теми экстралингвистическими сторонами, которые были новы в нашей стране вообще. Слова и даже целые фрагменты тематической лексики, относящиеся к подобным внеязыковым ситуациям, были в стадии становления и в литературном языке. Особенно заметен этот синхронный параллелизм в номинационных процессах (в городе и в деревне) для эпохальных моментов в истории нашей страны, важных в социальной истории ее. Не случайно Селищев выделяет в приложении-словаре отдельную часть, которая озаглавлена «Из прошлого в жизни колхоза» (с. 119—123).

Местное словотворчество, как правило, связано с теми реалиями (или понятиями), для которых в литературном языке нет «удобного» названия, которое могло бы быть заимствовано говором. Это либо случаи стабилизации номинации: ‘извещение о гибели на фронте в Великую Отечественную войну’ *погребёнка*, *похорóнка*, *умéршая*, *слезовáя бумáга*, либо случаи описательного обозначения и неоднословные наименования: ‘деньги старые и новые’ (в связи с реформой 1961 г. в говорах: *эти и э̀нти дéньги*, *бóльшие дéньги* (наименование по размеру бумажных купюр).

Денотативная отнесенность слов-новообразований советского периода неизбежно фрагментарна. Трудно представить идеографически однородную группу предметов (реалий), связанную с этим периодом, которая могла бы целиком в каком-либо говоре получить свои обозначения. Эти обозначения идут прежде всего из литературного языка, говор же предлагает свои номинации, либо, при запаздывании с освоением литературных слов, либо при восполнении номинационных пробелов литературного языка, если в последнем нет еще стационарной номинативной единицы для обозначения новой реалии.

---

[1] *Селищев А. М.* О языке современной деревни.— Труды МИФЛИ, М., 1939, т. 5, с. 76.

Изучение фактов лексической неологии в диалектной речи в 30-е годы входило в перечень задач, которые стояли перед лингвистами [2].

Этот исследовательский интерес проникал в программы, в вопросники, цель которых — собирать и изучать словарный состав местных говоров. В них прогнозировались стороны реальной действительности, которые в большей мере способны были порождать новые наименования [3].

Теперь, когда диалектная лексикология обособляется как самостоятельная лингвистическая дисциплина в русском языкознании, можно выразить сожаление, что подобные пункты лексических программ, связанные с изучением современных лексико-семантических процессов в диалектах, формулировались робко, а главное, когда в дальнейшем (с конца 50-х годов) началось фронтальное накопление лексических фактов для областных словарей, эти моменты не только не были взяты как руководство к действию, но в результате многочисленных обсуждений были полностью отведены и... преданы забвению. При сложившемся интересе к социально-стилевой дифференциации говоров и к системному изучению диалектной лексики и семантики сведения такого рода, в массе собранные по единой программе, трудно было бы переоценить для глобальных обобщений межтерриториального характера.

В наши дни о лексических и фразеологических новообразованиях говорится гораздо меньше, чем на заре диалектно-лексикологических исследований. Перестройку лексических систем современных диалектов по преимуществу связывают с проникновением туда элементов литературного языка, с широким влиянием их там, приводящим к внутренним изменениям диалектные лексические системы. Вот как устанавливает удельный вес собственно диалектных новообразований Л. И. Баранникова, сравнивая ход языковых изменений в литературном языке и говорах: «... в литературном языке решающее значение имеют внутриязыковые факторы, т. е. утрата старых и появление новых слов связаны прежде всего с особенностями развития самой языковой системы: новое слово, пришед-

---

[2] *Филин Ф. П.* Новое в лексике колхозной деревни.— Литературный критик, кн. третья, 1936, с. 148.

[3] *Чистяков В. Ф.* К изучению языка колхозника. Смоленск, 1935; Программа собирания материалов для изучения словарного состава местных говоров. Ярославль, 1951, с. 74.

шее на смену старому, обычно создается на материале данной лексической системы по ее законам ... в диалектах часто имеем дело не с результатами внутреннего развития системы, а с воздействием извне, влиянием, идущим со стороны другой системы» [4].

Подобное замечание может сложиться частично из-за того, что в говоре, где языковая норма не имеет кодифицированных предписаний, сложно отграничение лексического, семантического и фразеологического неологизма как стационарной единицы в системе данного диалекта от массового словопроизводства окказионального характера. С трудностями этого рода постоянно сталкиваются составители областных словарей при комплектовании словников.

Обилие окказионализмов в диалектной речи, их текучесть и кратковременность тем не менее является живым языковым материалом, который с особой наглядностью вскрывает характер внутриязыковых процессов, помогает проследить судьбу некоторых лексических новообразований, которые благодаря регулярным взаимодействиям говоров с литературным языком станут стабильными единицами русского языка в целом. «Словотворчество новой деревни не есть также лишь заимствование из литературной речи: на местах создаются новые слова с новой семантикой, которые частично уже получают «право литературного гражданства» и в целом представляют собой богатый материал для нашей литературы» [5].

Действительно, собственное производство слов в говорах, номинационные (ономасиологические) процессы по своему размаху значительно уступают лексико-семантическому воздействию литературного языка на говоры. Однако оно есть; иногда оно идет в ногу с литературным влиянием, параллельно ему, но нередко опережает его. В этом легко убедиться, наблюдая появление новых, но разных слов в городе и деревне, если они соотнесены с одним и тем же референтом, особенно на броском примере таких диалектных наименований, мотивационный признак которых не существовал в досоветское время (ср.: *будёно-*

---

[4] *Баранникова Л. И.* Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967, с. 93.

[5] *Филин Ф. П.* Исследования о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии. М.— Л., 1936, с. 185.

вец — будёновка ‘сорт помидоров, похожий на шапку-будёновку’, *красноармёйская звездочка* ‘садовый цветок космея’), *аэропланчик* ‘стрекоза’ (СРДГ).

Возникновение новых слов в современных диалектах неотделимо от общих условий их существования. Высокая контактность, диалектно-литературная и междиалектная, активизирует словотворчество в говорах. История разных языков и русского также дает многочисленные примеры особенно интенсивного создания новых слов и выражений по моделям иной системы, если этот язык переживает ситуацию повышенного межъязыкового контактирования, близкого к двуязычию [6].

Предметом изучения настоящей главы будут неологизмы диалектной речи, возникшие в рамках лексико-семантических систем диалектов; влияние же литературного языка проявляется при этом косвенно (в виде корневых морфем, аффиксов либо сильных семантических моделей, см. с. 156, 168, 229 и др.).

Соотнесение с референтом является для нас отправным приемом в установлении собственно диалектного неологизма; этому способствует сложившееся в реальной действительности противопоставление городских и сельских условий жизни. В тексте поэтому часто фигурируют понятия «города» и «деревни», под которыми имеются в виду городские и сельские условия жизни в самом широком их понимании.

Уже в первом исследовании по русской диалектной лексике, в монографии Ф. П. Филина (1936 г.), собраны и систематизированы богатейшие лексико-фразеологические новообразования колхозной деревни, тематически связанные с важнейшей группой словаря — сельскохозяйственной лексикой. В этом исследовании на примерах конкретных номинаций показано, как неодинаково возникают в диалектах лексические неологизмы в зависимости от денотативной основы, как распределяются параллельные наименования по разным говорам, разным лексико-семантическим системам, и как варьируются ново-

---

[6] *Кумахова З. Ю., Кумахов М. А.* Отражение процессов языкового взаимодействия в развитии стилистической системы языка.— В кн.: Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР. Ашхабад, 1968, с. 225; *Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М.* Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., 1975, с. 4.

образования в зависимости от характера производящей основы (см. примеры со словами *рожь*, *овес*, *пшеница* — с одной стороны, и *картофель*, *брюква* — с другой [7]).

Номинационные процессы русского языка в последние годы стали все больше привлекать внимание языковедов. При этом берутся разные аспекты в изучении их. Исследователи разговорной речи направляют свои усилия на выявление специфики приемов создания номинаций в сравнении с кодифицированным письменным вариантом языка. Устанавливая первостепенную зависимость номинационной единицы от явлений действительности, автор главы «Номинация» Л. А. Капанидзе не только полностью элиминирует языковые единицы, возникающие как обозначение вновь появляющихся референтов, но и не выдвигает этот аспект как возможный для изучения номинаций в РР и КЛЯ [8]. И это понятно. Аспект изучения номинации — новая реалия → новое слово вряд ли и мог быть осуществлен в рамках задуманного исследования. Во-первых, номинативные единицы РР и КЛЯ по существу соотнесены с одними и теми же референтами (т. е. налицо слабая противопоставленность внеязыковой основы в рассматриваемых разновидностях русского языка), во-вторых, РР и КЛЯ обслуживают один и тот же социальный состав носителей языка (т. е. один и тот же языковый опыт, языковое сознание, языковая память и др. социо-лингвистические параметры), так как РР и КЛЯ являются разновидностями речевой деятельности одного и того же лица.

Нет необходимости доказывать, что противопоставление диалектов и литературного языка в этом плане носит качественно иной характер.

Разная внеязыковая основа в говорах и в литературном языке — и есть та база для появления собственных номинативных единиц в диалектах. Но и здесь общеязыковые принципы, свойственные процессам номинации,

---

[7] *Филин Ф. П.* Исследование о лексике русских говоров, с. 151 и сл. Примечательно, что в подборке Ф. П. Филина нет фонетических вариантов слова *карто́фель*, таких как *картуфели*, *тартуфели*, *тартофели*, сопровождавших утверждение этого слова в период его вхождения в общенародный язык в XVIII в. (*Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина, Л. Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972, с. 368).

[8] См.: Русская разговорная речь. М., 1973.

такие, как слово — основная единица номинации, существительные, прилагательные, глаголы, наречия — основные грамматические категории номинации, а также распространенные приемы создания номинаций (деривация, семантические сдвиги, конверсия, сочетаемость слов), которые исследуются Капанадзе на большом и тщательно систематизированном материале, является и для нас универсальным моментом в методике отбора и систематизации материала.

Как пишется в предисловии к монографии «Языковая номинация» (М., 1977), номинация — «создание языковых единиц (слов, форм и предложений) ... исключительно сложное явление, уяснение сущности которого связано с решением целого комплекса различных проблем» (с. 3). К решению теоретических задач в проблеме номинации приступают и специалисты по русскому языкознанию. Помимо указанной главы в кн. «Разговорная речь», номинационные процессы изучаются с собственно ономасиологических позиций: соотношения мотивировочных признаков производящего слова и производного, разграничения прямой номинации и номинации разной степени метафоричности, реализации разных способов номинации в кругу однокоренных слов, роли близкозначащих слов в номинативном процессе и др. [9] Мы в характеристике фактов новообразования не касаемся этих ономасиологических моментов. Наши систематизации номинационных единиц не выходят за традиционные пределы семасиологического и словообразовательного рассмотрения.

Внеязыковой базой для номинационных процессов в современном говоре будет интенсивная смена предметно-понятийного фонда, которую переживает деревня советского периода. Лексические и семантические новообразования обнаруживаются здесь без труда благодаря проницаемости самого лексического уровня языка, непосредственно и чутко отзывающегося на экстралингвистические перемены. Однако беспредельность внеязыковой действительности диалектного языка в его временном и простран-

---

[9] См.: *Голев Н. Д.* Система номинации конкретных предметов в русском языке. Томск, 1974; *Он же.* О способе номинации.— В кн.: Вопросы русского языка и его говоров, № 2. Томск, 1976; *Федоров А. И.* Синонимы и их место в номинативном процессе.— Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук, 1976, № 3.

ственном воплощении диктует для нас необходимость неизбежного ограничения в установлении новых слов.

Наши наблюдения имеют, естественно, хронологическое ограничение. По преимуществу они связаны с советским периодом существования русских говоров и не только потому, что согласованы с хронологическими границами всего исследования в целом, но и потому, что близкая к нам действительность дает более надежный повод наблюдать взаимосвязь и взаимозависимость мира вещей (реалий) с порождающим ими миром слов-номинаций. Разумеется, эти ограничения могут быть проведены и по другим критериям (например, изучение слов-новообразований в определенной диалектной зоне или конкретно идеографические новообразования как это сделано в «Исследованиях...» Филина). Но в жестких хронологических рамках всегда имеется известная доля предположения при определении новообразования в диалектной речи, ибо исследователь не всегда располагает сведениями о членении внеязыковой действительности.

Объект нашего рассмотрения — слова-новообразования не просто зафиксированы в диалектах, но возникали там для обозначения вновь появляющихся реалий. Под словом-новообразованием (далее — СН) мы понимаем не только однословные образования, но и устойчивые словосочетания, отличающиеся цельностью номинативного значения (*безу́мной дом* — 'психиатрическая лечебница').

Лексические новообразования, интересующие нас здесь, извлечены нами по преимуществу из словников современных областных словарей; отбирались слова, снабженные пометой *нов.*, или те, «новизна» которых вытекала из толкования слова. В качестве источников использовались также статьи и материалы собственных наблюдений в экспедициях. Полученный таким образом список был выверен по словарям В. Даля, «Опыту» и «Дополнением к Опыту».

§ 2. Как во всяком спонтанно-языковом процессе в появлении местных СН основная роль принадлежит влиянию собственно языковой диалектной системы. Закономерности диалектной системы, естественно, неодинаковы в разных говорах. Отсюда неодинакова по говорам и релевантность одной и той же языковой структуры в процессах образования новых слов. В то же время, изучая современные номинационные процессы в говорах, надо иметь в виду, что

новые слова трудно отделяются от всегда существующих в языке явлений семантического преобразования слова, если последние отвечают устойчивым структурным моделям данного говора. Семантическое преобразование в этом случае связано не столько с изменением лексического значения слова, сколько с видоизменением сферы употребления, «осовременениванием» ее. Извлеченные из глубины лексической системы, эти слова начинают новую жизнь, актуальность же реалии развивает и активизирует и собственно лингвистические показатели его.

В смысловом содержании слова отсекаются и убираются те семантические стороны, которые направлены на обозначение отживающих отрезков действительности; на первый план выдвигается связь с предметами и понятиями современными. Ясное словообразовательное строение укореняет эти слова и семантику внутри современной системы. Данные современных словарей показывают лишь современную семантику; в них может отсутствовать указание на традиционные осмысления. Так, детальное обследование структурно-словообразовательных особенностей псковских говоров позволяет установить, что лексема *легковýха* ‘легковой автомобиль’ спровоцирована не только сильной для данных говоров словообразовательной моделью существительных на -уха [10] (ср.: *сын то на лигкавýхи, то на грузавýхи éздит*), но и семантикой прилагательных *лёгкий—легковóй*, традиционно применяемой к характеристике определенного вида повозок (ср.: *лёхкии сáначки дéлать, лихкавы́й, для людéй, для двух мест*; *раньше ф кáждам хазя́йстви бы́ли дрóвни и сáнки лихкавы́и*). На основе этой семантики в псковских говорах зафиксированы и иные, устаревающие значения у слова *легковýха*, ‘легкий экипаж’ (*и хади́ла на Нéском тóлько лехкавýха*); ‘извозчик легкового экипажа’ (*лехкавýха — эта леккавóй извóсчик, он сидúт закры́фшы в éтакой кибúтке*) (КПОС). Легковой автомобиль (в разговорном варианте литературного языка — *легковая машина*) в разных говорах получает разные наименования: *легковúчка, легковúк, легковýха, легковýшка, легковáя машúна* и даже (индивидуально) *мя́кая машúна*.

«Осовременивание» семантики часто настолько значительно в слове, что по результатам его можно интерпрети-

[10] *Герд А. С.* Имена существительные с суффиксами *-уха, -уша* в русских народных говорах.— В кн.: Псковские говоры, вып. 1. Псков, 1962.

ровать как новое слово. Ср. у В. Даля *агронóмка* ‘изучавшая агрономию’ и современное ‘женщина-агроном’.

СН мы отделяем и от «ложных диалектизмов», слов, пришедших в говор из литературного языка, но получивших в диалекте иное фонетическое и аффиксальное оформление. Их номинативное содержание, как правило, не отличается от своего литературно-кодифицированного варианта: *авáнц*, *лимéнты* (из *алименты*), *бильзúн* (*бензин*), *брезéнный* ‘брезентовый’, *булгáхтер*, *визилúн—визилúна*, *лисапéд*, *ветинáр* ‘ветеринар’, *лизúрка*, ‘*визир*’, *грып* ‘грипп’ и др.— (Деул.). В данном случае, как справедливо замечает Л. А. Грузберг,— «в каких бы фонетических и фонематических вариантах усваиваемое (диалектом.— *Т. К.*) слово ни бытовало и сколь бы много ни было этих вариантов, слово остается э т и м словом» [11]. Сюда же примыкают и такого рода трансформированные варианты заимствований из литературного языка, которые сближаются с собственно диалектными способами номинации на основе народного этимологизирования типа *зоотехник* → *завтéхник*, или пример народного этимологизирования *район* → *районный* (см. с. 167).

Из обширного ряда «ложных» диалектизмов, возникающих в говорах по причине формантной пестроты, исключаются слова, корневая морфема которых используется в говоре для создания нового, собственно диалектного слова. Эти слова активны в ходе номинационных процессов в диалекте. Ср., например, многочисленную группу слов, обозначающих лиц женского рода по профессии или занятиям: *дóкторка*, *фéршалка*, *медицúнка*, *почтальёнка*; а также и другие слова: *бáлльник*, *бензúнка*, *финáнс*, *бросáть на бронь*, *колхóзная пéнсия* и др.[12]

§ 3. СН создаются по определенным, отстоявшимся в языковом сознании шаблонам, по готовым формам. Э. Сепир замечает: «Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены» [13]. Однако это удобство в словообразовательной интерпре-

---

[11] *Грузберг Л. А.* К вопросу о взаимодействии литературно-письменного языка и народно-разговорной речи (о пределах влияния литературного языка на народные говоры).— Уч. зап. Пермского гос. ун-та, 1966, т. 162, с. 52.

[12] Значение таких слов и сведения об ареале их распространения см. при тематической систематизации СН.

[13] *Сепир Э.* Язык. М.— Л., 1934, с. 65.

тации СН (образованы они способом деривации или словосложения) в диалектах ставит исследователя перед необходимостью разграничивать такие понятия, как потенциальное слово, новое слово, окказиональное и индивидуальное слово, ибо эти категории неизменно сопутствуют номинационному процессу.

В последние годы в связи с общим развитием теоретической лексикологии и словообразования как ее специальной отрасли этому вопросу в приложении к литературному языку уделяется немало внимания [14]. В говоре, так же, как и в литературном языке, при необходимости обозначить новую реалию, новое явление возникают новые слова в соответствии с потенциальными возможностями языковой системы. О них писал Л. В. Щерба: «... при говорении мы часто употребляем формы, которых никогда не слышали от данных слов, производим слова, не предусмотренные никакими словарями» [15].

Убедительная и развернутая картина превращения потенциального слова в реальное в литературных языках, нарисованная А. И. Смирницким, теоретически и практически приложима к диалектному материалу: «... создание таких слов происходит как бы в самый момент их включения в связную речь, в предложение, а затем уже в речи, в предложении они выступают как готовые единицы, как если бы они ранее имелись в языке ... когда такие слова образуются удачно, т. е. из действительно существующего в языке материала и в точном соответствии с имеющимися в нем закономерностями, а также, конечно, оказываются

---

[14] *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М., 1956; *Фельдман Н. И.* Окказиональные слова и лексикография.— ВЯ, 1956, № 4; *Хохлачева В. Н.* Индивидуальное словообразование в русском литературном языке XIX века (Имена существительные).— В кн.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. 5. М., 1962; *Ханпира Э. И.* Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании.— В кн.: Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966; *Лыков А. Г.* Русское окказиональное слово. Автореф. докт. дис. М., 1972; *Земская Е. А.* Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании.— В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы республиканской научной конференции (12—15 сентября 1972). Самарканд, 1972; *Брагина А. А.* Неологизмы в русском языке. М., 1973.

[15] *Щерба Л. В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.— Изв. АН СССР. Сер. обществ. наук, 1931, № 1, с. 113.

уместными в отношении цели и условий их употребления, они могут даже совершенно не выделяться как новообразования, как произведения автора данной речи, а восприниматься как существовавшие ранее и лишь воспроизведенные, знакомые единицы. В случае наличия широкой общественной потребности в том или другом слове такого типа, соответствующее слово будет подхватываться и воспроизводиться, а также может и независимо создаваться в различных актах общения, и таким образом оно в дальнейшем окажется уже вполне реальной и несомненной единицей языка». [16]

В народной речи нередко можно столкнуться с такими мало известными словечками, в которых форма настолько органична его содержанию, что примененное в речи оно способствует полному взаимопониманию, а его «малоизвестность» становится загадкой — появилось ли это слово только что или оно уже было в языке давно. Подобный случай был приведен в журнале Русская речь (1969, № 6) и точно назван — «Старое — новое слово».

Возникшие как речевое явление, не имея какой бы то ни было фиксации на письме, потенциальные слова в диалекте текучи в процессе их употребления, а по сему в огромном большинстве неуловимы для наблюдателя. Часть их, сливаясь с метафорическими и образными средствами ситуативного значения, как правило, не фиксируется и не попадает в областные словари. Особенно заметно негативное отношение к ним в словарях строго дифференциального типа, словники которых обращены обычно к прошлому диалекта. А так как большинство областных словарей — дифференциальные, то обширные собрания диалектной лексики малоэффективны для поисков современных местных СН. Недостаточно отмечаются СН современного периода и в собственно лексикологических исследованиях. Даже в работах синхронно-современной направленности, не говоря уже о ретроспективных исследованиях, СН советского периода фиксируются и анализируются попутно без специального выделения их из ряда других структурно-семантических единиц, составляющих фактический материал.

Выделение СН в говоре сложно. Они не только потенциальны в лексико-семантических системах говоров по

---

[16] *Смирницкий А. И.* Указ. соч., с. 17—18.

характеру своего появления, но и индивидуальны по условиям функционирования. В архангельском говоре д. Мякурье Холмогорского р-на записано слово *напóр* ‘вступительный экзамен в вуз’: «*Три рас напóра делáл, три рас напóра сдавáл, все-таки поступúл*»,— сказано об одном выпускнике средней школы. Если сопоставить лексическое значение слова *напóр* с эквивалентным ему литературным словосочетанием ‘вступительный экзамен в вуз’, то нетрудно заметить «экспрессивную добавку» [17] (внутренняя форма слова, связь с глаголом *напирать* содержат это указание). По структурно-смысловому облику своему это новообразование может быть и реальной единицей говора, и потенциальной. Оно понятно не только внутри диалектного коллектива, но и тогда, когда в общение включаются носители иной языковой системы.

Мотивированность потенциального слова сближает его с реальным неологизмом. «Большинство неологизмов — мотивированные слова» [18]. Связь с четко выраженным референтом и в то же время ясное структурно-словообразовательное строение (прозрачная внутренняя форма — один из ярких признаков диалектного слова вообще [19]) способствует устойчивому воспроизведению в условиях бесписьменной устной речи говора (ср. *разжéниваться* ‘расторгать брак’ *разжéня — разжéниха* ‘расторгнувшие брак мужчина или женщина’.

В настоящей главе мы систематизируем СН, т. е. такие новообразования, которые выполняют функцию названия. Они отграничиваются от другой обширной группы слов, выражающих эмоциональную экспрессию, где в появлении их также реализуются потенциальные возможности системы говора.

Наблюдения за новообразованиями в сфере эмоционально-экспрессивной лексики особенно сложны; объективная трудность здесь заключена уже при выявлении референта. Обычно эмоционально-экспрессивная лексика

---

[17] Пример Л. Э. Калнынь, за что приношу ей свою благодарность (Запись 1974 г., февраль).

[18] *Гак В. Г.* Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языка). М., 1966, с. 20.

[19] *Федоров А. И.* Внутренняя форма слова и фразеологического оборота как средство выражения признака понятия и образного представления.— Изв. СО АН СССР. Сер. общест. наук, 1969, № 6, вып. 2.

не просто нейтрально называет внеязыковую реалию, а вносит разного рода субъективно-оценочное отношение к ней. Значительная часть из сферы экспрессивно-эмоциональной лексики в общем словарном фонде языка существует параллельно с лексикой номинативно-нейтральной; будучи соотнесенной с одним и тем же объектом действительности, экспрессивно-эмоциональные лексемы являются синонимами нейтрально-номинативных слов в целях разного рода выразительности. Что же касается диалектной речи, то, как показано во второй главе, эмоционально-экспрессивная лексика подвержена сильной междиалектной миграции. Из этого следует полная невозможность установить в процессе исследования, появилось ли свежее эмоционально-экспрессивное словечко в данном говоре, или оно пришло из других диалектов или просторечных сфер.

Вместе с тем активное и смелое словотворчество представлено в говорах очень широко. Одной из разновидностей его является создание новых слов в процессе беседы, порожденных непосредственным содержанием предшествующего контекста или внеязыковой ситуации. Н. П. Гринкова, одна из первых описавшая это явление в русских говорах советского времени и интерпретировавшая их как речевое явление, назвала эти слова словами ad hoc ‘для данного случая’ [20]. Образованные разными способами словотворчества — деривации, словосложения, словосочетания, слова ad hoc имеют различную функциональную значимость. Слова ad hoc номинативного содержания: *избу́шечная* ср.: «*Лю́дке избу́шечной аста́влю* [дочери, живущей на хуторе Избушки]; *сиде́тьница* ср.: *нет, грю, май де́ти, нъ мине́ ни наде́йтись, я ва́м ни рабо́тница, ни сиде́тьница* [старуха детям, которые ее просили сидеть, нянчить их детей]; *цари́змская война́* [война 1914—1918 гг.] (Деул.).

Однако в большинстве случаев, рассматриваемые речевые образования выражают разного рода эмоциональную экспрессию. Ср. примеры из говора д. Деулино: [Старуха, поссорившись со своим мужем, говорит об этом так, сравнивая свою ссору со ссорой молодых соседей:] — *Ну*

---

[20] *Гринкова Н. П.* Из наблюдений над лексикой и фразеологией русских диалектов.— В кн.: Вопросы славянского языкознания, 1. Львов, 1948, с. 216.

уж и́м-ть и мо́жнъ приби́ть [друг друга] *пътаму́ — нидахва́тки, а мы чяво́ дярёмси? Пиряхва́тки!*; *грязну́ха ли, бялу́ха ли я, нихто́ мине́ ни ткно́ть*; *набро́нются, ска́жуть*: *—Нямы́тка! — А ты́ дамы́тка?*; *Щяс в дастáтках, а дахва́тках живём, а тада́-та жы́ли*; *де́так вади́ть — нидасы́пак, нидае́дак*; *на све́ти-та живёшъ — и надахва́тки и пиряхва́тки*; [шутливое, о детях своей улицы:] *тут фся́ких и ле́тошникъф и ны́нишникъф* [*ле́тошник* — 'теленок двух лет'].

Так как диалектные СН и слова ad hoc не были предметом специального рассмотрения, по отношению к ним используются разные термины — неологизмы, окказионализмы, слова ad hoc, нередко понимаемые как синонимы.

Особенно яркую экспрессивную окраску содержат те образования ad hoc, корневая морфема которых относится к разряду бранной лексики: *иныи* [снохи] *пире́т*: *— мамаша, мамаша... а ту́т уш — чяртáша! Бáпкъ-та ни нъзаву́ть*; [*— Са́ня пае́дить*?] *— Пря́ма! Твой Са́ня-чяртáня пае́дить*! [на базар с поросятами]; *Чяво́ я ямý бу́ду де́лать, каку́ю селя́нку-лихама́нку* (Деул.).

Экспрессия разной степени проявления подчеркивается в приведенных примерах разными характерными для разговорной речи в целом средствами: созвучием (вплоть до рифмы) *грязну́ха / белу́ха*; *мама́ша / чертáша*; *Са́ня / чертáня*; *недохватки / перехва́тки*; *ле́тошник / ны́нешник*; *рабóтница / сидéтьница*; *достáтки / дохва́тки*; *недосы́пок / недоéдок*; антонимичностью семантики слова ad hoc и его порождающего в контексте: *грязну́ха—белу́ха, недохва́тки—перехва́тки, ле́тошник—ны́нешник*; эмфлитацией (нагнетением в пределах одного высказывания синонимичных слов): *рабóтница—сидéтьница, достáтки—дохва́тки, недосы́пок—недоéдок*. Это же свойство экспрессии в словах ad hoc подчеркивается негативной семантикой всего высказывания в целом.

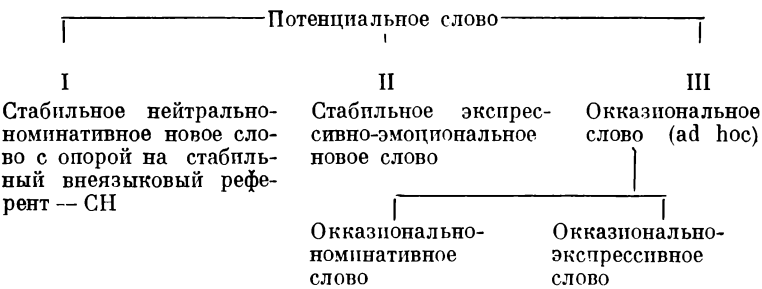
Слова ad hoc диалектов — типично речевое явление. Они легко возникают, воспринимаются и воспроизводятся. Языковая структура и механизм их появления аналогичны подобным же фактам устной речи литературного языка [21]. Исследователи проблемы словообразования на материале литературного языка определяют их

[21] *Янко-Триницкая Н. А.* Вольности устной речи.— Русская речь, 1968, № 5.

как о к к а з и о н а л и з м ы, отличительной особенностью которых является их экспрессивность и непосредственная зависимость от порождающего контекста [22].

Экспрессивные слова ad hoc в говорах, ситуативные и окказиональные речевые произведения, мы отличаем от СН, хотя, как видно из приведенного материала, это делать нелегко. Ведь течение разговорной речи предполагает подбор вдруг забытого слова или неизвестного говорящему тут же, в момент проговаривания. Ясное этимологическое строение вновь появляющихся слов в речи гарантирует акт коммуникации. В зависимости от содержания высказывания они могут быть номинативными или экспрессивными.

Подведем итог сказанному о соотношении категорий «потенциального», «нового», «окказионального» слова в диалекте:

Основным предметом внимания в настоящей главе являются слова группы I нашей схемы. В диалектной речи из-за того, что норма ее — это соответствие языковой системе, нет и не может быть индивидуальных новообразований, присущих литературному языку, которые сознательно создаются для образности и выразительности повествования и словообразовательной характеристикой которых является н е с о о т в е т с т в и е языковой системе, благодаря чему они сохраняют новизну на всем протяжении действия одних и тех же словообразовательных норм. Ср., к примеру, новообразования по непродуктивным моделям у Лескова: *Зина с Соней какие-то нылы ноющие*; *А тут народу всякого и послушники, и извозчики*,

[22] *Фельдман Н. И.* Указ. соч.; *Хохлачева В. Н.* Указ. соч., с. 66; *Лыков А. Г.* Можно ли окказиональное слово назвать неологизмом? — РЯШ, 1972, № 2, с. 86; *Земская Е. А.* Указ. соч., с. 201.

и солдаты, и приказъ — это уж самый вредный народ; — *ого! Вольтерьянин-то мой не шутит*; или у Чехова: *А то публика и звонки оборвет, и кабинет мой превратит в курильню, и говорильню; книжную выручку ввиду ее грошевитости не бери, а оставляй в кассе*; *А когда поймешь его разговорный прием, его искренность, которой нет у большинства разговорщиков, то болтовня с ним становится почти наслаждением* (Примеры Хохлачевой) [23].

§ 4. По мнению исследователей самым надежным критерием определения рождения нового слова является время. Однако уловить момент, когда оно только что появилось и, по образному выражению Н. И. Фельдман, «хрустело новизной, точно несмятый бумажный рубль», вызывает обычные и понятные затруднения не только в говоре, но и в литературном языке. Конкретные истории отдельных слов знают лишь единичные примеры, когда момент появления слова хорошо известен исследователю [24].

Наблюдения за тематическими разрядами диалектной лексики показывают, что семантические группы их в традиционном говоре в целом «заполнены». Все сколько-нибудь существенные предметы, окружающие человека, и важные их части уже названы [25]. Отсюда — зависимость появления новых слов от появления новых предметов.

Внеязыковые сферы советской колхозно-совхозной действительности, где возможны номинационные процессы, достаточно многообразны. Назовем основные. Прежде всего, это колхозное строительство в деревне: общие и производственные собрания, ревизионные комиссии; коллективная организация труда — планы, бригады, нормы выработки, учет работы, социалистическое соревнование; предметы обобществления и кооперирования; организация быта колхозников — общие и передвижные столовые, общая кухня, умывальная, прачечная, парикмахерская, санитарный надзор; детские дошкольные учреждения; медицинское обслуживание сельского населения; культурно-просветительная работа на селе — клубы, библиоте-

[23] Подробно классификацию таких новообразований в художественной литературе XIX в. см.: *В. Н. Хохлачева.* Указ. соч.

[24] См., к примеру, заметку Л. И. Скворцова о появлении слова *луноход* (Русская речь, 1971, № 3).

[25] См. тематическую часть: «Пособия-инструкции для подготовки и составления региональных словарей русского языка». М., 1960.

ки, киноустановки, избы-читальни, радиоустановки, физкультурная работа, осовиахим, МОПР, шефы; школа и народное образование, ликвидация неграмотности; семейный быт — регистрация браков, разводы; техническое оснащение сельского хозяйства новыми машинами, механизмами, инструментами; отвлеченные абстрактные понятия и др.

Двухсторонняя связь — реалия ↔ слово (по традиционной схеме Sachen ↔ Wörter) при рождении СН в говоре отражает несколько реализаций лингвопсихологического механизма речи. Главные условия этого механизма — знание, умение, навык — при номинационных процессах в говорах проявляются всегда индивидуализированно, распределяясь при этом в различных комбинациях. Наиболее распространенно для действия номинационного акта — незнание со стороны носителя диалекта литературного слова при знании реалии. Ср. в смоленских говорах: *печáтка* ‘пишущая машинка’ (*инá нъ печáтки рабóтъить, бы́стра стучи́ть*) (Иванова, 1970); в сибирских: *финáнс* ‘страховщик’ (*онá финансом ли рабóтала, страхóвки, налóги собирáла*); *прицéп* ‘киножурнал, демонстрируемый перед показом кинофильма’ (*с прицéпом киноó сегóдня*) (Солтан).

В говоре бывает, однако, когда эта двухсторонняя связь реалия ↔ слово не обеспечена не только справа, как было показано, но и слева, когда нет четкого знания реалии; имплицитный характер ее обозначения в речи или описательный становится в этом случае явлением обыкновенным. Ср. описание машины: *Самá рубáхи стирáить и самá úзбу митéть* (Деул.) —здесь совмещение признаков пылесоса и стиральной машины в одном бытовом агрегате. Другой пример многословного и приблизительного обозначения реалии ‘черного перца’ в описании солки грибов: *Атварю́ их* [грибы] *дъ в éту, в кáдъчку. Анú дянькя́ три намóкнуть, а тадá йих салю́ úха и тудú чё мне нáдать наздóбю. Я фсё брала́ припрáвы* [у знакомого грибовара]: *и лавёр, и какúи-та зёрнушки чёрниньки гóрькии-ть, и карúка какáя-ть, и гвоздúка там ...я и ни сачтý* (Деул.).

Описательный характер обозначения доярки, новой должности в колхозе, приводит Л. И. Баранникова. Пример этот интересен и тем, что показывает срок, за который говор осваивает литературное слово, которому соответ-

ствует понятная носителям диалекта реалия: «В 1938 году одна из колхозниц с. Мещерского Сердобского р-на Пензенской области не могла сказать, кем работает ее дочь в колхозе, и вместо названия должности описала ее работу: «каров даит, ухаживат за ими». Тогда как теперь нет ни одной самой старой неграмотной женщины, для которой не было бы привычно слово *доярка*» [26].

К описательному номинированию новых для говора реалий (и понятий) близка субституция тематически сходных слов; например, вм. *унитаз — урна*, вм. *докторская колбаса — врачская колбаса*, вм. *шифер — железо*, вм. *ваза — сахарница*, вм. *алюминий — железо* и под.

На речевые явления в процессах номинации в диалектной речи такие, как имплицитное выражение, лексические субституции, семантически приблизительные применения литературных слов, за чем скрывается неточное знание предмета высказывания, налагаются еще известные смещения в языковом сознании носителей диалекта, спровоцированные авторитетом литературного языка и заключающиеся в стремлении ввести в свою речь и особенно в ситуации общения с городским собеседником как можно больше городских, «культурных» слов.

Языковое сознание носителя говора для исследователя нередко з а к р ы т ы й ф е н о м е н, в котором перекрещивается сразу несколько факторов. Встретившись в говоре д. Деулино с номинативным сочетанием *ситцевый гастроном*, пытаясь осмыслить лингвопсихологическую причину его возникновения, исследователь не может сказать: а) насколько отчетливо представляет себе употребивший данное СН саму реалию — (‘магазин для продажи тканей’); прилагательное-определение *ситцевый* помогает лишь установить, что в сознании носителя диалекта множество различных торговых предприятий большого города делится на разряды, один из которых и назван им как «ситцевый гастроном»; б) реалия известна хорошо, но говорящий не знает точное слово, ее называющее, по той причине, что городские торговые предприятия имеют разные видовые наименования (*гастроном*, *универмаг*, *продовольственные товары* и т. п.); в) носитель говора хорошо знает реалию (-‘магазин для продажи тканей’), вполне располагает словами, которые могли бы эту реа-

[26] *Баранникова Л. И.* Указ. соч., с. 118.

лию обозначить (слово *магазин* в выборке литературных слов, освоенных говором д. Деулино, наиболее частотно, слова *ситцевый*, *тканевый* — тоже), но в стремлении к речи образцовой, а для жителя деревни таковой является городская речь, умышленно создает неместное номинативное словосочетание — *ситцевый гастроном*, непохожее на обычное деревенское слово.[27]

§ 5. Длительность полосы перестройки диалектных лексических систем создает специфическую особенность в номинационном потоке говоров. В частности, собственно номинационным процессам диалекта неизменно сопутствуют многочисленные переноминации. Факты переноминаций под влиянием лексики литературного языка и языка сельскохозяйственных терминосистем многочисленны и многообразны, но попадают они в поле зрения исследователя не так часто из-за отсутствия сопоставления эквивалентных лексем, взятых на разных синхронных срезах из одного говора (или группы говоров).

Начатое в 30-е годы Н. М. Каринским о ваниловском говоре и Ф. П. Филиным о селинском подобное направление в исследовании словарного состава говоров развивается пока еще недостаточно. Специальных работ (и даже обширных фрагментов в статьях и книгах на другие темы), где бы хронологически определенно прослеживалась смена массива диалектных слов на эквивалентные лексемы литературного и терминологического языка, мало. Имеются в виду сопоставления на основе анализа пассивной лексики говора деревни Княщина Староладожского сельсовета Волховского р-на Ленинградской обл., где примеры переноминаций в сельскохозяйственной лексике доказательно выстроены в единый ряд благодаря сравнению пяти хронологических срезов, относящихся к целому столетию [28]. С сожалением можно констатировать, что для многих лексических групп эти наблюдения уже невозможны, ибо процесс замены слов завершен. Те же сведения,

---

[27] А. Мейе в связи с этим писал: «... люди стараются воспроизвести речь тех, кто, живя в другой местности или занимая более высокое положение, признается говорящими лучше» (*Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.— Л., 1938, с. 57).

[28] См.: *Попов И. А.* Из истории слов пассивного лексического пласта одного северорусского говора.— В кн.: Диалектная лексика 1973. Л., 1974, с. 56.

которые встречаются в литературе об утверждении в говоре лексем литературного языка, говорят, что эта ассимиляция достаточно продолжительна во времени, особенно если конкурентом литературного слова в говоре выступает лексема, правильная со стороны структурной и семантической. Так, по наблюдениям Баранниковой и Попова в говорах широкого ареала еще в 30-х годах активно употреблялось *дойщица*, в 70-х — *доярка*; у Л. Л. Орлова в волгоградских говорах — *кордойлка* («*когда начался колхоз, называли кордоилка, а сейчас доярка*») (Орлов, 1976). Однако эти данные единичны.

Нередко процессы утверждения слов, их семантические уточнения и шлифовка идут параллельно как в говорах, так и других подсистемах русского языка— литературном и терминологическом. Название лица, которое доит и ухаживает за коровами, было еще в словаре Даля: *дойльник—дойльница*, *дойльщик—дойльщица*, *удойщик—удойщица*; в толковых словарях нашего времени (Ушакова, Ожегова) уточняются не только словообразовательные номинативные варианты — *дойльщица*, *доярка—дояр*, но видоизменяется толкование, отражая общественный характер животноводства в современной деревне: ‘работница, которая доит коров и ухаживает за ними’ [29].

Обычно стабильное название (слово) для вновь появившейся реалии устанавливается в процессах отбора конкурирующих вариантов. Так как период номинационного параллелизма в ряде случаев бывает довольно продолжительным, то однозвучащие (или близкозвучащие) номинативные варианты отмечаются как в общенародном литературном языке, так и диалектах. При этом невозможно определить, что зафиксированное в говорах СН является спонтанным порождением диалектной лексико-семантической системы, подтверждая тем самым автономную силу и жизнеспособность ее, или оно осело в говорах в результате обычных литературно-диалектных лексических миграций. Таков пример с утверждением в русском языке названия *велосипеда*. Привычное для современного языка слово *велосипед* (в говорах повсеместно его фонетический вариант — *лисопед—лисопета* и под.), еще в начале XX в.

[29] Слова *дояр — доярка* зафиксированы как термины сельского хозяйства не только в русском, но и других славянских языках: Ср. польск.: dojarz — dojarka (ВС, т. 1, с. 213.)

имело синонимы *самокат* [30], *двухколеска*, *бицикл*, *бицикле́т*, *бицикле́тка* (последнее — калька с французского bicyclette) [31].

Вариант *двухколеска* (или *двеколе́ски*) встретился нам в деулинском диалекте. Лексема эта, параллельно представленная в речи всего лишь одного лица наряду с *велосипед*, при проверке в речи других информантов не обнаружена. *Увида́ли двухкале́ску пирьвънача́ла. Го́спъди бъслави́-ой! двекале́ски, е́ть лисапе́т, ой-ой, двекале́ски прайе́хали! Лятим за ни́м ... а цяс ф ка́ждым даму́ двекале́ски стаять.* Содержание контекста («воспоминание») показывает, что СН *двухколе́ска—двекале́ски* связано с тем периодом, когда реалия 'велосипед' была очень редкой в деревне. Проходной номинативный вариант *двухколе́ска*, несмотря на легко этимологизируемую для языкового сознания носителей диалектной речи форму, заменяется литературным словом *велосипед*, перемежаясь с фонетическим вариантом *лисопе́д*' (ЭК 16 карточек-цитат).

Пример с заменой в деулинском диалекте варианта *двухколе́ска* (слова с прозрачной внутренней формой) на *велосипе́д* (слова, не ясного в говоре этимологического строения) противоречит предположениям О. И. Блиновой о причинах переноминаций в диалектной речи. Эти причины исследователь видит в особой роли конкретно-мотивирующего признака для диалектного словотворчества, в тяготении слов диалектов к выражению своей внутренней формы. В сибирских говорах, как утверждает Блинова, параллельно с иноязычными названиями или исконно-русскими с затемненной мотивировкой, появляются мотивированные слова: *алой* (*алоэ*) → *до́хтур* (*до́хтур — это але́й, а мы его дохтуром зовем: он шибко помогат*), *крапи́ва* → *ожа́льник*, *рома́шка* → *сенокосник* (*ромашку у нас сенокосником зовут: она цветет — косить траву надо*), *па́ук* → *мизги́рь* → *се́тник*; *мотыга* →

[30] Ср. замечание Бодуена де Куртене И. А.: «С некоторого времени *самокатами* называют по преимуществу велосипеды и автомобили» (Даль, изд. 3-е); «В армии же во время первой мировой войны велосипеды назывались *самокатами*, а войсковые части, осуществляющие связь межвойсковую на велосипедах — *самокатными*» (*Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1955, с. 63; см. также: *Ожегов* изд. 9-е).

[31] *Сендровиц Е. М.* О наименовании велосипеда (велосипедиста), мотоцикла (мотоциклиста).— РЯШ, 1976, № 1.

загреба́чка, *подбива́чка* (*раньше руками окучивали, подбивачка была*) [32].

Сосуществование эквивалентных слов с ясным этимологическим строением и неясным — несомненный и распространенный факт лексико-семантических систем диалектов, хотя само по себе оно еще не доказывает появления мотивированных параллелей на смену немотивированным словам, как полагает Блинова. В статье нет никаких доводов в пользу такой последовательности, а содержание некоторых из приведенных контекстов как будто говорит об обратном (ср.: *рома́шка* → *сенокбсник*, *моты́га* → *подбива́чка*). Косвенным доказательством «возраста» слов диалектов может быть и наличие их в иных ареалах [33]. Есть своя логика считать более ранним в говоре собственно диалектное, мотивированное слово, а его литературный эквивалент с затемненной этимологией, если он имеется,— более поздним освоением. Ср.: *самокат*, *двуколеска* → *велосипед* или *пешехбд* → *пратувар* ‘тротуар’, имея в виду уточняющее замечание автора: «Слово «пешеход» было распространено в 90-х годах XIX в. Теперь оно не встречается» — (СЗБГ) [34].

При синхронном взгляде на тождественные номинативные единицы диалекта, особенно если они соотнесены с реалиями традиционными, давними (*паук*, *ромашка*, *мотыга*, *крапива* и под.), которые, как известно, концентрируются в диалектах из-за столкновения временных и территориальных срезов языка, при отсутствии в руках исследователя сопоставительных сведений диахронного и ареального характера нельзя объяснить последователь-

---

[32] *Блинова О. И.* Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии.— В кн.: Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика 1971. Л., 1972, с. 96.

[33] Ср.: *се́тище*, арханг. ‘паутина’ (Даль); *дбктор* ‘алоэ’ (СРДГ); обширны деривационные образования от корня *жал-* с обозначением ‘крапивы’ в разных говорах и в разные периоды фиксации: *жа́лица* енис. 1898; *жа́льки — жа́льница* свердл. 1964; *жалю́чка* краснояр. 1965 (СРНГ); *жага́ла* ‘крапива’ клинск. собств. набл.

[34] Исчезновение в языке мотивированных слов и утверждение немотивированных характерно для исторического развития языка. В XVIII веке преобразуется синонимический ряд *лазутчик—шпион—подзорщик—подлазчик*; выпадают из языка мотивированные *подзорщик*, *подлазчик*, закрепляется немотивированное *шпион* (*Смолина К. Л.* Типы синонимических отношений в русском литературном языке второй половины XVIII в., М., 1977, с. 32—33).

ность во времени номинационного (и переноминационного) процесса в говоре. При подобных условиях изучение номинаций и переноминаций в языке вряд ли может быть оторвано от параллельного внимания и экстралингвистической ситуации (в работах по неологии современного литературного языка именно так организуются наблюдения за отбором основного слова из числа его конкурентов, ср.: *акванавт — гидранавт, океанавт*[35].

§ 6. Распределение СН по тематическим группам также условно, как всякое идеографическое членение лексики любого языка. Скрещивание в каждом объекте действительности пучка разнонаправленных признаков, что непосредственно отражает слово, соотнесенное с данным объектом, постулирует зависимость идеографических классификаций словарного состава языка от сегментации внеязыковой действительности. Принцип сегментации действительности «представляет собой внеязыковое содержание данного семантического поля», в то же время «переплетается со специфическими чертами языковой системы»[36]. *Температу́рник* ‘градусник, термометр’ — предмет из медицинской сферы; *бриток* ‘снятое молоко’ — продукт питания субстанционально близки, ибо оба слова отражают предметы. В этом их классификационная общность. В то же время распределение их по несовпадающим сферам действительности, наличие «вещности» — в одном (*температурник*) и отсутствие таковой в другом (*бриток*) составляют их различие.

Предлагаемая тематическая группировка СН также условна, но она помогает выявить актуальность внеязыкового членения действительности в современной деревне, неизбежно отраженного в словаре.

Наша тематическая классификация СН сознательно строится по идеографическому принципу, т. е. идет вслед за «темами», «понятиями», «идеями» реальной действительности, вследствие чего существительные *температу́рник, бри́тка, ба́лльник, ки́нарь, фе́ршалка, агроно́мка* попадают в разные тематические группы. Именно этим объясняется объединение в группе глагольной лексики

---

[35] *Миськевич Г. И.* Океанавт, гидронавт, акванавт.— Русская речь, 1968, № 2.

[36] *Мутафчиев Р.* Анализ за лексиката по семантичните полета. [Цит. по:] *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976, с. 25.).

глаголов субъектного действия (*шоферúть*, *бригадúрничать*) и объектного действия (*сфóтать*, *оплантовáть*).

Глагольная лексика хозяйственно-производственного содержания: *агронóмить* (Обск. обр.); *актúровать* ‘регистрировать что-либо, составляя акты’ (ПОС); *астронóмничать* (Обск. доп.); *бригадúрить* ‘быть бригадиром’ (ПОС, 2, Обск. доп.); *бригадúрить—бригадúрничать* (Симина, 1972; Обск. доп.); *брить* ‘обезжиривать молоко на сепараторе’ (ПОС); *газúровать* ‘отравлять жидкость газами’ (Обск. доп.); *конюшúть* ‘быть конюхом’ (Обск. СУГ, ИОС); *поконюшúть* (Обск. доп.); *кормовóзить* ‘возить корм‘ (Качинская); *оплантовать* ‘составить план дома, строения’ (Деул.); *тырловáться* ‘находиться на тырле, отдыхать (о скоте)’ (Орлов, 1976); *пропускáть* ‘обезжиривать молоко на сепараторе’ (Качинская, 1972); *свинáрить* (Обск. доп.); *счетовóдить* (Обск. доп.); *силосовáть*; ‘заготавливать силос’, *сойтú с рабóты* ‘уволиться, уйти с работы’; *шоферúть* (повсем.); *сфóтать* ‘сфотографировать’ (Обск.); *плотовóдить* (Обск. доп.); *опáсынковать*; *председáть* ‘быть председателем’, *штрáфиться* ‘платить штраф’ (Обск. доп.); *приэконóмить* ‘съэкономить’ — *приэконóмливать* (Обск.); *доя́рить* (Обск. обр.); *овчáрить* (СУГ); *свет гнать* ‘работать на движке, дающем электроэнергию’ (КАКС); *звеновóдить* ‘руководить звеном’ (ПОС); *кубатýрить* ‘определять кубатуру леса, заготовленного на бревна или дрова’ (Сенкевич, 1973).

Наименование лиц по профессии, занятиям; качественные наименования лиц: *овчáрка* ‘ухаживающая на ферме за овцами’ (арханг., Солик., Деул., Обск., ИОС 2); *овчáр* (КПОС); *барáнщик* ‘ухаживающий на ферме за овцами’ (ИОС); *корóвница* ‘ухаживающая за коровами’ (Филин, 1936); *дóйщица* ‘доярка (Там же, СКГ); *доúльщица* (Селищев, 1939); *выходнúца* ‘колхозница, заменяющая постоянных доярок в их выходные дни’ (СУГ); *вожáтель* ‘водитель’, *животéхник* ‘зоотехник’, *запáрщик* ‘работник животноводческой фермы, который запаривает корм для скота’, *лесоповáльщик* ‘лесоруб’, *лесничúха* ‘женщина, работающая лесным сторожем, лесником’, *маслянка* ‘женщина, работающая на маслозаводе’, *овощевóдка* ‘женщина-овощевод’, *пекарúха—пекáрщица* ‘женщина-пекарь’, *пилóвщик* ‘пильщик’, *писарúха* ‘женщина, которая пишет, умеет писать’, *пихтовáрка* ‘женщина, которая занимается изготовлением пихтового масла’ (Солик.); *животновóдка*

‘женщина-зоотехник’ (ПОС, 2); *агроно́мка* (Обск. доп.); *агроно́мша*, *агроно́мка*, (ПОС); *нардомщик*‘ заведующий клубом’ (ПОС, 2); *бури́ла* ‘работник-бурильщик’ (ПОС, 2); *заграни́чник* ‘иностранец’ (СУГ); *копново́з* ‘тот, кто возит копны’ (Обск.); *звеново́д*, *почтари́ха* ‘женщина, работающая на почте’ (Солик.); *косе́льщица*, *копне́льщица* (Чусова, 1969); *музыка́нщик* ‘музыкант’ (Обск.); *письмоно́с*, *потографи́ст* (Обск. доп.); *самолётчик* (Обск. доп КПОС, Деул.); *фотографи́ст* ‘фотограф’ (Обск.); *бара́нщик* пренебр. ‘шофер’ (ПОС); *испидёр*, *испиди́ческий* ‘член поисковой партии, экспедиции’ (Омельченко, 1971); *председа́телька* (ПОС 2), *председа́тельша*, *председа́тельница* (Обск.); *секлетари́ха* (Обск., доп.); *кофе́йница* (КПОС); *бригади́рша—бригади́рка* (Деул., Чусова, 1969); *бригади́рщик* ‘колхозный бригадир’ (СРГ Куз.); *аппара́тчик* ‘фотограф’; *капри́зка* ‘капризная женщина, девочка’ (КАКС); *ба́ндчик* ‘бандит’, *доя́рник* ‘коллектив, компания доярок’, *кварти́рщик* ‘квартирант’, *копе́нщик*, *копни́льщик—копне́льщик* ‘тот, кто делает копны’, *копново́з—копново́зчик* ‘тот, кто подвозит копны к стогу’ (ИОС); *наре́чник* ‘член словарной экспедиции’ (Деул.); *пекарни́ха* ‘то же, что *пекари́ха*’ (Обск.); *руководи́ло* ‘руководитель’; *фе́рмер-фермёр* ‘человек, работающий на ферме’ (Солик.); *бардово́з* ‘тот, кто перевозит барду’, ‘шофер’, *бардово́зец*, *парниково́дка* ‘женщина, выращивающая овощи в парниках’; *копново́з* ‘тот, кто возит копны’, *сеново́з* ‘тот, кто возит колхозное сено’ (Обск.); *молока́н* ‘водитель машины, развозящей молоко’, *куря́тница* ‘женщина, которая ухаживает за птицей на птицеферме’ (Обск., СРГ Куз); *быча́тник* ‘рабочий, ухаживающий за быками’; *молока́нщица* ‘женщина, принимающая молоко на пункте’ (Обск.); *лицо́* ‘пастух, пасущий личный скот колхозников’, ‘начальник’, *групповóд* ‘бригадир’, *звеновóд* ‘звеньевой’ (Солтан); *групповóдка* ‘звеньевая’ (СРНГ); *пека́рка* (Обск.); *копне́льщик-ца* ‘делающий копны’, *почтальёнка* ‘женщина-почтальон’ (Обск., Чусова, 1969); *почтальóнщица*, *почтальóнша* (Обск. доп.); *сельпóвник* ‘работник сельпо’, *счетовóдка* (Чусова, 1969); *съёмщик* ‘фотограф’ (Деул.); *магази́нщица* ‘продавщица’ (Латв.); *библиоте́чница*, *голуби́нщик* ‘тот, кто работает в глухом, отдаленном месте’; *брóсовка—брóшенка* ‘женщина, покинутая мужем’ (Обск. доп.); *разжени́ха* ‘женщина, расторгнувшая брак’ (СРГ Куз, СКГ, Обск. доп.); *разведёнки* ‘разо-

шедшиеся супруги' (СКГ); *учи́тельша* (СРГКуз); *клу́бщик* 'заведующий клубом', *счетово́дка*, *ухажёрка* 'женщина, ухаживающая за животными', *хожа́р* 'человек, ухаживающий за коровами', *хожа́рка* 'женщина, ухаживающая за домашней птицей', *разведёныш* 'человек, разведенный с женой' (Обск. доп.); *авто́бусник* 'шофер автобуса' (СБГ); *аппара́тчик* 'фотограф' (СБГ); *самолю́бник* 'себялюбивый человек' (Солик.); *самолю́бщица* 'самолюбивая женщина' (Обск. доп.).

Название машин, механизмов и их частей: *легкова́я маши́на*, *легкови́чка* 'легковой автомобиль', *съёмка* 'фотоаппарат', *безотло́жка* 'машина неотложной медицинской помощи' (Деул.); *бортова́я маши́на—бортову́ха* 'грузовой автомобиль с кузовом, имеющим откидные стенки' (ПОС 2); *легкови́к* (КПОС); *клеверотёрка* (Филин, 1936); *ско́рая маши́на* 'машина скорой медицинской помощи' (Ботина, 1965, Чусова, 1969); *легкову́ха* 'легковой автомобиль' (КПОС); *сбро́ска* 'жатвенная машина' (Соколова, 1971); *саморе́зка* 'сенокосилка' (Баранникова, 1967); *гекта́рка* 'прибор для измерения земельных площадей, то же, что сажень' (Обск.); *молока́нка* 'автомобиль, перевозящий молоко' (Деул.); *почто́вка* 'моторная почтовая лодка' (КАКС); *почтови́к* 'почтовый катер' (Обск.); *бука́ха* 'небольшой самолет' (ПОС, 2); *грузову́ха* (КПОС); *бардово́з* 'автомобиль, перевозящий барду', *бытова́я* 'автолавка', *стира́лка* 'стиральная машина', *башмаки́* 'гусеницы на тракторе', *пу́калка* 'трактор ДТ-20' (Солтан); *бри́лка* 'льночесальная машина', *зажига́тельная машина* 'бомбардировщик' (ПОС, 2); *маши́на-инвали́дка* 'автомобиль для инвалидов' (смол., собств. набл.); *мото́р* 'моторная лодка' (арханг. собств. набл.); *прие́мочный мото́р* 'радиола' (Майданова, 1974); *виктро́ла* 'патефон' (ИОС); *перевёсы* 'колхозные весы' (СКГ); *до́йка* 'доильный аппарат', *картошкокопа́лка*, *картошкосажа́лка*, *колеса́н—колёсник* 'колесный трактор', *наливну́шка* 'наливная баржа', *пассажи́рка* 'автомашина для пассажиров', *сепара́тная маши́на* 'сепаратор' (Обск. доп.)

Предметная лексика, обозначающая хозяйственно-бытовые предметы, реалии — результат производственной деятельности человека, продукты питания и под.: *обо́йка* 'обои', *пры́галки* 'детские скакалки', *холст* 'рулон обоев', *удобре́ние к пи́ще* 'приправа', *плете́нка* 'гамак' (Деул.); *бака́н* 'цистерна', *абажу́р* 'жестяной щиток на-

весом над дымовой трубой', *бензи́нка* 'зажигалка', *бо́мбочка* 'железная бирка с кличкой животного', *бри́тка—брито́к* 'снятое молоко', 'обрат', *стекля́нка* 'стеклянная банка', *керосси́льница* 'керосиновая лампа' (ПОС и КПОС); *моско́вка* 'водка московская' (смол., собст. набл.); *коро́бка* 'железнодорожный вагон', *лист* 'картон', *пилово́чник* 'остатки, полученные в результате распиловки дерева' (Солик.); *ку́бик—ку́бчик* 'кастрюля', *стекля́ночка литро́вая* 'литровая банка' (ИОС); *перело́мник* 'вид ружья' (Солтан); *коте́лка* 'батон колбасы' (смол. собств. набл.); *та́рка* 'бидон для молока', *души́лка* (Майданова, 1974); *пы́халка* 'пульверизатор' (арханг., собст. набл.); *ныро́к* 'трамплин' (Деул.); *померя́льник* 'складной метр' (Майданова, 1974); *постано́вка* 'мебель' (Качинская, 1972); *берли́нка* 'сорт картофеля' (СРГКуз); *соли́ло* 'зацементированное углубление в земле для солки рыбы' (СРДГ); *ве́лик* 'велосипед', *малиро́вка* 'эмалированная посуда', *подсви́тер* 'род нижней одежды', *пятидеся́тка* 'сеть с ячеей в 50 мм', *раскиду́шка* (Обск. доп.); *кукуру́зишшэ* 'поле после убранной кукурузы' (ПОС, 2).

Названия хозяйственных построек, сооружений, приспособлений: *блиндажо́к* 'любое легкое укрытие' (ПОС); *молока́н* 'молочный завод', *молока́нка* 'колхозное помещение общего пользования для сепарирования молока' (Солтан, смол., собств. набл.); *государственный свет* 'электроснабжение от государственной электростанции', *колхо́зный свет* 'электроснабжение от колхозной электрической установки' (арханг., собств. набл.); *ка́менная кварти́ра* 'квартира в каменном доме' (Солтан); *сенопу́нкт* (Симина, 1972); *конюхо́вка—конюше́нка* 'помещение при общественной конюшне для конюхов и хранения сбруи' (ИОС, Обск. доп.); *пожа́рка* 'пожарный двор', *конюхо́вская* 'помещение для сбруи' (ИОС); *ожида́ловка* 'помещение для ожидания' (Обск. доп.).

Лексика, связанная с утверждением Советской власти в деревне, колхозным строительством, колхозами: *колхо́зить—колхо́зничать* (Селищев, 1939); *коллекти́вцы—коллекти́вщики—коллекти́вные* 'члены колхоза' (там же); *поодноли́чно* (Обск. доп.); *акти́вница* 'женщина из актива бедноты' (ИОС); *кула́чить — закула́чить* 'раскулачивать' (КПОС, Обск., Деул.); *окула́чивать—выкула́чивать* 'то же' (Обск.); *жить ча́стно* 'жить единоличником', *раскомандиро́вка—раскомандирова́ть* 'распределение колхозников по рабо-

там' (Солик.); *рассчи́тывать колхо́з* 'выплачивать зарплату колхозникам', *голуби́нка*, *глуби́нка* 'государственный ссыпной (заготовительный) пункт, удаленный от административных центров и железных дорог', 2 'хлеб (зерно), вывозимый в такой пункт' (СУГ); *заколхо́зиться* 'вступить в колхоз' (Обск.); *раскула́чить*, *закула́чивание—кула́ченье—кула́чивание—окула́чивание* 'раскула̀чить, 'раскулачивание' (Обск. доп.); *всеми́рный огоро́д* 'часть поля, земля, разделенная на участки колхозников' (ИОС); *хлебоубо́рочная брига́да* 'коллективная помощь' (Старцева); *раскула́чество* 'раскулачивание', *воскре́сник* 'коллективный выход рабочих и служащих на сенокос не обязательно в воскресенье', *уйти́ за боло́то* 'быть сосланным в период раскулачивания', *лиши́ть* 'раскулачить', 'лишить имущества', *лише́нец* 1. 'раскулаченный', 2. 'человек, лишенный голоса, имущества', *лишо́нский* 'принадлежащий ранее ссыльным кулакам, лишонцам', *сравни́ловка* 'уравниловка в оплате', *поста́вить под что-либо* 'назначить на выполнение какой-либо работы в колхозе', *неусмо́тре́нная рабо́та* 'сверхурочная работа', *обкла́дывать по тве́рдому* 'заставлять платить большие налоги'; *арте́лка* 'небольшой колхоз' (Солтан); *раскрестья́нить* 'раскулачить' (Селищев, 1939); *блины́* (Филин, 1936); *па́лочка* 'трудодень' (Солтан); *зайти́ в колхо́з*, *сплошна́я* 'сплошная коллективизация', *сходи́ться колхо́зу* 'организовываться в колхоз', *разойти́сь* 'выйти из колхоза', *разгрупле́ние* 'разделение колхоза' (Солтан); *дава́льческая мука́* 'мука, которую колхозники сдают в общественную колхозную пекарню, а взамен получают готовый хлеб', *проце́нтщик* 'частное лицо, работающее в колхозе на уборке урожая, получающий определенный процент от выработанного' (Тарасенкова, 1972); *однoли́чно—одинoли́чно—однoли́чный—однoли́чница* (СРГКуз); *попа́сть под класс* 'оказаться в числе враждебных классовых элементов, *посади́ть за кра́сные о́кна* 'посадить в тюрьму', *сбить—сбива́ть коллективиза́цию*, *сбить—сбива́ть колхоз* 'организовывать колхоз' (СРДГ); *отда́ть в прину́д* 'отправить на принудительные работы' (Обск. доп.).

Лексика, порожденная новыми формами экономики и экономическими отношениями: *алиме́нтия* (КПОС); *сбро́сить с рабо́ты* 'уволить с работы', *убрать с рабо́ты* 'увольнять', *провести́ во вла́сти* 'сделать руководителем',

на вы́платку, *на вы́купку* ‘в кредит’ (Обск. доп.); *плати́ть холостя́к* ‘уплачивать налог за бездетность’, *фина́нс* ‘страховщик’ (Солтан); *спекуля́нничество—спекуля́нтство*, *закуп* ‘продажа продуктов сельского хозяйства государству’, *премирбвочка* ‘премия’ (Обск. доп.); *молодо́й стаж* ‘стаж работы, недостаточный для выхода на пенсию’, *ско́рый стаж* ‘стаж работы, приобретаемый для получения пенсии в убыстренные сроки в сравнении с обычными условиями, например, на севере’ (смол., собств. набл.); *пенсио́нка* ‘пенсия’ (Солтан); *вое́нная пе́нсия* ‘пенсия за погибшего’, *колхо́зная пе́нсия* ‘пенсия за работу в колхозе’ *совхо́зная пе́нсия* ‘пенсия за работу в совхозе’, *му́жнина пе́нсия* ‘пенсия за мужа’ (арханг., собств. набл.).

Название учреждений, организаций, заведений: *детдо́мовый* (Обск. доп.); *случа́йный магазин* ‘комиссионный магазин’ (Гринкова, 1948); *безу́мный дом* (Деул.); *дурно́й бара́к* ‘психиатрическая больница’ (Солик.); *престаре́лый дом* ‘дом для престарелых’, *роди́лка* ‘родильный дом’ (арханг., собств. набл.); *интерна́тор* ‘интернат’, *лекпу́нкт* ‘медпункт’ (Обск. доп.);

Лексика, связанная с образованием и культурной жизнью: *библиоте́чка* ‘женщина-библиотекарь’ (Чусова, 1969); *библиоте́чница* ‘то же’ (Обск. доп.); *больша́я шко́ла* ‘высшее или среднее учебное заведение’, *больши́е кани́кулы* ‘летние каникулы’, *ба́лльник* ‘школьный табель успеваемости’, *склада́ть буква́рь* ‘учиться читать по складам’ (ПОС, 1, 2); *завклу́бка*, *дире́кторша* (Сахарный, 1966); *вы́борный уча́сток* ‘избирательный участок’ (СУГ); *культу́риться* ‘становиться более культурным’ (Оссовецкий, 1968); *разно́ска* ‘почта’ ‘корреспонденция’ (Качинская, 1972); *избачи́ха* ‘женщина-избач’, *с учёной ла́вочки* ‘сразу после окончания учебы’, ‘со школьной (институтской) скамьи’, *обуче́ние* (Солик.); *фо́таться* ‘фотографироваться’ (Обск.); *сфо́тать* ‘сфотографироваться’ (Обск.); *райо́нка* ‘районная газета’, *прице́п* ‘киножурнал’, *прислу́шиваться к погоде* ‘слушать сообщение по радио о погоде’ (Солтан); *ки́нщик* ‘киномеханик’ (Обск., ИОС, КПОС, Деул., Чусова, 1969); *кино́вщик* (КПОС, СУГ); *ки́нник* ‘киномеханик’ (Деул., Чусова, 1969, КПОС); *кина́рь* (КПОС); *ки́нщица* ‘частая посетительница кино’ (Обск.); *клу́бщик* ‘заведующий клубом’ (Обск.); *день пе́сни* ‘фестиваль песни, проводимый в райцентре’, *перегово́р*, *перегово́ры* ‘телефонный междугородный разговор’

(повсем.); *потелефо́ниться* ‘переговорить по телефону’, *телефо́нить* ‘говорить по телефону’ (арханг., собств. набл.); *опеча́тать* ‘поместить в печать, опубликовать’ (Солик.); *десятиле́тница* ‘окончившая школу-десятилетку’ (Чусова, 1969); *говору́н* ‘радио’ (Селищев, 1939); *культу́рник* ‘участник студенческой самодеятельности’ (КАКС); *кино́шник* ‘тот, кто любит смотреть кино, часто ходит в кинотеатры’; *кино́шный* ‘такой, который любит смотреть кино’ (ИОС); *десятикла́ска* ‘десятилетка’ (Латв.); *гра́моту* (*не*) *име́ть* ‘быть (не) грамотным’; *ку́рсы держа́ть* ‘заниматься на курсах’ (Обск. доп.).

Лексика, связанная со службой в армии, военным обиходом: *подуче́нье* ‘Это собирают красноармейцев подучиваться’ (Селищев, 1939); *белбиле́тник* (Обск. обр.); *биле́тник*, *бракове́ц* ‘кто непригоден к воинской службе’ (Симина, 1972; ПОС, 2); *бракова́нный* ‘признанный негодным к военной службе’, *бракова́ть* ‘определять степень пригодности к воинской службе, отбирать’ (ПОС, 2); *краснобиле́тник*, *бро́сить на бро́нь* ‘предоставить отсрочку призыва в армию’, *сминусова́ть* ‘демобилизовать’ (арханг., собств. набл.); *вое́нничать* ‘находиться в армии’, ‘воевать’ (Обск.); *призы́вник* (Обск. обр.); *разбилизова́ться* ‘демобилизоваться’ (Чусова, 1969); *отва́льная* ‘праздничное собрание гостей по поводу ухода в армию’, *бригади́р в а́рмии* ‘командир отделения в армии’ (КПОС); *самоле́тчик* ‘летчик’ (Деул., КПОС), *относи́ть слу́жбу* ‘служить в армии’ (СРГКуз).

Лексика, связанная с историческими событиями: *бунта́ция* ‘мятеж, беспорядок’ (ПОС); *шабу́рник—шабуря́тник* ‘партизан гражданской войны’, *дружи́на* ‘партизанский отряд’ (Солтан); *бо́мбище* ‘воронка от бомбы’ (ПОС); *ла́герьщик* ‘надзиратель’, ‘полицай’ (КПОС).

Название одежды, обуви: *вельве́тка* ‘курточка из вельвета’, *моря́чка* ‘матросский костюм детский’ (Деул.); *бо́бочка* ‘рубашка с короткими рукавами’ (ПОС); *плю́шка—плю́шевка* ‘плюшевый жакет фабричного производства’ (КАКС, Солик, Тарасенкова, 1962,)[37]; *ла́птики*

[37] Ср. использование этого слова для передачи местного колорита в газетном очерке: «*Я с недоумением пожал плечами. И тогда Евдокия заговорила: — Слыхали, слыхали, Федор Александрович, как меня прописал... Сказывали... Пелагея сундуки накопила... Пелагея на ситцах да на крепдешинах помешалась... Две плюшевки завела... А того не слыхал, как Пелагея робила?*» (Ф. Абрамов, Лит. газ.).

'детские сандальи', *голонóжки* 'босоножки' (Солтан); *горбовúк* 'рюкзак' (СРДГ).

Лексика, связанная с болезнями, а также медицинским обслуживанием: *давлéние кровéй, мозготрясéние* 'сотрясение мозга' (Деул.); *расширéние сéрдца, биéние сéрдца* (ПОС); *бобýшка* 'таблетки' (ПОС); *пы́шечка* 'таблетка' (Деул.); *горлотúн* (КПОС); *исполня́ть декрéт, сидéть на седéлах* 'быть в отпуске по беременности' (Солик.); *поста́вить на инвали́дность, на гру́ппе* 'иметь определенную группу инвалидности' (Солтан); *уко́л дать* (Деул.); *уко́л ткнуть* 'сделать укол' (арханг.); *чéлюсть* 'вставная челюсть' (смол., собств. набл.); *псúха* 'психбольница', *зара́зник* (Обск. доп.); *докторúца—до́хторка—докторúна* 'женщина-медик вообще, независимо от квалификации' (КПОС, СУГ, Родионова-Нащокина, 1971, СРНГ); *медицúнка* 'то же самое', *фéршалка* (Чусова, 1969); *вра́чить* (Обск. доп.); *полуглаввра́ч* 'заместитель главврача' (Солтан); *фершалúца, врачúха* (Обск. обр.); *медúчка, медицúнка, ко́нный врач, врач по корóвам, до́ктор людской* или *ко́нный* (КПОС); *ско́тский врач* 'ветеринар', *температу́рник* (Обск. доп.); *докторúха, до́хтарь, дохторя́не* (КПОС); *автомúн* 'витамин' (КАКС); *не́рвик* 'нервнобольной', *не́рвиться* 'нервничать', 'злиться' (КАКС); *абордúроваться* 'делать аборт', *ско́тская медицúна* 'ветеринария' (Обск. доп.); *на передéлку* 'на аборт' (Пахотина, 1973).

Официальные бумаги, документы, деньги (субстантивная и глагольная лексика): *погребéнка* (смол., собств. набл.); *слезова́я бума́га, умéршая* 'извещение о гибели на фронте' (Деул.); *похоро́нка* (то же) (Деул., ИОС [38]); *до́кторская бума́га* 'медицинская справка', *спра́вить бума́ги* 'оформить документы', *похва́льная бума́га* 'похвальная грамота', *бума́га* 'объявление', *приказна́я бума́га* 'официальное завещание' (ПОС, 2); *диктóвка* 'образец

---

[38] Ср.: «*Время было страшное. Только что подсохшие степи юга содрогались от гула и грохота сражений — враг рвался к Волге, а тут, на моей родной Пинеге, шло свое сражение за хлеб, за жизнь. Снаряды не рвались, пули не свистели, но были «похоронки», была нужда страшная и работа*» (Ф. Абрамов, Лит. газ.). «*Чем измерить душевную стойкость старой матери, которая с каждой пришедшей с войны «похоронкой» погибала сама, но поднималась — другие-то сыновья продолжали воевать. И она мысленно заслоняла каждого сердцем*» (З. Быстрова, Правда).

для заполнения какого-либо документа' (Солтан); *взять на спи́сок* 'взять на заметку' (Диброва, 1964); *пяти́тка* 'денежная бумага размером в пять рублей' (Солик.); *эти—э́нти де́ньги* 'деньги до реформы 1961 и после реформы' (Деул.); *большие́ де́ньги* 'старые дореформенные деньги' (смол., собств. набл.); *распи́ска* 'регистрация' (Латв.); *знать все протоко́лы* 'все знать', *запи́сываться на жи́зню* 'регистрировать брак' (СРДГ).

Слова-измерения: *паю́шка* 'паек' (Деул.); *метро́вник* 'бревна, доски, дрова размером в метр' (Солик.); *поллитро́вка* 'стеклянная банка размером в поллитра' (арханг., собств. набл.).

Отвлеченная, релятивная лексика: *отве́тность*, *сурье́з* 'свойство по прилагательному *серьезный*' (Деул.); *безнаду́чность* 'отсутствие знаний, невежество', *наводи́ть вопро́сы* 'задавать вопросы', *перекома́ндовать* 'сделать иным, изменить, переделать', *психова́той* 'неуравновешенный', *самолю́бничать* 'действовать по своей воле, прихоти', *своево́льничать*, *самосу́дничать* 'то же, что *самолюбничать*', *фигуря́ться* 'упрямиться, капризничать' (Солик.); *самосозна́тельность* (арханг.); *взять кварти́ру* 'получить квартиру' (Солтан); *сре́дний*, *после́дний свет* 'социальная градация местного населения' (смол., собств. набл.); *буржу́ев потоло́к* 'чрезмерно высокий уровень (о зарплате, должности)' (ПОС, 2); *культу́рность* (Обск. обр.); *недоразуми́тельство* 'недоразумение', *бага́жистый* 'с большим багажом', *бульо́нистый* 'полный, пухлый' (ИОС); *бить* на «*г*» 'говорить некультурно, употребляя «г» фрикативное' (Диброва, 1964); *алкого́льство* 'болезненное влечение к спиртным напиткам' (СБГ); *некульту́рье* 'бескультурье' (Обск. доп.); *неудо́бствовать* 'испытывать неудобства' (Обск.); *но́вность*, *подсо́бность* 'подсобное хозяйство', *преудово́льствие*, *привиле́га* (Обск. доп.); *прошлого́д* 'то же, что *лонись*'; *разгрупле́ние* 'разделение' (Обск.); *снегопаде́ние*, *трехку́бовый*, *грани́читься*, *домохозя́йство*, *избаче́в*, *почтальо́нихин*, *акура́тить* 'содержать в чистоте и опрятности'; *взять на спи́сок* 1) 'записать для памяти, составить список'; 2) 'внести в список', *неполе́зность* 'ненужность' (СРДГ); *под замеча́нием* 'о человеке с плохим поведением', *пропага́нду пропуска́ть* (*разводить*, *толкать*) 'говорить вздор' (Пахотина); *культу́рица* (КПОС); *климати́ть* 'подходить — о климате' (КАКС); *коро́ткий день* (Деул.).

§ 7. Наиболее обширные группы СН так же, как и в традиционном лексиконе, отражают разные стороны созидательной жизни деревенского населения — действия, лиц-деятелей, предметные объекты этой деятельности. Меньше лексики отвлеченной, реляционной. Лексические группы в нашей тематической классификации, условность которой из-за неизбежного перекрещивания денотатов мы понимаем, по количеству компонентов, их составляющих, близки к тем наблюдениям, которые были сделаны в предшествующих нашему исследованиях словарного состава диалектов [39].

Главную группу местных СН составляют новые в сельской местности реалии. Как правило, возникшие в диалектах СН индивидуализируются в речи, создаются лексические дублеты, даже в речи одного лица (*У нивб свая лёхкая машúна*; *и лихкавúчка присáживалась, дáже милúцыя в двух мястáх астанáвливала* — два контекста с разными номинациями легкового автомобиля записаны в говоре д. Деулино от одного лица). За пределами же идиолектной системы сосуществование ряда эквивалентных дублетов, как диалектного возникновения, так и литературных — явление обычное, распространенное. В том же говоре психиатрическая лечебница называется: *психбольнúца* (*он забáлтываицца, он ляжáл в психбальнúцы*), *сумасшéдший дом* (*скóльки я пирижилá, как ф сумасшéтшай дом ни папáла* [после смерти сына] и соответственно диалектные *голéнщина* — стационарное наименование и диалектное новообразование *безýмный дом* (*с вайны́ падéилась... Два гóда был в бязýмнам дамý*); *кúнник — киномехáник*: *лéтчик — самолéтчик*; *фотóграф — фотографúст*; *съёмка — фотоаппарáт* и т. п.

Литературные эквиваленты диалектных СН втянуты в ход собственно ономасиологических явлений говора, являясь компонентами дублетных рядов (или пар), они служат словообразовательной базой для местных СН (*безотлóжка*, *кирзáк*, ‘кирзовый сапог’), соответствующих структурно-языковым особенностям диалекта [40]; они оказывают влияние на ход номинационных процессов в го-

[39] *Филин Ф. П.* Исследование о лексике русских народных говоров, с. 179 и сл.

[40] Ср. трансформации литературных слов *газéтина*, *конфéтина*, *тю́лина* (от *тюль*), *луни́нка* (от *луна*) или *пальтýха*, *куртёха*, зафиксированные в псковских говорах (Мокиенко, 1977).

ворах. Зависимость исходит от характера семантической связи между означаемым и означающим в лексической микрогруппе литературного языка. Если эта связь «разветвлена», т. е. каждый из реально близких денотатов имеет в рамках литературного языка свое собственное наименование, то при освоении этой группы предметов диалекты особенно богаты на номинативные варианты: *баба́шка—баба́шечка—бабу́шка*; *конфе́та—пы́шечка* [41] — наименование в говорах твердого лекарства или в виде шарика (пилюля), или в виде лепешки (таблетка). При освоении самой реалии в деревне зыбкая грань между денотатами, по-видимому, стирается, и в сознании возникает представление об одной реалии — твердом лекарстве (не жидкости, не порошке), безразлично, какой формы [42].

Аналогично возникновение номинативного варианта на базе однокоренного литературного слова и в том случае, если говор еще не овладел словообразовательным механизмом литературного языка. Таков пример семантического неразграничения в брянских говорах слов *бага́ж* и *бага́жник*. Оба они определяются в СБГ как ‘упакованные вещи’ (*багаж, гъварят, атправляли на машыне*; *и чумада́н вот тибе и багажник твой, багаж и багажник — адно и то же*).

Другая группа реалий, получающая наименование в диалектах, хотя и связана также с изменениями неязыковой действительности, не имеет в рамках литературного языка однословных обозначений. В литературном языке эти номинации осуществляются чаще всего описательно. Описательный вид номинаций обычно в языке связывается с реалиями формирующимися, денотативно обособляющимися в ряду близких или, наоборот, неблизких предметов. Для денотатов этого ряда возникает одинаковая не-

[41] Смысловая структура слов *баба́шка* (и однокоренных) по данным словаря Даля и наиболее полным — СРНГ конструируется по существу вокруг одного элемента — печеного изделия из муки разного рода: ‘оладья’, ‘небольшая лепешка из ржаного теста’, ‘лепешка из горохового теста’ и т. п. (СРНГ). Значение ‘таблетка’ отмечается лишь в ПОС; в такой смысловой трансформации по существу реализуется тот же способ номинации, что и в случае *пы́шечка, лепе́шка*. Ср. *мятные лепешки* или просто *лепешка*: *Наконец принес какой-то флакон с утоляющими жажду лепешками* (Гончаров).

[42] См.: *Коготкова Т. С.* О некоторых особенностях освоения литературной лексики в условиях диалектного двуязычия.— В кн.: Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.

обходимость создания номинационного знака как в литературном языке, так и в диалектах. В условиях многочисленности микросистем естественна пестрота и разнообразие таких названий.

На наших глазах, к примеру, возникает целая серия номинативных словосочетаний и оборотов речи, охватывающих как разговорные сферы литературного языка, так и диалекты, связанных с изменением пенсионного обеспечения, упорядочением размеров пенсий рабочим, служащим, колхозникам. С середины 50-х годов возникают номинативные словосочетания со словом *пенсия* [43]: *военная пенсия* ‘пенсия за погибшего’, *колхозная пенсия* ‘пенсия, выдаваемая за работу в колхозе’, *совхозная пенсия* ‘пенсия, выдаваемая за работу в совхозе’, *мýжнина пенсия* ‘пенсия как члену семьи, за мужа’ (арханг., собств. набл.), *пенсия за мужа* ‘то же самое’: *Ты на сы́нинай иждиве́нии нъхади́лась иль на мýжьинай? А то пе́нзию за мýжа ни дадýть* (Деул.).

Аналогичны сочетания со словом *стаж*: *полный стаж* ‘стаж работы, достаточный для получения пенсии’, *скорый стаж* ‘стаж работы, выработанный на льготных условиях — на севере, на подземных работах, в горячих и вредных цехах и т. п.’, *молодой стаж* ‘стаж работы, недостаточный еще для получения пенсии’ (смол., собств. набл.).

Возникшие в условиях разговорной речи, эти номинативные словосочетания по характеру соединения компонентов и некоторым иным признакам несут на себе явные признаки разговорности: прежде всего это разговорная эллиптичность: *у не́й рука́ никудышная*, *непра́вая*, *пе́ньзию пълуча́ить*, *фтарýю грýппу* (Деул.); *молодой стаж*, *скорый стаж*; суффиксальное образование на *-ка-* (*пенсионка*).

Неодинаковая по местностям сегментация реальной действительности — постоянный фактор в ареальном распределении семантики у слов диалекта [44]. Этот же фактор действует и при стабилизации СН в современном говоре. Новые соотносимые между собой СН возникают благодаря сопоставлению близких объектов действительности, характерных в том или ином ареале. При этом бывает достаточно

[43] Закон о государственных пенсиях. Принят Верховным Советом СССР 14 июля 1956 г., М., 1956.

[44] *Жуковская Л. П.* Типы лексических различий. — ВЯ, 1957, № 3.

всего лишь одного номинативного спецификатора, способного внести разграничение между СН. Именно так возникают в архангельских говорах номинативные словосочетания *государственный свет* и *колхозный свет* (электроснабжение деревни от государственной электросети или колхозного движка). Ср. свидетельство о значимости этого внеязыкового момента в некоторых местностях: *Нынешним летом, когда я приехал в свою родную деревню, на меня посыпались новости. И новости все довольно ободряющие вроде той, например, что с этой осени нашу деревню подключают к государственной электросети*» (Ф. Абрамов, Лит. газ.).

К этой же группе относятся СН: *биле́тник, бракóвец, сминусова́ть, слезова́я бума́га, похоро́нка, уме́ршая, погре́бенка, ба́льник, исполня́ть декре́т, на гру́ппе, уко́л дать, уко́л ткнуть, ка́менная кварти́ра, маши́на-инвали́дка, пу́калка, холостя́к, сбро́сить с рабо́ты, убра́ть с рабо́ты* и др. Реалии, которые соответствуют этим диалектным СН, имеют всеобщее распространение без локального ограничения. Отсутствие же в нормализованном литературном языке однословного эквивалента способствует возникновению разных СН в разных говорах (*бракóвец — биле́тник*). В ряде случаев появление СН в диалектах объясняется тем, что их литературный эквивалент выражен иностранным словом: *на вы́платку, на вы́купку* ‘в кредит’; в этих случаях вновь образованное в говоре слово, обладая прозрачной этимологией, ясно мотивируемое, непосредственно апеллирует к языковому сознанию носителей диалекта и служит эффективнее коммуникативным целям.

Как видно из приведенного материала, в словопроизводстве СН используются все его способы, известные русскому языку. При этом большое место занимают корневые морфемы литературного языка, а если это фразеологическая деривация — литературные слова выступают как компоненты номинативного словосочетания.

Суффиксальное словообразование: *бензи́нка, бо́мбочка, моско́вка, ка́менка, кры́мка, ката́лка, та́рка, пяти́тка, молока́нка, арте́лка* [45], *се́ренки, керосúльница, пило́вочник,*

[45] Преобладание суффиксальных образований на *-ка*, очевидное для нашего материала, соответствует распространению этого суффикса в разговорной речи русского языка вообще, независимо от его литературной или диалектной разновидности. См.: Русская

молока́н, коллекти́вщик, коллекти́вные, коллекти́вцы, проце́нтщик, раскула́чество, колхо́зить — колхо́зничать.

Семантико-словообразовательное словопроизводство: *абажу́р, бензи́нка, коро́бка, лист, щёголь, та́рка, коте́лка, пы́халка, ныро́к, блины́, па́лочка, раскомандиро́вка—раскомандирова́ть, воскре́сник, говору́н, холст, фина́нс, перегово́р—перегово́ры* (В последних двух случаях произошла, по-видимому, универбация словосочетаний литературного языка *финанс* из *финансовый работник*, *переговор—переговоры* из *переговорный пункт*).

Словосложение: *шестиметро́вка, сеново́з, бардово́з, парниково́дка, пихтова́рка, животе́хник, завте́хник.*

Фразеологическое словопроизводство: *государственный свет, колхозный свет, каменная квартира, жить частно, рассчитывать колхоз, уйти за болото, поставить подо что-либо, неусмотренная работа, обкладывать по твердому, давальческая мука, сбросить с работы, убрать с работы, платить холостяк, провести во власти, скорый стаж, молодой стаж, пенсия колхозная, совхозная, военная, мужнина, безумный дом, дурной барак, большая школа, складать букварь, бросать на бронь, бригадир в армии, исполнять декрет, с ученой лавочки.*

Ясность мотивировочных признаков, которая лежит в основе акта номинации [46], со всей наглядностью подтверждаемая словами диалектной народной речи, снимает всякую предубежденность против изучения мотивированности как лингвистического явления. Диалектное слово запечатлено прежде всего в языковой памяти носителей говора, ибо устная форма является единственной для существования говора. Поэтому слово должно быть осмыслено, употребившему его впервые должна быть ясна «первоначальная точка отправления мыслей (внутренняя форма)» [47]. Это является главным условием и гарантией воспроизведения его, ибо «слова, ясные в словообразовательном или

разговорная речь, с. 408 и сл. В своде аффиксов, составленном по материалам говора старых заводских поселений Южного Урала, существительные на *-ка* составляют самый высокий процент (25,374%) из всего количества производных основ (*Сенкевич В. А.* Исследование лексических и аффиксальных особенностей функционирования русского языка. Челябинск, 1973). Аналогичные числовые показатели возникают и из сравнения данных для разных суффиксов (Опыт обратного диалектного словаря. Томск, 1973).

[46] *Виноградов В. В.* Русский язык. М.— Л., 1947, с. 18.

[47] *Потебня А.* Мысль и язык. Изд. 4-е. Одесса, 1922, с. 169.

этимологическом отношении, при прочих равных условиях (степень употребительности, характер предметной соотносительности и пр.), легче воспринимаются и воспроизводятся, прочнее удерживаются в памяти, нежели слова, лишенные мотивации» [48]. Это свойство диалектного слова значительно облегчает практику региональной лексикографии. Адекватность содержания и выражения диалектного слова помогает составителям словарей уловить его денотативную отнесенность даже на самом начальном этапе наблюдения (ср. *белопу́зик* ‘ласточка’ (ПОС); *безмужбвая* ‘не вышедшая замуж’ *ов'ршье* ‘непригодное для корма сено с вершины стога’, *вы́ползки* ‘кожа змеи в момент линьки, из которой змея выползает’ (Деул.).

§ 8. Возросший в последние годы интерес ученых к проблеме номинации распространяется и на материал диалектного словотворчества. Благодаря лексической мотивированности выдвигаются разного рода теоретические критерии номинации — «принцип номинации», «способ номинации», сформулированные пока в самом общем виде [49].

Еще М. М. Покровский говорил, что предмет получает свое название лишь по о д н о м у признаку [50]. Квалификация этого признака (мотиватора) в словообразовательной литературе имела разные этапы — «самый важный», «самый существенный» и, наконец, остановилась на реалистических определениях — «достаточно характерный» [51] или «наиболее броский» [52].

Если обратиться к диалектному лексическому материалу, то можно увидеть, как в основу называния одного и того же предмета в одних говорах берется один признак —«мотиватор» [53], а в других — иной; ср. названия некоторых блюд в народной речи. Первое горячее блю-

---

[48] *Моисеев А. И.* Мотивированность слов.— В кн.: Исследования по грамматике русского языка, вып. 4. Л., 1963, с. 125.

[49] *Блинова О. И.* Указ. соч., с. 99.

[50] *Покровский М. М.* Соображения по поводу изменения значений слов.— В кн.: Избр. работы по языкознанию. М., 1959, с. 45.

[51] *Шанский Н. М.* Лексикология русского языка. М., 1964, с. 32—33.

[52] Языковая номинация. М., 1977, с. 51.

[53] Термин «мотиватор» — «основание номинации, манифестированное в знаке» взят нами у М. А. Черкасского (*Черкасский М. А.*, Мотивация слова в аспекте динамики языка.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов лингвистической конференции, ч. 2, вып. 2. Новосибирск, 1969, с. 21.

до — *ва́рево* — *хле́бово*. Мотиваторы — ‘способ приготовления’ и ‘способ употребления’; яичница-глазунья — *глазу́нья*, *целу́шка*, *глазенка*, *верещага* (Пособие-инструкция..., с. 195). Мотиваторы — цельность яйца, звук при приготовлении ее, вид — сравнение с глазом. В том и в другом примере мотиваторы не вскрывают основной сущности предмета, а лишь отображают видовое разграничение в ряду сходных предметов.

В их числе заметное место занимают такие, которые сохраняют в слове образное представление о предмете (*глазе́нка — глазу́нья*).

Мы говорим о мотивации слов, показывая ее на примерах стабильных лексем диалектной речи. Но ведь мотиватор слова особенно важен на самом начальном этапе жизни слова, так как именно он способствует воспроизведению вновь появляющегося слова в речевой деятельности, поэтому он должен быть ясным и понятным для носителя диалекта. Эта ясность должна быть и тогда, когда мотивировочный признак отражает прямую, предметную связь производящего слова с производным (*яйцо́* → *яи́чница*, *кокó* → → *кокóшница* ‘яичница’), или когда он ассоциативный и сохраняет лишь определенные образные представления и впечатления о предмете (*глазёнка—глазу́нья*), и когда он оценочный (*блины́* — ‘трудодни’). Последнее свойство внутренней формы слова подчеркнул еще В. В. Виноградов: «...во внутренних формах слова выражается не только «толкование действительности», но и ее оценка» [54]. Под влиянием внутренней формы в сибирском слове *лапотóн* ‘крестьянин, приехавший на поселение в Сибирь из России’, до сих пор сохраняется пейоративная коннотация. В прошлом эти поселенцы носили лапти в отличие от местных чалдонов, не носивших лаптей (Самотик, 1974).

Прямой способ номинации в нашей классификации заметнее всего проявляется при словосложении: *сеновоз*, *кормовоз*, *бардовоз*, *парниководка*, *пихтоварка*, *завклубка*, хотя возможен и при других приемах словопроизводства: *нырóк* ‘трамплин-приспособление, с которого ныряют в воду’, *се́ренки* ‘спички’, *потелефóниться*, *сминусова́ть*, *колхóзная*, *совхóзная*, *вое́нная пе́нсия*, *неусмóтренная рабóта*.

---

[54] *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 18.

Ассоциативная мотивация — при семантическом и семантико-словообразовательном способе образования слов: *па́лочка* ‘трудодень’, *цёголь* ‘циркуль для столярных работ’, *пы́халка* ‘пульверизатор’, *абажу́р* ‘жестяной щиток навесом над дымовой трубой’ и под. В составных СН ассоциативная мотивированность может проявляться лишь в одном из компонентов словосочетания: *ка́менная кварти́ра*, *больша́я шко́ла*.

Оба эти способа номинации подчеркивают роль мотивированности в момент появления слова. «...мотивированность слова,— пишет И. С. Торопцев,— это осознание рациональности связи значения и звуковой оболочки, выразительницы этого значения» [55].

По характеру объединения компонентов составные СН неоднородны, хотя большинство из них по-разному, но сохраняют структурные приметы разговорной речи.

Составные СН, конструируемые отсубстантивными прилагательными (*государственный свет*, *колхозная пенсия*), аналогичны устойчивым номинациям литературного языка. Семантика атрибутивного компонента в них «вне контекста обозначает лишь общую идею атрибутивно выраженного отношения к предмету» [56]. Тенденция образования таких устойчивых номинаций активна в современном русском языке благодаря стремлению к экономии средств речевого выражения. Часть из них, так же, как и в литературном языке, легко трансформируется в сочетания с однокоренными существительными, выраженными косвенными падежами: *колхозная пенсия* → *пенсия колхозника*, *мужнина пенсия* → *пенсия за мужа*, *безумный дом* → *дом для безумных*, *колхозный свет* → *свет от колхозных электроустановок*, *государственный свет* → *свет от государственной электросети*. Мокиенко, наблюдая подобные образования в диалектной речи, считает их вариантами литературных фразеологических сочетаний, появление которых обязано «выравниванию» именных определительных конструкций с род. падежом по синтаксической модели прил.+

---

[55] *Торопцев И. С.* Лексическая мотивированность (на материале современного русского литературного языка).— Уч. зап. Орловского пед. ин-та, т. 22, 1964.

[56] *Земская Е. А.* О семантике и синтаксических свойствах отсубстантивных прилагательных в современном русском языке.— В кн.: Историко-филологические исследования (Сборник статей к семидесятилетию Н. И. Конрада). М., 1967, с. 92.

+ сущ., более свойственных диалектам[57]. В то же время в говорах, как и в литературном языке, ряд таких атрибутивных сочетаний не трансформируется по схеме определяемое существительное + косвенный падеж производящего существительного. Их эллиптически свернутая семантика раскрывается лишь из внеязыковой ситуации (или конситуации): *большая школа* ‘высшая или средняя школа — учебное заведение, где получают «большое» образование в сравнении с «малым», начальным, наиболее доступным в сознании старшей возрастной группы деревенского населения’; *скорый стаж* (стаж работы, достаточный для получения пенсии, приобретаемой на льготных условиях, например, на севере,— стаж, который приобретается скорее, чем в обычных условиях). Не надо доказывать, что трансформируемые и нетрансформируемые номинативные словосочетания появляются в недрах разговорной речи, неся на себе основные приметы ее.

Как мы говорили, базой для обновления диалектной лексики нередко служит лексика литературного языка. Анализируя эти новообразования в кругу сельскохозяйственной лексики, Ф. П. Филин еще в 30-е годы отмечал «свежий» характер их появления, происхождение которых лежит на самой поверхности[58]. Словники новейших областных словарей также фиксируют подобные СН, возникновение которых отражает детали нашей современной эпохи. Ср. название *будёновка — будёновец* в донских говорах сорта помидор, по форме напоминающих шапку-буденовку.

Заметное место среди таких слов занимают отыменные глаголы, образованные по продуктивному типу словообразования (на *-ить*, *-ать*, *-ничать*, *-ствовать*). Известно, что эти глаголы стремительно распространяются в русском языке независимо от его литературно-нормализованной и территориальной разновидности.

Встретив в говоре глаголы *агроно́мить*, *бригади́рить*, *шофери́ть* и под., невозможно сказать, являются ли они спонтанным порождением самих лексико-семантических систем диалектов или восприняты ими из разговорной

[57] *Мокиенко В. М.* Вариантность литературной фразеологии в диалектной речи.— В кн.: Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975, с. 214.

[58] *Филин Ф. П.* Исследования о лексике русских говоров, с. 140.

сферы литературного языка. Они вполне реальны как по соотнесенности с референтом, так и по структурным признакам своего строения. П. С. Кузнецов, характеризуя многочисленность и большую употребительность глаголов на *-ить*, заметил: «Едва ли не от любого существительного в случае необходимости может быть образован глагол на *-ить*»[59]. Отличительной особенностью семантической структуры таких отыменных глаголов является их преобладающая однозначность, хотя значение производящих имен и, следовательно, соответствующих им глаголов, весьма многообразно [60]. Большое место среди них занимают глаголы профессиональные, называющие действие по профессии, занятию, должности, общественному положению лица (*агрономить*, *астрономничать*, *бригадирить* — *бригадирничать*, *врачить*, *конюшить*, *счетоводить* и под.). Открытый лексический ряд подобных образований, естественно, не получает в диалектах никакой локализации (см. тематическую подборку). Эпизодическая фиксация отъименных глаголов этого типа в современных региональных словарях, их ситуативное (иногда разовое) речевое применение не позволяют исследователю составить представление о специфике суффиксального распределения их в диалектах по сравнению с литературным языком [61]. В говорах, так же, как и в литературном языке, возможен весь набор суффиксального оформления (на *-ить*, *-ничать*, *-ствовать*).

Полексемное преимущество в диалектах среди глаголов этого типа фиксируется единично (*счетово́дить*, *заухаже́рить*, *религио́зничать* — в последнее время несколько видоизменяется семантика ‘соблюдать религиозные праздники’).

Однозначность данных СН, их семантическая специализация и непосредственная смысловая связь с производящим их существительным сближает данные глаголы с глаголами объектными, традиционными в диалектах и суффиксально-разнооформленными. Благодаря этим струк-

---

[59] Современный русский язык. Морфология. М., 1952, с. 260.

[60] *Бахтурина Р. В.* Значение и образование отыменных глаголов с суффиксом *-ф- // -и(ть)*.— В кн.: Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966.

[61] *Алексеева Л. И.* Взаимодействие глагольных словообразовательных типов на *-ить*, *-ничать*, *-ствовать* от основ со значением лица в русском языке XX века. Автореф. канд. дис. М., 1972.

турно-языковым признакам данная глагольная лексика подводится под явление терминологической множественности [62]. Отъименные объектные глаголы широко представлены в профессионально-производственной лексике говоров. Они отражают развитые родо-видовые отношения в лексико-семантических системах диалектов, а по своему лексическому значению — детализацию разных процессов сельскохозяйственного и промыслового производства в сельской местности [63].

Активное словопроизводство в этой группе СН отражает актуальные (социальные и производственные) стороны современной действительности деревни (ср.: *колхо́зить — колхо́зничать*, *выкула́чивать*, *закула́чивать*, *кула́чить*), отмечаемые на разных ареалах.

Условия некодифицированной диалектной речи способствуют экспансии однозначных глагольных образований в говорах и не только со стороны тематического расширения лексики (примеры *колхо́зить*, *кула́чить* уже показывают, что это не только лексемы производственно-профессионального содержания), но и со стороны расширения морфологических классов производящих основ (*спаси́бкать* ‘говорить спасибо’ (СЗБГ); *поспаси́бствовать* ‘поблагодарить’ Обск.) [64].

Итак, преимущественная роль семантики, отражающей внеязыковой референт, в формировании и стабилизации новых отношений глаголов разного аффиксального оформления в диалектах очевидна.

Колебания, лексическая и словообразовательная дублетность, что наглядно представлено в материале настоящей главы, свидетельствуя, с одной стороны, о начальном этапе жизни слова, в то же самое время говорит об индивидуальном характере словотворчества в условиях некодифицированной устной речи.

---

[62] *Филин Ф. П.* Исследования в лексике русских говоров, с. 140.

[63] *Блинова О. И.* Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973, с. 59.

[64] Как окказионализм (на это указывает его графическое оформление — в кавычках) эта лексема встретилась нам и в художественной литературе: «*Когда Анисья начала было отказываться от подарка — дескать, у тебя самого дети есть, но потом «заспасибкала»,— Парфен заторопился из хаты*» (Ан. Кривоносов, Гори, гори ясно).

§ 9. Структурно-языковый механизм появления СН в диалекте тот же, что и в любом естественном языке. А именно СН есть реализация потенциального слова и превращение его в реальную, стабильную лексическую единицу языка. Ясное словообразовательное строение такого слова, прозрачная мотивировка его и замена иноязычных аффиксов на исконно русские создает прозрачность внутренней формы (*планúровать* → *планова́ть*, *анатоми́ровать* → *анато́мить*, *консерви́ровать* → *консе́рвить*, *демобилизова́ться* → *разбилизова́ться* [65]).

Перестройка лексико-семантических систем современных русских диалектов определяется освоением нового предметно-понятийного фонда и влиянием лексики литературного языка. Двуязычная ситуация в говорах активизирует естественную тенденцию языка к номинационным процессам [66].

Роль собственного называния в диалектной лексической системе вступает в конкуренцию с освоением литературной лексики. Номинационные стимулы в языке сильны, номинативная реакция мгновенна; СН при условии стабильности означаемого держится достаточно продолжительное время. С течением времени новый словесный знак может семантически видоизменяться чаще всего под воздействием метонимических смещений.

При создании СН в диалектной речи используются прошлые, стабильные средства языка — словообразовательные и семантические модели диалектных лексических систем. В этом обращении к «готовым формам», твердо запечатленным в языковом сознании носителей диалекта, залог узнавания предмета, обозначенного вновь созданным языковым знаком. Это свойство естественного языка особенно ценно в той разновидности национального языка, которая не имеет письменной формы своего выражения в

---

[65] *Блинова О. И.* Фактор мотивированности и вариантность.— В кн.: Язык и общество, вып. 3. Саратов, 1974, с. 150.

[66] Подобное не раз наблюдалось в истории русского языка; ср.: замечание о семантической адаптации заимствований в XVIII веке: «Процесс заимствования с неизбежностью порождает тенденцию к контрноминации (разрядка моя.— *Т. К.*) средствами русского языка и стимулирует словообразовательную активность самого русского словаря» (*Биржакова Е. Э.*, *Войнова Л. А.*, *Кутина Л. Л.* Очерки по исторической лексикологии..., с. 241).

диалектной речи. При этом для номинации выбирается броский признак предмета; он может быть и не самым существенным, но обязательно заметным, таким, каким хотят подчеркнуть в нем носители языка.

При появлении диалектных СН обнаруживаются ведущие языковые тенденции, свойственные всему национальному языку (ср., к примеру, постоянный рост, полексемный и формантный, в говорах лексической группы со значением лица, наблюдаемый и в других подсистемах русского языка).

Ареальный разрыв, который сопровождает территориальное распределение тождественных лексических новообразований, очаги одного и того же явления, всплывающие в локально разобщенных местах и в литературном языке, в свою очередь также подчеркивают эти языковые тенденции.

Отсутствие «признака территориальности при образовании местных языковых явлений» [67] в то же время говорит о нивелировании диалектной речи в целом.

Спонтанные номинационные процессы в диалектах сдерживаются, если взглянуть на говоры по всей широте их фронта, не только освоением готовой лексики литературного языка, но и постоянным сравнением собственной диалектной речи с авторитетным для современных носителей диалектов нормализованным литературным языком. Именно это сравнение оттеняет языковую незавершенность номинационных процессов в диалектах, что проявляется в разнообразии формантного оформления СН, во втягивании корневых морфем литературного языка в процессы словопроизводства говора с подчинением их закономерностям диалектной системы. Незавершенность номинационных процессов колеблется в диапазоне от идиолекта до языка конкретного коллектива.

Большинство СН диалектной речи, если их сравнить с семантически соотносимыми им эквивалентными единицами литературного языка, не соответствует норме последнего. Формируется как бы массив конфронтирующей литературной норме лексики и прежде всего со стороны формы слова (*раскула́чивать*, лит. — *выкула́чивать*, *закула́чивать* диал.). Правда, среди этих новообразований име-

---

[67] *Филин Ф. П.* Новое в лексике колхозной деревни..., с. 148.

ются и такие, которые участвуют в процессах отбора стабильной единицы общенародного языка при условии вновь появившегося актуального денотата (*похоронка*, *колхозная пенсия* и под.).

Утверждаясь как самостоятельная словарная единица в отдельных лексико-семантических системах диалектов, СН втягивается в иные семантические процессы, например, в дублетно-синонимические соотношения, переживает общий процесс взаимодействия в лексике говоров и литературного языка.

Глава 6

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТНОЙ ЛЕКСИКИ В РАЗНЫХ ПОДСИСТЕМАХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Особую проблему в диалектной лексикологии составляют семантические отношения, которые связаны с распределением близко значащих слов по разным подсистемам русского национального языка. Относительно самостоятельные функционально-стилевые сферы, такие, как общенародный (литературный) язык, терминологический и диалекты, получившие в последнее время названия то «языков», то «подъязыков», то «систем», то «подсистем», не изолированы друг от друга непроходимой стеной. Они взаимодействуют между собой и не только в плане диахронном — т. е. в момент происхождения и стабилизации своих значащих элементов, но и в синхронном, коммуникативном. Нередко бывает, что одно и то же слово существует в каждой из этих подсистем. И в этом случае важно знать, в каком понимании — диалектном, литературно-общенародном или терминологическом — о нем говорится, ибо эти три осмысления не идентичны. Как правило, это термины своеязычного происхождения. Чаще всего изучение осуществляется в бинарном распределении: сравнивается одно и то же слово в общенародном языке и терминосфере или общенародном языке и говорах, или говорах и терминосфере.

Относительное единство языковых средств, присущее каждой из указанных подсистем, формирует и языковую специфику их, взятую отдельно. В системе же каждого из них, как известно, все находится в иерархической связи и взаимозависимости. Наше внимание привлекают те семантические отношения, которые возникают в слове.

когда оно синхронно распределяется в диалектной, терминологической и общелитературной подсистемах русского языка. Речь идет не о тех терминах-метафорах и их аналогах-нетерминах, которые достаточно разошлись в своем содержательном наполнении (*мушка*, *сапожок*, *шапка*, *подошва*, *звук*, *слово* и т. п.), а тех из них, семантическое содержание которых не просто близко, а совпадает в своем основном смысловом признаке. Приводя примеры *дорога* — слово общего языка и инженерно-дорожного, *земля* — общее слово и как термин геологии, А. А. Реформатский говорит о коммуникативной ущербности подобных слов, выступающих одновременно и в качестве термина и нетермина. «Возможность достаточного контекста, — отмечает он, — спасает эти термины от неправильного понимания, но приводит к правильному пониманию не всегда» [1].

Истоки для семантических отношений подобного рода часто находим в диалектах. Движение областной лексики в терминосферы — явление общеизвестное. Многие терминосферы, восходящие к разным отраслям сельского хозяйства, промыслам, ремеслам, в значительной мере укомплектованы лексическими единицами народно-разговорной речи. Но в то же время надо отметить, что взаимосвязь диалектной и ремесленно-промысловой терминологии пока изучена недостаточно. Во многом это объясняется почти полным отсутствием региональных словарей специализированного типа. В тех исследованиях, которые в этом направлении проделаны, отмечается интердиалектный характер многих ремесленно-промысловых терминологий. Это междиалектное распространение для целого ряда местных терминов (и даже терминологий) определяется прежде всего общностью и единством самих предметов материальной культуры, истоки которых лежат в глубокой древности, названных данными терминами. Этот момент следует иметь в виду и для уяснения семантических отношений между словами терминами и нетерминами. В то же время движение слов из диалектов в терминосферы идет часто параллельно вхождению этих же лексических элементов в общелитературное употребление. Но два аналогичных процесса закрепляются не всегда одним и тем же семантическим результатом. Сам процесс семантиче-

[1] *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1955, с. 83.

ского размежевания для слов, идущих из диалектов в кодифицированный литературный язык и терминологический, как бы закрепляется на разных рубежах. Для лиц, отождествляющих языки терминологический и литературно-кодифицированный, — это вечный источник для нападения на языковедов-русистов и словари литературного языка в неправильном и неточном определении таких слов в словарях. Практическая, т. е. культурноречевая, сторона этих вопросов актуальна, ибо трудности действительно связаны с объективной сложностью самих фактов языка. Приведем примеры.

Слово **баз.** Истоки его находятся в местной, диалектной речи. Здесь *баз* входит в обширную группу слов, обозначающих различные и многочисленные названия помещений для скота: *котух—котушок*; *омшаник—овшеник*, *закута—закут—закутка—закуты*; *плех—хлев—охлев—оклев*; *калда—карда*; *избушка—избёнка—скотная избушка*; *стая*; *пунька—пуня*; *зимовка—зимница*; *вар—варок*; *кошара*; *баз* и др. Вряд ли может вызвать сомнение у кого-либо, сколь важна и обязательна в животноводстве сама реалия — помещение для скота. Но в то же время по своему устройству и назначению (для какого скота?) эти помещения неодинаковы в разных местах нашей страны. Областные словари и картотечные собрания местных слов показывают, что ареал распространения слова *баз* очень широк. Это почти весь южный район — области: Тамбовская, Рязанская, Орловская, Воронежская и, особенно, Северный Кавказ, Дон; бытует оно на Урале, в Сибири, Казахстане и на Украине. Естественно, на столь обширной территории устройство база не может быть одинаковым. Общим в осмыслении слова *баз* для всех этих мест будет лишь г л а в н ы й признак, а именно — *баз* — это постройка для скота. Побочные же детали, уточняющие этот вид животноводческого строения, различны. Так, стационарная ли постройка *баз* или нет, есть ли у него кровля, примыкает ли он к дому, к усадьбе, является ли частью двора или расположен в отдалении от них, каков материал для его постройки — все это сильно варьируется по местностям. Именно эта неодинаковость наглядно демонстрируется в СРНГ при определении смысловой структуры слова *баз*: 1. ‘Огороженное на дворе место для скота; скотный двор’. Дон. Южн. Сарат. Рост. Ставроп. Тамб. Ряз. Орл. Ворон. Пенз. Терск. Свердл. Перм.

Урал. Иссык-Кульск.// ‘Огороженное место для скота за станицей в поле’. Новочеркас. Дон. Сарат. Ворон.// ‘Хлев для скота’. Астрах. 1850 ◇Помещение для колхозного крупного рогатого скота. Дергач. Сарат. 1948. ◇ Помещение для овец. Чембар. Пенз. 1948. ◇Помещение, в котором содержатся лошади или коровы и хранятся дрова. Урал. 1928. 2. ‘Двор, изгородь вокруг дома’. Дон. 1948. ◇Задний двор в крестьянской усадьбе. Южн. Слов. Акад. 1948.

Такова картина бытования слова *баз* в русском диалектном языке.

Если внимательно посмотреть на семантические признаки, которые содержатся у этого слова по говорам, то они группируются вокруг понятий ‘двор’, ‘загон’.

Сравним эти данные с языком терминологическим. Терминологическое осмысление слова *баз* имело свою историю; оно сложилось по мере обособления и углубления тех функций, которые закрепились за терминологическим языком, в отличие от языка общенародно-литературного. В одном из первых терминологических словарей «Опыте терминологического словаря» В. Бурнашева (СПб., 1843) слово *баз* совмещает в себе обе группы смысловых признаков: двора и загона. ‘Скотный двор, или вообще огороженное пространство, куда загоняется скотина. Такие открытые загоны весьма употребительны в земле Войска Донского и во всей южной России’. Загон для скота, огороженный выгул с навесом или без навеса издавна существует в животноводстве. Процесс терминологизации состоял в преодолении многообразного семантического варьирования по местностям, окончательный этап которого осуществляется уже в наше время, в период общественного животноводства.

Как термин слово *баз* отделяется от терминологически-детерминированного ряда названий, обозначающих стационарные помещения для скота: *скотный двор*, *коровник*, *телятник*, *воловня*, *конюшня*, *овчарня*, *свинарник*. Их оборудование, механизация, обеспечивающие зоогигиенические условия содержания скота, а также технику безопасности обслуживающему персоналу, иные, чем у *база*. При характеристике *база* такими авторитетными справочниками, как Советская энциклопедия (все три издания), Сельскохозяйственная Энциклопедия, ГОСТы подчеркиваются такие важные для терминологического понимания

база детали, как назначение его быть стойлом крупного рогатого скота, овец, верблюдов и т. п. прежде всего в районах отгонного животноводства. Строится *баз* из местного материала, простейший вид — загон, иногда с навесом. Устанавливаются нормативы постройки, высота стен и норма площади для каждого вида животных.

Профессиональное мнение сторонников строго-терминологических определений было бы незыблемо, если бы сельскохозяйственный термин *баз*, как это иногда бывает, полностью утратил связь со своими истоками — диалектной речью. В действительности этого нет. Став терминологической единицей сельскохозяйственного языка, слово *баз* продолжает жить в народной, диалектной речи. И если в терминологии оно закреплено за определенным видом животноводческого строения, то в живой народно-диалектной речи оно сохраняет значение и двора, и выгороженного загона. В современных уральских говорах *баз* 'огороженное место для скота во дворе' (СУГ). Значение двора отмечено и в саратовских, пензенских и других говорах (см. подборку СРНГ). Таким образом, одно и то же слово полноценно функционирует в терминологическом подъязыке, где его смысл строго детерминирован, в диалектной речи и в общелитературном употреблении.

Словарные единицы литературного нормализованного языка, восходящие к диалектной речи, попадают туда, в основном, через художественную литературу. Язык художественной литературы, как и прессы, не всегда энциклопедически точно и скрупулезно раскрывает содержание того или иного местного предмета, понятия. Ведь сюда они вводятся и для передачи местного колорита, и для яркости повествования, если иметь в виду образность народного слова, и для преодоления словесного однообразия. Характерологические, художественные, задачи в использовании народных слов как бы освобождают эти слова от необходимости детально, дробно или терминологически точно применять их. Соответственно эта функциональная заданность отражается и в словарях литературного языка, ибо картотечные собрания, на основе которых эти словари создаются, как раз и формируются на базе прежде всего извлечений из художественной литературы. Осваивается литературным языком, особенно активно в 30-е годы, и слово *баз*. Большое влияние в этом направлении оказала художественная проза М. Шолохова,

С. Бабаевского и других писателей. При встрече с такими словами толковые словари квалифицируют их функционально-стилевую принадлежность, т. е. показывают, где, в какой речевой ситуации эти слова находят применение в художественной речи. Оба толковых словаря современного русского литературного языка (БАС и МАС), в которых зафиксировано слово *баз*, сопровождая его пометой *обл.*, дают определение: 'скотный двор, задний двор крестьянской усадьбы'. Для читателя романа, газетного очерка и т. п. вполне достаточно то разъяснение о слове *баз*, которое ему предлагают словари литературного языка. Соприкосновение разных функционально-стилевых сфер общения создает особый тип семантических отношений, для слов типа *баз*, которые трудно назвать полисемией. Как бы ни были сложны эти отношения и какое бы они ни получили терминологическое обозначение, лексикографическая практика, практика специалиста по культуре речи заставляет принимать решение подчас безотлагательно и с максимальной адекватностью вещному миру. Особенно сложно обстоит дело тогда, когда генетически диалектное слово одновременно является активной единицей местной лексики, и двух нормативно-кодифицированных подсистем — общенародной и терминологической. Ведь встает со всей очевидностью вопрос, в какой мере определения подобных слов могут расходиться в словарях литературного языка с узусом профессионального словоупотребления. Какой тип определения должен быть выбран в словарях общелитературного языка для случаев этого рода? Ответ на эти нелегкие вопросы, над которыми в практике словарного дела много думали и продолжают думать лексикографы, вряд ли может быть однозначным, ибо не однотипны и сами семантические отношения.

Показательны, к примеру, названия домашних животных. Образуя замкнутую группу слов, многочисленные названия домашних животных привлекают пристальное внимание лингвистов уже давно. Заметные успехи в изучении их сделаны в историко-этимологических исследованиях [2].

---

[2] *Трубачев О. Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках (этимологические исследования). М., 1960; *Щербак А. М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках.— В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961; *Максимов В. И.* Некоторые особенности суффик-

Не вызывает сомнения факт, что названия домашних животных обязательны в языке крестьянском, т. е. диалектном; они столь же обязательны в языке сельскохозяйственном, терминологическом; и в то же время без них не может обойтись язык общелитературный. Расположенные, таким образом, в центре, «на пересечении» трех основных функциональных разновидностей русского национального языка названия домашних животных привлекают внимание в процессе их употребления. По этой причине открывается еще один аспект лингвистического изучения этого пласта лексики — современный, нормативно-стилистический.

Лексика, связанная с домашними животными,— древняя во всех языках, как и древние сами эти животные. Эти слова наглядно демонстрируют важнейшую закономерность в языке: чем древнее и «обжитее» сам предмет (или понятие) действительности, тем больше слов вокруг него появляется. При этом слова возникают как по основным, так и по неосновным признакам. В группе коров, к примеру, выделяются слова не только по признакам пола и возраста, но и стельности и отела, дойности — молочности, мясности, масти, признаков, связанных с рогами, с видом скармливаемой пищи, с нравом и особенностями поведения, временем рождения, определением возраста коров по рогам и зубам и т. д. И хотя эти признаки не равноценны в характеристике животного (пол, возраст, несомненно, более существенны, чем, например, масть), они все играют свою определенную роль в лексической системе говора. Дробные названия животных были особенно необходимы в условиях единоличного хозяйствования. Такие слова, как *чернёха* или *лысёха* ‘с лысинкой на лбу’, *другбня* ‘вторая корова в хозяйстве’ выполняют в речи различительную роль, являются как бы словами-этикетками, ибо служат для выделения какого-то конкретного животного из множества других, ему подобных. Некоторые из таких названий соответствуют суеверным представлениям крестьян — купленные или рожденные животные в счастливые дни недели— ко двору, не ко двору и т. п.

сального образования названия животных в диалектах (на материале лексики псковских говоров) — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.— Л., 1966.

Каждому из этих признаков соответствуют слова, которые варьируются по местностям. Приведем примеры названий коров, связанных с неодинаковыми номинационными признаками.

По возрасту: *ле́тник—ле́тошняк—летохо́дец—летошня́га—боровча́к*, *бузови́к*, *ко́линка*, *однотра́вок*, *бычо́к-баракча́н*, *башма́к*, *бирю́к*, *бирючо́к*, *однотра́вок*, *перези́мок*, *подтёлок* ‘годовалый теленок’; *двухле́тошник* (бычок, тёлка) ‘двухлетний’; *третья́к*, *гуна́к*, *третьяко́вский* — ‘трехлетний бычок’; *третьячи́ха—третья́чка—третьяко́вская*—‘трехлетняя телка’; *вы́росток* ‘уже выращенный теленок’; по времени рождения: *о́сенок—осенту́ток—осёныш* ‘родившийся осенью’; *воскресе́ня—понеде́ня—середе́ня* ‘теленок, родившийся в соответствующий день недели’; по полу: *ле́тошник—ле́тошница*, *летохо́док—летохо́дка*, *третья́к—третьячи́ха*; по виду скармливаемой пищи: *молокопо́ек*, *моло́чник*, *по́енец*, *опо́ек*, *пою́нок*, *тёлыш*, *досо́сок*, *подсо́сок* ‘при вскармливании молоком’; *пу́терник—пу́треник* ‘при вскармливании путром’; *кочеры́жник* ‘при вскармливании кочерыжками’; *теле́ц*, *теля́к* ‘при обычном кормлении’. Корова в зависимости от ее качеств и состояния может быть *белянка*, *пестрянка*, *чернёха*, *жу́колка*, ‘черная’, *рёдра* ‘белоголовая пестрая’, *пе́ристая* — по цвету; *лощо́ха* ‘гладкая, упитанная’; *буту́с*, *бода́лка*, *боду́чка*, *боду́ха*, *боду́ля* ‘бодливая’; *блу́га*, *блужа́ва* ‘не привыкшая к дому’; *я́ловка*, *я́лая*, *передо́йка*, *не́тель*, *недо́йка*, *перехо́дница*, *заяло́вела́я* ‘яловая’; *первотёлок* ‘отелившаяся первым теленком’; *другу́ня* ‘вторая корова в хозяйстве’; *суте́лок*, *суте́лая*, *суте́льная*, *тёлая* ‘стельная’; *сквозни́ца* ‘доящаяся от отёла до отёла’; *стародо́йка* ‘доящаяся дольше обычного срока’; *надо́йливая*, *безыдо́йная*, *веде́рница* ‘обильная молоком’; *недодо́й*, *недодо́йка* ‘рано перестающая доиться перед отелом’— молочность коровы; признаки, связанные с рогами: *комо́лая*, *безрого́вая* [3].

Столь же многочисленны названия лошадей, овец, свиней и домашней птицы.

Местные названия лошадей различаются не только по возрасту и полу, но и внешним данным (экстерьеру),

---

[3] Эти, а также некоторые иные номинационные признаки в группе коров отмечаются исследователями и других языков (см. указанные работы Трубачева и Щербака).

масти, работоспособности, ходу, силе, породности, кастрации, права, и т. п.

Приведем некоторые примеры.

По полу: *бчер—ва́бик*, *лоша́—лоше́нок*, *жеребя́шенька* — мужского пола; *ма́тка*, *кля́ча*, *жеребя́тница—жеребу́шка*, *кобы́ла—кобы́лка* — женского; по возрасту: *мол**о́**дка* ‘молодая лошадь’, *че́рпел* ‘лошадь старше восьми лет’; *сосу́н*, *коняже́нок*, *резиме́нок* ‘жеребенок до году’; *лоша́га*, *лоньша́га*, *стриган*, *полу́торник*, *табу́нщик*, *стри́жек*, *однолето́к*, *оселе́ток*, *первого́док* ‘жеребенок по второму году’; *двухле́ток*, *стригу́н*, *стриган*, *третья́га*, *трехле́ток*, *трехго́док* ‘по третьему году’; *третьяк*, *боро́нка*, *боронопля́с* ‘по четвертому году’; кастрация: *че́рпел* ‘до кастрации’, *чистя́к*, *кастра́к*, *вы́кладок* ‘после кастрации’; *нутре́ц* ‘плохо кастрированный жеребенок’; рабочие признаки лошади: *битю́г* ‘тяжелоупряжная лошадь’, *доброхо́д*, *шага́стая*, *сягови́тая*, *сту́пистая*, *непритомчивая*, *похо́жая*, *хо́дкая* ‘быстроходная, сильная лошадь’; *клятура*, *сколу́дина*, *сырёха*, *дро́вня*, *па́лочница*, *подпа́лок*, *ры́нда*, *выре́ха*, *шевлю́га* ‘плохая, старая и изнуренная лошадь, кляча’; *на́кормок*, *нажо́р* ‘слабосильная, ленивая лошадь’; *боро́нка*, *боро́нщик*, *боро́нник*, *со́шка* ‘молодая лошадь, приучаемая к бороне, сохе’; признаки лошади, связанные с ее внешностью, породностью, статями: *возови́тый конь* ‘крепкая, плотная и рослая лошадь’; *маштак—маштачо́к* ‘малорослая лошаденка’, *скаковой конь* ‘быстрый в беге, с хорошей рысью’; *фарь* ‘верховой конь’, *степи́стая ло́шадь* ‘лошадь, у которой шея колесом’; *кожа́нка* ‘исхудавшая лошадь’; нрав лошади: *имь*, *имко́й* ‘смирная, ручная лошадь’; *не́вопря*, *не́ук*, *зартачиливый* ‘норовистая лошадь’.

Народные названия свиней, овец, коз, домашней птицы так же, как и в двух описанных группах, обширны благодаря дробности различительных признаков.

Возникшие в глубинах народного языка, названия домашних животных действительно сохраняют всю образность и выразительность его. Само звучание многих из них, их внутреннее строение прямо наталкивает на тот признак, который и лег в основу их наименования: *ста́рица* ‘старая овца’, *после́дыш* ‘цыпленок, вылупившийся последним’, *по́бенек*, *моло́чник* ‘теленок, отпоенный молоком’, *зима́рь* ‘поросенок, оставленный в зиму для откорма’, *кормня́к* ‘откормленный боров’ и др.

В то же время народные названия домашних животных не утрачивают специфики местной, диалектной речи. Они сохраняют не только излишнюю детализацию в названиях, но избыточную вариативность. В одном и том же говоре возможны: *детя́ница—детю́ниха* ‘курица, высидевшая цыплят’; *боро́нка—боро́нщик—боро́нник* ‘молодая лошадь, приучаемая к бороне’; *у́тка—ути́ха—у́тица* и др. (например, в названиях по возрастному признаку, по признаку вскармливания детеныша молоком и др.).

Переход к общественному животноводству в колхозах и совхозах дал мощный стимул для радикальных изменений в языке животноводства, как, впрочем, во всем сельскохозяйственном. Дробные и неодинаково осмысляемые по местностям наименования в разных отраслях сельского хозяйства стали фронтально, по всей стране, заменяться на терминологическую лексику и фразеологию. Широкое обсуждение хозяйственно-экономических вопросов деревни на всевозможных совещаниях, в газетах, по радио, телевидению, столь обычное в нашей жизни, окончательно утвердило жизненную необходимость единообразной терминологизованной сельскохозяйственной лексики и фразеологии. Таковы объективные предпосылки для языковых перемен.

Однако в этом процессе всеобщей терминологизации есть и свои «издержки». Заполняясь терминологическими словами и словосочетаниями, сельскохозяйственный язык обращается к газетно-деловым текстам, что активизирует применение штампов и канцелярских оборотов речи. Нередко такими штампами становятся сами эти термины, ибо они вводятся в речь и там, где без них нельзя обойтись, и там, где уместнее сказать обычное, всем понятное слово. Обращая внимание на эти факты, специалисты русского языка да и многие ревнители его справедливо осуждают терминологические излишества. Вот как об этом пишет постоянный читатель журнала Русская речь тов. Переседов П. А. (г. Урюпинск): «В газетах приходится читать не о крольчихах, овцах, козах, свиньях, кобылах (кобылицах), принесших приплод, а о кроликоматках, об овцематках, козоматках, свиноматках, конематках. Дойную корову, кормилицу Буренку, стали величать не иначе как «фуражная корова».

Выделение терминологических единиц различных животноводческих отраслей во многих отношениях соотне-

сено с членением тематических групп лексики, принятом в диалектах. Как бы ни была многообразна в разных языках и диалектах одного языка релевантность признаков, послужившая основой обильных номинаций в группе коров, отчетливо проявляется семантическая типология, которая и послужила основой для собственно терминологических обособлений многих из этих названий. Ср. номенклатуру коров, разработанную в сельскохозяйственной терминосфере: корова высокопродуктивная, корова бодливая, корова дойная, корова комолая, корова-кормилица, корова лактирующая, корова молочная, корова новотельная, корова-первотелка, корова раздоенная, корова-рекордистка, корова стельная, корова сухостойкая, корова тугодойкая, корова фуражная (ВС). В свою очередь каждая группа признаков впоследствии заполняется словами-терминами, которые здесь, как и во всякой иной терминосфере, «придумываются», «творятся по мере осознания их необходимости» [4]. И хотя построение термина в целом искусственно, отбор единиц в терминосистеме зависит от специалиста-терминолога, тем не менее и в этой работе обнаруживаются такие моменты, когда отобранный термин противоречит структурно-языковым свойствам языка. Покажем это на примере животноводческого термина *не́тель*, созданному по принципу стельность/нестельность в ряду *корóва—те́лка—не́тель*. В зоотехническом языке подразделяют: 1) молодая нетелившаяся и нестельная самка крупного рогатого скота — *телка*; 2) телившаяся самка крупного рогатого скота — *корова*; 3) стельная (беременная) телка — *нетель*. Аналогично в терминологиях и других развитых языков: Farst — ‘телка’, Kuh — ‘корова’, Erstligskuh — ‘нетель’ (ВС, т. I, с. 344—345). Все термины данного ряда распределяются по разновидностям русского языка — общенародному (литературному), диалектному и терминологическому. Слово *нетель* заслуживает пристального внимания как со стороны тех определений, которое оно получило в толковых словарях литературного языка в сравнении с терминологической дефиницей, так и в плане выбора данного слова как структурно-словообразовательного комплекса из чис-

[4] *Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии.— Труды МИФЛИ, т. 5, 1939, с. 24.

ла равнозначных по смыслу слов, которые имеются в русских диалектах.

В русском языке слово *нéтель* давнее. В картотеке ДРС оно фиксируется, начиная с середины XVI в. Хотя точность его денотативного содержания вывести из этих контекстов не просто (что имеется в виду в первую очередь: возраст животного, или его стельность, или его вес и габариты, когда употребляется слово *нéтель*), но и там оно выстраивается в ряд соотносимых слов: «*У Кирила Ванюкова восемь коров двѣ нетели три теленка сегодные двѣ лошади да кобыла меленка*» (Якутские акты, 1641).

Широко бытует это слово в говорах, где шире, чем в литературном языке представлено лексическое наполнение данной словообразовательной модели. Ср: *нéтель*, *нéловь*, *нéпашь*, *нéкось*, *нéгарь*, *нéжар*, *нéпаль*, так же, как *нéмочь*, *нéлюдь*, *нéмир*, *нéмут*, *нéжить*, *нéчисть*, *нéручь* и под. О слове *нетель* много писалось в связи с ареалом его распространения [5]; мы же займемся его содержанием и трансформацией этого содержания при выходе слова *нéтель* в другие функционально-стилевые системы русского языка. Диалектные словари, многочисленные материалы картотеки СРНГ, данные исследователей определяют слово *нетель* или по возрастному признаку — ‘двухгодовая корова или телка’ пск., арханг., вост.-казахск., смол., казанск., деул., ‘трехгодовалая самка’ вост.-сиб., ‘корова от двух до трех лет’ — ирк., или по признаку отела — ‘ни разу не телившаяся молодая корова’ (большинство показаний СРНГ) или ‘корова, не отелившаяся в этом году’ (Даль, ТМДК — кадн., свидетельства нашего устного опроса), или по единичным данным — ‘корова, уже переставшая телиться’ (ставр.).

---

[5] *Филин Ф. П.* Исследование о лексике русских народных говоров. М.— Л., 1936, с. 116. *Кустарева М. А.* Говоры села Старо-Похвистнева Похвистневского района Куйбышевской области.—Автореф. канд. дис. Смоленск, 1947. *Виноградова Л. И.* Говоры Кимрского района Калининской области.— Автореф. канд. дис. М., 1953; *Строгова В. П.* Лексика говоров по течению реки Мсты (Бологовский и Удомельский районы Калининской области.— Автореф. канд. дис. М., 1956; *Моисеев Б. А.* Словарный состав говора села Саратовки Соль-Илецкого района Чкаловской области (К вопросу о развитии лексики одного из южнорусских говоров в иодиалектном и иноязычном окружении).— Автореф. канд. дис. М., 1956.

На ареале северновеликорусских говоров *нéтель* или ‘молодая корова от двух до трех лет’, или ‘ни разу не телившаяся молодая корова’. По-видимому, наблюдатели имели в виду одну и ту же категорию животного, когда определяли его через разные смысловые признаки (возраст. отел). Толкование диалектного слова через разные признаки, особенно если оно осуществляется неспециалистами-лексикографами, обычно, ср. в аналогичных по структуре словах: *нéкось* 1) ‘место с нескошенной травой, 2) ‘прошлогодняя некошенная трава’ (Обск.) или *нéпашь* ‘непропаханное место’ или ‘земля, не пригодная для пашни’ (КСРНГ).

Материалы КСРНГ в качестве абсолютного синонима слова *нéтель* отмечают единично слово *подтёлок* и массово — *нетéлка*. На наш взгляд, это последнее слово достойно пристального внимания, особенно, если учесть дальнейшее перемещение *нéтели* в терминосферу животноводства.

Когда слово *нéтель* стало элементом терминологического языка, сказать без специального доследования трудно. Словарь Бурнашова фиксирует его со значением ‘молодая корова, еще не телившаяся’. С этим же значением оно отмечается и в конце XIX в. в Иллюстрированном сельскохозяйственном словаре С. М. Богданова (Киев, 1891 г.) и в Энциклопедическом словаре Ф. Павленкова, изд. 5-ое, Спб, 1912 г. По существу такое же содержание термина *нéтель* и в 1-ом издании БСЭ (1939) ‘нителившаяся телка в возрасте 8—18 месяцев’. С какого-то момента, в наших материалах — это конец 30-х годов, в терминологической дефиниции *нéтели* появляются новые детали. В определении термина вводится указание на такой существенный признак, как обязательное наличие стельности. Этот определяющий компонент дефиниции термина *нетель* нам известен начиная со Словаря-справочника по животноводству (Сельхозгиз. М., 1939). Присутствует он как обязательный и в Энциклопедическом сельскохозяйственном словаре-справочнике (М., 1959) и во 2-м изд. БСЭ (*нéтель* — телка от момента оплодотворения до отела). Становится понятным, почему в отдельных ГОСТах, связанных с животноводством, например «Скот для убоя», дифференциальный признак стельности становится единственным терминологическим определителем: *Нéтель* ‘телка, у которой при визуаль-

ном осмотре или ректальном исследовании обнаружены признаки стельности'.

Соответственно в таком понимании употребляется оно и на страницах газет, журналов, обсуждающих животноводческие вопросы: «*Наблюдательность, творческое отношение к делу заставили молодую доярку задуматься над подготовкой нетелей к отелу и раздою*» (Чучорин, Высокие надои от первотелок.— Сельское хозяйство).

С лингвистической точки зрения термин *нéтель* представляет интерес своей словообразовательной структурой, а именно прозрачной внутренней формой. Прозрачная внутренняя форма своязычного термина обычно считается моментом положительным. Ср. в железнодорожном терминосфере такие составные термины, как *пошерстная* и *противошерстная стрелка*, где внутреннее строение слова отражает содержательное назначение предмета: ж. д. стрелка по ходу, и против хода поезда. В термине же *нéтель*, внутренний мотивировочный признак слова: *не* — отрицание того, что содержит корневая морфема *тель* — вступает в логическое противоречие с основным дифференциальным признаком, выраженным по форме положительно — стельность. Определение это, таким образом, демонстрирует полный разрыв между внутренней негативной формой слова, с позитивной структурой терминологической дефиниции, чего нет, например, в словаре Даля. *Нéтель* здесь и 'молодая, ни разу нетелившаяся корова', и 'яловая корова, нестельная на сей раз'.

Этого разрыва не наблюдается в терминологических определениях других языков: чеш. brezi jalovice 'стельная телка'; польск.: jałówka zacielona 'стельная телка'; англ.: pregnant heifer 'беременная телка' (ВС). Оставшиеся в лексических резервах русских диалектов слова *нетелка—нетёлок* по словообразовательному строению и семантике больше бы подходили для выполнения той терминологической функции, которая закреплена за словом *нéтель*. По сведениям КСРНГ ареал их распространения — олонецкие, ярославские, волховские, новгородские говоры. По-видимому, диалектные слова *нетёлка — нетёлок* были либо вовсе неизвестны в момент построения соответствующих терминосистем терминологам-животноводам, либо по каким-то причинам не привлекли должного внимания. В результате можно констатировать с лингви-

стической точки зрения неудачный выбор термина *нéтель*. Ясная словообразовательная структура слова *нéтель* есть в то же время основа его образности. Известно, что к словам подобного строения особенно восприимчив язык художественной литературы.

В словарях литературного языка, куда оно пришло со страниц художественной литературы, *нéтель* дается без локальных помет, что является показателем широкого применения в литературно-письменных произведениях, а его определение ‘молодая, ни разу не телившаяся корова’ (БАС) не повторяет терминологической дефиниции.

О дистрибутивных различиях слов в отдельно взятой лексической системе диалекта и литературного языка в последние годы пишется много. В лексике предметно-номинативной смысловое разграничение проходит по линии семантических признаков, в лексике непредметной его осуществлять сложнее. При общности семантических признаков одно и то же слово наполняется новыми семантическими оттенками в лексических системах диалекта. Литературный язык как бы интегрирует дробные признаки слова, релевантные в массе диалектных микросистем. Ср.:

БАС	Говор
Бричка ‘легкая дорожная коляска, иногда с откидным верхом’	*Бричка* ‘четырехколесная повозка с дощатым плоским настилом на деревянном ходу, используемая для перевозки людей и грузов (снопов, травы, навоза)’
Одноколка ‘легкий двухколесный экипаж с одной осью’	*Одноколка* ‘четырехколесная повозка на деревянном ходу с боковыми стенками в виде лестниц, предназначенная для перевозки сена, соломы, снопов’
Фургон ‘крытая конная повозка’	*Фургон* ‘длинная повозка на железном ходу, без кузова, в которую впрягалась пара лошадей’ (Максимов, 1972)

Так же, как и в слове *баз*, здесь общее составит только самый главный, ведущий смысловой и денотативный признак ‘повозка’. Лаконизм определений толковых словарей литературного языка (в частности БАС) естествен. Он определен материальной базой — картотечным собранием; оно же составляется преимущественно из произведений художественной литературы. В этих же жанрах литературного языка нет необходимости применять народное слово,

если оно берется в текст произведения, во всех деталях его ареального осмысления, или терминологически точно, если это слово является принадлежностью терминосистемы. «Художественный текст при использовании средств других функциональных стилей берет их лишь в элементах и измененной соответственно своим задачам функции»,— справедливо пишет М. Н. Кожина [6].

Изучение слов, генетически восходящих к диалектам, но вошедших в две другие функциональные разновидности русского языка, содержит две стороны — теоретическую и практическую с выходом последней в лексикографию и культуру речи. Теоретический аспект заставляет исследователя определить характер семантических отношений, возникающих в словах, одинаково звучащих, при распределении их по разным функционально-стилевым сферам русского языка, квалифицировать их с точки зрения семасиологической. Мы называем эти отношения межфункционально-стилевой «омонимией» (по аналогии с терминами «межнаучная терминологическая омонимия» [7] и «межстилевая синонимия» [8]). При использовании термина «омонимия» имелось в виду прежде всего смысловое расхождение в словах-омонимах и как следствие этого — коммуникативную недостаточность, важное обстоятельство в нормативно кодифицированном словоупотреблении. Предлагая такой термин, мы понимаем всю условность и дискуссионность данной квалификации. Можно было бы эти отношения определить как «межфункционально-стилевые соответствия», но слово «соответствие» не имеет в виду лексемы, одинаково звучащие, связанные с одним и тем же внеязыковым денотатом. Межфункционально-стилевая «омонимия» обнаруживается с особой явью при встрече однозвучащих слов-«омонимов» из сферы общенародного языка или говоров с такой подсистемой русского языка, как терминологическая, ибо значащие единицы этой сферы — термины — точны и определенны в своем содержании. В применении к русскому языку можно говорить об «омонимии» общелитературно-диалект-

---

[6] *Кожина М. Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972, с. 350.

[7] *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1967, с. 110.

[8] *Винокур Т. Г.* Синонимия в функционально-стилистическом аспекте.— ВЯ, 1975, № 5, с. 56.

ной, литературно-терминологической, диалектно-терминологической и литературно-диалектно-терминологической. Смысловые различия этих слов - «омонимов» в значительной мере зависят от тех функций, которые определяют данный подъязык.

Не менее сложны и практические вопросы, вытекающие из явления межфункционально-стилевой «омонимии». Многочисленные вопросы и даже запросы, с которыми приходится сталкиваться сотрудникам Сектора культуры речи Института русского языка АН СССР и журналу «Русская речь», наглядно показывают столкновение мнений, так или иначе связанных с терминологическим и нетерминологическим осмыслением однозвучащих, омонимических слов. При этом нередко одно и то же слово расценивается сторонниками разных позиций прямо противоположно. Полярными выглядят при этом и претензии к толковым словарям [9].

Определение межфункционально-стилевых «омонимов» осуществляется в словарях разного типа, с разными принципами лексикографического описания слова. Так как каждое слово - «омоним» входит в свою функционально-стилевую систему, то и при толковании их релевантны неодинаковые признаки смыслового определения. Однако, являющиеся подсистемами одного и того же национального языка, эти функционально-стилевые сферы тесно взаимодействуют друг с другом, создавая иногда очень существенные затруднения. Неразличение возможных сторон (терминологической и нетерминологической) в слове болезненно травмируют языковое чувство говорящего (пишущего), дает повод для апеляций в разного рода инстанции.

В этих случаях роль и ответственность лексикографической работы повышается. Нам кажется, что задача словарей общелитературного языка и терминологических при встрече со словами «омонимами» должна быть направлена на устранение явных несоответствий, алогизмов при сопоставлении одного определения с другим. А это можно при строгом учете всех факторов подобного рода и создании специальной службы, занимающейся взаимной координацией разных видов лексикографической практики.

---

[9] Такова оценка слова *нетель* читателями, см.: *Коготкова Т. С.* Слово в терминологическом и нетерминологическом применении (*баз, нетель*) — Рус. речь, 1975, № 1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Молодая отрасль русистики — синхронная диалектная лексикология, узловые проблемы которой исследуются в настоящей монографии, рождается в синтезе разных научных направлений. Этот проблемный стык продиктован объектом исследования, объектом сложным и внутренне противоречивым — лексикой современных говоров.

Глубокие и необратимые преобразования лексико-семантического состава современных говоров обусловлены не только радикальными изменениями внеязыковой сферы советской деревни, затрагивающими как материально-экономические, так и социально-духовные стороны ее, но и мощным влиянием лексики и фразеологии литературного языка.

Лексикологические исследования, как известно, осуществляются при наличии надежного лексикографического фундамента. Успехи региональной лексикографии, массовое издание областных словарей русского языка в последние десятилетия, объективная ценность которых со временем будет только возрастать, создают эту необходимую базу и для диалектной лексикологии. Лексикографическая интерпретация слов при подготовке областных словарей, постоянное обращение при этом к смысловой и стилевой структуре слова не просто упрочивают данную сторону в изучении лексики, но углубляют, расширяют и делают обязательным приложение собственно семасиологических аспектов в исследованиях словаря говоров. Диалектная лексикология как бы вырастает из недр литературной лексикологии, ибо, осваивая

ее исследовательские приемы и методы, сама обращается к тем же лексико-семантическим проблемам и вопросам разной сложности, которые разрабатываются на материале литературного языка. За короткое время в области изучения диалектной лексики нашли применение такие методы, как дистрибутивный и компонентный анализ с необходимым при этом учете системных отношений в лексике.

Изучение взаимодействия и взаимовлияния лексического состава диалектов и других форм национального языка составляет одну из важнейших задач современной диалектной лексикологии. Семантический анализ этих процессов находит здесь свое широкое и разностороннее приложение.

Собранный и систематизированный в настоящем исследовании лексический материал связан именно с этим, вновь открывающимся направлением в изучении современной диалектной лексики.

Теоретическая концепция книги выражена прежде всего в отборе основных явлений в происходящих процессах лексико-семантической реорганизации современных говоров. Последовательность их поглавного расположения подчеркивает собственно лингвистическую значимость их.

Исходные положения монографии, развитые во Введении, связаны с характеристикой общего состояния современного говора и речевой деятельности носителей его. Необратимое влияние литературного языка на диалекты, начавшееся еще в эпоху капитализма, все интенсивнее и интенсивнее расширяющееся, приводит к распаду архаических языковых структур настолько, что есть все основания квалифицировать их как полудиалектные. Для лексико-семантической картины современного полудиалекта характерен смешанный состав единиц: наряду с традиционными словами в говоре много лексических элементов литературного языка, до конца или частично освоенных там.

Полудиалектной структуре говоров соответствует характер речевой деятельности и изменение языкового сознания современного носителя диалекта. Восприятие городской (литературной) речи в говорах как все-таки чуждой (об этом свидетельствуют постоянные формулы перехода с одного типа речи на другой: «по городскому

так (пример), а у нас так «(пример местного слова), или «по культурному надо так, а мы говорим эдак» и т. п., умение заполнять в необходимых случаях эти формулы конкретными лексемами) подчеркивает различие языковой системы литературного языка и языковой системы диалекта. Расхождения эти в конкретных высказываниях связываются нередко с основным предметом мысли и уже поэтому направлены на реализацию коммуникативной функции языка. Все это позволяет нам при характеристике контактов между носителем литературного языка и носителем диалекта применить термин «диалектно-литературное двуязычие». Смешанный, полудиалектный вид речевой деятельности современных носителей говоров определял соединение разных методик и приемов для создания фактической базы настоящего исследования.

При обращении к первичным источникам (живой диалектной речи) недостаточно было ограничиться лишь фиксацией нужных нам слов в контекстах разной протяженности; под наблюдение брались при этом виды общения (говорят носители говора между собой или с литературно-говорящими партнерами), обязательно принималась во внимание внеязыковая ситуация (или конситуация), порождающая тот или иной текст, учитывались лингвопсихологические моменты, сопровождающие течение речи в целом.

Выборка слов и значений слов из вторичных источников (областных словарей, картотечных собраний, многочисленных публикаций по диалектной лексике) расширила общий словник книги и позволила систематизировать материалы в виде самостоятельных, проблемных картотек — картотеки освоений литературных слов в говоре (ЭК) , слов-новообразований, экспрессивно-эмоциональных средств говора и др.

Несовпадение между литературным и диалектным словоупотреблением подчеркивается неодинаковой дистрибуцией языковых элементов в литературном языке, которая вытекает не только из состава материальных (лексемных) единиц, но и из различий языковой нормы и узуса в говоре и в литературном языке. Существующая всегда в устной форме диалектная речь подчиняет свои системные возможности норме и узусу не столь жестко, как в литературном языке, где норма и узус в приложении к си-

стеме языка лежат в основе всех кодифицирующих предписаний и регламентаций.

Внимание к семантической стороне происходящих изменений в лексике говоров в настоящей монографии начинается с характеристики смысловой структуры диалектного слова вообще. Гибкость смысловой структуры слов диалектов во многом обусловлена устным характером его функционирования, при котором собственно языковое выражение всегда сопровождается паралингвистическими средствами.

Весь состав диалектных слов, если посмотреть на него с точки зрения семантического строения лексем, распределяется между двумя полярными группами. Одну из них составляют слова, первичные элементы смысловой структуры которых так тесно проникают друг в друга, что членение на более крупные смысловые доли (например, значения) затрудняется. Данной группе слов с диффундирующей семантикой противопоставлена иная лексика, смысловая структура которой характеризуется моносемичностью.

Подобное распределение семантики, свойственной словам диалектов, придает особый динамизм диалектной речи в целом, ее приспособляемость к выполнению самых разных ситуаций общения. В то же время эти особенности предрасполагают диалектную лексику к многочисленным «выходам» в другие формы национального языка, подготавливают восприятие и освоение структурно-семантически неоднородных слов, массово поступающих в диалекты из литературного языка.

Семантическая универсальность диалектного слова в соединении с богатством и разнообразием экспрессивно-эмоциональных средств говора обеспечивают реализацию основных языковых функций диалекта и в настоящий период — период активной перестройки его лексико-семантической системы.

Преобразование лексической системы говора идет по разным направлениям. Вместе с новыми реалиями и понятиями осуществляется прямой перенос слов литературного языка в диалекты (*колхоз*, *метр*, *аванс*, *соревнование*, *нормы выработки*, *контроль*, *учет*, *симулировать*, *автобус*, *телевизор*, *пенсия* и под.). Обычно эти слова объединяются в тематические группы: их освоение получило в научной литературе наибольшее освещение. По общему

признанию именно данная группа слов полностью освоена говорами. По-видимому, сроки освоения в этом случае наиболее обозримы и кратковременны.

В то же время, огромное количество слов литературного языка по мере их освоения диалектными лексическими системами переживает длительные и внутренне противоречивые процессы семантической адаптации. Таково естественное следствие столкновения двух автономных лексико-семантических систем — литературного языка и диалекта.

Слова, стабильно объединяемые в лексикосемантические группы в дающей системе (система литературного языка), имеющие там развитие лексические парадигмы и фразеологические связи идут в говор не лексемно-изолированно, а с семантико-сочетаемостными отношениями. В этом случае реакция системы принимающей (лексико-семантической системы диалекта) уже отличается от реакции на вхождение тематически детерминированных слов литературного языка. Здесь возможно расширение дублетно-синонимических рядов (или пар), собственно диалектная контрноминация и т. п. (*таблетка — пилюля — пышечка — конфетка*). Чем прямее связь в системе дающей между означаемым и означающим в слове, как языковом знаке, тем семантически точнее литературное слово осваивается в диалектных лексических системах (слова, обозначающие различные единицы измерения). И, наоборот, чем менее определенна связь между означаемым и означающим у слова в дающей системе, тем больше неточностей и сложностей при семантическом освоении его в системе принимающей (названия, связанные с обозначением психических и интеллектуальных свойств человеческой натуры).

Соприкосновение входящего в говор слова из литературного языка с новыми внеязыковыми условиями нередко дает иное направление метонимическим и метафорическим смещениям данного слова вплоть до образования новых семантических единиц местного распространения (ср. топонимическое осмысление слов *район* и *рик* в будянском диалекте, с. 167—169).

Повышенная восприимчивость говора к внешним влияниям, сопровождающая этап интенсивного диалектно-литературного взаимодействия, а также отсутствие там кодифицированных норм, способствуют междиалектной

миграции слов. Местные слова других говоров (или просторечные) нередко принимаются диалектом за литературные и поэтому заимствуются туда. В целом это ведет к развитию лексической дублетности в лексико-семантической системе говора, как и ко всякой вариантности вообще.

Дальнейшее развитие дублетно-синонимических рядов — пойдет ли оно по пути замены диалектных компонентов ряда их литературными эквивалентами или по пути семантической и стилистической дифференциации синонимизирующихся слов,— оно не может быть не связано со все возрастающим чувством языковой нормы, которое проявляется во всех возрастных и социальных группах современного сельского населения.

Функциональное распределение богатых вариативных дублетно-синонимических средств (на первый взгляд избыточных) сопровождается заметной индивидуализацией речи. Это обособление идиолектов обнаруживается при взгляде на соотношение низкой вариантности в индивидуальной речи носителя говора и высокой в языке целой диалектной общности. Последнее возможно лишь как суммирование идиолектного варьирования.

Семантический анализ лексики, систематизированный в книге, сопоставление лексико-фразеологических единиц по областным словарям разной временной отнесенности и литературного языка дали возможность наблюдать, как на разных ареалах появляются сходные смысловые и номинативные элементы. Эти единицы, возникающие в говорах, нередко смыкаются с подобными образованиями разговорной речи литературного языка, вписываясь в ряды лексических неологизмов русского языка в целом, что и подтверждает многие общие тенденции современного словообразования (суффиксальные образования существительных со значением лица, существительные с суф. *-к*, глаголы на *-ить* и др.).

Номинационные неологизмы нашего времени в говорах, так же, как и вновь созданные семантические диалектизмы, появившиеся в говорах на базе литературной лексики, часто не имеют строгой локальной прикрепленности, спонтанно вспыхивают то там, то здесь, совпадая в своем материальном воплощении «...для новых особенностей, появляющихся в языке современной деревни,— писал Ф. П. Филин,— характерно, что они в своем рас-

пространении не имеют территориального ограничения, т. е. являются „наддиалектными“» [1].

Очаги массовых лексических новаций этого рода, а также широкие миграции традиционных слов диалектов ведут к утрате устойчивой локальной прикрепленности диалектного словаря, а это уже нивелирует диалектную речь в целом. Нивелирующие процессы, таким образом, понимаются здесь не как простая подгонка говоров к нормам литературного языка [2], а как растворение стабильно-традиционных диалектных ареалов лексем и семем.

Стирание междиалектных границ в лексике консолидирует народно-диалектный массив разговорной речи русского языка, противопоставленный нормализованному литературному языку.

Изученные в настоящей монографии разные стороны перестройки диалектных лексико-семантических систем позволяют констатировать стабилизацию такой достаточно устойчивой и гибкой лексико-семантической структуры в говоре, которая длительное время способна выполнять различные коммуникативные задания, связанные с реальной и социальной действительностью наших дней. Эта языковая структура, опорой для которой служит психологический механизм речи, несмотря на обилие в ней лексико-семантических элементов литературного языка, далека от литературно-нормализованного типа речи. Овладение нормами литературного языка в условиях диалектно-литературного контактирования «дается не без трудностей и не без борьбы с ранее приобретенными навыками» [3]. В говорах эти ранее прибретенные навыки пронизывают в с е уровни языка, социально сконцентрированы как нигде плотно, поэтому они особенно устойчивы. Если взглянуть на все происходящее в современных диалектах с культурно-речевой стороны, то обычная конфронтация литературного языка и диалекта не снимается, а только видоизменяется. В связи с этим актуаль-

---

[1] *Филин Ф. П.* Говоры современной деревни и Диалектологический атлас русского языка.— Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка, вып. 6. М.— Л., 1949, с. 8.

[2] *Оссовецкий И. А.* Влияние литературного языка на говоры.— В кн. Русский язык и советское общество (проспект). Алма-Ата, 1962, с. 110.

[3] *Виноградов В. В.* Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры.— ВЯ, 1961, № 4, с. 4.

ные требования к интенсификации культурно-речевой работы среди современного населения деревни, начиная со школьного обучения (о чем постоянно говорят и пишут ведущие языковеды страны) [4] должны быть приняты как непреложное руководство к самому активному действию. Процессы консолидации народно-разговорной речи диалектного типа, а также массовое перемещение сельского населения в города не могут не оказывать влияния и на усиление разговорной стихии в рамках литературного языка. И если иметь в виду, что все изменения языка «....куются и накопляются в кузнице разговорной речи» [5], то анализ фактов этого рода, это по существу исследование динамики словарного состава всего русского языка в целом и изучение движения и видоизменения норм его словоупотребления.

Диалектная лексикология как дисциплина русского языкознания строится, таким образом, не только на лексико-семантических фактах узкого локального закрепления, но и на фактах, относящихся ко всему современному русскому языку. Изучение этого необозримого и разнообразного материала — ее ближайшая и отдаленная перспектива.

---

[4] *Аванесов Р. И.* Вопросы русского литературного произношения.— РЯШ, 1937, № 3; *Головин Б. Н.* О качествах хорошей речи. — РЯШ, 1964, № 2; *Филин Ф. П.* К проблеме социальной обусловленности языка.— ВЯ, 1966, № 4.

[5] *Щерба Л. В.* Современный русский литературный язык.— В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 116.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ
(словари и картотеки)

Александрова — *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка. М., 1968.

БАС — Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. М.—Л., 1950—1965.

Бурнашев — *Бурнашев В.* Опыт терминологического словаря. СПб., 1843.

Васнецов — *Васнецов Н. М.* Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907.

Ворошилова — *Ворошилова Т. С.* Материалы к областному словарю. — Уч. зап. Шуйского гос. пед. ин-та, 1960, вып. 10.

ВС — Восьмиязычный сельскохозяйственный словарь М., 1970, т. 1.

Грандилевский — *Грандилевский А.* Родина М. В. Ломоносова, областной крестьянский говор.— ОРЯС, т. 83, № 5, 1907.

Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1—4, 2-е изд. СПб—М., 1880—1882; 3-е изд. Под ред. И. А. Бодуэна де Куртене, 1903—1909.

Деул.— Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области). М., 1969.

Добровольский — *Добровольский В. Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Доп. Опыт — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.

ДСЛ — *Тимофеев В. П.* Диалектный словарь личности, Шадринск, 1971.

ИОС — Иркутский областной словарь, вып. 1—2. Иркутск, 1973—1974.

КАКС — Картотека Акчимского словаря (Пермский гос. ун-т).

Кардашевский — *Кардашевский С. М.* Курско-орловский словарь. М., 1956—1960.

Куликовский — *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

КЯОС — *Мельниченко Г. Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

Латв.— *Семенова М. Ф.* Материалы для словаря русских говоров Латвийской ССР. Рига, 1974.

Малеча — *Малеча Н. М.* Сборник словарных статей Словаря территориального диалекта уральских казаков. Уральск, 1960.

МАС — Словарь русского языка в 4-х томах. М.—Л., 1957—1965.

Миртов — *Миртов А. В.* Донской словарь. Ростов н/Д., 1929.

Мошева — *Мошева А. А.* Личная картотека по предуральским говорам.

Обск.— Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, т. 1—3, Томск, 1964—1967.

Обск. доп.— Дополнение к Словарю русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби, ч. 1—2. Томск, 1975.
Обск. обр.— Опыт обратного диалектного словаря. Под. ред. М. Н. Янценецкой. Томск, 1973.
Ожегов — Словарь русского языка, составленный С. И. Ожеговым. Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. М. (цифры при сокращении указывают номер издания).
Опыт — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
Иноязычн. слов.— *Палагина В. В.* Словарь некоторых иноязычных слов в говорах средней части бассейна р. Оби.— В кн.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии, вып. 1. Томск, 1966.
Подвысоцкий — *Подвысоцкий А. С.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
ПОС — Псковский областной словарь, вып. 1. Л., 1967; КПОС — картотека этого словаря, вып. 2. Л., 1973; вып. 3. Л., 1976.
Прибалт.— *Немченко В. И., Синица А. И., Мурашкова М. Ф.* Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963.
СБГ — Словарь брянских говоров, вып. 1. Л., 1976.
СГП — *Иванова А. Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
СЗБГ — *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. Минск, 1973.
СКГ — *Кириллова Т. В., Бондарчук Н. С., Куликова В. П., Белова А. А.* Опыт словаря говоров Калининской области. Калинин, 1972.
Солик.— Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Под ред. Е. А. Голушковой. Пермь, 1973.
Солтан С. Г. Картотека лексических и фразеологических новообразований (рукопись).
СРГКр.— Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. Красноярск, 1968.
СРГКуз.— Словарь русских говоров Кузбасса. Новосибирск, 1976.
СРДГ — Словарь русских донских говоров, т. 1—3. Ростов н/Д., 1975—1976.
Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. т I—III. СПб., 1893—1903.
СРНГ — Словарь русских народных говоров, вып. 1—13. М.— Л., 1965—1972. КСРНГ — картотека этого словаря.
ССмГ — Словарь смоленских говоров, вып. 1. А — Б. Смоленск, 1974.
Старцева — *Старцева С. А.* Краткий словник для областного словаря русских говоров Пермской области (Учебно-методическое пособие для студентов-заочников). Пермь, 1962.
СУГ — Словарь русских говоров Среднего Урала, т. 1—2. Свердловск, 1964—1971.
СФС — Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Сост. Бухарева Н. Т., Федоров А. И. Новосибирск 1972.
Ушак.— Толковый словарь русского языка. Под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1—4. М., 1935—1940.
ФС — Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.
Шахмат. слов.— Словарь русского языка Грота Я. К., Шахматова А. А. (выпуски разных лет) (1895—1930).

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. М., 1949.
Баранникова Л. И. Русские народные говоры в советский период. Саратов, 1967.
Блинова О. И. Характер и пути изменения производственной лексики говора с. Вершинина Томской области.— Уч. зап. Томского гос. ун-та им. В. В. Куйбышева, № 39, 1959.
Ботина Л. Г. Из наблюдений над диалектной фразеологией.— В кн: Материалы и исследования по сибирской диалектологии. Красноярск, 1965.
Гецова О. Г. Проект Архангельского областного словаря. М., 1970.
Гольдин В. Е. О языковом выражении тематических связей названий построек и их частей в русских народных говорах.— В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Саратов, 1969.
Горева Л. И. Изменение словарного состава кировских говоров за годы Советской власти.— В кн.: Очерки по русскому языку. Кировский пед. ин-т им. В. И. Ленина, т. 1, 1962.
Граве Л. В. Экспрессивная лексика со значением лица в смоленских говорах.— В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка (Уч. зап. Смоленск. пед. ин-та им. К. Маркса), вып. 22, 1970.
Гринкова Н. П. Из наблюдений над лексикой и фразеологией русских диалектов.— В кн.: Вопросы славянского языкознания. 1. Львов, 1948.
Диброва Е. И. О варьировании фразеологических единиц в говорах верхнего Дона.— В кн.: Вопросы изучения русского языка (Доклады седьмой научно-методической конференции Сев.-Кавказского зонального объединения кафедр русского языка 23—25 июня 1964). Ростов н/Д., 1964.
Зеленин Д. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. Дополнительные и критические замечания о вятской лексике.— ОРЯС, т. 76, № 2, СПб., 1903.
Иванова А. И. Структура «Словаря смоленских говоров».— В кн.: Вопросы теории и методики изучения русского языка. Смоленск, 1970.
Иванова А. Ф. К вопросу об отборе материала для словаря Московской области.— Уч. зап. МОПИ, т. 138, вып. 8, 1963.
Ивашко Л. А. Мжельская О. С. Названия членов человеческого тела по данным псковско-немецкого разговорника 1607 года.— В кн.: Севернорусские говоры, вып. 2. Л., 1975.
Каринский Н. М. Очерки языка русских крестьян. Говор д. Ванилово. М.— Л., 1936.

Качинская С. Р. Лексическая синонимия в южных говорах Горьковской области (на материале говоров Гагинского р-на). Автореф. канд. дис. М., 1972.

Кашевская Ю. И. Оценочные субстантивные и адъективные названия лиц в говоре с. Кабанск Бурятской АССР (Общий очерк и словник). Иркутск, 1971.

Кирпикова Л. В. Использование фактов языковой компетентности носителей говора в лексикологическом исследовании.— Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул, 1972.

Костючук Л. Я. О сочетаемости компонентов в устойчивых словосочетаниях (на материале древнерусского языка и псковских говоров).— В кн.: Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе (Тезисы докладов межвузовской конференции. Северо-западное издательство. Вологодское отделение), 1965.

Костючук Л. Я. О некоторых условиях возникновения устойчивых словосочетаний.— В кн.: Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967.

Лукьянова Н. А. К вопросу о методике анализа семантических отношений слов в диалектной системе.— В кн.: Вопросы языка и литературы, ч. 1, вып. 4. Новосибирск, 1970.

Лукьянова Н. А. К вопросу об источниках диалектной синонимии (на материале современных говоров Новосибирской области).— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии (Доклады III межвузовской конференции 3—7 мая 1971). Новосибирск, 1972.

Майданова Л. М. Роль контекста в образовании наименования реалий.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и словообразования, вып. 3. Новосибирск, 1974.

Максимов Б. Б. Названия колесных повозок в лексике говора поселка Краснинск Верхнеуральского района Челябинской области.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972.

Максимов В. И. Некоторые особенности суффиксального образования названий животных в диалектах (на материале лексики псковских говоров). — В кн.: Лексика русских народных говоров. М.— Л., 1966.

Мельниченко Г. Г. Характеристика словарного состава говора по степени употребительности слов.— Доклады на научных конференциях Ярославского гос. пед. ин-та, т. 1, вып. 2, 1962.

Моисеев Б. А. Словарный состав говора села Саратовки Сольлецкого района Чкаловской области (К вопросу о развитии лексики одного из южнорусских говоров в инодиалектном и иноязычном окружении). Автореф. канд. дис. М., 1956.

Мокиенко В. М. Вариантность литературной фразеологии в диалектной речи. — В кн.: Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975.

Мокиенко В. М. Трансформация литературной лексики в народно-разговорной речи.— В кн.: Язык и общество, вып. 4. Саратов, 1977.

Мохова Р. Е. Словосочетания с приименным родительным в диалектном языке (на материале среднеобских говоров).— В кн.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии, вып. 3. Томск, 1973.

Омельченко Л. И. Источники лексической синонимии и функции синонимов в говорах.— Уч. зап. Иркутского гос. пед. ин-та, вып. 44, 1971.

Орлов Л. Л. Лексика животноводства в современном сельском хозяйстве (Опыт семантико-стилистического исследования на материале современного русского донского говора). Автореф. канд. дис. М., 1976.

Оссовецкий И. А. Народные говоры. Лексика.— В кн. — Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1968.

Палагина В. В. Характер и пути изменения производственного говора с. Вершинина Томской обл.—Уч. зап. Томского гос. ун-та, вып. 39, 1959.

Пахотина Н. К. Опыт исследования фразеологической деривации (на материале ошинских говоров Омской области). Автореф. канд. дис. М., 1973. Приложение к канд. дис.

Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка. М., 1960.

Родионова-Нащокина А. М. Иноязычная лексика в брянских говорах (по материалам картотеки Брянского областного словаря).— В кн.: Брянские говоры, вып. 2 (Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 452. Л., 1971).

Руделев В. Г. Название жилых и хозяйственных построек в некоторых южновеликорусских (рязанских) говорах.— Уч. зап. Рязанского гос. пед. ин-та, т. 21, 1958.

Самотик Л. Г. Лексико-семантическая система русского старожильческого говора Тасеевского района Красноярского края (на материале двух лексико-семантических групп). Автореф. канд. дис. Красноярск, 1974.

Сахарный Л. В. Некоторые особенности функционирования словообразовательных моделей (на материале имен существительных в русских говорах Среднего Урала).— Уч. зап. Пермского гос. ун-та им. А. М. Горького, № 162, 1966.

Селищев А. М. О языке современной деревни.— Труды МИФЛИ. М., 1939, т. 5.

Сенкевич В. А. Исследование лексических и аффиксальных особенностей функционирования русского языка (Материалы для спецкурсов и спецсеминаров по современному русскому языку). Челябинск, 1973.

Симина Г. Я. Литературная лексика в системе диалекта.— Вестн. ЛГУ, 1968, № 20, вып. 4.

Симина Г. Я. Заимствованная лексика в семантической системе диалекта.— В кн.: Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. Пермь, 1972.

Соколова А. Н. Изменение территориального диалекта под влиянием социальных факторов. — Очерки по социолингвистике. Шадринск, 1971.

Суетенко В. Н. Названия частей человеческого тела в брянских говорах. Автореф. канд. дис. Л., 1969.

Тарасенкова Е. Ф. О работе над областным словарем Краснодарского края.— В кн.: Вопросы изучения русского языка (Тезисы пятой зональной конференции). Ростов н/Д., 1962.

Тюрина Р. Я. Некоторые принципы номинации природных объек-

тов.— В кн.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии, вып. 3. Томск, 1973.
Филин Ф. П. Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии. М.— Л., 1936.
Чумакова Ю. П. Текстильная лексика говоров района «Богословщина» Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика). Автореф. канд. дис. Горький, 1966.
Чусова И. Н. Лексика, связанная с обозначением особенностей, склонностей человека и действий, в которых они проявляются (на материале тульских говоров). Автореф. канд. дис. М., 1969.
Шарапова И. М. О методике собирания и путях изучения терминов родства (на материале рязанских говоров).— В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1970. М., 1972.
Шестакова Е. Н. Устойчивые сочетания в говорах Воронежской области. Автореф. канд. дис. Воронеж, 1967.

УКАЗАТЕЛЬ СЛОВ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ[1]

абажур с. 33, 258, 269, 272
абазориться с. 33
абазорник. с 33
абазорный с. 33
абазулиться с. 33
абалырить с. 33
абалырщик с. 33
абзикать с. 169
аблимант (не взять а.) с. 93
абордироваться с. 263
аборт с. 160
абортировать с. 33
абсолютно с. 33
абсолютный с. 150
аванс (*аванц*) с. 160, 241, 299
авария, с. 33, 160, 193
аверьянка (из валерьянка) с. 33
аверьяновка с. 33
аверьяновый с. 33
авиетка с. 132
авиация с. 33
автобус (*автомобус*, *автобуз*, *актобус*, *ахтобус*, *втобус*, *втобысь*, *овтобус*, *томбус*) с. 33, 158, 160, 190, 299
автобусник с. 258
автобусный с. 33
автолавка с. 33
автомат с. 33, 160
автомобилишко с. 33
автомобиль с. 33
автономия с. 127, 150
авторитет (сбить а., быть в а., иметь а.) с. 158, 193
агент с. 160
агитацию разводить с. 153
агитировать с. 160
агрономить с. 256, 273, 274
агрономка с. 241, 255, 257
агрономша с. 257
ад с. 32
адвокат с. 186
азлунеть/азлунить с. 33
азовник с. 33
акванавт с. 255
актив с. 150
активница с. 259
актировать с. 256
аккуратить с. 264
акушерка с. 160
али с. 32
алиментия с. 260
алименты (*лименты*, *элементы*) с. 151, 160, 191, 241
алкоголик с. 160
алкогольство с. 264
алой (из алоэ) с. 253
алый с. 32
ально с. 18
алюминиевый с. 160
алюминий с. 136, 250
амбар с. 32
анатомить/анатомировать с. 276
анатомия с. 136
ангина с. 160
аннулировать с. 160
апатия с. 144

[1] Диалектный вариант литературного слова помещается на своем алфавитном месте, если в тексте не отмечен его литературный эквивалент. Если в тексте представлено литературное слово и его диалектные варианты (ложные диалектизмы), то все они помещаются на основное слово.

Устойчивые словосочетания и фразеологизмы также группируются в одном месте при опорном слове.

аплодисменты с. 193
аппарат с. 160
аппаратчик с. 257, 258
аппетит с. 146, 160
аптека с. 160
аренда с. 149
армия с. 160, 179, 180
артелка с. 260, 268
артель/артиль с. 226
артепина с. 33
аршин с. 154
астрономничать с. 256, 274
ассигновать с. 150
ассигноваться с. 150
атака с. 160
атом с. 185
атомный (а. бомба, а. взрыв, а. энергия) с. 185
атрофироваться с. 151
афиша с. 149
аэроплан с. 160

баба с. 32, 74, 216—219
бабашечка с. 266
бабашка с. 266
бабка с. 32, 74, 216—219
бабушка с. 195, 266
багаж с. 266
багажистый с. 264
баз с. 281, 284, 293
база с. 160
байка с. 204
бакан с. 258
бал с. 148
балаболка с. 226
балабонить с. 81
балагур с. 226
балакать с. 81
балалайка с. 190
баламут с. 226
балахон с. 32, 204
балка с. 32
баллон с. 160
баллотировка с. 160
балльник с. 241, 255, 261, 268
балы распускать, строить с. 148
бандит с. 160
бандчик с. 257
банка с. 49, 160, 225
банкет с. 149
банкетовать с. 149
банки (медицинские) с. 160, 191
банки накинуть, поставить с. 191
банкрот/банкрут с. 92, 93
банкрутина с. 92, 93
банта с. 149
бантик с. 149
бантить с. 149
банточка с. 149
баня с. 32
баран с. 32
баранщик[1] с. 256
баранщик[2] с. 257
бардовоз с. 257, 269, 271
барсук с. 32
басейка с. 105, 116
батон с. 160
батончик с. 160
бахвал с. 226
башмак с. 286
башмаки ‘гусеницы трактора’ с. 258
башня с. 32
баян с. 160, 190
бег с. 32
бегать с. 32
беглый с. 32
бегма бегать с. 89
бегом с. 32
беда с. 23, 27
бедее с. 27
бедить с. 23
бедный с. 32
бедокур с. 23, 25
бедокурка с. 23, 25
бедокурный с. 23, 25
бежать с. 32
(в) бежки бежать 88, 89
без с. 32
безбожный с. 32
безгрешная бактерия с. 150
бездомник с. 78
безживотный с. 78
безмословый с. 78
безмужовая с. 78, 270
безнаучность с. 264
безотложка с. 258, 265
безроговая с. 286
безумный дом. с. 239, 261, 265, 269, 272
безыдойная с. 286
бекеша с. 204
беконный с. 160
белбилетник с. 262
белка с. 98
белокрайка с. 78
белопузик с. 270

белуха с. 246
белянка с. 286
бензинка с. 241, 259, 268, 269
берлинка, с. 259
бесова кило, тьма, хватовщина с. 156
бесовый с. 156
бесплатно с. 160
бессовестную маску (рожу) надеть с. 93
бестолочь с. 226
библиотечка с. 261
библиотечница с. 257, 261
биение сердца с. 263
билет с. 150, 160
билетник с. 262
бельзин/бильзин (из бензин) с. 241
биржа с. 150
бирюк с. 286
бирючок с. 286
биток с. 286
битон с. 286
бить с. 81, 106, 191, 193
бить на «г» с. 264
битюг с. 287
бицикл/бициклет/бициклетка с. 253
бишь с. 226
благостить с. 81
бланк с. 160
блиндажок с. 259
блины с. 260
блуга/блужава с. 286
бобочка/бобушка. с. 263
бодалка/бодуля/бодуха/бодучка с. 286
боле/болей с. 120
болтать с. 226
болтовня с. 226
болтун с. 81
болтунья с. 81
больничный лист с. 160
больница с. 51
больно с. 112
большак с. 75, 119
большой с. 75, 104, 106, 119—121
(на) большой с. 119
большая школа с. 261, 269, 272, 273
большие каникулы с. 261
большинство с. 160
бомбище с. 262
бомбочка с. 259
боров с. 95
боровок с. 95
боровчак с. 286
бородашечка с. 95
бородашка с. 95
бороздник с. 204
борона с. 81
боронка с. 287, 288
боронник с. 287, 288
боронопляс с. 287
боронщик с. 287, 288
борт с. 160
бортовуха с. 258
борьба с. 81
босоножки с. 160, 204
ботвин/ботвина/ботвинь/ботвинья с. 18
браздить с. 81
бракованный с. 262
браковать с. 262
браковец с. 262, 268
бранить с. 81
браниться с. 81
брань с. 81, 83
брать с. 191
брезгливый с. 110
брезговый с. 110, 121
брезенный (из брезентовый) с. 160, 241
брехать с. 81
бреховня с. 81
бригада с. 158, 160
бригадир (б. в армии) с. 160, 262, 269
бригадирить/бригадирничать с. 256, 273, 274
бригадирка/бригадирша с. 160
брилка с. 258
бритка/бриток с. 255, 259
брить с. 256
бричка с. 293
бронхит с. 193
бросать с. 191
(бросать/бросить на *бронь* с. 160, 193, 241, 262, 269
бросовка/брошенка с. 257
бруди с. 210
бруить с. 192
брундить/брунчать с. 81, 95, 192
брэкзотка с. 203

брюква с. 237
брюки с. 160
брюхо с. 74, 216
брякать с. 192
брякнуть с. 81
буденовец/буденовка с. 235, 236, 273
будильник с. 160
будка с. 160
бузгать с. 91
бузгивать с. 91
бузгнуться с. 91
буздак с. 91
буздакнуть/буздакнуться с. 91
буздануть с. 91
буздать с. 81, 85, 91, 106, 225
буздонить с. 91
буздыкнуть с. 91
буздылы с. 91
буздыльники с. 91
буздырить с. 91
буздырнуть с. 91
буздыря с. 91
буздырять/буздыряться с. 91
буздых с. 91
буздякать с. 91
бузить с. 81, 95
бузоваться с. 81
бузовик с. 286
букаха с. 258
буксовать с. 160
бухгалтер с. 241
булка с. 203
бульон с. 192
бульонистый с. 264
бумага (*гумага*) с. 149, 263
бумажка с. 160
бунеть с. 112, 113
бунтация с. 81
бунтовать/бунтоваться с. 81, 150
бурдеть с. 81
буржуев потолок с. 264
бурила с. 257
бусарь с. 83
буски с. 95
бусы с. 95
бутус с. 286
буханка с. 160
бухгалтер с. 160, 191
бушевать/бушеваться с. 81, 95
бушеватый с. 95
бушевня с. 81
быт (зимний, летний, легошний, ночной) с. 25
бытовая с. 258
бычатник с. 257
бычок-баракчак с. 286

вабик с. 287
вавакнуть/вавахнуть с. 95
ваза с. 250
вазелин с. 160
валачобники с. 203
валтузить с. 81, 106
валять с. 85, 86, 88, 112, 113
ванная (комната) с. 160
вар с. 281
варево с. 270
варенье с. 160
варок с. 281
вассилле с. 203
вафля с. 160
вдругорядь с. 226
вдрызг с. 226
ведерница с. 286
вездеход с. 160
векша с. 98
велосипед (*лисопед*) с. 160, 190, 252—254
велосипедик с. 160
вельветка с. 262
вельможа с. 186
веранда с. 160, 225
веретено с. 71
верещага с. 271
верзила с. 226
вермишель с. 225
верста (за *версту*, стоять *верстой*) с. 154, 155
вести с. 193
всю дорогу с. 91, 231
весьденькой с. 78
ветер с. 83
ветинар (из *ветеринар*) с. 160, 241
ветродуй с. 92
ветродуйка с. 80, 92, 225
вечерницы/вечорки с. 203
вещь (серьезная) с. 160
вживаться/вжиться с. 36
взбучка с. 226
взойти/войти (в колхоз) с. 192
взять (квартиру, на список) с. 264
видать с. 111
видимо с. 111

видно с. 111
визилин/визилина с. 241
визир (*визир*) с. 69
виктрола с. 258
вилом виться с. 88, 89
виноторговец с. 136
виночерпий с. 136
винтик с. 160
винтовка с. 160
висель с. 80, 92
виски с. 113
вискма вищать с. 89
висляй с. 92
висюля с. 80, 92
витамин (*автомин*) с. 160, 263
вихор с. 75
вихорка с. 106, 107
вихорный с. 75
владание с. 18
вливание (крови) с. 160
вместо того, чтобы с. 160
вода с. 136
водища с. 83
водка с. 160
водяной черт с. 75
военничать с. 262
военный с. 160, 271
вожатель с. 256
возглавить с. 94
возовитый конь с. 287
война с. 165
волноваться с. 160
воловня с. 282
володка с. 204
волоса с. 83, 113
волынить с. 226
вонь с. 83
во-первых с. 160
вопрос (проблема) с. 160, 192
вор с. 27
ворее с. 27
ворожейка с. 105, 116
воря с. 83
воряй с. 83
восемь классов с. 160
воскресеня (из воскресенье) с. 286
воскресник с. 260, 269
воспитальник с. 141
воспитальница с. 141
воспитание с. 141
воспитательник с. 141
воспитомец с. 141
воспитомка с. 141
воспитывать/воспитать с. 139—142, 147
воспитываться с. 142
вотказную с. 78
вполноги с. 78
врач (конный в., по коровам, скотский в.) с. 160, 263
врачить с. 263, 274
врачиха с. 263
врачишка с. 95
врачская колбаса с. 250
всемирный огород с. 260
вспыльчатый с. 121
вставлять (о зубах) с. 160
вступить с. 192
вторая группа (инвалидности) с. 160
вустины/вусты с. 210
вша с. 83
выборный участок с. 261
выборы с. 158
вывод с. 197
выгор с. 78
выделывать с. 69
выдержка (о характере) с. 160
выйти с. 142
выкладок с. 287
выкулачивать с. 259, 274, 277
(на) выкупку с. 261, 268
выписать / выписывать (документ) с. 160
(на) выплатку с. 261, 268
выползки с. 78, 270
выреха с. 287
выросток с. 287
выходница с. 256
выходной (день) с. 160

газета с. 160, 190, 193
газетина с. 265
газировать с. 256
гамчить с. 81
гаять с. 81
гауптвахта с. 160
гвоздика (приправа) с. 160
где-то с. 170
гейша с. 204
гектар с. 153
гектарка с. 258
герб с. 127
гидронавт с. 255
глаголить с. 81, 95
гладкий с. 45
глазенка с. 271

глазунья с. 271
глотом глотать с. 89
глубина с. 83
глубинка с. 260
глюкоза с. 160
гнать (г.деготь, кино, козу, на росу, под стать, прогон, самогон, свет, смолу, спирт) с. 32, 256
говорить с. 81, 192
говорун с. 261, 269
гоголка с. 95
гоголь с. 95
год (судебный срок) с. 160
голенка с. 210
голенщина с. 265
голица с. 78
голова с. 210
головка с. 204
голод с. 83
голоножки с. 263
голошейка с. 204
голубинка с. 260
голубинщик с. 257
голый банкет с. 149
горбовик с. 263
горбуша с. 210
горе с. 27
горее с. 27
горенка с. 210
горластый с. 45
горлотин с. 263
город с. 168
городить с. 81
городьба с. 221
горшок с. 116
горючее с. 160
государственный с. 160
государство с. 160
грабазнуть с. 81
градус с. 153, 160, 168
градусник с. 153, 160
грамм с. 153, 156
(ни) грамма с. 91, 156, 157, 231
грамматика с. 136
грамоту (не) иметь с. 262
(ни) грана с. 156, 157
граничиться с. 264
гребно/гребней с. 121
гребный с. 110, 121
гребостный с. 110, 121
грести с. 198
грибы (белые, всякие, желтые полубелые) с. 69
грипп (*грып*) с. 190, 241
громадный с 83, 159, 160
грузовуха с. 258
(на) группе (инвалидности) с. 263, 268
групповод с. 257
групповодка с. 257
грэная неделя с. 203
грязнуха с. 246
губа с. 195
губерния с. 168
гунак с. 286
гутарить с. 191

давальческая мука с. 260, 269
давление (крови, кровей) с. 160, 263
давать/дать (бабушку, возможность, вывод, дох, губу, досаду, жигу, жогу, закон, заявление, здравствуй, известие, измену, ладно, лупака, нагоныша, намек, наряд, нотацию, объявку, отвагу—отважку, перегул, песняка, повестку, помочь, предлог, предложение, предупреждение, привет-приветы, приказ, пример, ремонт, слух, скорость, спасибо, тепло, тырчка, угрожение, укол, ума, ход, штраф) с. 49, 143, 159, 194—197, 199—201, 263, 268
двекалески/двухкалеска с. 253, 254
двенашник с. 63
движок с. 176
двухлеток/двухлетошник с. 286, 287
девка с. 74, 216
девчата с. 160
дама с. 219
девятина с. 63
дежа/дежня с. 226
дежурить с. 160
дезинфекция с. 135
действие с. 139
действительно с. 160
делать/сделать (бабушки, вязку, греблю, заплачку, запой, концерт, масло, митинг, молотьбу, на барахло, на блеск, на большой, на мушку, на ять, орехи, пахоту, переговоры, переписку,

повеление, поклон, разврат, репетицию, собрание, стол, торг, укол, условие) с. 104, 192, 197—201
дело (девичье, ночное, осеннее) с. 25
делянка с. 69
демобилизоваться с. 276
деньга с. 83
деньги (большие, эти-энти) с. 233, 264
день песни с. 261
дерганец с. 78
деревня с. 168
дерьмужить с. 95
дерябать с. 95
дерябнуть с. 81
десятилетница с. 262
десятина с. 63
детдомовый с. 261
детский (об одежде) с. 160
детюниха/детятница с. 288
деяти (насилие, неправду, рубежь) с. 199
деб с. 204
дебовая полоса с. 204
джемпер с. 160, 225
диван с. 160, 225
дизентерия с. 160
диктовка с. 263
династия с. 186
динфект (из дефект) с. 135
дипломат с. 127
директор с. 160
директорша с. 261
дирма драть с. 89
дистанция с. 151
дисциплина с. 160, 193
добре с. 112
добросовестный с. 144
доброход с. 287
дождя с. 83
доживать/дожить с. 36
дозвониться с. 160
доильник с. 252
доильница с. 252
доильщик с. 252
доильщица с. 252
дойка 258
дойщица с. 252, 256
доктор (*доктор*ь, *дохтар*ь, *дохтур*,) с. 49, 253, 254, 263 (д. конный, людской) с. 263
докторина/докториха/докторица с. 49, 263
докторка с. 241, 264
докторская бумага с. 263
докторская колбаса с. 250
документ с. 160
долговечная трава с. 192
долдон с. 72
(большую) долю с. 119
дом с. 75, 118, 209, 221
домашность с. 24
доможилка с. 78
домоседка с. 78
домохозяйство с. 264
дополовые белки с. 28
доработать с. 160, 178
дормоза с. 81
дорога с. 280
доска почета с. 158
дососок с. 286
достатки с. 246
дохватки с. 246
дохторяне с. 263
дояр с. 252
доярить с. 256
доярка с. 160, 250, 252
доярник с. 257
драка с. 83
дребезга с. 81
дребезжать с. 81
дровня с. 287
дромозить с. 81
дрочева с. 75
другоженец с. 75, 78
другоня с. 285, 286
дружина с. 262
дружить (о молодежи) с. 160
дубина (о человеке) с 226
дура с. 83, 204
дурак с. 83
дураниха с. 75
дурной барак с. 261, 269
дуроломный с. 80
дуст с. 136, 160, 191
дуть с. 85, 88, 112, 113
духовое дерево с. 68
духи с. 160
духота с. 83
душилка с. 259
дябрик с. 75

единоличник (*одноличник*) с. 160, 161
едмя есть с. 89

езли/ели с. 99
епанча с. 70
ербалызнуть с. 81
есть с. 81
ехать с. 190

жагала с. 254
жакет с. 204
жакра с. 75
жалеть с. 19—21
жалица с. 254
жальки с. 254
жальница с. 254
жалючка с. 254
жара с. 83
жарища с. 83
жаровня с. 116, 214
жатвенница с. 205
жатка с. 205
жеватка с. 78
железная дорога с. 160
железо с. 250
желтяк с. 69
желудок с. 160, 173
жена с. 219
женщина с. 160, 216, 217, 219
жеребушка с. 287
жеребяшенька с. 287
жеребятница с. 287
жереластый/жерелястый с. 45
жерело с. 45
живой с. 25, 36, 104
живот с. 36
животехник (из зоотехник) с. 256, 269
животноводка с. 256
жизнь (белая, светлая) с. 36, 37, 104, 192
жила с. 210
жилец с. 36
жило с. 36
жилой с. 36
житель с. 36
житой с. 36
жить (ж. частно) с. 36, 37, 75, 191 с. 295, 260
житом жить с. 89
житье с. 36
жонка с. 70
жрать с. 81
жуколка с. 286

заавгустить с. 78
забедить с. 23
забирать (на фронт) с. 160
забунеть/забунить с. 81, 82
завалять с. 81
завачкать с. 81
заведующий с. 160
завертяй с. 80
завклубка с. 261, 271
зависть с. 117
завод с. 160, 165
заволожить с. 81
завострить с. 192
завтрак с. 160
заготавливать (сырье) с. 160
заготовка с. 160
заготскот с. 160
заграничник с. 257
загребачка с. 254
загреметь с. 81, 82
загудеть с. 81, 82
зажить с. 360
зайти (з. в колхоз) с. 192, 260
заколхозиться с. 260
закон с. 196
закулачить/закулачивать с. 259, 274, 277
закулачивание с. 260
закуп с. 261
закут/закута/закутка с. 281
зал/зала с. 222, 223, 225
замарать с. 81
(на) заметке с. 160, 193
под) замечанием с. 264
занавеска с. 110
занятие с. 160
заняться с. 160
заострить с. 94, 192
запарщик с. 256
запечка с. 222
запечь с. 222
записаться/записываться на жизню с. 192, 264
запон с. 110
зарабатывть с. 178
заработок с. 160
заразник с. 263
зарплата с. 160, 193
зарод с. 207—209, 214
зародик с. 208
зартачливый с. 287
зарядка с. 147
засентябрить с. 78
заухажерить с. 274
зашеина с. 78
заявление с. 160

заявлять с. 160
заяловелая с. 286
заяристый с. 121
звенеть/звонеть с. 49, 160
звено с. 160
звеновод с. 257
звеноводить с. 256
звонить с. 160, 192
звук с. 280
земля с. 280
зенки с. 210
зимарь с. 287
зимница с. 281
зимовка с. 281
злость с. 117
змея с. 83
знать *все протоколы* с. 264
знать-то с. 110
знахарка с. 105
зоотехник (животехник, завтехник) с. 241, 251, 269
зудеть с. 81
зыбка с. 116
зябки/зябры с. 210

играть с. 190, 192, 193
игрец тебя подыми, разломай и под. с. 75
идти с. 104, 193
иждивение с. 160
изба с. 118, 209, 210, 221
избачев с. 264
изба-читальня с. 158
избачиха с. 261
избенка с. 281
избуробить с. 95
избушечная с. 245
избушка с. 281
издеватель с. 49
издевательница с. 49
изжить с. 36
измазать с. 81
ильнак/ильно/ильнок с. 18
иметь (и. понятие) с. 159, 160, 200
имкой с. 287
имь с. 287
инкубаторский с. 160
инстанция с. 151
интеллигент с. 160
интерес с. 191
интересно с. 159, 160
интересный с. 160
интересоваться с. 160
интернатор с. 261
инфекция с. 135
испанка с. 190
испачкать с. 81
испидер (из экспедитор) с. 257
испидический (от экспедиция) с. 257
исполинский с. 83
исполнять декрет с. 263, 268, 269
испотаченный с. 230

йод с. 160
йокишрский с. 160
(ни) йоты с. 156

кабина с. 160
кабинка с. 160
кадка/кадочка/кадушка/кадце с. 99
калда с. 281
калоши с. 160, 204
кальсоны с. 160, 204
каменка с. 268
каменная квартира с. 259, 269, 272
канава с. 117, 225
каникулы с. 150
капитал с. 160, 226
капитальный с. 226
капризка с. 257
капризничать с. 160, 230
капризный с. 230
каракуля с. 204
карандаш с. 160
карась с. 42
карда с. 281
картофель (*картосы*, *картофий*, *картофия*, *картофка*, *картофь*, *картофья*, *картуфели*, *тартофели* — *тартуфели*) с. 237
карточная система с. 160
картошкокопалка с. 258
картошкосажалка с. 258
кастрак с. 287
кастрюля с. 160
каталка с. 259, 269
катать с. 191
категория с. 165
кателка с. 268
катушка с. 126
качели с. 106
качка с. 116
кашель с. 83

квартира с. 161, 210
квартирант с. 161
квартирщик с. 257
квашня с. 221
квоктуха/квоктушка с. 95
кепка с. 161, 204
керосильница с. 259, 268
кербь/кирбь с. 155
керосинка с. 161
килишко 153, 157
кило с. 153
килограмм с. 153
кинарь с. 255, 261
кинник с. 261, 265
кино с. 161, 165, 191, 193
киновщик с. 262
киномеханик с. 161, 265
киношник с. 262
киношный с. 262
кинщик с. 261
кинщица с. 261
кипнем кипеть с. 89
кипяток с. 161
кирзак с. 265
кирзовый (к. сапоги) с. 161, 204
кичка с. 204
класс с. 161, 165
клеверотерка с. 258
клевотаться с. 81
климатить с. 264
клопа с. 83
клуб с. 49, 129, 158, 161, 165
клубника с. 161
клубщик с. 258, 261
клюжить с. 81
клясть с. 81
клятура с. 287
кляча с. 287
книжечка с. 161
книжка *записная* с. 161
книжка *сберегательная* с. 161
кобедничный убор с. 28
кобыла с. 287
кобылка с. 287
кожа с. 95
кожанка с. 287
кожуринка с. 95
коза с. 95
козичка с. 95
коко с. 271
кокошница с. 271
колбаса с. 161
колбешечка с. 95
колбешка с. 95
колесан с. 258
колесник с. 258
колинка с. 286
коллективец/коллективщик с. 259, 269
коллективные с. 259
колосветиться с. 81
колоссальный с. 83
колотить с. 81
колотырник с. 95
колотырничать с. 81, 95
колхоз (*колгоз*, *кольков*, *холков*, *холхоз*) с. 49, 51, 136, 147, 158, 161, 163—166, 192, 299
колхозить/колхозничать с. 259, 269, 274
колхозник (*колихозник*, *колфозник*) с. 49, 161, 163, 165
колхозный с. 161, 163, 271
колыбай/колыбарь/колыбей/колыбка с. 116
командировка с. 161
комар/комарь с. 137
комбайн с. 205
комбикорм с. 161
комбинация с. 171, 204
комната с. 161, 210, 222, 225
комнатка с. 161
комолая с. 286
компания с. 161
компот с. 161
компресс с. 161
конгресс с. 127
кондовый с. 125
конец с. 69
конечно с. 161
конкретно с. 150
конкретный с. 151
консервировать с. 276
консервы с. 161
консервить с. 276
контроль с. 299
конфета с. 266
конфетина с. 265
конфетка с. 300
концерт с. 193
конь с. 98
конюховка с. 259
конюховская с. 259
конюшенка с. 259
конюшить с. 256, 274
конюшня с. 282
коняженок с. 287
кооперация с. 161

копань с. 78
копач с. 205
копенщик с. 257
копна с. 207, 208
копнильщик/копнильщик с. 257
копнильщица с. 257
копнить с. 209
копновоз с. 257
копновозчик с. 257
копоруля с. 205
кордоилка с. 252
корзина с. 26
коридор (*колидор*) с. 149, 161, 209, 220, 221
кормняк с. 287
кормовоз с. 271
кормовозить с. 256
короб с. 26
коробка с. 225, 259, 269
корова с. 289
коровник с. 282
коровница с. 256
короткий день с. 264
косельщица с. 257
косматый с. 45
кособрылить/кособрылиться с. 80
кособрылый с. 78, 80, 225
косолапить с. 78
косоротить/косоротиться с. 78
косоротый с. 78
косорукий с. 78
косоплекий с. 78
костер с. 155
костить с. 81
костки с. 210
кострика с. 70, 214
костричить/костричиться с. 70, 81
костричный с. 70, 214
кость (в к. лезть, спинная к., по костям) с. 107
костюм с. 204
косырка/косырочка с. 42
котельный с. 80
котух с. 281
котушко с. 281
кофе с. 161
кофейница с. 257
кофта/кофточка с. 204
кохнуть с. 81
кочерыжник с. 286
кочет с. 98
кошара с. 281
кошелка/кошель с. 26
кран с. 161
крапива с. 253, 254
красноармеец с. 161
красноармейская звездочка с. 236
краснобаить с. 81, 92
краснобай с. 92
краснобайка с. 80, 81, 92
краснобилетик с. 262
красный уголок с. 129
крепдешин с. 204
крепдешиновый с. 161
крик с. 83
кричем (кричма) кричать с. 89
кровища с. 83
кровяное давление с. 147
(ни) крохтёнки/(ни) крохтинки с. 156
(ни)крошечки/(ни) крошки с. 156
кругляш с. 71, 73
крупный с. 121
крыльцо с. 221
крымка с. 268
кряж с. 71, 73
кубатура с. 149
кубатурить с. 256
кубик с. 259
кубометр с. 153
кубчик с. 259
кузов (машины) с. 161
кукурузишшэ с. 259
кулаченье/кулачиванне с. 260
кулачить с. 259
кулдышка с. 113
культиватор с. 205
культура (к. земледелия, дом к.) с. 50, 161, 180—184, 194
культуриться с. 261
культурка с. 184
культурник с. 184, 262
культурно с. 161, 181, 182
культурность с. 181, 182, 264
культурный с. 50, 161, 181—183
купальник с. 161, 204
куплет с. 161
курсы держать с. 262
куртеха с. 265
курятница с. 257
кусакать с. 81
кухня с. 161, 209, 222
куча с. 207, 208
кучить с. 207, 208

кушать с. 138
кювет с. 225

лаборантка с. 193
лавровый лист. с. 161
лагерьщик с. 262
ладоши с. 193
лазутчик с. 255
лазушный с. 110
лалакать с. 81
лалаки с. 210
лапа с. 50, 95
лапка с. 95
лапотон с. 271
лаптики с. 262
лапоть с. 204
лаять с. 81
лаяться с. 81
легистрация (из регистрация) с. 165
легкая помощь с. 192
легкие с. 193
легкий с. 25, 104
легковик с. 240, 258
легковичка с. 240, 258
легковуха с. 240, 258
легковушка с. 240
лежебокий с. 95
лежень с. 93
лежли/лезли/лели/лесли с. 99
лейтенант с. 161
лекарка с. 116
лекарство с. 161
лекпункт с. 261
лепёшка с. 266
лепник с. 81
лепница с. 81
лесничество с. 161
лесничий с. 161
лесничиха с. 256
лесоповальщик с. 256
леспромхоз с. 161
лететь с. 161
летний с. 25, 193
летник с. 286
лето с. 193
летовать с. 78
летоходец/летоходка/летоходок с. 286.
летошний с. 25
летошник с. 246, 286
летошница с. 286
летошняга с. 286
летошняк с. 286
летун с. 161
летчик с. 161, 265
леха с. 70
лешить с. 71
лизать с. 71
лизирка (из визирка) с. 241
линия с. 161
лист с. 259, 269
литвина с. 204
литр с. 153, 157, 161
литровка с. 153, 157, 161
лить с. 26
лихостно с. 117
лихостной с. 117
лихоститься с. 117
лихость с. 117
лицо с. 257
лишенец с. 260
лишить с. 260
лишонский с. 260
лоб с. 120
лобан с. 120
лобанина с. 120
лобанка с. 120
лобастый с. 75, 106, 119—121
лобач с. 120
лобащий с. 120
ловички с. 78
лодыжки с. 210
лом с. 80
лоньшага с. 287
лоша с. 287
лошадь с. 98
лошенок с. 287
лощоха с. 286
лунило с. 204
лунинка с. 265
лунить с. 204
луноход с. 248
лущильник с. 205
лысёха с. 285
лядва с. 210
ляпалка с. 75, 81
лярва с. 75

магазин с. 49, 51, 161, 166, 251
магазинка с. 151
магазинщица с. 257
маечка с. 161
мазь с. 161
майка с. 161, 204
макароны с. 161, 225
маленечко/маленько с. 24, 25

малировка (от эмалированный) с. 259
малокровие с. 161
малоумный с. 75
мама с. 74
мамаша с. 246
мамика/мамока/мамастай с. 74
мамка с. 74
мамочка с. 74
манера с. 228
марля с. 161
маска с. 93
маслянка с. 256
мастер с. 186
мастюшка с. 116
материал с. 161
материя с. 161
матрац с. 161
матка с. 193, 287
машина (бортовая, грузовая, зажигательная, легкая, легковая, мягкая, сепаратная, скорая, стиральная, швейная) с. 51, 145, 147, 160, 161, 174, 176, 177, 190, 193, 240, 258
машина-инвалидка с. 258, 268
машинка с. 161
машинныи с. 161
маштак с. 287
маштачок с. 287
медицинка с. 241, 263
медичка с. 263
межедворка с. 80, 92
межеумок с. 92
мера с. 154, 155
мерить на один аршин с. 155
место с. 25
метать с. 24
метр с. 153, 161, 299
метрики с. 149
метрические с. 161
метро с. 161, 190
метровник с. 264
механик с. 161
мизгирь с. 253
мизинок с. 210
милиционер с. 161, 191
милиция с. 161
мимкать с 78
мина с. 161
миндаль с. 161
министр с. 149, 186
митинговать с. 198
младенец/молоденец с. 117
младенечный/молоденечный с. 117
мнение с. 161
многолетние травы с. 192
мода с. 161, 226—228, 230, 231
модена с. 228, 229
моденный с. 228
модеть с. 226, 228, 229
модиться с. 226, 228, 229
модная пенка/модная пенка с кислых щей с. 226, 229, 230
модник с. 226, 228, 229
модница с. 226, 228
модничать с. 226, 228, 229
модный с. 226, 229, 230
модющий с. 228
мозг с. 210
мозготрясение с. 263
моклок с. 210
молодёжь с. 149, 161
молодоі человек (люди) с. 161
молодка с. 287
молокан с. 257, 259, 268
молоканка с. 258, 259, 268
молоканщица с. 257
молокопоек с. 286
молотить с. 198
молочник с. 286, 287
момент с. 161
момнить с. 81
морячка с. 262
москвичка с. 161
московка с. 259, 268
мосляк с. 210
мосол с. 50, 107, 210
мост с. 75, 209
мотоватый с. 96
мотовило с. 78
мотор с. 189, 258
моторка с. 161
моторный с. 189
моторчик с. 161
мотоцикл/мотоциклет с. 161
мотыга с. 253, 254
мох с. 83
мстительность с. 161
МТФ с. 106
мужжевельник/мужжеел/мужжеела/мужжеелка/мужжеельник с. 106
мужик с. 70, 74, 216, 218, 219
(и) мужик, и баба с. 218
мужчина с. 161, 216, 218, 219
музыканщик с. 257

муравлинка с. 18
муравлиное масло с. 18
мутежка/мутка/мученье/мыт с. 18
мутовец/мутовяс/мутояс с. 18
мушка с. 280
мыкать/мыкаться с. 72
мырдель с. 75
мышцы с. 161
мяльница с. 78
мятные лепешки с. 266
мясорубка с. 161
мяч с. 193

набедить с. 23
набирка с. 26
набор с. 161
набуздать с. 85
набуланиться с. 81
набутить с. 96
набычиться с. 93
наверно с. 111, 161
навернуться с. 96
навертеть с. 81, 96
наводить (н. вопросы) с. 200, 264
навой с. 63, 78
нагвоздиться с. 81
нагоном гнать с. 88, 89
надойливая с. 286
надысь с. 216
наесться с. 81
наживить/наживлять с. 36
нажитой с. 36
нажить с. 36
нажор с. 287
назначить с. 161
назудеть с. 81
накатило/накатывает с. 117
накаточный с. 117
накинуть с. 191
нако с. 111
наколбать с. 96
наколка с. 204
накормок с. 287
накостричить/накастрычить с. 96
накошлять с. 96
наливнушка с. 258
налить с. 26
налопотать с. 81
налупиться с. 81
намек с. 196
намулындаться с. 81
намыка с. 70
нанизаться с. 81
напирать с. 244
напор с. 244
напятнать с. 191
нарезать с. 26, 27
наречник с. 257
нарость с. 113
наряд с. 161, 196
настебаться с. 86
настоящий с. 161
настроение с. 161
насчет с. 161
насыпать с. 26
натрескаться с. 81
натура с. 21, 22, 24, 25, 75, 226
натуральный с. 22
нация с. 226, 230, 231
начальник 161
начальница 161
начальничек с. 161
начальство с. 161
набольшой с. 120
невопря с. 287
негарь с. 290
негр с. 161
недодой с. 286
недоедок с. 246
недосыпок с. 246
недодойка с. 286
недоразумительство с. 264
недорослик с. 96
недоростень с. 96
недохватки с. 246
нежар с. 290
нежить с. 290
нежная пленка с кислых щей с. 230
некось с. 290, 294
некультурно с. 149, 182
некультурный с. 182
некультурье с. 264
неловь с. 290
нелюдь с. 290
немедленно с. 161
немир с. 290
немочь с. 290
немут с. 290
ненавиститься с. 117
ненавистной с. 117
ненависть с. 117
ненажорный с. 83
ненаказанный с. 83
ненамерный с. 83

непаль с. 290
непашь с. 290, 294
неполезно с. 264
неприборный с. 83
непривидный с. 83
непритомчивая с. 287
неразволошная с. 81
нерассказанный с. 83
неродимый с. 83
нерв (*невр*) с. 171
нервик с. 174, 263
нервирование с. 172
нервировать/нервироваться с. 172
нервить с. 172
нервиться с. 173, 263
нервически с. 172
нервический с. 172
нервишки с. 172
нервничанье с. 172
нервничать с. 161, 172, 173
нервно с. 172
нервнобольной с. 172
нервность (*нервенность*), с. 172, 174
нервный (*невренный*, *нервенный*) с. 161, 171, 172, 174, 175
нервозно с. 172
нервозность с. 172
нервотрепка с. 171
нервы с. 161, 172—175, 189—191
неручь с. 290
несдержанный с. 161
несказанный с. 83
неслыханный с. 83
несогласованность с. 139
несогласованный с. 139
несосветный с. 83
несудимый с. 83
нетелка с. 291, 292
нетелок с. 292
нетель с. 286, 289—293
неудельный с. 83
неудобствовать с. 264
неугасимый с. 83
неук с. 287
неупокойный с. 83
неусмотренная работа с. 260, 269, 271
нехалявый с. 93
нехватун с. 96
нехолюзный с. 83, 93
нечисть с. 290
нижник с. 70
никакого сравнения с. 159, 162
никель с. 161
нисколько/нисколечко с. 157
ничуть/ничуточки с. 157
ниша с. 149
нишка с. 149
нищебродье с. 80
новность с. 264
нога с. 193, 210
номер с. 161
ноне с. 216
норма выработки с. 289
нос с. 104
носок с. 161
нотный с. 230
ночной с. 25
нуда с. 83
нудить с. 81
(по) нужности с. 19
нутрец с. 287
нынешник с. 246
нырок с. 259, 269, 271

обабиться с. 96
обдирала с. 80
обезьяна/обезьянка с. 161
обещать с. 110
обживать с. 36
обжитой с. 36
обжить/обжиться с. 36
область с. 168
обкладывать (по твердому) с. 260, 269
облигация с. 161
обломиться с. 84
обломный с. 84
обойка с. 258
обои с. 161
оборудовать с. 188
оборудование с. 161, 188
образованный с. 161
обречь/обрекать с. 74
обродный с. 84
обрынуть/обрынуться с. 96
обучение с. 261
общежитие с. 161
объегорить с. 74
обыкновение с. 227
обыкновенный с. 161
обычай с. 227, 228
обязательно с. 158, 161
овершье с. 78, 270
овес с. 237

овощеводка с. 256
овчар с. 256
овчарка с. 256
овчарить с. 256
овчарня с. 282
овшеник с. 281
огняный с. 121
оголка с. 75
оголтуш с. 75
огребной с. 84, 112
огребущий с. 85, 112, 113
огромный с. 83
одеколон с. 161
одеяло с. 161
однова с. 75
одноколка с. 293
однолеток с. 287
одноличница (из единоличница) с. 260
однолично (из единолично) с. 260
одноличный (из единоличный) с. 260
однотравок с. 286
ожальник с. 253
ожидаловка с. 259
океанавт с. 255
оклев с. 281
окрошка с. 161
Октябрьская с. 161
окулачивание с. 260
окулачивать с. 259
окулица с. 75
омшаник с. 281
омшара с. 83
онатось с. 112
опасынковать с. 256
операция с. 161
оплантовать с. 256
опоек с. 286
оселеток с. 287
осенок с. 286
осентуток с. 286
осёныш с. 286
особенно с. 161
(в) особенности с. 161
остожье с. 78
осыпаться с. 84
осыпленный с. 85
осыпной с. 84, 112
осыпущий с. 85, 112, 113
отвага с. 143
отважительный с. 143
отважить с. 143
отважка с. 143
отважный с. 143
отвальная с. 262
ответность с. 18, 264
отдать в *принуд* с. 260
отдых с. 193
относить службу с. 262
отпечатать с. 262
отравление с. 149
отрезать с. 26
оттоманка с. 225
офицер с. 161
охлев с. 281
очень с. 84, 112
очер с. 287

палец с. 104
палочка с. 260, 269, 272
палочница с. 287
пальто с. 161, 204
панева с. 117
папироса с. 161
папироска с. 149
паразит с. 161
парализовать с. 161
паралик (тебя) расшиби, изломай и т. д. с. 75
паралич с. 161, 191
парламент с. 127
парниководка с. 257, 269, 271
партизанить с. 149, 161
партия с. 158
пас с. 155
паскаль с. 137
пасмо с. 155
паспорт с. 161
пассажирка с. 258
паук с. 253, 254
паюшка с. 264
пекариха/пекарка/пекарниха/пекарщица с. 256, 257
пенициллин с. 161
пенсионка с. 261, 267
пенсия (*пензия*, *пеньзия*, *пенса*) (военная п., колхозная п., мужнина п., совхозная п.) с. 132, 133, 161, 241, 261, 267, 269, 271, 272
первогодок с. 287
Первое мая с. 161
первотёлок с. 286
перебуробить с. 95
перевесы с. 258
переводина с. 69

переговаривать/переговариваться с. 198
переговор с. 261, 269
переговорный пункт с. 269
(на) переделку с. 263
передняя с. 210, 222, 225
передойка с. 286
переживать/пережить с. 36
пережитой с. 36
пережиток с. 36
пережитье с. 36
перезимок с. 286, 287
перекомандовать с. 264
переломник с. 259
переписаться с. 149
пересекать (гряды) с. 204
перехватки с. 246
переходница с. 286
период с. 193
перистая с. 286
перст с. 104, 210
песок с. 161
пестрянка с. 286
петух с. 98
печатка с. 249
печенье с. 161
пешеход с. 254
пиво с. 161
пикировать с. 132
пиловочник, с. 259, 268
пиловщик с. 256
пиломатериал с 161
пилорама с. 161
пилотировать с. 132
пилюля с. 225, 300
пионер с. 165
писариха с. 256
письмонос с. 257
питание с. 141
питком пить с. 89
пихтоварка с. 256, 269, 271
план с. 149, 158, 161
платить холостяк с. 261, 269
платье с. 51, 161, 204
плащ с. 161
плесть с. 81
плетенка с. 26, 258
плетень с. 221
плита с. 161
плотоводить с. 256
площадь с. 161
плюшевка/плюшка с. 262
побелка с. 161
повесмо с. 155
повестка с. 195
повитуха с. 116
погребенка с. 233, 263, 268
подать с. 200
подбивачка с. 254
подвал/подвалок с. 63
подвешивать с. 69
подзадорник с. 110
подзорщик с. 255
подкован с. 94
подлазчик с. 255
поднимать шум с. 81
поднишка с. 149
подошва с. 280
подпазуха с. 210
подпалок с. 287
подсвитер с. 259
подсобность с. 264
подсосок с. 286
подсочка с. 69
подтёлок с. 286, 291
подученье с. 262
подъязок с. 42
поезд (скорый п.) с. 161, 162, 177, 190, 193
поенец/поенок с. 286, 287
пожарка с. 161, 259
поживать/пожить с. 36
позвон/позвонок с. 95
позора с. 83
пойти *по* с. 191
поконюшить с. 256
покультурней с. 161
полкило с. 153, 161
полковник с. 186
поллитра с. 153, 161
поллитровка с. 157, 264
положение с. 161
полотенец с. 110
полохало с. 117
полуглавврач с. 263
полумерок с. 204
полустенок с. 155
полуторник с. 287
получка с. 161
полушугай с. 204
пользительность с. 18
помада с. 161
померяльник с. 259
помещение с. 161
помидор с. 161
помидорчик с. 161
помодеть с. 228
понеденя с. 286

понос с. 161
поодиночно с. 259
попасть (п. под класс) с. 193, 260
породнеть с. 120
порок сердца с. 161
портмонет с. 161
портнишка с. 95
порядок (порядка *чего*) с. 170, 193, 227
посадить (за красные окна, под класс), с. 260
последыш с. 287
поспасибствовать с. 274
поставить (п. на инвалидность) с. 191, 260, 263, 269
постановка с. 259
постановление с. 149
посыпать с. 191
потелефониться с. 262, 271
потолок с. 221
потылок с. 68, 71, 73
по-ударному с. 158, 161
похвальная бумага с. 263
похожая с. 287
похоронка с. 233, 263, 268, 278
почва с. 149
почетный с. 145
почки с. 173
почтальон с. 162, 191
почтальонка/почтальончица/почтальонша/почтариха с. 257
почтовик с. 258
почтовка с. 258
поюнок с. 286
правление колхоза с. 162
предложение с. 196
председатель с. 49, 129, 162, 191
председателька/председательница/председательша с. 162, 257
председать с. 256
предупреждение с. 195
премировать с. 162
премировочка с. 261
престарелый дом с. 261
преудовольствие с. 264
приведенные дети с. 218
привет с. 162
привилега с. 264
привычка с. 227, 228, 230
приемочный мотор с. 258
приживать/прижить с. 36
призывник с. 262
приказная бумага с. 263
приличный с. 159, 162
пример с. 195
примерно с. 149
припадок с. 162, 191
приписанье с. 187
приписать/приписывать с. 186
приписаться/приписываться с. 187
приписка с. 186—188
приписной (п. деревня, п. крестьяне) с. 187
приписывание с. 187
припись с. 187
прислушиваться к погоде с. 261
притуга с. 106, 107
прихожая с. 222
прицеп с. 162, 249, 261
пришей-пристебай с. 27
приэкономить/приэкономливать с. 256
провести во власти с. 269
проголосная песня с. 125
продавец с. 162
продмаг с. 162
продовольственные товары с. 250
продукты с. 162
продукция с. 191
проживание с. 36
проживать/прожить с. 36
прожитой с. 36
производство с. 162
(в) проклин проклинать с. 89
прокурор с. 162
промоина с. 117
прописка с. 187
прописывать с. 162
пропускать/пропустить/пропущать (п. пропаганду) с. 190, 256, 264
прорва с. 117
прорыть с. 117
проститутка с. 162
протестовать с. 151
процент с. 154, 191
процентщик с. 260, 269
прошлогод с. 264
прыгалки с. 258
прямушка с. 117
прясло с. 221
психа с. 263
психбольница с. 162, 265

психоватой с. 264
публика с. 162
публиковать с. 162, 190
пуд с. 154, 155
пудовик с. 155
пукалка с. 258, 268
пулемет с. 162
пуловер с. 225
пунька с. 281
пуня с. 281
пурга с. 162
пустобрех с. 92
пустограй с. 92
пустограйка с. 80, 81, 92, 93, 225
пустодом с. 92
пустодомка с. 92
пусть с. 112
пустышка с. 162
путать с. 81
путевка с. 162
путерник/путреник с. 286
пыльный/пыльчатый с. 121
пыля с. 83
пыхалка с. 259, 269, 272
пшеница с. 237
пышечка с. 263, 266, 300
пьянюшка с. 83
пятерка с. 154
пятидесятка с. 259
пятирешка с. 210
пятитка с. 264

работа с. 51, 145, 147, 162, 178
работать с. 51, 145, 147, 162, 173, 177, 179
работник с. 162
работница с. 162, 246
рабочая с. 178
рабочий с. 162, 178
радиатор с. 162
радио с. 158, 162, 192, 193
радиопередача с. 129
разбивать с. 191
разбилизоваться с. 262, 276
развалятый с. 75
разведенка с. 257
разведеный с. 162
разведеныш с. 258
развестись с. 162
разводить с. 264
разгрушпление с. 264
разженяваться с. 244
разжениха /разженя с. 244, 257
разжить/разжиться с. 36
разноска с. 261
разойтись с. 260
(в) разор разорять с. 89
район (*радивон*) с. 151, 158, 162, 166—170, 241, 300
районка с. 261
районный (*лариводный, радивонный*) с. 167, 241
райсобес с. 162
рамочка с. 162
раскидушка с. 259
раскомандировать с. 259, 269
раскомандировка с. 259, 269
раскрестьянить с. 260
раскулачество с. 260, 269
распиловка с. 162
расписаться/расписываться с. 162
раскурехтаться с. 81
расписка с. 264
рассчитывать (колхоз) с. 260, 269
растительный с. 162
растратить с. 162
расходиться с. 162
расширение (сердца) с. 263
рвать с. 191
ребята с. 162
ревизия с. 162
ревматизм с. 162, 193
революция с. 127
ревом (ревмя) реветь с. 89
редиска с. 162
резать с. 27
резина с. 162
резинка с. 162
резиновые (сапоги) с. 162
рейка с. 162
рели с. 106
религиозничать с. 274
ремонт с. 162
ремонтировать с. 162
рентабельный с. 132
решительно с. 159, 162
редра с. 286
республика с. 127
речь переводить с. 81
рик с. 169, 300
робить с. 178
рогач с. 221
родилка с. 261
родиться с. 84
родней с. 120
родный с. 120, 121

рожа с. 93
рожак с. 75
рожь с. 237
рок с. 74
ромашка с. 253, 254
ротонда с. 204
рубать с. 74
ругать с. 81
рука с. 104
руководило с. 257
русский с. 162
рушник с. 110
рында с. 287
рьяный с. 121

саженная палка с. 155
сажень с. 155
самокат с. 253, 254
самокатный с. 253
самолет с. 162
самолетчик с. 257, 262, 265
самолюбник с. 258
самолюбничать с. 264
самолюбщица с. 258
самообладание с. 18
саморезка с. 258
самосвал с. 162
самосознательность с. 264
самостоятельный с. 162
самосудничать с. 264
сантиметр с. 154
сапожок с. 280
сахарница с. 250
сберкнижка с. 162
сбить/сбивать колхоз, коллективизацию с. 260
сбросить (с работы), с. 260, 268, 269
сброска с. 258
[1] свет (высший, последний, средний), с. 264
[2] свет (государственный, колхозный) с. 259, 268, 269, 272
свидетель с. 162
свинарить с. 256
свинарка с. 162
свинарник с. 282
свиноматка с. 162
свитер с. 225
свиятка с. 204
своевольничать с. 264
свояк с. 117
сделать на блеск с. 200
севооборот с. 158
сезон с. 162
секлетариха с. 257
секретарь с. 129
селитра с. 149
село с. 168
сельпо с. 162
сельповник с. 257
сельповский с. 162
сельсовет с. 162
сени с. 209
сеновоз с. 257, 269
сенокосилка с. 205
сенокосник с. 253, 254
сенопункт с. 259
сенцы с. 209
сербеть с. 191
середа с. 209
середеня с. 286
сердце с. 173, 210
серенки с. 268, 271
серьезный с. 159, 162
сетище с. 254
сетник с. 253
сживаться с. 36
сжить (со свету) с. 36
сидетница с. 245, 246
сидеть *кем* (с. на седелах) с. 27, 75, 191, 263
сидьмя сидеть с. 88, 89
сила воли с. 149
силосовать с. 256
сиряда с. 222
ситро с. 162
ситцевый (с. гастроном) с. 250, 251
скаковый конь с. 287
скалка/скало/скально с. 125
скандал с. 162
скандалист с. 162
сквозница с. 286
скирд с. 207—209
скирдовать с. 208
складать букварь с. 261, 269
складывать с. 208
сковорода/сковородка с. 116, 162
сковородник с. 221
сколудина с. 287
скорая помощь с. 162, 192
скотная избушка с. 281
скотный двор с. 162, 282
скотская медицина с. 263
скрипка с. 162, 190
скучить с. 207

слабохарактерный с. 162
слезовая бумага с. 233, 263, 268
слово с. 280
служить *кем* с. 193
случайный магазин с. 261
сминусовать с. 262, 271
снегопадение с. 264
снимать с. 162
сниматься с. 162
снять с. 162
собес с. 162
собирать/собираться с. 198
собрание с. 162
совет с. 147, 149, 158
советский с. 147, 158
совхоз с. 158, 162, 163
совхозник с. 163
совхозный с. 271
согласие с. 139
согласованность с. 139
согласованный с. 139
сойти с работы с. 256
солидный с. 159, 162
солидол с. 162
солярка с. 162
сопленос с. 93
сора с. 83
соревнование с. 299
сосун с. 287
сотка с. 162
софа с. 225
соха с. 205
сошка с. 287
спекулянничество/спекулянство, с. 261
спасибкать с. 274
спектакль с. 193
спекулянтка с. 162
спесивый с. 143
специально с. 158, 159, 162
спина с. 210
спирт с. 162
сплошная с. 260
справить (бумаги) с. 26[illegible]
справка с. 162
сравниловка с. 260
сражаться с. 81
среда с. 222
ссора с. 81
ссориться с. 81
стаж (молодой, скорый) с. 261, 267, 269
становить стойма с. 89
старица с. 287
стародойка с. 286
старый с. 25
стая с. 281
стебать с. 86
стебануть/стебнуть с. 86
стеклянка с. 259
стекляночка литровая с. 259
степистая лошадь с. 287
стиралка с. 258
стипендия (*стипензия*) с. 132
стог с. 207
стоговать с. 209
стойма стоять с. 89
столовая с. 162
стоумовый с. 80
стоять с. 27, 75, 191, 193
странний с. 75
стрелка (пошерстная, противошерстная с. 292
стриган с. 287
стригун с. 287
стрижек с. 287
ступистая с. 287
стучать с. 110, 112, 113
стыкаться с. 81
сугонье с. 204
сукало с. 125
сулить с. 110
сумасшедший дом с. 162, 265
супруга с. 219
сурьез с. 264
суслить с. 113
сутелая с. 286
сутелок с. 286
сутельная с. 286
сфотать с. 256, 261
сходиться (колхозу) с. 260
счастливый путь с. 162
(в) счет с. 162
счетовод с. 162
счетоводить с. 256, 274
счетоводка с. 257, 258
съедмя съесть с. 89
съемка с. 258, 265
съемщик с. 257
сыпать с. 26
сыреха с. 287
сяговитая с. 287

таблетка с. 225, 300
табунщик с. 287
такси с. 162
так сказать с. 159, 162

танк с. 162
танкетка с. 132
тапочки с. 162
тарка с. 259, 268
таскма (таском) тащить с. 89
тахта с. 225
телевизор с. 162, 299
телеграмма с. 162, 191
телефон с. 162, 192
телефонить с. 262
телец с. 286
телка с. 289
тело с. 210
телогрейка с. 162
телок с. 286
телятник с. 282
телятница с. 162, 191
температурник с. 255, 263
терраска с. 162
тетрадка с. 162
тетрадь с. 162
тёлая с. 286
тигр с. 162
тканевый с. 251
товар с. 68, 71, 73, 204
товарищ с. 162
токсатор с. 162
толкать с. 264
тонна с. 154
торговать с. 198
тормами с. 50
тормоза с. 81
тоска с. 83
тотальный с. 132
трава с. 83
тралевать с. 162
транспорт с. 162
трап с. 162
трескать с. 81
третьяга с. 287
третьяк с. 286, 287
третьяковский с. 286
третьячиха/третьячка с. 286
трехгодок с. 287
трехкубовый с. 264
трехлеток с. 287
трос с. 162
трудовой фронт с. 162
трудодень с. 162
трусики с. 162
трусы с. 162
туберкулез с. 162, 190
туберкулезный с. 162
турист с. 162
туристка с. 162
турурушки перебирать с. 81
тюлина с. 265
тюль с. 265
тюхаль/тюхляй с. 75
тягота с. 83

уборная с. 162
уборщица с. 162, 191
убрать (с работы) с. 260, 268, 269
убраться с. 191
уважливый с. 110
угомонить с. 191
ударить с. 81
ударник с. 162
удобрение к пище с. 258
(с) удовольствием с. 162
удойщик с. 252
удойщица с. 252
уезд с. 168
уйти за болото с. 260, 269
укол (ткнуть у.) с. 162, 191, 196, 263, 268
улица с. 168
ум с. 195
умершая с. 233, 263, 268
умывалка с. 116
универмаг с. 250
унитаз с. 250
ураган с. 162
урна с. 25
урок с. 162
успокоить с. 191
утиральник с. 110
утиха/утица/утка с. 288
ухажерка с. 258
ухват с. 221
ухо с. 210
учебная скамейка с. 162
(с) ученой лавочки с. 261, 269
учительша с. 258
учиться с. 193
учреждение с. 162

фамилия с. 149, 162
фанера с. 162
фартук с. 110, 162
фарь с. 287
фасон с. 162
ферма с. 162
фермер с. 257
фершалка с. 241, 255, 263

фершелица с. 263
фестиваль (*сестиваль*) с. 127
фигуряться с. 264
физкультура с. 162, 192
фильм с. 191
финанс с. 241, 249, 261, 269
финансовый работник с. 269
флот с. 162, 193
форма с. 162, 204
форменно с. 150
фотаться с. 261
фотоаппарат с. 265
фотограф (*фотографист*, *потографист*) с. 257, 265
фотокарточка с. 162
фронт с. 162
фундамент с. 162
фунт с. 154, 155
фургон с. 293
футбол с. 192
фуфайка с. 162, 225

халупа с. 118
ханжить с. 15
характер с. 162
характерныі с. 149
хата с. 118, 209, 221
хвастать с. 81
химия с. 185
хлебать с. 192
хлебоуборочная бригада с. 260
хлев/хлех с. 281
хлёбово с. 270
ходить с. 27, 191, 192, 193
ходкая с. 287
хожар с. 258
хожарка с. 258
холод с. 83
холодильник с. 162
холодище с. 83
холостяк с. 268
холст с. 258, 269
холява с. 93
хоромы с. 118
хоронички с. 193
хулиганить с. 162

цапельник с. 221
царизмская война с. 245
целушка с. 271
(в) целях с. 170
центр с. 168
цирк с. 162
цыганить с. 15

частушка с. 162
(большая) часть с. 119
челюсть с. 263
чемодан с. 162
чердак с. 221
черешня с. 162
чернеха с. 285, 286
черпел с. 287
чертаня/черташа с. 246
чесаться с. 191
чехол с. 162
чисто с. 24
чистяк с. 287
читать *по чему* с. 193
чкнуть с. 15
чохом с. 15
чудовищный с. 83
чужеспинник с. 80
чужеумник с. 80
чулан с. 209, 222

шабурник/шабурятник с. 262
шагастая с. 287
шалаться с. 81
шампиньон с. 135
шапка с. 280
шарашкина контора с. 74
шататься с. 81
шахта с. 162
шахтеры с. 150
шашки с. 210
швырок с. 71, 73
шебунять с. 81
шевлюга с. 287
шептунишка/шептуха с. 95
шестиметровка с. 269
шесток с. 221
(на) шею на большую с. 119
шиповник с. 162
ширять с. 85, 225
шифер с. 147
школа с. 49
шлак с. 162
шлык с. 204
шмурыгать с. 81
шоколад с. 162
шофер с. 162
шоферить с. 256, 273
шпана с. 162
шпион с. 255
штакетина с. 162
штапель с. 136, 162, 204
штапельный с. 162
штиблеты с. 162

шторка с. 162
штраф с. 162
штрафиться с. 256
штраховка с. 150
штукатурить с. 162
шурин с. 117

щеподралка с. 68
щеголь с. 272
щиколотки с. 210
щука с. 42

эзли/эли/элива/эсли с. 99
экскаватор с. 162, 176
экспедиция с. 162
электропила с. 162
эмульсия (*омульсия*) с. 150
этаж с. 162

юга-погода с. 83

язать с. 16, 110
язаться с. 16
язь с. 42
яичница с. 271
яйцо с. 271
ялая с. 286
яловка с. 286

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 3

Введение 5

Глава 1

Диалектное слово и некоторые вопросы современной диалектной лексикологии и лексикографии 14

Глава 2

Экспрессивно-стилистическая лексика диалекта 57

Глава 3

Дублетно-синонимические отношения в лексике современного говора 97

Глава 4

Семантическая и стилистическая адаптация лексики литературного языка в современном говоре 123

Глава 5

Лексико-фразеологические новообразования в современной диалектной речи 232

Глава 6

Функционально-семантическое распределение местной лексики в разных подсистемах современного русского языка 279

Заключение 296

Принятые сокращения (словари и картотеки) 304

Литература 306

Указатель слов и фразеологизмов 310

Тамара Сергеевна Коготкова

РУССКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ

(состояние и перспективы)

Утверждено к печати
Институтом русского языка
АН СССР

Редактор издательства
Е. В. Фурманова

Художник
В. А. Кобрин

Художественный редактор
Т. П. Поленова

Технический редактор
И. Н. Жмуркина

Корректоры
Т. М. Ефимова,
Л. И. Кириллова

ИБ № 15084

Сдано в набор 12.07.78.
Подписано к печати 2.01.79.
Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая.
Усл. печ. л. 17,64. Уч.-изд. л. 19,5.
Тираж 2150 экз. Тип. зак. 744.
Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10